

Нандор Фодор

МЕЖ ДВУХ
МИРОВ

*перевод с английского
В.В. Полякова*

*под редакцией
Йога Раманантаты*

Москва
Книгоиздательство «АБВ»
2017

УДК
ББК
Ф

*Настоящая публикация подготовлена к печати Йогом Раманантатой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.*

Ф Фодор, Нандор
Меж двух миров / Нандор Фодор. Перевод с английского В.В. Полякова, под редакцией Його Раманантаты.— М.: Книгоиздательство «АБВ», 2017. — 336 с.
ISBN

Последняя работа знаменитого венгерского парапсихолога Нандора Фодора (1895-1964) по сути является «энциклопедией паранормальных явлений». Книгу отличают обилие интересных, необычайных фактов, щедро снабжённых авторскими объяснениями, хороший язык, живость изложения и мягкий юмор.

«Лавина сногсшибательных фактов, сметающая все устоявшиеся представления и догмы повседневного сознания» — так можно бы в немногих словах охарактеризовать настоящую работу венгерского парапсихолога. Автор, без сомнения, крупнейший популяризатор парапсихологии и её проблем.

Отметим, что большая часть приведённых автором примеров и фактов принадлежит к сфере Спиритизма и служит дополнительной и весьма удачной иллюстрацией к тому, что говорится в других книгах нашей серии (прежде всего, имеем в виду книги Аллана Кардека, Леона Дени, Артура Конан-Дойля и Карла Дюпреля).

16+

УДК
ББК

ISBN

© Перевод с английского: В.В. Поляков, 1997 г.
© Предисловие, комментарии, составление,
переводы с французского, немецкого, английского
и итальянского: Йог Раманантата, 1991-97 гг.
© Оформление. Книгоиздательство «АБВ», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ РУССКОГО ИЗДАТЕЛЯ

«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашей школьной премудрости». Эти слова Шекспира как нельзя более удачны, чтобы служить эпиграфом к предлагаемой книге. Лавина сногшибательных фактов, сметающая все устоявшиеся представления и догмы повседневною сознания, — так мы дерзнули бы в немногих словах охарактеризовать настоящее сочинение венгерского автора.

Чарльз Диккенс в главе VI «Рецептов доктора Мериголда», помнится, пишет:

«Я всегда замечал, что даже у людей весьма умных и образованных редко хватает мужества рассказывать о странных психологических явлениях, имевших место в их жизни. Обычно человек боится, что такой его рассказ не найдёт отклика во внутреннем опыте слушателя и вызовет лишь смех или недоверие. Правдивый путешественник, которому доведётся увидеть чудовище вроде сказочного морского змея, не колеблясь сообщит об этом; но тот же самый путешественник вряд ли легко решится упомянуть о каком-нибудь своём странном предчувствии, необъяснимом порыве, игре воображения, видении (как это называют), пророческом сне или другом подобном же духовном феномене. Именно подобной сдержанности я приписываю то обстоятельство, что эта область окутана для нас таким туманом неопределённости. Мы охотно говорим о фактах окружающего нас внешнего мира, но о своих переживаниях, не поддающихся рациональному объяснению, предпочитаем умалчивать. Вот почему обо всём этом нам известно недопустимо мало».

Сказано веско, но весьма осторожно. Словно продолжая Диккенса, Артур Конан-Дойль, годы спустя, говорит уже гораздо более определённо:

«Не бывает ли иногда так, чтобы умершие возвращались в наш материальный мир с краткосрочным визитом? Даже скептический и рациональный д-р Джонсон держится по данному поводу мнения, что утверждать обратное — значит оспаривать неизменное и постоянное согласие свидетельств всех времён и народов, потому что как самые варварские, так и самые цивилизованные из них сообщали о появлениях умерших и верили в них. Он же добавляет, что сомнение отдельных придира едва ли в состоянии опровергнуть бесспорное для многих, тем более что некоторые из тех, кто отрицают появление призраков на словах, подтверждают его своими страхами на деле».

Мы нимало не сомневаемся, что данная книга будет прочитана нашими читателями с большим интересом. Причина тому очевидна: обилие интересных, необычайных фактов, хороший язык, живость изложения и юмор. Напомним, что автор — один из самых выдающихся парапсихологов нашего столетия, а также крупнейший популяризатор парапсихологии и её проблем.

«Остаётся лишь удивляться, — пишет автор, — тому, сколь безучастной остаётся наука к зияющим в её кафтанах прорехам, и как попрежнему чурается она необъяснимых явлений, сопровождавших человека на протяжении всей истории его развития, — явлений, понимание сути которых само по себе могло бы изменить его роль во Вселенной. Как бы то ни было, факты, на которые в течение столетий указывали представители церкви, учёные-метафизики, восточные мудрецы, игнорировать стало уже невозможно».

Отметим, что бóльшая часть приведённых автором примеров и фактов принадлежит к сфере Спиритизма и служит дополнительной и весьма удачной иллюстрацией к тому, что говорится в других книгах нашей серии (прежде всего, имеем в виду книги Аллана Кардека, Леона Дени и Артура Конан-Дойля). Считаем нелишним подчеркнуть, что мы ни в коей мере не разделяем объяснений, которые автор пытается дать большинству приводимых им по данному поводу случаев. При этом мы предельно старались воздержаться от каких-либо критических замечаний и комментариев (за исключением двух-трёх особо вопиющих казусов) и не препятствовали автору свободно излагать своё мнение, так как считаем полезным, чтобы была выслушана и другая сторона. Полагаем, что читатель, знакомый с основами знаний, которые мы старались ему привить в других наших книгах, в состоянии сам дать объяснения, до которых не смог подняться наш автор.

Таким образом, мы публикуем данную книгу в нашей серии «Благая Весть», разделяя с автором его критическое отношение к человеческому самомнению (выражением коего является снобизм официальной науки), отвергая психоаналитические толкования, которые автор даёт приводимым им фактам, и приглашая читателя самостоятельно подумывать над этими фактами, опираясь на знания, которыми его вооружает Оккультизм.

ॐ पञ्चानन्ता

Москва, 23.10.97.

ВСТУПЛЕНИЕ

Написать вступление к этому сборнику отчётов о своих поистине фантастических приключениях по затемнённым уголкам человеческого разума мне было непросто: широкому читателю свойственно шарахаться от неожиданно-стей и грандиозности неизведанного.

Какое бы знаменитости ни сталкивались так или иначе с миром сверхъестественного и сколькими фактами ни подтверждалось бы существование в нашем сознании потаённых закоулков, таящих возможность вступления в контакт с невероятными, подчас пугающими перспективами бытия, всё равно мы не можем освободиться от страха. Что пугает нас — может быть, осознание того, как мало знаем мы о мире, в котором живём?

Остаётся лишь удивляться тому, сколь безучастной остаётся наука к зияющим в её кафтанах прорехам, и как попрежнему чурается она необъяснимых явлений, сопровождавших человека на протяжении всей истории его развития, — явлений, понимание сути которых само по себе могло бы изменить его роль во Вселенной. Как бы то ни было, факты, на которые в течение столетий указывали представители церкви, учёные-метафизики, восточные мудрецы, игнорировать стало уже невозможно.

«Никогда ещё два призрака — дух умершего и тот дух, что живёт в каждом из нас, — не зывали друг к другу столь страстно...» С течением времени мысль лорда Теннисона не стала менее актуальной!

Новая эпоха породила волну нового мистицизма, в основе которого — не слепая вера, но данные новейших научных открытий. Материализм окончательно отправлен в нокаут. Чего стоят его постулаты, если сама материя, как теперь выясняется, есть нечто эфемерное, почти обман чувств — не более, чем сгусток необычайно мощных энергий? А ведь есть ещё и антивещество, столкновение с которым для нашей материи абсолютно смертельно!

Новые горизонты, открываемые наукой, приводят нас к выводу: разум, жизнь, логос и Дух — единственные константы в нашей зыбкой Вселенной.

Невежество всё ещё сковывает нас в движении. Но наука уже признала своё поражение в битве с неведомым. Точнее, в битву эту вступило новое поколение учёных со свежими взглядами на жизнь: они осознали, что, подобно Алисе, попали в страну Чудес, где нет ровно ничего невозможного.

В каком-то смысле эта книга — итог целой жизни, посвящённой приключениям в мире непознанного. И вряд ли я смогу ответить на вопрос о том, что именно больше всего поразило меня на этом пути. Мне кажется, в том, что касается тайн человеческого разума, не существует критериев для сравнения. В этой книге хватит всего на любой вкус. И в Рай, и в Ад путь открыт каждому — достаточно лишь раскрыть глаза. Движение по любому пути — психологическому и философскому, психоаналитическому или оккультному — имеет полное право на «зелёную улицу».

В этом смысле у меня не было предубеждений и предрассудков. Подобно героине Льюиса Кэрролла я, увидев перед собой океан непознанного, поднял паруса, пустился в плавание и провёл в нём лучшие годы своей жизни.

Сначала в своих изысканиях я руководствовался «компасом» ортодоксальной религии, затем перешёл на позиции спиритуализма, позже сделался «психическим исследователем» и наконец взял на вооружение психоаналитический метод. Цель у меня была одна: найти ответы на вопросы, жаждущие разрешения. Где-то мне улыбнулась удача, где-то...

Парапсихология (так именуют сегодня то, что в иные времена мы называли «психическим исследованием») вымостила лишь самое начало пути. И тут же вдали забрезжили контуры совершенно новой науки. Какой она будет, не мне судить. Я знаю только одно: с её появлением судьба человечества изменится самым коренным образом и одновременно с новыми горизонтами перед нами откроется и прежде неведомый смысл существования.

Может быть, тогда наступит конец всем распрям и грядёт Золотой век, о котором мечтали древние мудрецы?

Нандор Фодор

Нью-Йорк, 1964 год

ЛИНКОЛЬН В МИРЕ ДУХОВ

Ни об одном из американских президентов не писали так много, как об Аврааме Линкольне. Впрочем, если принять во внимание уникальную роль этого человека в истории своей страны, всеобщее внимание к нему не покажется преувеличенным. Линкольна будут помнить всегда, даже когда сотрутся постепенно воспоминания о последователях, — прежде всего, благодаря его исторической прокламации об отмене рабовладения.

Сразу же после избрания Линкольна на первый президентский срок поползли слухи о том, что он будто бы живо интересуется «психизмом». Американский медиум Дж.Б. Конкин узнал Президента среди гостей нескольких своих спиритических сеансов в Нью-Йорке. Вскоре кливлендская газета «Плэйн дилер» использовала утверждения Конкина для того, чтобы обвинить Линкольна в мракобесии и суеверности.

Косвенным подтверждением тому послужило заявление полковника С.П. Кейза. «Четыре воскресенья подряд, — писал он в журнале «Спиричуал сайентист», — медиум Дж.Б. Конкин гостил в президентском особняке. Решение Линкольна выпустить Прокламацию, дарующую свободу рабам как раз и явилось прямым следствием этих бесед».

Судя по всему, в этой более чем странной пропагандистской кампании приняли участие и другие медиумы. Если верить полковнику Кейзу, в их числе были некая миссис Лоури, его собственная дочь мисс Миллер, а также Нетти Колберн, ещё в подростковом возрасте прославившаяся своими «вдохновлёнными свыше» речами. Перед началом одного из сеансов она подошла к Президенту с закрытыми глазами и, не выходя из транса, проговорила с ним в общей сложности около полутора часов. «Гражданская война не закончится, и северяне не смогут отпраздновать долгожданную победу до тех пор, пока вы не издадите прокламацию об освобождении миллионов поработанных граждан вашей несчастной страны», — такова вкратце была основная идея этой продолжительной речи, надиктованной духами.

Во время сеанса, проходившего в доме миссис Лоури, Президент стал свидетелем целого ряда поразительных явлений. Например, фортепиано, за которым сидела медиум, взмыло в воздух, зависло на высоте около десяти сантиметров и оставалось в воздухе, невзирая на все попытки полковника Кейза, судьи Уоттлера и двух солдат из охраны Линкольна прижать его к полу.

В 1891 году Нетти Колберн (в замужестве — миссис Мэйнард) опубликовала книгу о собственных «психических» контактах с Линкольном под названием «Был ли спиритом Авраам Линкольн?»

В эпоху Линкольна спиритуализм переживал свой первый рассвет. Искатели дешёвой славы и лёгких денег ещё не успели использовать это движение в корыстных целях. Интерес к нему был совершенно искренен: лишь много позже пресса преуспела в том, чтобы выработать у широкой общественности стойкое предубеждение к «духоискательству».

Ответ на вынесенный в заголовок этой книги вопрос не может быть однозначным: скорее всего, Линкольн принял основную идею спиритизма (о жиз-

ни индивидуальной души после смерти) и даже предпринял кое-какие шаги в надежде приблизиться к истине, но этого конечно же недостаточно, чтобы объявить первого американского президента поклонником «новой религии».

Нет никаких сомнений в том, что Линкольн обладал незаурядными экстрасенсорными способностями. Есть факты, убедительно свидетельствующие о том, что о приближающейся кончине он был каким-то образом осведомлён заранее. Дж. Фостер в своей биографии Диккенса цитирует письмо последнего, датированное 4 февраля 1868 года. Английский писатель утверждает, что в тот роковой день с Президентом С.Ш.А. произошли очень заметные изменения. Если верить воспоминаниям сенатора Чарльза Самнера, Линкольн заявил: «Джентльмены, грядёт нечто из ряда вон выходящее, и мы узнаем об этом уже очень скоро».

Дело в том, что накануне Президенту приснился пророческий сон. «Я находился в лодке, в самой середине широкой и бурной реки, — рассказывал он, — а потом почувствовал, что тону!»

За шесть недель до гибели Линкольн получил во сне ещё более ясный намёк на приближающуюся трагедию. «Это сновидение овладело мной и не отпускает; оно повсюду — как призрак Банко», — признавался он в те дни друзьям. Итак, что же это был за сон?

«Я находился в Белом доме, — рассказывал Линкольн. — Вокруг стояла мёртвая тишина. Слышались только чьи-то сдавленные всхлипывания. Я встал с постели и спустился вниз. Тихие рыдания не смолкли, но нигде не было видно ни души. Пока я переходил из одного пустынного зала в другой, печальные звуки сопровождали меня. Помещения были залиты ярким светом. Каждый предмет в них был мне знаком. Но куда подевались люди, которых, судя по всему, постигло какое-то страшное горе? Я был изумлён и встревожен. Что всё это могло означать? Преисполнившись решимости узнать, в чём дело, я миновал залы и добрался наконец до Восточной комнаты. Здесь меня ожидал неприятный сюрприз. Прямо передо мной на катафалке возлежал труп, облачённый в погребальные одежды, а вокруг выстроились солдаты военного караула. Тут же стояли гражданские: одни просто глядели на тело (лицо мертвеца было закрыто), другие плакали.

— В Белом доме кто-то умер? — спросил я у одного из солдат.

— Погиб президент, — ответил тот. — Он пал от пули убийцы.

Толпа вновь разразилась рыданиями, и от этого я проснулся. В ту ночь я больше заснуть не смог. С тех пор это видение преследует меня постоянно».

Не исключено, что этот пророческий сон в каком-то смысле явился следствием более раннего видения. Это произошло вечером того дня, когда Линкольна впервые избрали Президентом. Отдыхая в кресле, очень усталый, но в ясном сознании, он случайно взглянул в зеркало и увидел там два отражения собственного лица: одно — юное и цветущее, второе — мертвенно-бледное. Когда то же видение посетило его повторно, Линкольн понял, что после избрания на второй срок с ним случится что-то ужасное.

«Чем бы ни завершилась эта война, я точно знаю, что не доживу до наступления мира», — признался Линкольн писательнице Гарриэт Бичер-Стоу.

Он пал от рук наёмного убийцы в Театре Форда через пять дней после сдачи Аппоматокса. А ещё через несколько дней... привидение покойного Президента поселилось в Белом доме и на страницах «жёлтой прессы» — где раньше, не совсем ясно.

«Многие обитатели Белого дома верят в существование тут привидения Линкольна, — читаем мы в «Джурнал америкэн» от 22 марта 1961 года. — Его видела, в частности, королева Вильгельмина, открывшая дверь призрачному гостю после того, как услышала странный стук. Когда она рассказала об этом Рузвельту, тот не удивился, потому что жена его в ту ночь тоже чувствовала себя очень странно».

Было бы гораздо более удивительно, если бы в Белом доме, каждый уголок которого пропитан памятью об этом великом государственном деятеле, не осталось его призрачного образа. Тем более, что яркость и жизненность последнего, как давно замечено, напрямую зависит от силы воображения тех, кому призрак является. Что ж, отсутствием такового преемники Авраама Линкольна, очевидно, никогда не страдали.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДИККЕНС

14 июля 1870 года в Поэтическом уголке Вестминстерского аббатства был похоронён Чарльз Диккенс. В завещании писатель запретил воздвигать себе какие бы то ни было монументы. «Я надеюсь остаться в памяти народа благодаря своим художественным произведениям», — написал он. Нечасто художник чувствует столь непоколебимую уверенность в благосклонном отношении к нему потомков!

Романы Диккенса столь популярны, что заголовок наш может показаться кому-то странным: кажется, о Диккенсе известно уже всё. Но есть в его жизни тёмная сторона, о которой биографы предпочитают упоминать лишь самыми туманными намёками.

Начнём издалека: известно, что Диккенс-редактор просто не мог устоять перед рассказом о привидении. В издававшемся им журнале «Круглый год» всегда находилось место чему-то загадочному и сверхъестественному. Так вот, в жизни Диккенс далеко не всегда мог с точностью определить, где кончаются фантазии и начинается реальность.

Была у Диккенса одна любопытная привычка: в летнее время он старался встать пораньше и ещё до завтрака выполнить всю работу, намеченную на день. Однажды в такой рассветный час писатель вдруг увидел в комнате своего отца.

«Я знал, что отец находится в добром здравии, — писал он об этом накануне Рождества 1858 года в своём же журнале. — И тем не менее... Он сидел на стуле, спиной к кровати, опустив голову на руку, и трудно было понять, дремота ли одолела его, или печаль. От неожиданности я сел, затем перегнулся всем телом вперёд и взглянул на отца в упор. Он не сдвинулся с места. Я попытался заговорить с ним, но не услышал в ответ ни слова.

Не на шутку обеспокоившись, я протянул руку, чтобы положить её отцу на плечо... и ухватил пустоту. По этим причинам, а также по некоторым другим, суть которых трудно изложить здесь кратко и достаточно ясно, я считаю, что утро для меня — время свидания с призраками».

Итак, Диккенсу привиделся живой человек, с которым в ту минуту не происходило ровно ничего страшного, — другими словами, он испытал автогипнотическую галлюцинацию, переместившую подсознательную картинку в реальность. Повидимому, образ отца, порождённый разумом в момент пробуждения, не растворился внутри, а вышел наружу, превратившись в видение. Характерно, что Диккенсу «показалось, будто отец его то ли дремлет, то ли грустит: в действительности, «грустило» подсознание писателя, определённо испытывавшего по отношению к отцу чувство вины.

Есть и другие любопытные свидетельства о приключениях Диккенса в «сумеречной зоне» собственного подсознания; их можно обнаружить в архивах журнала «Фортнайтли ревью», редактором которого был Джордж Генри Льюис, преданный друг писательницы Джордж Эллиот (Диккенс, между прочим, был первым, кто угадал, что за этим мужским псевдонимом скрывается женщина, Мариан Эванс).

Льюис упоминает, в частности, признание Диккенса о том, что каждое слово, прежде чем перейти на бумагу, сначала им отчётливо слышится. А Джеку Филдсу Диккенс жаловался на собственных персонажей: работая над «Лавкой древностей», он не мог спокойно ни есть, ни спать — они преследовали его повсюду! Где бы ни находился писатель, у локтя его непременно вертелась маленькая Нелл: она требовала к себе постоянного внимания, взывала к сочувствию и ужасно ревновала, когда автор отвлекался от неё на разговор с кем-то из посторонних.

Во время работы над «Мартином Чеззлвиттом» Диккенсу особенно докучала миссис Гамп: своими шуточками она постоянно вызывала у него приступы дикого хохота. Происходило это в самых неподходящих местах, например, в церкви, так что писателю приходилось отбиваться от собственной героини чуть ли не силой. Диккенс не раз предупреждал миссис Гамп: если она не научится вести себя прилично и не будет являться только по вызову, он вообще не уделит ей больше ни строчки! Пожалуй, лишь творческий характер этих галлюцинаторных приключений удерживает нас от упоминания о шизофрении в качестве вероятного диагноза.

Несомненно, Диккенс обладал сверхвозбудимым разумом: он был подвержен паранормальным влияниям самого разного толка. Обратимся хотя бы к некоторым его путевым заметкам.

«Может быть, меня убили тут в предыдущей жизни? — пишет он о первых впечатлениях от итальянского города Феррара. — Откуда ещё об этой местности у меня могли бы взяться столь яркие воспоминания? Кровь стынет в жилах, когда я распознаю одну за другой всё новые знакомые детали. Воспоминания о местах, где я никогда не бывал, вспыхнули у меня с такой силой, что теперь вряд ли я смогу о них позабыть».

Прекрасный пример «*déjà vu*» — ощущения «уже виденного», когда человек узнаёт местность, где никогда не бывал.

Говоря о диккенсовских привычках, стоит упомянуть ещё, что он обожал многолюдные улицы, где можно было бы легко раствориться в толпе.

«Очень меня расстраивает отсутствие улиц поблизости, — писал он из Лозанны. — А ведь именно сейчас, когда так много предстоит сделать, мне и необходимо! Днём как-то можно ещё без них обойтись, но вечером я просто не в состоянии освободиться от своих призраков, пока не потеряюсь от них в толпе».

Похоже, Диккенс так концентрировался на собственных персонажах, что те превращались в реальных фантомов, от которых ему приходилось затем отбиваться физически.

Незадолго до смерти Диккенс рассказал о себе ещё одну необычную историю. Накануне одного из своих знаменитых вашингтонских чтений он увидел во сне комнату, где все были одеты в красное. Случайно наткнувшись на женщину, стоявшую к нему спиной, он извинился, после чего услышал вдруг: «Меня зовут Нэйпер».

Лицо её было ему незнакомо, да и людей с такой фамилией Диккенс не знал. На следующий день перед выходом на сцену к нему подошла знакомая женщина и представила подругу, мечтавшую познакомиться со знаменитым писателем. «Вы, конечно, мисс Нэйпер?» — шутливо осведомился Диккенс. «Да, — удивилась женщина (одетая, кстати, в красный плащ), — как вы догадались?»

Феномен предчувствия скорого будущего парапсихологам прекрасно знаком: чаще всего такое случается в минуту пробуждения от сна. Иногда бывает так: вы видите, что навстречу вам направляется друг, которого вы не видели много лет. Вы готовитесь заключить его в объятия и вдруг понимаете, что произошла нелепая ошибка: человек этот совсем не похож на вашего друга! А в следующую секунду действительно появляется тот, кого вы ждали.

Наверное, не обязательно быть мистиком или ясновидящим, чтобы испытать всё, о чём мы здесь рассказали. С другой стороны, любой великий художник в каком-то смысле является ясновидящим: он видит мир иначе, чем мы, и в ушах его звучит подчас то, что простому смертному услышать не дано.

Думаю, читатель останется слегка разочарован, если мы не упомянем в заключение о главной загадке Диккенса: оставшемся незаконченным романе «Тайна Эдвина Друда» и его спиритическом «продолжении». Позволю себе процитировать фрагмент статьи из собственной «Энциклопедии психической науки»:

«Публикация романа «Тайна Эдвина Друда» прекратилась одновременно с кончиной писателя 8 июля 1870 года. Вскоре Т.П. Джеймс, малообразованный механик из Браттлборо, штат Вермонт, стал получать «автоматические» послания, в которых покойный автор постепенно надиктовал ему продолжение своего произведения.*

---

* «Эдвин Друд» — роман Ч.Диккенса, который он не успел завершить при жизни, — обстоятельство, как рассказывают очевидцы, сильно омрачившее его последние минуты. Однако, ему удалось сделать это впоследствии, причём не раз, и этот роман стал самой настоящей литературной проблемой. Первоначально он был завершён медиумом Джеймсом, человеком совершенно необразованным (чтобы не сказать неграмотным) — об этом факте рассказывает, например, Карл Дюпрель в своей книге «Открытие души

В период между Рождеством 1872 года и июлем 1873-го Джеймс полностью записал окончание романа: новые главы оказались длиннее прежних, но удивительным образом продолжали все нити сюжета и основные мысли автора, с сохранением особенностей языка и орфографии.

В 1874 году обе части вышли в свет под общим заголовком: «Тайна Эдвина Друда. Законченный вариант» (Браттлборо, Вермонт). Спириты всего мира поспешили объявить книгу убедительнейшим доказательством того факта, что душа умершего не только продолжает индивидуальную жизнь после смерти физического тела, но и обладает способностью вступать в интеллектуальный контакт с живыми людьми.

Профессор Флурнуа в книге «Спиритизм и психология» попытался доказать, что дух Диккенса не имеет отношения к «потустороннему» тексту, списав всё на счёт «латентной инкубации» материала, заранее усвоенного памятью медиума.

Как известно, Дж. Фостер, автор книги «Жизнь Чарлза Диккенса», обнаружил в архивах покойного писателя неопубликованный отрывок, явно предназначенный для включения в одну из последних глав «Эдвина Друда». Профессору Флурнуа показалось невероятным, что автор, помнивший написанное при жизни так хорошо, что не позволял более чем трём персонажам появиться в каждой очередной «потусторонней» главе, смог позабыть о фрагменте, заготовленном заранее.

Он счёл, что «дух» Диккенса (если это был действительно он) хоть как-то намянул бы в своей посмертной работе на существование этого отрывка.

В предисловии к продолжению «Эдвина Друда» Т.П. Джеймс открыто признаёт, что читал многие произведения Диккенса, в том числе и его последний роман. «Значит, у медиума было два с половиной года, чтобы усвоить прочитанную часть романа, и ещё полгода на то, чтобы «автоматически» дополнить написанное, — заключает Флурнуа. — Согласимся же, что всё это несколько ослабляет эффект «чуда», которым нас пытаются удивить».

Я тут могу сказать лишь одно: тот факт, что во второй части романа, полученной медиумом после смерти автора, нет заранее заготовленной главы, ровно ничего не значит. И живых-то авторов вдохновение подчас уносит далеко от намеченных планов. Стоит ли ждать особой последовательности от умерших?

ТАЙНЫ ВАЦЛАВА НИЖИНСКОГО

Вацлав Нижинский, возможно, величайший гений балета всех времён, имел более чем сомнительное счастье скончаться дважды. Для мира искусства Нижинский умер после поступления в психиатрическую клинику, где в странных, но по-своему счастливых грёзах ему суждено было провести без малого двадцать лет.

потайными науками». Между прочим, этот вариант концовки романа был переведён на русский язык Е.П.Блаватской. О других вариантах окончания романа, которые были записаны значительно позднее другими медиумами, сообщает уже Конан-Дойль. (*И.Р.*)

Второй раз, в апреле 1950 года, он умер понастоящему, в ясном сознании, но очень несчастным. Нижинского так долго считали умершим, что известие о его реальной кончине явилось потрясением для тех, кто видел на сцене этого великого мастера и бережно, как редкую жемчужину, хранил в себе воспоминание о шедеврах его утончённейшего искусства.

За все эти годы написано о Нижинском было немало: тем более удивительным представляется тот факт, что многие тайны его жизни и творчества так и остались неразгаданными. И попрежнему нам почти ничего не известно о мистическом аспекте этого выдающегося таланта.

В своей книге «Театральная улица» Тамара Карсавина вспоминает о том, как, наблюдая за репетициями в одном из залов Императорского театрального училища Варшавы, она обратила внимание на странного мальчика, который с противоестественной лёгкостью взмывал намного выше своих товарищей. Поражённая балерина подошла к преподавателю, Николаю Легату, и спросила, как зовут необычного ученика. «Нижинский, — ответил тот. — Этот чертёнок никогда не попадает в такт: опускаться не успевает!»

Разумеется, способность некоторых танцоров дольше обычного зависать в воздухе замечалась и прежде. «Он так и остался бы парить в вышине, если бы не опасался унизить тем самым других учеников», — писал о своём знаменитом сыне Огастесе Вестрис-отец. «Она могла бы пройти по воздуху над кукурузным полем, не смыв ни стебелька», — говорили о великой Марии Тальони. Так же и Нижинский — если оставить в стороне восторженный тон — определённо обладал совершенно объективной способностью подниматься вверх на очень большую высоту и некоторое время почти неподвижно застыть в высшей точке своего полёта. Вопрос, интересующий нас в первую очередь, можно сформулировать так: что такое есть этот дар — рудиментарная форма левитации (феномена, известного каждому, кто более или менее интересуется парапсихологией) или всего лишь иллюзия?

Обратимся к свидетельству Сайрела У.Бомона. «Нижинский обладал фантастическим даром полёта, позволявшим ему приземляться и подсакивать вновь с живостью теннисного мячика, — пишет он в своих воспоминаниях. — Тот невероятный прыжок, которым он — эльф в «The Spectre de la Rose» — влетал на сцену из розового сада через эркер и опускался подле юной девушки, спавшей в кресле, навсегда останется в памяти очевидцев. Вспышка розоватого света — и вот он уже описывает грациозные параболы: совсем как кузнечик, перелетающий с одной травинки на другую. Ни напряжения на лице, ни каких-либо признаков волнения, ни даже обычных глухих ударов стопы об пол: он действительно превращался в невесомый лепесток розы, подхваченный ночным ветерком и летающий в открытое окно.

В «Сильфидах» он покидал сцену ещё более необычным прыжком. Самым поразительным тут было отсутствие даже намёка на физическое усилие атлета: казалось, танцор просто решил полетать — он внезапно взмывал в воздух и исчезал за кулисами».

Бомонт вспоминает, что, «даже поднимая Павлову одной рукой, Нижинский почти отрывался от пола: казалось, ещё мгновение — и он воспарит к потолку».

Сама Павлова, признаёт автор, той же способностью к парению не обладала. А значит, вопрос об «иллюзии» можно считать закрытым. Ясно и другое: талант «зависания», похоже, может быть выработан в ходе специальных тренировок. Впрочем, послушаем Дягилева, он предлагает нам свой ключик к разгадке:

«Уверен, что со времён Вестриса мир не видывал столь энергичного танцора. Этот молодой человек легко выпрыгивает на три фута. По мощи стальных сухожилий и упругости мышц, которыми одарила его природа, Нижинского можно сравнить разве что с огромной кошкой. Настоящий лев балетного мира, он способен двумя прыжками пересечь сцену по диагонали».

Но всё это пока что касается лишь высоты подъёма. О гораздо более загадочной способности — противоестественно долго оставаться в воздухе и опускаться намного медленнее, чем позволяло бы делать это закон всемирного тяготения — большинство авторов предпочитают не распространяться. Вот что пишет, однако, в своих воспоминаниях Николай Легат:

«Резким напряжением мышц бёдер уже в воздухе он легко увеличивал высоту даже средних прыжков. Перед полётом он делал очень короткий вдох, в воздухе задерживал дыхание и резко выдыхал в момент приземления». Опросив специалистов, я выяснил, что этому методу следуют многие. Обнаружилась и другая любопытная деталь: туловище во время полета — при максимальном напряжении мышц ног — должно быть совершенно расслабленным. Мощностью лёгких, как мне объяснили, не имеет ко всему этому ни малейшего отношения: всё дело в контроле над мышцами, в том числе и мышцами дыхательного аппарата.

Контроль над дыханием играет очень важную роль в мистических ритуалах индусов. Считается, что такого рода упражнениями можно довести вес тела чуть ли не до нуля. Судя по всему, некоторым танцорам, даже не посвящённым в тонкости эзотерических наук, удаётся приобрести необходимые навыки бессознательно. Сами они объяснить происходящего с ними не могут. Я долго беседовал на эту тему со вдовой Нижинского, Ромолой, чьей дружбой очень дорожу. Сама в прошлом прекрасная балерина, она знает о своём муже всё, что только можно знать. Вот что она мне рассказала:

«Я часто спрашивала Вацлава, как удаётся ему подолгу оставаться в полёте. Он же никак не мог понять, почему это меня удивляет: подпрыгиваю, дескать, задерживаю дыхание — и лечу! При этом он утверждал, что чувствует в воздухе как бы постороннюю физическую поддержку. Она-то и позволяла ему регулировать скорость спуска: да, это так — он по своему усмотрению мог опускаться медленнее или быстрее.

Конечно, мышцы бёдер у него были феноменальные, да и объём лёгких тоже — во всяком случае, в товарищеских «матчах» он с лёгкостью побивал Карузо и Эриха Шмедеса. Но дело не в этом. Танец для Нижинского был религией. Он верил, что сценическое искусство — его миссия и что дар свой он получил свыше, дабы посредством танца внести в мир новые идеи.

Перед выступлением никому не позволялось входить к нему в раздевалку. Никому не разрешалось говорить с ним после того, как он оттуда выходил. Нижинский не отвечал на вопросы. Даже с близкими людьми он вёл себя так, будто всех видит впервые в жизни.

Однажды я в неописуемом восторге воскликнула: «Как жаль, что ты не можешь видеть себя со стороны!» Он удивился и ответил совершенно серьёзно: «Но я как раз и вижу себя со стороны! Я отделяюсь от тела и наблюдаю за собой. Я руковожу своим танцем извне».

Меня очень заинтересовало это откровение. Похоже, речь тут идёт о состоянии, близком к трансовому. Налицо странная личностная диссоциация: не она ли, кстати, явилась причиной последовавшего затем психического коллапса? Более того, Нижинский, как выясняется, упражнялся и в «психических» играх.

«В Сен-Морице у нас была гувернантка, которая много времени провела в Индии, — вспоминает Ромола. — Эта женщина рассказала нам о хатха-йоге, и муж всем этим очень заинтересовался. Он проштудировал огромное количество соответствующей литературы и вступил в переписку на эту тему с Метерлинком.

Однажды в годовщину смерти моего отца он попытался поэкспериментировать с планшеткой. Под его пальцами она тут же активно побежала от буквы к букве и от имени духов ответила на многие наши вопросы. Так мы узнали, например, что война закончится 29 июня 1919 года, что Венгрия станет «королевством без короля» и что премьер Тиша будет убит.

Мы отнеслись к этому не слишком серьёзно, но развлечения ради продолжали свои опыты. Кто-то посоветовал мужу попрактиковаться в автоматическом письме — знаете, когда рука с карандашом пишет бессознательно. Его успех превзошёл все ожидания.

Специально для меня Вацлав поставил спектакль, предложив, подобно йогу, «отделиться от тела», выйти из физической оболочки и «всей душой раствориться в танце». Мне это удалось — во всяком случае, я танцевала в состоянии глубокого транса на протяжении нескольких часов.

Придя в сознание, очнувшись от поздравлений, я почувствовала себя очень сконфуженной, потому что ничего не помнила: мне казалось, что все надо мной смеются. Мы продолжали экспериментировать ещё несколько месяцев, но потом выяснилось, что «мистический» танец иссушает душу, отбирает огромное количество жизненной силы.

Что касается последовавшего затем психического расстройства, то не думаю, что оккультные упражнения могли стать тому причиной. Просто по наследству ему достался разум, нарушить деликатное равновесие которого было очень легко. Его постоянно требовалось защищать, оберегать от любых потрясений.

Начало войны застало нас в Венгрии. Если б вы знали, скольких усилий стоило мне уберечь его от интернирования. Именно это время сыграло роковую роль в развитии его болезни. Муж справился бы с недугом, если бы не жестокость людей, его окружавших. Они не понимали его, считали безумцем и в конце концов донесли на него властям. Когда за Нижинским явились военные, он испытал от ареста столь сильное потрясение, что на какое-то время действительно лишился рассудка».

И всё же разгадку легендарных «полётов» Нижинского следует, повидимому, искать у индусов. В числе практикуемых ими упражнений есть и такие, посредством которых человек может индуцировать в себе нечто, способное, судя по всему, противодействовать силе всемирного тяготения. Говорят, в том, кому удаётся

разбудить чакру Анахата — вместилище праны, расположенное в области сердца, — просыпается способность в буквальном смысле слова «ходить по воздуху».

Именно этим и занимаются в свободное время последователи тибетского учения lung-gom-ra, прославившиеся способностью совершать очень длинные пешие переходы в фантастически короткие сроки. Француженка Александра Дэвид-Нил, известный специалист в области антропологии, утверждает, что собственными глазами видела на Севере Тибета такую «группу туристов». «Человек не бежал, а безо всяких усилий отрывался от земли, передвигаясь вперёд прыжками, — пишет она. — Казалось, тело его приобрело упругость лёгкого мячика: оно стремительно отскакивало от земли в тот самый момент, когда нога его касалась поверхности. Гигантские шаги свои он отмеривал с монотонностью маятника».

Говорят, для того, чтобы стать lung-gom-ra, необходимо три года и три месяца в полной темноте и строжайшей изоляции проделывать какие-то дикие упражнения. После этой весьма суровой подготовки тело человека становится необыкновенно лёгким, он почти теряет вес: местные жители утверждают, что lung-gom-ra может сесть на стебелёк ячменя, не согнув его под собой, или стать на кучу зерна, не потревожив ни зёрнышка. Может быть, Мария Тальони и её последователи прошли тренировку на Тибете?

Впрочем, шутки в сторону: психическое состояние танцующего Нижинского и странная деятельность lung-gom-ra — явления явно родственные. Дэвид-Нил утверждает, что во время своих загадочных путешествий тибетские ходоки пребывают в состоянии глубокого транса. Каждый из них занимается мысленно своеобразным песнопением, монотонно проговаривая мистическую формулу-заклинание, с которой процесс вдоха-выдоха входит в своеобразный ритм. Шаги lung-gom-ra синхронизированы — как с дыханием, так и с беззвучно произносимой мантрой.

Ходок не в силах ни говорить, ни оглядываться по сторонам. Он фиксирует взгляд на каком-то отдалённом объекте — чаще всего, звезде, — и ничто больше не способно завладеть его вниманием.

Очевидцы утверждают, что по прошествии некоторого времени ноги lung-gom-ra перестают касаться земли, и он начинает с невероятной скоростью плыть по воздуху. Говорят, некоторые из них даже обвязываются цепями — в противном случае, они могут взлететь и не вернуться! Что ж, таким мастерам восточного «балета» позавидовал бы и Нижинский!

Тот факт, что дыхательные процессы каким-то загадочным образом связаны с весом тела, нашёл себе убедительное доказательство в необычайных экспериментах покойного доктора Хиворда Каррингтона.

Суть опыта такова. Четверо испытуемых поднимают в воздух пятого, сидящего на стуле, причём действуют всего лишь пальцами. Вначале все они резко и одновременно наклоняются вперёд, делая ряд вдохов и выдохов. В унисон с ними вдыхает и выдыхает сидящий на стуле.

На счёт «пять» все участники задерживают дыхание. Четверо быстро поддевают пальцами пятого под руки и колени и тот оказывается в воздухе. Человек, сидящий на стуле, судя по всему, резко теряет в весе!

Каррингтон провёл эксперимент, расположив испытуемых на обширной чаше механических весов.

«При первом подъёме, — пишет он, — стрелка упала к отметке 660 фунтов, в то время как замеренный заранее общий вес участников составил 712 фунтов. 52 фунта, таким образом, «испарились» бесследно! При второй попытке потери составили 52 фунта, при третьей, четвертой и пятой — по 60. Любопытно, что если испытуемый находился в воздухе достаточно долго, стрелка весов начинала медленно подниматься и в конце концов достигала цифры 712».

Каррингтон, представивший подробный отчёт о своём открытии в книге «История психической науки», не сумел самостоятельно объяснить происходящее. О том, пытался ли кто-либо продолжить его эксперименты, мне ничего не известно.

Ясно одно: вновь мы имеем дело с феноменом, к тайне Нижинского имеющим самое непосредственное отношение.

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ДОКТОРА КАРЛА ГУСТАВА ЮНГА

К расследованию обстоятельств неизвестных сторон жизни доктора Карла Густава Юнга я приступил после неожиданной для себя первой и в высшей степени драматической встречи с Зигмундом Фрейдом в Лондоне в 1931 году (см. «Фрейд и полтергейст», т.4, 1955-56 гг.).

Причины, заставившие Фрейда заинтересоваться моей рукописью (опубликованной впоследствии под заголовком «По следам полтергейста», Нью-Йорк, 1958г.) стали ясны лишь после выхода в 1957 году третьего тома книги Эрнста Джонса «Жизнь и работа Зигмунда Фрейда». Здесь в главе, посвящённой оккультизму, Джонс вкратце упоминает об инциденте 25 марта 1909 года, когда Юнг во время своего первого визита к Фрейду «продемонстрировал способность искусственно вызывать полтергейст, заставляя предметы с грохотом передвигаться по поверхности мебели».

Джонс заподозрил, что между этой первой встречей (описывая которую он применил, разумеется, неверный термин) и письменными комментариями Фрейда к моей рукописи существует какая-то связь — потому и перепечатал мою работу в собственном переводе. Однако в письме Юнгу Фрейд об этой демонстрации упоминает лишь вкратце; кстати, письмо это было отправлено не сразу, как утверждает Джонс, а три недели спустя — очевидно, Фрейду потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя от потрясения.

Лишь после выхода в марте 1963 года посмертных записок Юнга «Воспоминания, приключения и размышления» («Пантеон букс», Нью-Йорк) и отчасти благодаря предварявшей публикацию статье в «Atlantic Magazine» (ноябрь 1962 г.) широкая общественность впервые узнала об исторической встрече родоначальников современной психиатрии.

Чтобы понять, как удалась Юнгу эта демонстрация «колдовской силы», придётся вспомнить о некоторых наследственных особенностях великого психиатра, обратившись к свидетельству его секретарши Анджелы Йоффе («C.G.Jung und die Grenzgebiete der Psychologie», Мюнхен, 1960г.). Последователей Юнга должен был крайне неприятно поразить тот факт, что его дед и бабушка постоянно наблюдали появление призраков, а мать даже вела дневник происшествий, куда исправно вносила всё, касавшееся собственных видений и предчувствий. От родителей Юнгу передался и талант телекинеза — способность передвигать предметы на расстоянии, не вступая с ними в физический контакт. В том, что он обладает паранормальными способностями, у самого Юнга не возникало ни малейших сомнений. Однажды дома у них произошёл любопытный случай: в кухонном столе с оглушительным треском разлетелся на четыре куска кухонный нож, что, судя по всему, имело отношение к участию незадолго до этого его матери в спиритическом сеансе. Юнг сфотографировал обломки металла и отправил снимок доктору Райну в Дьюкский университет («Границы разума», д-р Райн, 1947г.).

Не исключено, что некоторые наследственные способности, действительно близкие к «колдовским», Юнг бессознательно использовал по меньшей мере в двух случаях общения с Фрейдом: я имею в виду их встречи 1909 и 1912 годов. Венский психиатр дважды падал в обморок, а затем обвинил Юнга в том, что тот пользуется «смертельным взглядом», не объяснив, правда, что это за «глаз» такой, от которого жертва немедленно лишается чувств. Юнг отверг обвинения, но вскоре засомневался и сам — особенно после того, как однажды во сне увидел Фрейда постаревшим, немощным, более того, очень похожим на привидение.

После разрыва с Фрейдом у Юнга возникло нечто вроде «комплекса Иуды», проявившегося уже на страницах «Психологии бессознательного». Рождественской ночью 1912 года он, ни много ни мало, убил Фрейда во сне. Разумеется, «жертва» взяла там себе временный псевдоним и превратилась в вагнеровского героя «Зигфрида» (отца композитора, между прочим, звали Зигмунд). Не успело сновидение завершиться, а подсознание Юнга уже принялось грозить «хозяину» всевозможными карами. По пробуждении таинственный голос предрёк ему гибель в случае, если смысл сна не будет разгадан. Юнг, в ящике письменного стола которого всегда находился заряженный револьвер, не на шутку перепугался. И тут явилось озарение: ну конечно же, Зигфрид символизирует «второе я» — безжалостного тирана, рвущегося к власти, от которого необходимо избавиться. Странно, что Юнгу так и не пришлось в голову более простое решение: «Зигфрид» — это ведь почти аббревиатура: Зиг-фрейд. От идей, навязанных последним он и пытался в те дни бессознательно избавиться.

Не желая становиться «наследным крон-принцем» Фрейда (а именно эту роль уготовил ему создатель психоанализа), Юнг жаждал полного единовластия в собственном научном цехе. Очень скоро ощущение великого предназначения воплотилось в видении: образом голубя к нему спустился сам Святой Дух.

Потом Юнг узрел Илию, но сопровождала его вместо Моисея слепая Саломея с большой чёрной змеей. В следующем сне (а может быть, видении — грань эта к тому времени стала постепенно стираться) перед Юнгом по небу пролетел

Филимон с бычьими рогами (намёк на сказание о боге Митре) и яркими крыльями, расцвеченными под зимородка. Название птицы (*англ.*: «kingfisher»), повидимому, имело какое-то отношение к идее о «ловце» душ человеческих.

Вскоре Филимон (в греческой мифологии – слуга богов) стал общаться с Юнгом в качестве духа-посредника. Расхаживая по дорожкам сада, Юнг подолгу беседовал с ним, подобно Кромвелю (которого консультировал некто, называвший себя «Дьяволом») и Сократу (его «советника» звали Даймон). Впрочем, к этому времени Юнг уже прекрасно понимал, что находится на грани серьёзного нервного расстройства. По собственному признанию учёного, только работа и любовь к семье спасли его от полного помешательства. Такой была цена, которую Юнгу пришлось заплатить за пять-шесть лет умопомрачительной активизации подсознания. Откровения, полученные свыше, стали для него источником вдохновения, не иссякавшим по меньшей мере сорок пять лет.

Чувство вины по отношению к Фрейду – лишь незначительная деталь психоневротической драмы Карла Густава Юнга. Наиболее важным фактором была тут наследственность. В своей классической докторской диссертации 1899 года (опубликованной в книге «Психология и патология так называемого паранормального феномена») Юнг основывался большей частью на наблюдениях за юной девушкой-медиумом, которая не раз в ходе своих спиритических сеансов вызвала дух его деда. Юнг сохранил в тайне тот факт, что 16-летняя «С.В.» была его кузиной; появления покойных родственников на её сеансах и подтолкнули психиатра впоследствии к изучению собственной генеалогии, что переросло в настоящую манию.

Дед Юнга (как впоследствии и отец) был протестантским священником; над проповедями своими он мог работать лишь в том случае, если его дочь (мать Карла Густава) находилась рядом и отгоняла назойливых духов. При этом он же занимал пост Великого Мастера масонской ложи и являлся, как будто бы, незаконнорождённым сыном Гёте (слух этот имеет лишь самые косвенные подтверждения: увлечение Гёте и Фаустом не оставляло Юнга всю жизнь).

«Гёте описал суть конфликтов, которыми наполнена моя жизнь, – писал Юнг. – Фауст и Мефистофель слились во мне воедино». К этому признанию уместно добавить фантастическую деталь: Юнг вообразил, будто бы живёт одновременно в двух слоях времени: свою маниакальную увлечённость культурой XVIII века он объяснял тем, что именно там пребывает «настоящий Юнг». Образ последнего в виде седовласого старца постоянно находился у него перед глазами.

Визит Святого Духа и общение с Филимоном имели для Юнга самые необыкновенные последствия. Под влиянием собственных сновидений он оказался во власти очень странных представлений о том, что все мёртвые живы, требуют себе знаний о жизни, но черпать их способны только из сознания ныне живущих. С этих пор Юнг возомнил, будто бы его обязанность состоит в том, чтобы обучать мёртвых. Следуя указаниям Филимона, он создал «*Septem Sermones Ad Mortuos*» – «Семь проповедей для мертвецов», – чему предшествовали поистине апокалиптические события, разразившиеся в его доме. После одного из сновидений психиатр «потерял свою душу», обретя взамен сомнительное

удовольствие то и дело лицедрезать каких-то призраков. Затем в комнатах дома поселился полтергейст. Наконец сюда толпами повалили «духи мёртвых» и хором стали требовать себе «знаний».

Сыну Юнга тем временем приснился рыбак с дымящейся трубой вместо головы. Наутро Юнг нашёл в саду мёртвого зимородка, вспомнил, как переливались крылья Филимона в ночь его первого визита, и решил что гибель птицы знаменует не что иное, как конец «ловца человеческих душ». Узрев Святого Духа (и истолковав его как «явление образа Божьего, воображению недоступного»), Юнг засел за свои «Семь проповедей» и писал их не отрываясь в течение трёх дней. По окончании работы Филимон выразил полнейшее удовлетворение, а «духи мёртвых» немедленно покинули дом.

О матери Юнг писал так: «Днём это была любящая, нежная женщина. После наступления темноты с ней начинали происходить странные изменения. Подобно тем ясновидящим, которые напоминают каких-то диковинных зверей, она пускалась бродить этаким суровой, безжалостной жрицей, и дом в такие минуты казался нам клеткой с прутьями».

К тому времени Юнг и сам уже идеально отвечал такому описанию. Вряд ли стоит удивляться, что как только кузен ввёл учёного* в круг спиритов, он тут же принялся экспериментировать с двумя известными медиумами своего времени, Руди Шнайдером и Оскаром Шагом, чьи способности в свою очередь очень заинтересовали легендарного германского парапсихолога барона Шренка-Нотцинга.

Далее. Любопытный факт упоминает в своей книге «Спок» доктор Фанни Мозер. Оказывается, в трёхлетнем возрасте Юнг увидел сон, повлиявший на всю его жизнь. Это была фантазия о рождении с явно выраженными элементами фаллического культа. А ведь главной претензией Юнга к Фрейдю было то, что основатель психоанализа, будто бы, «обожествовал секс»; удивительно, но всю свою жизнь в глубине души Юнг явно поклонялся тому же богу! Мифологические откровения виделись ему даже в появлении летающих тарелок (не раз посещавших *психиа́тра*, представьте себе, во сне!**). А однажды Юнг

---

* Мы считаем титул «учёного» неприложимым к д-ру Карлу Юнгу (как, впрочем, и ко многим другим): учёный, исследователь, не властный повелевать своим сознанием, не есть учёный, а подопытный кролик, над которым экспериментирует кто-то другой. Это тем более справедливо, если человек подвизается в так наз. «психической» области. Поэтому медиум никогда не может быть компетентным судьёй в проблемах спиритизма. А между тем, именно медиумы, или экстрасенсы, постоянно объявляют себя авторитетами оккультизма, и невежественная толпа им верит.

В силу данного обстоятельства все экспликативные и мировоззренческие концепции медиумов оказываются фрагментарными, обусловленными и, в конечном счёте, ошибочными, тогда как независимые, т.е. не обременённые медиумическими способностями умы, обладающие также высокой степенью культуры, как то было в случае Аллана Кардека, Леона Дени или Артура Конан-Дойля, демонстрируют необычайную широту взгляда, которой по силам сделать самые удивительные обобщения и сформировать самые дерзновенные и всё-таки логически безупречные мировоззренческие концепции. (И.Р.)

** Курсив наш. Упорно называть психиатром человека, страдающего сложным комплексом психических расстройств, на наш взгляд, по меньшей мере странно. (И.Р.)

рассказал о том, как после перенесённого инфаркта дух его был вынужден ненадолго покинуть тело и оказался в Pardos Rimmonium — кабаллическом Гранатовом Саду, — где стал свидетелем бракосочетания Тиферет и Мальшута — двух символизирующих женское и мужское начала божественных сфер, через которые Господь выходит к нам в мир. Затем Юнг «превратился» в раввина Симона Бен-Джоаи и отпраздновал на небесах собственную женитьбу. За этим мистическим ритуалом последовало видение агнца Иерусалимского, после чего Юнг посетил праздник Иерогамуса, где отец богов Зевс и Мать Гера сочетались браком, почти следуя описаниям гомеровской «Илиады». Всё это поразительным образом доказывает тот факт, что после конфликта с Фрейдом вся сексуальная жизнь Юнга протекала исключительно в видениях мифологического толка.

Биографические источники ничего не рассказывают нам о романтической стороне жизни великого психиатра, о том, как познакомился он с будущей женой или об отношениях с детьми. Немного известно нам и о юношеских любовных похождениях Юнга, хотя одно тут бесспорно: его отношения с противоположным полом были изначально омрачены крайней степенью разочарованности. Разгадка проста, но неожиданна: оказывается, он был влюблён в свою младшую кузину — ту самую девушку, что выступала в качестве медиума на спиритических сеансах. В конце концов её уличили в мошенничестве, и потрясённый Юнг ни забыть, ни простить этого обмана уже не смог. О глубине его чувств к С.В. можно догадаться по сновидению, в котором перед Юнгом предстала покойная жена.

«Она явилась мне в расцвете сил, — писал психиатр, — в платье, которое сшила для неё много лет назад моя кузина, спиритический медиум. Более красивой вещи жене, наверное, не приходилось носить при жизни. Выражение лица её нельзя было назвать радостным или опечаленным. Оно светилось мудростью и пониманием. Лицо это не выражало земных чувств; они более не имели над ней власти».

Одну неоспоримую истину Юнг, впрочем, так и не смог признать: на протяжении всей своей супружеской жизни он воспринимал жену как воплощение образа юной кузины. Смысл сновидения состоял в том, что, последовав в мир иной, несчастная женщина обрела умиротворение: больше её не беспокоил тот факт, что для мужа она — всего лишь символ утраченной любви.

С.В., которая отчасти и несёт ответственность за безумные фантазии Карла Густава Юнга о прошлом и настоящем, умерла в возрасте двадцати шести лет. От этого, второго удара оправиться он так уже и не смог.

КТО ОН, ИСТИННЫЙ ФРЭНСИС ГРИСОН?

Деятели литературы в большинстве своём столь многословны в своих мемуарах, что для какой-нибудь жизненной тайны сами себе не оставляют места. Но есть исключения, и одно из них — Фрэнсис Грирсон (настоящее имя — Бенджамин Генри Фрэнсис Грирсон Шепард, 1848-1927), писатель шотландских

и ирландских корней, который в возрасте года вместе с родителями переехал в С.Ш.А., где позже был объявлен одним из гениев американской литературы.

В книге «Современный мистицизм и кельтский темперамент» (по которой, между прочим, изучают англоязычную литературу в японских университетах) Метерлинк признался в том, что «не встречал прежде автора столь изысканного и одновременно глубокого».

Имя его прославила «Долина теней», история Гражданской войны, поражающая лёгкостью и изяществом языка. Г. Уэллс, Дж.Б. Шоу и Х. Беллок (так же, как и он, сотрудничавшие с журналом «New Age») считали Гривсона гением современной литературы.

Позже он потерял литературный мир книгой «Война: иллюзии и реальность», затем с совершенно неожиданной стороны взглянул на личность великого американского освободителя в исследовании под названием «Авраам Линкольн: мистик-практик».

С раннего детства Гривсон вращался среди знаменитостей. В 13 лет он получил должность адъютанта при генерале Джоне С. Фремонте. Задолго до обретения литературной славы он стал фаворитом всех королевских дворов Европы: мало кто в современной истории может похвастаться завоеваниями подобного рода.

Что же касается самой загадочной стороны жизни Фрэнсиса Гривсона, то... литературный словарь Вебстера минует её с предельным изяществом. «Он также дал серию фортепианных концертов во многих европейских столицах», — читаем мы. Недоговорка века, если не сказать большего!

Сборник «Писатели XX века» на этот счёт чуть более информативен: «Имея за плечами всего два класса музыкального образования, Шепард вдруг обнаружил в себе необычайный талант пианиста. В 21 год, едва собрав деньги на дорогу, он отправился в Париж, где практически за ночь стал сенсацией музыкального сезона».

Но как удалось безвестному юнцу из Соединённых Штатов, получившему самое поверхностное музыкальное образование, вспыхнуть подобно комете на европейской сцене, провести серию триумфальных гастролей и сделаться любимцем европейского высшего света? Тайна эта слегка прояснилась (или, наоборот, сгустилась?), когда я случайно наткнулся на объявление, опубликованное в 1870 году ведущим лондонским спиритическим журналом «Медиум». Произошло это через год после прибытия Шепарда в Европу:

«Джесси Б.Г. Шепард, знаменитый американский медиум (в последние годы проживающий в Париже), даёт сеансы ясновидения, предсказаний, психометрии и автоматического письма. Возможно диагностирование заболеваний и выявление медиумических способностей у присутствующих. Плата — в зависимости от затраченных времени и усилий. Внимание: музыкальных концертов на этих сеансах не будет».

Вскоре, 6 мая 1870 года, тот же журнал опубликовал автобиографическую заметку под заголовком «Как я стал музыкальным медиумом». О «двух классах музыкального образования» Джесси Шепард в этой статье не упоминает. Напротив, он утверждает, что музыке никогда не учился. Оказывается, спо-

собности к ясновидению, восприятию «потусторонних» голосов и целительству Шепард обнаружил у себя в 1867 году. Позже он стал слышать загадочные стуки (источника которых каждый раз не обнаруживалось) и развил в себе дар психометрии (при этом человек, лишь прикоснувшись к предмету, готов рассказать всё его прошлое и охарактеризовать всех, кто когда-либо вступал с ним в контакт). Поворотным пунктом в карьере Шепарда стал январь 1868 года.

«Однажды, когда я находился в театре, ко мне явился дух Рэчел. Она спросила, хотел бы я развить в себе вокальный талант, а затем посоветовала уже на следующий день отправиться к профессору с тем, чтобы тот оценил качество моего голоса.

Так я и сделал: приехав к очень известному музыканту, изложил ему своё дело. Красота и выразительность моего пения поразили его. Сам я прежде о наличии у себя такого дара не подозревал и никогда не догадался бы в себе его открыть.

Профессор высказал мнение, что такой голос продержится не слишком долго: чудо не может быть вечным. Как бы то ни было, за две недели он поставил мне голос окончательно.

Между тем к своему таланту я продолжал относиться скептически: сама мысль о том, чтобы выступить публично, казалась мне почти неприличной. Я поделился сомнениями с профессором. Он ответил, что почёл бы за честь предложить мне спеть «Аве Мария» в церкви Св. Ксавьера, где он сам играл на органе. Это один из самых популярных залов города, и в церковном хоре тут поют выдающиеся мастера вокала. Я пришёл на службу и исполнил предложенные мне партии к немалому изумлению всех присутствующих».

Единственный намёк на контакт с «миром теней» тут – упоминание о явлении «духа Рэчел» (кто она такая, остаётся неясным); об игре на фортепиано пока что, заметим, не идёт и речи.

Между тем уже через два года Шепард считался выдающимся пианистом своего времени и был профессиональным медиумом: так продолжалось до тех пор, пока у него не обнаружился новый талант – литературный. Теперь Шепард мог позволить себе жить на литературные заработки.

Что же помешало нашему герою остаться в истории величайшим музыкантом всех времён? Оказывается, собственное, более чем неожиданное и достаточно смелое признание в том, что играет и поёт он не сам: это духи великих музыкантов прошлого – Моцарта и Бетховена, Россини и Зонтага, Листа, Берлиоза и Шопена – исполняют музыкальные произведения, используя его самого всего лишь в качестве живого инструмента.

Признание это – даже в эпоху расцвета спиритизма, волна которого окатила Европу, – было скандальным и для широкой публики непонятым. Однако поверим Шепарду на слово и посмотрим, до чего дошёл он в своих экспериментах, обратившись к свидетельству князя Адама Вишневого, который побывал на музыкально-спиритическом сеансе Шепарда 3 сентября 1894 года и поделился своими впечатлениями с итальянской газетой «Vessilo Spiritista»:

«Найдя укромное местечко, мы расположились в тесном кругу вокруг медиума, севшего за фортепиано. Едва он взял первый аккорд, как два угла комна-

ты осветились загадочным светом. Стали прибывать духи великих музыкантов и пианистов: одни — чтобы исполнить свои произведения, другие — чтобы присоединиться к слушателям.

Сначала свою «Фантазию о Семирамида» исполнил руками Шепарда Тальберг. Произведение это не опубликовано — как и все вещи, исполняемые духами на сеансах этого медиума. Затем зазвучала рапсодия для фортепиано в четыре руки: её исполнили Лист и Тальберг — пламенно, потрясающе торжественно и в блестящей аранжировке. Пожалуй, даже сам Лист, игравший с необычайной страстностью и изяществом (не говоря уж о ныне живущих), не смог бы достичь такой степени совершенства.

Кружок наш состоял отчасти из музыкантов, которые, как и я, бывали на концертах величайших пианистов Европы. Но никто из нас никогда прежде не сталкивался со столь сверхъестественным исполнительским мастерством.

Появившийся на ладони у мадам Д. световой шар озаменовал прибытие Шопена. Дух его наиграл пианиссимо несколько изысканнейших мелодий, сотканых из тончайших нотных гирлянд, столь отчаянных и печальных, что казалось, сама Польша в тот момент обратилась с мольбою к Богу.

Затем прибыла Жорж Санд. Я выразил признание этому великому духу за то, что он почтил своим присутствием наше собрание, и получил три хлопка по колену. Мадам Д. шутиво приревновала ко мне гостью и тут же удостоилась от неё тех же знаков расположения.

Явился Моцарт: игра его искрилась нежностью, разнообразием и лёгкостью силфа, что всегда отличало его несравненный гений. Но более всего поразил нас в тот вечер Берлиоз (никогда прежде на сеансах Шепарда не появлявшийся), который явился в сопровождении старших учителей — Листа и Тальберга.

Он начал с того, что решил перенастроить фортепиано — взять на тон выше. На протяжении десяти минут духи работали над инструментом, крышка которого всё это время оставалась закрытой. Когда зазвучала музыка, мы заметили: фортепиано звучит выше на две ноты.

Вещь, исполненная Берлиозом, искрилась сладостностью и совершенством. Сначала нам показалось, будто зазвучали колокола маленькой сельской церквушки... вот и сама она возникла у нас перед глазами! По горному склону к ней спустилась свадебная процессия. Люди вошли в церковь, и тут мы услышали точную имитацию звуков церковного органа: на протяжении всей церемонии бракосочетания они лились тихо и мягко. Затем процессия вышла из церкви и снова вернулась в горы.

Закончив пьесу, Берлиоз с помощью других духов вновь перестроил инструмент и начал играть уже в привычном регистре, но попрежнему с закрытой крышкой. Затем один за другим нас посетили несколько духов. Каждый из них говорил на родном языке. Замечу, что Шепард, кроме английского и французского, другими языками не владеет. Однако в трансе он говорит — точнее, позволяет духам вещать «через себя» — на всех языках мира. Так, Гёте продекламировал несколько стрóf по-немецки. Дух, назвавшийся Исайей, вещал на древнееврейском. Возник Магомет и заговорил с нами по-арабски.

Появлялись и другие гости из иного мира: они переводили эти речи, обещали нам помощь в деле «психического исследования» и указывали, с какими людьми нам следует вступить в контакт. После сеанса мистер Шепард впал в такое изнеможение, что вынужден был удалиться для отдыха».

Согласитесь, своеобразный отчёт — куда там Безумному Шляпнику с его выходками! От таких откровений самые горячие поклонники спиритизма могут лишиться дара речи. Похоже, подобные восторги экзальтированных поклонников в конечном итоге и лишили Джесси Шепарда шансов на широкое признание.

Впрочем, почему же, как раз признанием-то медиум обделён и не был — его принимали в самых высших кругах, и везде он производил самое потрясающее впечатление. С огромным успехом прошли его концерты во дворце Камберленд (Гмунден, Австрия), организованные герцогиней Камберлендской, сестрой русской императрицы. Послушаем Лорица Вольдемара Тоннера из Гааги, чьё свидетельство было опубликовано журналом «Light» 17 марта 1894 года:

«Я также бывал на концертах мистера Шепарда в Камберленде и не скоро смогу забыть то впечатление, что произвёл он на свою коронованную аудиторию. Сначала комната, в которой расположились зрители, была ярко освещена лампами и свечами, но её королевское высочество герцогиня Камберлендская предложила мистеру Шепарду уменьшить яркость света. Повидимому, она почувствовала, что столь назойливое освещение помешает восприятию музыкальных произведений, которые нам предстояло услышать.

Все лампы были погашены, и концерт прошёл лишь при двух свечах. Думаю, ради столь необычного случая никто не стал бы возражать и против крошечной тьмы, потому что никогда прежде не собирал вокруг себя Шепард столь благородную и умную аудиторию. Во время исполнения медиумом одной из вокальных партий герцогиня Ганноверская, сидевшая рядом с его высочеством герцогом Саксонским и Альтенбургским, не удержалась и вскочила с места. «Никогда в жизни не слыхала ничего подобного!» — воскликнула она.

Королева Дании, сидевшая непосредственно за спиной медиума, заявила впоследствии, что пьеса была исполнена явно в четыре руки, а не в две...»

Почему бы и нет? Тот, кто способен играть на вообще закрытом инструменте, всегда может пригласить свободного духа для участия в очередном дуэте! Но Шепард ведь не только играл, он ещё и пел — причём басом и сопрано. Вот что писала об этом 14 марта 1884 года «Дагблад», одна из ведущих европейских газет:

«Внезапно, в момент экстатического подъёма, бас вдруг перешёл в сопрано, но не сорвался на визгливый фальцет, который так часто раздаётся сегодня с театральными подмостков, а сохранил чистоту и наполненность во всём диапазоне. Словно сверкающие перезвоны разлились по комнате, создав единую, необычайно впечатляющую гармонию. Звуки фортепиано вознеслись фортиссимо, напомнив громовые раскаты, но голос певца и их превзошёл по силе: будто небесный глас провозгласил: «Exelsior!» — и все мы, даже не верующие в сверхъестественное, душою вознеслись к высшим сферам. Сила вдохновения Джесси Шепарда сама по себе удивительна. Но стоит ли искать ей спиритическое объяснение?»

Действительно, стоит ли? Тем более, что за это можно и поплатиться. Генри Киддл, главный инспектор школьного образования Нью-Йорка, в доме

у которого Шепард провёл в общей сложности год, вынужден был подать в отставку после того, как публично заявил, что верит в шепардовских «духов». Киддл имел неосторожность признать, что собственными ушами слышал игру Моцарта (экспромтом исполнившего неизвестную симфонию), философские лекции Аристотеля, а также не вполне понятные ему выступления на греческом, древнееврейском, халдейском и арабском языках. Все расценили это признание Киддла как чистейшей воды безумие.

Похоже, Шепард и сам стал постепенно осознавать, что зашёл слишком далеко. На концерты свои он стал приглашать теперь лишь самых близких друзей, и собрания эти теперь всё более напоминали тайные сходки. Наконец, Шепард полностью отошёл от спиритизма, изменил имя и превратился во Фрэнсиса Грирсона. Автор статьи в сборнике «Писатели XX века» считает, что сделано это было, чтобы «у публики не возникло впечатления, будто литературная деятельность для него — не более, чем хобби». Но даже в этом случае он под другим именем мог бы продолжать свои загадочные концерты...

Нет, с музыкой всё было кончено. Более того, никто даже не подозревал о том, что Фрэнсис Грирсон имеет какое-либо отношение к спиритизму, вплоть до 1921 года, когда он опубликовал памфлет по поводу «психофонных посланий». Тут только «Писатели XX века» запоздало спохватываются: «Грирсон очень интересовался разного рода «психическими явлениями», — читаем мы. — Обладал ли он сам медиумическими способностями, остаётся неясно». Что называется, не в бровь, а в глаз.

Но куда более абсурдно и несправедливо, чем даже эта реплика, выглядит тот факт, что человеку, обладавшему редчайшими музыкальными и литературными способностями, суждено было закончить жизнь в ужасающей нищете. Что ж, Джесси Шепард (он же Фрэнсис Грирсон) никогда не верил в логику: «Интуиция и чувства управляли им, в них он черпал творческую энергию», — утверждает тот же сборник.

Никто так и не смог разгадать тайну жизни этого необыкновенного человека. Заметки о нём Ги Эндора в книге «Король Парижа» скорее сгущают, нежели рассеивают туман. Оказывается, усомнившись в целесообразности продолжения музыкальных опытов, Шепард обратился за советом к самому Александру Дюма. «Это был юный красавец-гигант, — пишет Эндор, — с огромными кистями, покрывавшими каждая по полторы октавы. Не зная нотной грамоты, он способен был на чарующие импровизации и обладал голосом — также нетренированным, но столь завораживающим, что артистическая Европа на концертах его застывала в немом изумлении. Коронованные особы одна за другой становились его поклонниками. Графини толпами влюблялись в этого юного американца, сиявшего красотой ковбойского кольта...» Впрочем, о духах и медиумизме в заметках Эндора мы не находим ни слова.

«... Дюма смущённо признался, что плохо разбирается в музыке».

«Но я в ней тоже не разбираюсь, — воскликнул Шепард. — Впервые в жизни увидев фортепиано, я просто сел за него и заиграл! Почему, как? Не знаю. И боюсь узнать правду...»

Встреча эта произошла, судя по всему, в 1869 году. 1927 год застал постаревшего, опустившегося Джесси Шепарда в Лос-Анджелесе. Его великий роман «Долина теней», подписанный псевдонимом «Фрэнсис Грирсон», всеми забытый, пылился на складах. Его импровизации, никем не записывавшиеся, оказались потерянными для потомков.

«...Служащая лос-анджелесской службы социального надзора долго стучала в закрытую дверь: хозяин квартиры только что испустил дух.

Она так и не смогла поверить в то, что этот 78-летний старик когда-то гастролировал с вокальными и фортепианными концертами по Европе, что ещё совсем недавно он считался знаменитым писателем и только что заложил свою последнюю драгоценность — часы, подаренные ему королём Великобритании.

Впрочем, ей и не нужно было ни во что верить. Задача её была проста: установить причину смерти. А это было несложно. Старик умер от голода».

МАККЕНЗИ КИНГ В ПОИСКАХ БЕССМЕРТИЯ

Трудно поверить в то, что человек, 22 года занимавший пост премьер-министра Канады, мог позволить себе вести «двойную жизнь» самого сенсационного толка. Но так и случилось с Уильямом Лайоном Маккензи: о том, что этот выдающийся государственный деятель испытывал интерес к паранормальным явлениям широкая общественность узнала лишь после его смерти в 1950 году.

Первым завесу над этим потайным уголком жизни Маккензи Кинга открыл канадский репортёр Блэйр Фрэзер: 15 декабря 1951 года в журнале «MacLeon's Magazine» он назвал покойного премьера убеждённым и даже «практикующим спиритуалистом». Затем последовала иллюстрированная статья в «Life» под заголовком: «Неизвестное в жизни политика. Покойный канадский премьер оказывается поклонником спиритизма».

Заявления эти напоминают обвинения и сформулированы достаточно безграмотно. «Практикующий спиритуалист» — что бы это значило? Человек, принимающий основную идею этого учения (состоящую всего лишь в том, что после смерти душа продолжает жить, сохраняя индивидуальность), вовсе не превращается автоматически в сектанта или раскольника, не обязывает подписываться под какими-то доктринами и уж тем более что-то такое «практиковать».

Действительно, Маккензи Кинг всегда интересовался проблемой «жизни после смерти»: более того, он сам с некоторой осторожностью приступил к её изучению и ещё в 1920 году решил для себя этот вопрос положительно, сохранив при этом скептическое отношение к спиритическим чудесам и не став ни пламенным последователем движения, ни его пропагандистом. Так что все эти инсинуации несправедливы и свидетельствуют в лучшем случае о непонимании сути предмета, о котором идёт речь.

Возможно, кому-то мои высказывания покажутся излишне резкими, но дело в том, что на протяжении нескольких лет я состоял в личном кон-

такте с Маккензи Кингом и лучше кого бы то ни было знаю, каких взглядов он придерживался. Наша переписка до сих пор не опубликована, поскольку была помечена грифом «конфиденциально», однако сейчас, по прошествии 12 лет со дня смерти премьера, вряд ли есть смысл хранить по этому поводу молчание.

Самое первое письмо от Маккензи Кинга я получил весной 1938 года, будучи руководителем исследовательских работ в лондонском Международном институте психических исследований. Канадский премьер просил меня переслать ему экземпляр книги барона Пальмстиерна «Горизонты бессмертия», по возможности, с авторским автографом. Это была необычная просьба: за ней явно скрывалось нечто большее, нежели обычное любопытство. Наш институт выпустил бюллетень, посвящённый лекциям барона, приуроченным к выходу этой книги, и одна из копий его каким-то образом попала к Кингу.

Письмо напомнило мне о слухах, которые ходили в спиритических кругах Лондона: поговаривали, будто бы во время посещения Англии Кинг побывал у известных медиумов своего времени — Хелен Хьюз, Эстер Дауден и Джеральдин Каммингс. Организатор этих встреч, мой хороший знакомый Мерси Филлмор (секретарь Лондонского союза спиритуалистов) «подал» гостя инкогнито, и медиумы в течение многих лет не подозревали, кем был загадочный визитёр.

Впоследствии, узнав об этом, все три женщины сохранили тайну, так что слухи об этих сеансах просочились в прессу лишь после смерти премьера, когда лондонская «Psychic News» опубликовала интервью с герцогиней Гамильтон, из которого следовал довольно-таки легкомысленный вывод о том, что Маккензи Кинг в своих политических решениях будто бы руководствовался подсказками с «того света».

Я познакомился с Маккензи Кингом в 1929 году, когда, будучи журналистом, оказался в том самом поезде, который привёз его из Гавра в Париж: то был год подписания Пакта Келлога, участники которого с завидным оптимизмом надеялись таким образом положить конец междоусобным конфликтам. В те дни я только ещё ступил на путь исследования паранормальных явлений и не подозревал о том, что Кинг не только разделяет мой интерес к сверхъестественному, но и, действуя совершенно самостоятельно, в понимании происходящего зашёл уже достаточно далеко.

Итак, барон Пальмстиерна счёл за честь выполнить просьбу премьера, и издатели тут же отправили книгу адресату. Вот что писал мне Маккензи Кинг 19 апреля 1938 года:

«Только что я получил от издателей экземпляр книги «Горизонты бессмертия» с автографом барона Пальмстиерна, который Вы сообразовали у него получить. Я поблагодарил их письмом и буду рад, если Вы при личной встрече передадите барону мою признательность за книгу и автограф. Я с благодарностью воспринял Ваше приглашение стать членом Института психических исследований. Возможно, настанет время, когда я смогу им воспользоваться. По причинам, о которых Вы наверняка догадываетесь, мне лучше не афишировать своё увлечение парапсихологией, так что некоторое время придётся держать свои взгляды в тайне».

«Некоторое время...» Повидимому, Кинг в то время уже подумывал об уходе с политической сцены. «Он был заранее предупреждён об опасности, — утверждала Хелен Хьюз в письме Блэйру Фрэзеру. — За три года до его смерти мать предупреждала сына, что он берёт на себя слишком много и сердце его может не выдержать. В конце концов он последовал её совету, но было слишком поздно...»

Предупреждение от матери поступило из иного мира, а произнесено оно было устами Джеральдин Каммингс. Впрочем, Кинг давно привык игнорировать такого рода советы и всегда поступал, как сам считал нужным, другими словами, и тут не был «практикующим спиритуалистом». Во втором письме, датированном 8 августа 1938 года, я прочёл следующее:

«Отправив Вам 19 апреля письмо, я с огромным интересом взялся за чтение книги барона Пальмстиерны. Реинкарнация во многом остаётся для меня загадкой. Наибольшие сомнения вызвала у меня та часть книги, которая касается именно этой темы. Всё, что он пишет о посмертном существовании духа во многом созвучно моим собственным мыслям на этот счёт. В предыдущем письме я заметил, что по вполне понятным причинам не могу пока достаточно активно заняться психическими исследованиями. Слишком я пока что заметен на общественном поприще. С наилучшими пожеланиями...»

Первая встреча Маккензи Кинга с миром сверхъестественного произошла при весьма любопытных обстоятельствах. Канадский премьер обратился к «психизму» в Лондоне при посредстве маркизы Абердинской, которая посоветовала ему вступить в контакт с миссис Эттой Врифт, медиумом «прямого голоса» из Детройта, о сеансах которой адмирал Мур написал сразу две книги.*

Из трубы Врифт, летавшей по воздуху (происходило это как в темноте, так и при свете) доносились голоса давно умерших людей, говоривших на разных языках, появлялись время от времени так называемые «эфирIALIZации» (свещающиеся фигуры), лаяли призрачные собаки — одним словом, присутствующим предлагался целый букет разнообразных проявлений медиумизма. В своё время по приглашению У.Т. Стеда, прославившегося своим журналом «Review of Reviewers», она прибыла в Лондон и провела более двухсот сеансов в «Бюро Джулии» (названном так в честь Джулии Эймс, главного редактора чикагской «Women's Union Signal»).

После смерти миссис Врифт продолжала общаться со Стедом из иного мира: её послания он записывал автоматически, находясь в трансе.

Феномен материализации собак на сеансах миссис Врифт, судя по всему, представлял для Маккензи Кинга особенный интерес. Канадский премьер обожал этих животных и любил пересказывать странную историю о пророческом знаменнии, полученном им в тот вечер, когда умер Пэт (двух других своих псов он впоследствии назвал тем же именем). А произошло следующее: с журнального столика вдруг беспричинно упали наручные часы. Утром он нашёл их на полу: стрелки показывали 4 часа 20 минут. «Я не считаю себя ясновидящим, но в тот момент внутренний голос подсказал мне: Пэт умрёт не далее чем че-

---

* Речь идёт о книгах: «Glimpses of the Next State» и «The Voices» адмирала Азборна Мура. (И.Р.)

рез сутки», – рассказывал Кинг репортёру Блэйру Фрэзеру. Предчувствие это сбылось. Следующей ночью Пэт выбрался из своей корзинки, в последний раз влез на кровать к хозяину и испустил дух. Стрелки в тот момент показывали 4 часа 20 минут.

Осознать всю трагичность этого происшествия, можно лишь зная, как был привязан Маккензи Кинг, очень замкнутый и одинокий человек, к своему единственному другу. Портрет покойного пса оказался вскоре в рамочке над камином: к нему прилагалось стихотворение в прозе под названием «Посвящение собаке».

Миссис Вридт оказалась первым человеком, от которого Маккензи Кинг узнал о возможности вступить с умершим в контакт. Напомню, именно она оказалась в центре нашумевшего случая с потерянным завещанием.

У некоего сенатора-либерала умер тесть. Жена, не найдя завещания, обратилась за консультацией к миссис Вридт. Медиум сообщила ей, что документ находится в ящике комода в доме покойного во Франции, и оказалась права. Никто, кроме умершего сенатора, не мог знать о его местонахождении.

В одной из комнат Колледжа психической науки (Квинсберри-плэйс, 16, Лондон) покоятся золотые часы на голубой бархатной подушечке. Их от имени миссис Вридт подарил Колледжу сам Маккензи Кинг. Когда-то они принадлежали Королеве Виктории; она подарила часы Джону Брауну, своему слуге-шотландцу – любимому медиуму, с помощью которого вступала в контакт с Принцом Альбертом после смерти последнего.

От Брауна через руки У.Т.Стеда часы перешли к миссис Вридт, при посредстве которой покойная Королева Виктория, в свою очередь, обратилась к нам, здесь живущим. Перед самой своей смертью медиум решила, что часы должны вернуться в Лондон и попросила Маккензи Кинга передать их лондонскому Союзу Спиритуалистов – так в те годы назывался Колледж психической науки.

Будучи осведомлён теперь о глубоком интересе канадского премьера к парапсихологии, я взял за обыкновение пересылать ему все книги и репринтные издания, так или иначе касавшиеся этого предмета. 21 сентября 1942 года я прочёл в его письме такие строки: «С вашей стороны было очень великодушно переслать мне копию ваших статей «Сон и телепатия» и «Масонские сны». Приятно было и встретить упоминание о нашей встрече 1929 года. Психическая наука приносит мне необычайное духовное облегчение. Это – область знаний, которой я посвятил бы гораздо больше времени, если бы таковым располагал».

Исследование под названием «Сон и телепатия» было опубликовано в американском журнале «American Image». Основная идея статьи состояла в том, что телепатический контакт возможен лишь между людьми, чьё прошлое в психологическом смысле идентично. Мысль о том, что этими и другими материалами я мог принести духовное облегчение Маккензи Кингу, в свою очередь, переполняет меня чувством глубокого удовлетворения.

Немалый интерес к психическим исследованиям проявлял также У.Э. Гладстон (1809-1898), замечательный государственный деятель викторианской эпохи, на четыре срока переизбиравшийся премьер-министром Великобритании. Его памятное заявление о том, что «психические исследования – это са-

мая важная работа, проводимая человечеством в настоящее время», до сих пор цитируется достаточно часто.

В отличие от Маккензи Кинга Гладстон не побоялся вступить в Общество психических исследований в качестве действительного члена: произошло это после того, как он принял участие в сеансе медиума Уильяма Эглинтонна 29 октября 1884 года. Сенсационное сообщение об этом разнеслось по всему миру, причинив Гладстону массу неприятностей: одни набожные почитатели тут же засыпали его письмами, выражавшими ужас и удивление по поводу того, что столь уважаемый государственный деятель мог позволить себе «связаться с какими-то колдунами», другие пытались предостеречь его от излишней доверчивости, опасаясь, что этим могут воспользоваться мошенники.

Гладстона подвёл болтливый Эглинтон, рассказавший об этом сеансе в интервью ведущей спиритической газете «Light». Гладстон, если верить Эглинтону, заявил следующее: «Я всегда считал, что наука слишком увязла в своей колее. Несомненно, учёные – каждый в своей области знаний – делают благородное дело, но очень уж часто склонны они игнорировать факты, вступающие в противоречие со взглядами, которые в научных кругах считаются общепринятыми. Нередко они сходу отменяют факты, которые не потрудились как следует изучить, не вполне, очевидно, осознавая, что в природе действуют силы, науке, может быть, до сих пор не известные».

Из интервью Эглинтонна (который по вполне понятным причинам не мог тут быть достаточно объективен) неясно, что именно в ходе того «грифельного» сеанса произвело на премьера столь сильное впечатление. «Грифельный» медиумизм впоследствии так себя дискредитировал, что уважающие себя медиумы исключили его из своего арсенала. Слишком много существует способов, с помощью которых чистая грифельная дощечка может быть подменена другой, с заранее заготовленным «посланием».

Деятельность Эглинтонна – специалиста как раз по «грифельным» письмам – не раз подвергалась вполне обоснованным сомнениям. Остаётся лишь предположить, что полученные им тексты обладали каким-то важным для Гладстона смыслом (и возможно «подслушаны» были телепатически) – в противном случае вряд ли они так бы его поразили.

Первый вопрос премьера был, судя по всему, крайне банален: «Назовите год, более засушливый, чем этот». Ответ – кто бы ни был истинным его источником – оказался верным: «1857». Не исключено, что Эглинтон сумел прочесть вопрос и каким-то образом ответил на него сам.

Не совсем ясно, как удалось ему получить ответ на второй вопрос, который Гладстон написал на доске, удалившись в угол: «Здоров сейчас или болен Папа Римский?» Вызванный дух красным мелком начертал: «Он болен, но разумом, а не телом». Затем последовали более сложные вопросы. Ответы, по утверждению Эглинтонна, сами собой появлялись на закрытых грифельных досках, находившихся у всех на виду в ярко освещённой гостиной.

Эглинтон утверждает, что Гладстон очень внимательно изучил полученные ответы и не нашёл к чему придраться. Проблема в том, что это – версия самого медиума. Когда газета «Daily News» обратилась за разъяснениями к пре-

мьеру, его представитель Горас Сеймур ответил так: «Сэр, мистер Гладстон попросил меня передать Вам, что он получил Ваше письмо. Не желая вдаваться в детали, хотел бы сказать лишь, что он не составил пока окончательного мнения о предмете, Вас интересующем». Не стоит забывать, однако, что как раз в эти дни Гладстон и вступил в Общество психических исследований: не исключено, что в ходе сеанса Эглингтона произошло нечто такое, о чём никому больше узнать так и не удалось.

СПИРИТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ ДОКТОРА ШАНДОРА ФЕРЕНШИ

В джонсовской «Биографии Фрейда» любимый ученик основателя психоанализа Шандор Ференши предстаёт перед нами личностью более чем загадочной. Именно интерес венгра к миру непознанного, отмечает автор, служил для трезвого научного ума австрийца постоянным и очень действенным раздражителем. Джонс весьма неохотно упоминает о той части переписки Фрейда и Ференши, которая касается паранормальных явлений, и даже не задаётся вопросом, что именно заставило Ференши таковыми заинтересоваться. От него мы узнаём лишь, что к «психической науке» ученик Фрейда впервые приобщился в 1899 году.

Воспользовавшись этим первым ключиком и обратившись к библиографии работ Ференши, составленной Микаэлем Балинтом, я выяснил, что самая первая статья учёного называлась «Спиритизм». О содержании её, судя по всему, никому из авторов известно не было. Тем более неясным оставался вопрос о том, основывался ли в ней Ференши на личном опыте.

Позже в ходе переписки с доктором Лилой Вежи-Вагнером, лондонским психиатром, помогавшим Джонсу вплоть до самой смерти последнего, я выяснил поразительный факт, сам по себе достойный отдельного расследования. Документы, его подтверждающие, считались до сих пор конфиденциальными. Их источник, доктор Иштван Варро, проживает ныне в Чикаго; он в своё время вместе с Рустемом Вамбери издавал социологический еженедельник «Наш век». Варро охотно откликнулся на мой запрос и в письме от 14 ноября 1960 года предоставил мне разрешение на публикацию отдельных фрагментов своей переписки.

«Мы с доктором Ференши говорили обо всём, в том числе и о так называемых необъяснимых явлениях, — писал он. — В частности, обменялись мнениями о «спиритистах» — тех, по крайней мере, с кем были лично знакомы. С тех пор прошло много лет, но рассказанные им истории всё ещё свежи в моей памяти.

Вот одна из них. Это произошло в годы, когда Ференши только ещё начинал свой путь на медицинском поприще и занимал весьма скромную должность в будапештской больнице «Рокус» с бесплатным в ней же питанием и проживанием.

Чтобы как-то свести концы с концами, молодой врач подрабатывал по специальности. Однажды, воспользовавшись рекомендацией кого-то из старших коллег, он взялся ухаживать за очень больным стариком, которому требовалось круглосуточное медицинское наблюдение. Смена Шандора начиналась с шести часов вечера; до него в квартире дежурил другой молодой специалист.

Вскоре после этого Ференши случайно повстречал своего старого знакомого — приват-доцента Эмиля Феллентара, чьи лекции он когда-то повадился посещать, несмотря на то, что предмет этот (химия в судебной медицине, или что-то в этом духе) к обязательным не относился и практических выгод студенту не сулил.

Заинтриговал Ференши не столько сам предмет, сколько личность этого странного лектора. Поскольку кроме него к Феллентару ходили лишь двое студентов, старик и юноша подружились. Однако, закончив институт, Ференши поддерживать эти отношения не стал.

Случайно встретившись с молодым доктором на улице, профессор добродушно пожурил его за то, что тот совсем позабыл старика, и пригласил в гости. Увы, Ференши так и не смог выбрать времени для визита.

Когда однажды они вновь случайно столкнулись на улице, профессор назначил своему бывшему студенту встречу в определённый день и в конкретном месте, пообещав участие в каком-то совершенно особом мероприятии. Тут только юноша вспомнил, что этот милый старик был убеждённым спиритом. Сам он спиритизмом не интересовался, но, будучи психиатром, решил, что интересно будет увидеть всё своими глазами, и, приняв приглашение, в назначенный срок явился в дом Феллентара, где тот жил с сестрой и дочерью.

Гости образовали очень уютный кружок. Роль медиума взяла на себя племянница Феллентара. Почётное право задать духу первый вопрос получил от хозяина Ференши. «Что делает в эту минуту человек, о котором я думаю?» — написал он на листке бумаги. Ответ был таков: «Человек, о котором вы думаете, сидит в постели, просит подать стакан воды, падает на подушку и умирает».

Ференши в ужасе взглянул на часы. Тут только до него дошло, что несколько минут назад должно было начаться его дежурство у постели престарелого пациента. Не попрощавшись, он выбежал из дома и поймал такси. Да, всё произошло именно так: в ту самую минуту, когда был задан вопрос, его пациент сел, попросил воды, затем повалился и испустил дух».

Итак, может быть, в своём первом эссе, датированном 1899 годом, Ференши основывался всё же на личном опыте — спиритическом сеансе в доме доктора Феллентара? Микаэль Балинт, литературный агент Ференши, объяснил мне, что работу о спиритизме учёный опубликовал до поступления на работу в клинику, сразу же по прибытии в Будапешт. «Телепатией и ясновидением Ференши заинтересовался ещё в юности, — писал мне Балинт. — Это подтверждает и его переписка с Фрейдом, большую часть которой я, к сожалению, пока что опубликовать не вправе».

Личный опыт общения с миром сверхъестественного произвёл на обоих учёных глубочайшее впечатление, но каждый отреагировал на него по-своему: Ференши — с энтузиазмом, Фрейд, при всей своей искренней вере в спиритизм, критически-насторожённо.

С помощью будапештских друзей мне удалось разыскать копию статьи Ференши о спиритизме. Доктор Балинт был прав: она была написана явно до посещения дома Феллентара.

Из статьи следует, что интерес Ференши к «психическому» феномену, вопреки предположениям доктора Варро, заключался, в основном, в чтении и размышлениях, личным опытом никоим образом не подкрепляясь. Суть работы сводилась к призыву признать право «психической» науки на существование. В качестве основного первоисточника автор использовал книгу Аксакова «Анимизм и спиритизм», опубликованную в Лейпциге в 1890 году. Эта работа царского советника и одного из первых россиян, заинтересовавшихся спиритизмом, судя по всему стала для молодого Ференши чем-то вроде духовной Библии.

Итак, насколько нам известно, сеанс в доме Феллентара позволил Ференши столкнуться со спиритизмом непосредственно. Если верить Джонсу, Фрейд и Ференши начали обсуждать эту тему лишь в 1907 году. Доктор Балинт не только подтверждает эту дату, но и считает, что прежде они вообще не вступали в личный контакт.

Между тем, встретиться с Феллентаром знаменитому венгерскому психиатру суждено было ещё раз, в 1917 году. Историю эту рассказал мне доктор Варро.

«Ужасно стесняюсь постыдного бегства с сеанса, Ференши постоянно собирался зайти к своему старому знакомому и извиниться, но каждый раз откладывал свой визит, пока не узнал... что извиняться уже поздно.

Однажды в утренней газете он прочёл о кончине доктора Феллентара. Там же сообщалось, что похороны состоятся в доме профессора, и Ференши решил, пусть с опозданием, заглазить свою вину и хотя бы выразить соболезнование семье покойного.

Попрощаться с профессором в зелёном дворике собралась совсем небольшая группа людей: университетские преподаватели, престарелая сестра Феллентара и несколько дальних родственников. Женщины, выполнявшей функции медиума в тот памятный вечер, Ференши, к своему удивлению, среди них не увидел.

Наконец отзвучали прощальные речи. Гробовщик попросил мужчин поднять гроб и водрузить его на катафалк. Те подошли, взялись за края, но... не смогли его даже сдвинуть с места. Поднатужились — тщетно!

Самый обычный деревянный гроб стал вдруг необычайно тяжёл!

Возница ждал, всем свои видом выражая нетерпение. Остальные не знали, что и думать. Все были потрясены внезапным конфузом. Старая женщина вошла в дом. Некоторое время спустя она появилась вновь, поддерживая за руку женщину помоложе. Нетвёрдым шагом та приблизилась к гробу. Глаза её были закрыты: казалось, она находится в трансе.

Внучатая племянница Феллентара всего лишь коснулась крышки. В ту же секунду мужчины без малейших усилий подняли гроб.

Такова вкратце история, рассказанная мне самим доктором Ференши. Она произвела на меня впечатление, но вопросов задавать я не стал, да и он не предложил никаких объяснений».

Участники спиритических сеансов нередко сталкиваются с явлениями такого рода. Необычность ситуации состояла в том, что кинетическая энергия «связала» не что иное, как гроб, причём воздействовавшая на объект женщина находилась от него на значительном расстоянии.

Психоаналитическая интерпретация происшествия не составляет труда: внучатая племянница, не желавшая отпускать доктора Феллентара, мысленно воспротивилась его уходу, произведя замечательную демонстрацию «физического» медиумизма.

Но кто она была, эта девушка? И чем занималась те семнадцать лет, что разделили первый и второй визит к ним доктора Ференши?

Доктор Варро обратился в будапештскую национальную библиотеку и попросил найти список лиц, присутствовавших на похоронах, в надежде выяснить её имя. К сожалению, этого документа в библиотеке не оказалось. Нам сообщили, впрочем, что доктор Эмиль Феллентар (1834-1917) состоял на должности придворного канцлера и в качестве приват-доцента преподавал криминологическую химию в Будапештском университете.

Директор библиотеки доктор Георг Пайкоши, однако, не обнаружил в своих архивах никаких указаний на то, что профессор интересовался парапсихологией или спиритизмом.

А вот ещё любопытный случай из жизни Ференши. О нём рассказал мне доктор Балинт.

«Однажды (кажется, это было ещё до 1914 года) к Ференши пристала некая ясновидящая и начала требовать провести с ней какие-то эксперименты. Устав спорить, психиатр согласился в назначенное время после обеда сконцентрироваться на определённой мысли, суть которой ясновидящая обещала угадать.

Войдя в заранее оговоренный час к себе в кабинет, Ференши взял в руки статуэтку слона, лёг на диван и на протяжении следующих десяти-пятнадцати минут не переставая думал об этом слонике.

Через несколько минут раздался звонок. Звонил друг, Роберт Береньи: он спал и увидел ужасный сон – Ференши в джунглях отбивается от диких слонов! Письмо ясновидящей, прибывшее некоторое время спустя, содержало в себе полнейший вздор».

Что касается книги Джонса, то трудно избавиться от ощущения, что в ней он как бы мстит Ференши, постоянно ревнуя его к Фрейду – очевидно, всего лишь за то, что последний рассказал венгерскому другу о своей жизни так много странного. При этом Джонс попросту отказывается признать реальность феномена телепатии, не верит в ясновидение и обвиняет Фрейда в «неподобающей легковерности». Великий австриец, как считает Джонс, находясь под влиянием своего друга Вильгельма Флиесса, в конце прошлого века готов был «поверить во что угодно, даже в нумерологию».

Судя по всему, особое беспокойство доставляют Джонсу эксперименты Фрейда в жанре «бессознательной магии», с помощью которой тот начиная с 1905 года принялся «отстранять от себя силы зла». Фрейд, кроме того, верил в знамения: однажды, увидев человека, очень похожего на него самого, он возомнил, будто бы двойник явился, чтобы предсказать ему скорую кончину.

«Теперь я верю, что мёртвые действительно восстанут из могилы!» — вполне серьёзно воскликнул он, увидев сестру покойной пациентки.

А затем — к искреннему сожалению Джонса — Фрейд попал под влияние двух своих самых близких друзей, Ференши и Юнга, каждый из которых был по-своему предрасположен к «окультистным верованиям».

Использование Джонсом термина «окультистные верования» весьма характерно: он так и не понял разницы между понятиями «окультизм» и «парапсихология» — в чём, как это ни смешно, напоминает самого Фрейда. Тот тоже всё валил в одну кучу: телепатию и нумерологию, астрологию и полтергейст.

Джонс утверждает, будто бы Юнг был первым, кто заинтересовал Фрейда сверхъестественными явлениями, возбудив таинственные стуки в мебели, — по выражению Джонса, «сыграв в полтергейст».

Любопытно, что Юнг увлёкся медиумизмом, как и Ференши, в 1899 году. Взгляды обоих учёных были во многом сходны; увы, ссора затем разрушила этот обещавший быть плодотворным тройственный союз.

Джонс утверждает, что в 1909 году, возвратившись домой из Америки, Фрейд и Ференши посетили берлинскую ясновидящую фрау Зейдлер. После нескольких сеансов с ней Фрейд признал, что она «действительно обладает некоторыми телепатическими способностями, позволяющими воспринимать чужие мысли, пусть и в несколько искажённом виде».

Несколько месяцев спустя Ференши отправил Фрейду заметки с записями высказываний своего пациента, сделанных перед началом психоаналитического сеанса. Оказалось, что человек этот слово в слово повторил фразы, которые Ференши слышал в течение суток. Этот документ произвёл на Фрейда сильное впечатление, и он заявил, что более не сомневается в человеческой способности передавать мысль на расстоянии.

В 1912 году Фрейд и Ференши обсудили в переписке феномен «умного Ганса» — чудо-коня из германского города Эльберфильда, обладавшего определёнными математическими способностями: он умел складывать и вычитать, вычерчивать копытом окружности и так далее — это позволило предположить, что примитивные формы телепатического восприятия не чужды и животным.

Ференши от фокусов Ганса был в полном восторге, однако Фрейд на этот счёт имел своё мнение. Он считал, что телепатия тут ни при чём и что феномен этот подтверждает его собственные теории относительно механизмов подсознательной деятельности разума.

В 1924 году Ференши в письме Фрейду сообщил о намерении представить перед Гамбургским конгрессом отчёт о телепатических экспериментах, на что Фрейд отреагировал кратко: «Не делай этого». Материалы, о которых Джонс в своей книге только упоминает, ждут публикации — это зависит уже от доктора Балинта.

ПРИВИДЕНИЯ, КТО ВЫ?

«Человек меняется, но призраки со времён Древнего Египта всё те же», — заметил как-то Эндрю Ланг. С тех пор, как были произнесены эти слова, наши представления о гостях из иного мира значительно обогатились. Прежде чем приступить к постепенному раскрытию «призрачной» панорамы, установим следующее: привидение есть прежде всего продукт деятельности человеческого разума — деятельности как сознательной, так и бессознательной, иногда — коллективной (на что указывал Карл Густав Юнг). Итак, мы начинаем путешествие по галерее основных представителей призрачного семейства, расставляя по пути соответствующие таблички.

Привидение — «It». Понятие это ввёл в теорию психиатрии великий венский врач Георг Гроддек. «Оно» вырастает из подсознания, живёт с нами и за счёт нас, а затем избавляется от «оболочки», когда последняя перестаёт ему быть полезной. Иногда «Оно» в самом прямом смысле слова «сходит» с ума и принимается терзать жертву извне. Помните известный рассказ? Герою его снится один и тот же сон: на него вот-вот нападёт разъярённый тигр. Однажды утром его находят в постели разорванным на куски. Как ни странно, нечто подобное время от времени происходит и в жизни. Такой же «тигр» истязал по ночам знаменитую миссис Форбс. По утрам у неё на теле обнаруживались глубокие раны сродни стигматам: разум несчастной — или тот монстр, что таковым притворялся, — не просто перешёл в материальный мир, но и обрёл здесь реальную, очень опасную силу.

Привидение — «Id». «Id» — это открытая Фрейдом «кладовая» подсознательной памяти, в которой хранятся (обычно под надёжным замком) худшие наши инстинкты. Иногда после сильного потрясения (вызванного, как правило, физическим или психологическим насилием со стороны родителей) «дверь» срывается с петель, наше второе «я» оказывается на воле, и здесь уже действует без особых церемоний, толкая жертву либо к убийству (того, кто в своё время причинил ей боль), либо к самоубийству.

Привидение — суперэго. Этим термином Фрейд обозначил высший уровень сознания, скрытый в самой глубине нашего разума. Типичный пример — привидение особняка Мэйноу-Хаус. После того, как мы провели там спиритический сеанс с участием знаменитой Эйлин Гаррет, у меня в комнате зазвонил телефон. «Что вы наделали?! — крикнул в трубку хозяин. — Привидение ушло из дома... но вселилось в меня!» Спиритический контакт с призраком разрушил механизм пространственной проекции и отколовшаяся частица психики вернулась к себе в «отчий дом».

Привидение — элемент наследственности. ...Или Family Gestalt — призрак, порождённый родовым или семейным самовнушением. Эта психическая формация, выстроенная многими поколениями, рано или поздно отделяется от основного массива и, обретая жизнь, поселяется среди обитателей особняка или замка: при этом чем древнее род, тем «телеснее» призрак. Стоит только лишить фигуру подпитки мыслями окружающих, как она на глазах чахнет, принимает поистине жалкий вид и, наконец, исчезает.

Привидение – легенда, сказка, миф. Один из таких не умирающих призраков – иудейский Странник. Он же – Элия, которому евреи открывают свои двери в день соответствующих празднеств. Несомненно, ту же природу имеют феи, гномы, «маленькие народы». Я встречал многих людей, общавшихся в детстве с феями, и был знаком с ирландской красавицей, одержимой духом(!) лепрекона*. В основе явлений такого рода – неосознанное желание человека приобщиться к истории: на нём-то и паразитируют «маленькие люди».

Привидение – оборотень, фамилиар, вампир. Все эти мерзкие существа вполне реальны – более того, являются близкими родственниками. Оказываясь выброшенными по тем или иным причинам в материальный мир, осколки экс-человеческой психики «прилипают» к механизму эволюционной регрессии и... материализуются, впитывая в себя энергию истории и фольклора.

Фамилиар («ведьмин родич») – существо, кажется, вымершее. Хотя встречаются ещё бродячие экземпляры – знаменитый Говорящий Мангуст, например. Убивая соседских индюков и гусей, якобы «дурно отзывавшихся» о его хозяевах, Геф действовал в лучших «фамилиарных» традициях – хотя в союзе с нечистой силой замечен и не был.

Привидение – исторический «фильм». Есть люди, обладающие удивительным даром: взяв в руки тот или иной предмет, они способны подробно описать всю его историю. Так называемый «психометрический» феномен – яркое свидетельство того, что о собственной памяти мы знаем ещё очень и очень мало.

Судя по всему, индивидуальная память человека есть одновременно и часть памяти «коллективной»: любое воспоминание может «выскользнуть» из оболочки, некогда его приютившей и... слиться с тем, что именовалось в Средние века Планетарным Разумом. А раз так, становится более или менее ясен и механизм «исторических» видений: они возникают время от времени на местах жестоких сражений (или даже отдельных злодейств) и напоминают трёхмерный озвученный фильм. Персонажи представлений такого рода действуют автоматически, хотя, как ни странно, достаточно живо реагируют на те или иные аспекты новой для них обстановки.

Призрак – телепатический образ. Удивительный пример такого рода – «привидение» пациента по имени З.: извращённые переживания на сексуальной почве привели его к самораздвоению на астральном уровне и... каким-то непостижимым образом приобщили одну из частичек психики к эксперименту доктора Розена, попытавшегося «переправить» мне (без моего, разумеется, ведома) своего телепатического двойника.

Эксперимент провалился, но имел весьма печальные последствия: двойник упомянутого пациента уцепился за «теле»-нить и попробовал было закрепиться между нами в качестве привидения, причём довольно-таки опасного (оно, в частности, вознамерилось умертвить доктора Розена, не без оснований заподозрив, что тот решил его «заземлить»). К счастью, мне вовремя удалось собрать всех троих и объяснить, что произошло. Призрак тотчас исчез и больше не появлялся.

---

* 1. Эльф. 2. Гном, упоминания о котором часто встречаются в ирландском фольклоре. (Прим.перев.)

Призрак — шизофреническая психопроекция. Мотивы его возникновения, как правило, садо-мазохистские. Полтергейст — чисто садистская реакция психики подростка на самодуство взрослых: «раздваиваясь», ребёнок легко «даёт сдачи» обидчику, сохраняя при этом чистую совесть. Психопроекция мазохистского типа проявляется обычно в приступах удушья, акрофагии (вздутии тела), появлении на коже стигматических знаков. Весьма своеобразный пример психопроекции — так называемый дух-посредник (spirit-guide), помогающий медиумам в общении с потусторонним миром. Обычно персонаж этот выныривает из глубин подсознания с вполне благопристойной целью — противодействовать саморазрушению личности.

Призрак — астральный двойник. Самый известный случай такого рода — страдания Г.Р.С. Миэда: знаменитый учёный-гностицист постоянно пребывал в состоянии жестокой борьбы на астральном уровне с двойниками своих живых недругов. Вообще, «двойники» и сегодня встречаются достаточно часто: они — идеальный пример «призрака, явившегося изнутри».

Призрак — сам Дьявол. Жертвы его — люди, убедившие себя в том, что непременно отправятся в ад после смерти. Ну, а хозяин преисподней, оказывается, всегда рад заранее познакомиться со своим будущим клиентом. Любопытный случай произошёл с женщиной-сатанисткой, которая, заигнорировав своего юного секретаря, приказала тому вызвать к ней самого Дьявола. После шестого сеанса в комнате резко похолодало, появился характерный «землистый» запах, послышался шум, напоминающий дыхание огромного животного, и в пространстве засветились два глаза, каждое величиной с куриное яйцо. «Зло, вызванное тобой, здесь!» — рявкнул гость и взглянул при этом на свою поклонницу столь выразительно, что та с воплем выскочила из комнаты. С тех пор она никогда больше не беспокоила Сатану подобными вызовами.

Призрак — инкуб («демон-любовник»). Разумеется, ни инкуб, ни суккуб (бестелесная «дама», падкая на мужскую плоть) — никакие не «демоны»: дух умершего, зависший меж двух миров на «крючке» неутолённой при жизни страсти, — такое определение, пожалуй, лучше подошло бы этому плотоядному гостю.

Впрочем, и здесь мы нередко имеем дело всего лишь с раздвоением личности и ожившей психопроекцией. Известен случай, когда 40-летняя жительница Техаса, влюбившись в церковного проповедника, возмнила себя суккубом и... сделала таковым. Более того, она утверждала, будто бы сам Бог давал ей при этом разного рода сексуальные наставления.

Призрак — «ведьма». Это близкая родственница суккуба — только совсем не лубоеобильная. Легендарная «ведьма Беллов» из штата Теннесси — самый известный на Западе случай такого рода. Призрачная гостя не называла себя «призраком» и знать ничего не знала о якобы породившем её потустороннем мире: здесь, в этой реальности, она возникла исключительно ради того, чтобы умертвить отца 12-летней Бетси Белл. Нам такие истории в новинку, а вот в Африке, если верить вуду-литературе, таких невидимых «ведьм» — пруд пруди.

Призрак — дух умершего. Вот он, главный камень преткновения на пути парапсихологии. Существуют ли они, привидения в классическом смысле этого

слова? Прежде чем утвердительно ответить на этот вопрос, проведём чёткую грань между привидением (ghost) и видением (apparition).

Видения (разумеется, мы не ведём здесь речь о галлюцинациях) не привязаны к месту и являются обычно с определённой целью: сообщить о смерти, предупредить об опасности, призвать на помощь. Видение всегда «человечно», оно неспособно нас испугать.

Призрак — нечто не от мира сего. При встрече с ним мы ощущаем замогильный холод, сердце нам сковывает ужас: если видение несёт в себе искорку жизни, то привидение — движущаяся оболочка... Самое страшное в призраке — это его подчинённость какой-то неясной цели: не частица отколовшейся человеческой психики оживляет его, но какая-то безжизненная идея-фикс.

Напомню вкратце об известном случае с леди Харрис: он необъясним в категориях психоанализа и служит, очевидно, доказательством существования призрака в самом традиционном смысле этого слова. Итак, в доме у леди Харрис появилось привидение: эта бородатая фигура постоянно что-то искавшая в спальне. Наведя справки, хозяйка выяснила, что прежний владелец дома носил длинную бороду и, отправляясь спать, сжимал её резиновым колечком у подбородка. Леди Харрис нашла у себя такую резиночку и вечером положила её на комод. Привидение кинулось на добычу, как ястреб! Колечко исчезло, и вместе с ним канул в небытие бородатый гость.

Что же получается — наши привычки переживают нас, а затем материализуются в нашем обличье?.. Вопросов тут возникает куда больше, чем возможных ответов. Допустим, много веков назад произошло убийство... Но почему всегда только жертва оказывается призраком, и никогда не преступник? Что приводит её сюда — мучительные воспоминания о смерти? Но как может этот отделившийся от разума «сон» длиться столетиями?

Призрак не обязательно человекообразен: время от времени наш мир посещают и «духи» животных, от встреч с которыми почему-то приходят в неописуемый ужас их живые собратья. Если верить теософам, существуют и так называемые элементарии — демоноподобные сущности, встреча с которыми для человека смертельно опасна. Не стоит забывать и о «чистых» духах, никогда не инкарнировавшихся на Земле. В их числе — «Маленькая Стася», помогавшая мадемуазель Томчик, и «Нона», сотрудничавшая с медиумом Линжег-Игнат: обе творили чудеса, о каких «обычным» духам-посредникам остаётся только мечтать.

А, кстати, ангелы, время от времени навешающие набожных граждан, — они-то кто-такие? Скорее всего не призраки... но и не люди, это уж точно. Как бы то ни было, ясно одно: в своём пространстве — духовном и материальном — мы давно уже не чувствуем себя просторно: рядом с нами — мириады невидимых соседей явно не от мира сего.

ТАЙНА ОСТРОВА КОКОС

Новая вспышка общественного интереса к сказочным сокровищам острова Кокос, крошечного клочка суши, затерявшегося среди океана в 550 милях к западу от Панама-Сити, заставила меня обратиться к собственным архивам и выудить с самого дна так и не опубликованный в своё время очерк о путешествии туда сэра Малкольма Кемпбелла в 1926 году (в бытность его ещё самым обыкновенным капитаном) и моих собственных попытках привлечь к поиску двух достаточно известных медиумов своего времени.

Думаю, время для этого пришло, ибо вышедшая недавно книга Ральфа Хэнкока и Джулиана Э.Вестона со всей убедительностью доказывает: где-то в водах Тихого океана действительно покоится величайший клад нашей планеты.

Принято считать, что на острове Кокос зарыты три клада; того же мнения придерживался и сэр Малкольм Кэмпбелл в 1933 году, когда мы оказались с ним в одном вагоне Восточного экспресса, направлявшегося из Лондона в Будапешт, где должен был состояться международный конгресс газетчиков. «Король скорости» (напомню, первым в мире преодолевший трёхсотмильный скоростной рубеж) представлял на нём лорда Ротмира и газету «Дэйли мэйл». Сэр Малкольм подарил мне свою книгу «Моё величайшее приключение» (1931) и, пока экспресс мчал нас по европейским просторам, изложил все известные ему факты.

Первый из кладов зарыл здесь капитан Эдвард Дэвис, сообщник Дамфиера: в 1685 году он полностью блокировал Панамский залив и до основания обчистил никарагуанский город Леон. Вот что читаем мы об этом у Хэнкока и Вестона:

«Капитан Дэвис сделал остров Кокос своей основной базой. Именно отсюда пираты совершали вооружённые налёты на побережье Новой Испании — от Баия до Калифа. Время от времени к «Холостяцкой радости» присоединялись корабли многих других «свободных художников» моря. Все они поочерёдно прибывали к острову, чтобы закопать тут награбленное. Тонны серебряных слитков, сундуки набитые изысканнейшими украшениями, мешки с золотом, лопающиеся по швам... Почему до сих пор ни крупницы этих сокровищ не было найдено?»

Капитан Дэвис сначала «предал себя в руки Её Величества», затем вместе со всем пиратским сообществом был амнистирован королём Иаковом II и удалился в Вирджинию. Дождавшись своего часа, он несколько лет спустя вновь вышел на небольшом судёнышке в море, однако не удержался, принялся за грабежи и... исчез самым таинственным образом.

Второй клад был захоронён здесь печально знаменитым капитаном Бенито Бонито по прозвищу Кровавый Клинок. Этот негодяй, царствовавший на водных просторах Центральной Америки в 1818-1820 годах, оставил, как полагают, в недрах Кокоса не одно, а несколько фантастических состояний.

В 1819 году вместе с бандой головорезов Бенито высадился на материк, захватил конвой с грузом золота, направлявшийся из Мехико в Акапулько, и, вернувшись на остров, зарыл его здесь. В 1821 году Клинок нашёл-таки свой конец: он пал от рук собственных взбунтовавшихся матросов. Но главным достоянием

этого крошечного тропического островка (размеры которого составляют лишь 4 мили в длину и 3 — в ширину) стали знаменитые «сокровища Лимы».

В 1820 году перуанский наместник испанского короля пришёл в немалое волнение: повстанческая армия Хосе де Сан-Мартина вот-вот готова была вторгнуться в столичную провинцию. Он спешно опустошил хранилища государственного монетного двора, ободрал золото и серебро с церковей и все эти несметные богатства переправил в порт Каллао, где они были погружены на борт британского торгового судна «Милая Мэри» под командованием шотландца, капитана Томпсона. По условиям договора последний должен был выйти в море и продрейфовать там пару месяцев. В случае победы властей ему предписывалось вернуться в Лиму, в противном же случае — передать груз испанскому представителю в Панаме.

На борт корабля для охраны сказочного сокровища поднялись полдюжины человек, в том числе и двое священников. Не успела «Милая Мэри» выйти в море, как уже на следующее утро обезумевшие от близости золота матросы расправились с испанцами и направились к острову Кокос. Капитан Томпсон надеялся, что сможет захоронить тут сокровища, а года через два вернуться сюда с новой командой и переправить груз в Англию, но плану этому суждено было осуществиться лишь отчасти. «Милая Мэри» бросила якорь в одной из трёх бухт северного побережья и шлюпка, гружёная до самых боёвниц, совершила к острову 11 рейсов.

О том, где именно зарыты богатства, знали только капитан и его помощник, раздавшие матросам лишь малую долю монет. «Милая Мэри» снялась с якоря и... тут же была остановлена боевым испанским кораблём. Командование последнего, подвергнув Томпсона и компанию тщательному допросу, приговорило преступников к повешению, признав их виновными в убийстве и разбое на море. Приговор приводили в исполнение постепенно — другими словами, перевешали невиновных, а когда дело дошло до капитана с помощником, заключили с ними сделку. В обмен на жизнь Томпсон пообещал указать место, где он спрятал сокровища Лимы. Не успела экспедиция высадиться на остров, как британцы мгновенно исчезли в джунглях. Несколько дней тщетно проохотившись за беглецами, испанцы так и отплыли ни с чем. Несколько месяцев добровольные изгнанники жили здесь, питаясь кокосами, яйцами птиц и мелкой дичью, пока в 1822 году их не подобрал наконец британский китобойный корабль, остановившийся для того, чтобы пополнить запас пресной воды. Томпсон с помощником прикинулись потерпевшими кораблекрушение, ни словом не обмолвились о сокровищах и, дабы не вызывать подозрений, не взяли с собой ни крупицы золота. Больше они сюда не вернулись, следы их теряются где-то в Коста-Рике.

История острова Кокос с 1822 года до наших дней — причудливое сплетение легенд, фактов и отчётов о нескончаемых экспедициях — как любительских, так и прекрасно организованных. В 1826 году, движимый «исключительно романтическими побуждениями», двинулся сюда и капитан Малкольм Кэмпбелл. Однажды ночью, изнывая от невыносимой жары и усталости, он тщетно пытался заснуть.

«Внезапно лежавшая рядом со мной собака, — читаем мы в книге «Моё главное приключение», — вскочила, с яростным лаем вырвалась из палатки и остановилась у входа, диким рычанием пытаюсь утратить какого-то невидимого врага. Оба моих напарника проснулись. Я вынул из кобуры револьвер и ползком выбрался наружу, ожидая встретить кого угодно — от краснокожего индейца до привидения, но... никого не увидел. Искры огромного костра, разведённого нами в надежде отогнать насекомых, в весёлом танце резвились на бархатном фоне тропического мрака. Мириады звёзд над моей головой мерцали сияющей россыпью самоцветов. Всё это время собака отчаянно выла у входа в палатку. До самого последнего момента меня не оставляло ощущение, что кто-то наблюдает за каждым моим движением. Вернувшись, я около часа лежал неподвижно, сжимая в руке револьвер, но собака успокоилась, и вскоре веки мои сомкнулись.

Такое повторялось ещё трижды. Мы не смогли разгадать тайну происшедшего тогда и не в силах сделать этого сейчас. Насколько мне известно, на острове водятся лишь дикие кабаны, но их при всём желании в излишней утончённости не заподозришь: кабана, когда он ломится сквозь заросли, слышно за милю. Я не видел ни крыс, ни змей, ни рептилий: кто же в таком случае наведывался к нам по ночам?»

По пути в Будапешт сэра Малкольма заметил, что далёк от спиритизма и не верит в злых духов, но... ни за что на свете не согласился бы провести на острове Кокос ещё одну ночь. Тем более, что все сколько-нибудь серьёзные экспедиции на остров в этом столетии не только оказывались безрезультатными, но и заканчивались какими-нибудь трагическими происшествиями. Его гипотеза при всей своей романтичности достаточно прозаична.

Существует легенда, согласно которой на острове Кокос нашли себе прибежище инки, бежавшие когда-то от жестоких конкистадоров. Не исключено, что потомки их обитают тут по сей день: они смертельно боятся белого человека, при появлении кораблей тут же гасят свои костры и скрываются на вершине самой высокой горы. Я достаточно откровенно высказал сэру Малкольму свои сомнения на этот счёт: человек не смог бы привести собаку в столь дикий ужас; её поведение указывает скорее на присутствие тут каких-то сверхъестественных сил. И, кстати, почему бы не прибегнуть к помощи специалистов, которые находятся со сверхъестественным в непосредственном контакте?

Сэр Малкольм встретил моё предложение скептически, но охотно отдал адмиралтейскую карту, которой пользовался в экспедиции.

Заклеив верхнюю её часть, чтобы скрыть название, я привёз карту в Лондонский колледж психической науки и провёл спиритический сеанс с мисс Джеккелин, в ходе которого стенографировал всё, ею сказанное.

«Речь идёт о каком-то острове? — спросила она (карта при этом была свернута в рулон). — Название его начинается с буквы «х»? Или «к»? Это связано с поиском... На острове что-то спрятано. Я вижу... трое... нет, четверо людей что-то ищут здесь. Какие огромные перспективы! Мне кажется, я сама куда-то поднимаюсь с ними: мы ищем сокровища!»

Я начал постепенно разворачивать карту снизу, а мисс Джеккелин – находить важные точки:

«На этом месте была какая-то надпись? Это имеет отношение к Гластонбери? Может быть, так зовут какого-то человека?..»

Ошибка эта, как ни странно, меня успокоила: медиум явно не «считывала» сведения из моей памяти телепатически.

«Коко... Кокос! Это название подсказывает мне дух-посредник!» – Мисс Джеккелин взяла в руки свою «волшебную палочку», повела ей по карте, а я стал отмечать точки, над которыми палочка начинала вибрировать. Наконец, кончик её упёрся в островной пик – гору Иглесиас.

«Там живут люди!» – воскликнула она. Неужели легенда о потомках инков, скрывающихся на вершине, соответствовала действительности? Что ж, первый сеанс показался мне весьма обнадеживающим.

Я снова свернул карту в рулон. Настал черёд миссис Эйлин Дж. Гаррет. Погрузившись в транс, она вышла на связь с одним из своих духов, «Увани», который, в свою очередь, вызвал «Джона Кинга», утверждавшего, будто при жизни сам разбойничал на морях под именем Генри Моргана (пират этот действительно приобрёл в своё время всемирную известность).

«Кинг говорит, что тут попахивает увлекательнейшей авантюрой! – заговорил «Увани» устами миссис Гаррет. – Это карта. Я чувствую остров – карта уносит меня к нему. Джон рад осознать, что дух приключения ещё не покинул сердца людей, живущих ныне на земле. Там есть сокровища. Он говорит, что чувствует захоронённые драгоценности. Остров в прошлом служил прибежищем для пиратов. Бывали тут и жертвы кораблекрушений, и беглецы-аристократы. Припрятано много – особенно под церквушкой, к которой можно добраться по тропинке, ведущей от берега. Остров называется Ко... Кокос! Кинг говорит, что он связан с материком: путь этот был проложен древней цивилизацией. Тут жили древние ин... инк... Ну, в общем, люди, которых Кинг называет «белыми индейцами». Одно время тут находился и центр оккультной секты ацтеков. Западный берег острова – отвесный утёс. В прежние дни тут находился порт: его использовали торговцы, курсировавшие между Южной Америкой и островами Южного архипелага.

Сокровища спрятаны в западной части острова. Они до сих пор не вывезены. Кинг говорит, что поможет их разыскать. Это доставит ему огромное удовольствие – вспомнит заодно о собственной жизни. Только экспедиция должна быть тщательно организована, к подготовке её нужно подойти серьёзно».

Напомню, всё время, пока говорил «Джон Кинг», рулон был свёрнут: о том, что это карта, трудно было и заподозрить. Кстати, заглянем-ка и мы с вами вовнутрь рулона...

Итак, на острове Кокос две возвышенности: гора Иглесиас высотой 2788 футов и безымянная скала – 1574 фута. Действительно ли они вулканического происхождения, сказать не могу: ничего не говорят об этом и Хэнкок с Вестоном. С одного уже взгляда на карту ясно, что с западной стороны к острову действительно не подобрёшься. Кстати, и миссис Поллак, ясновидящая, о которой упоминает в своей книге сэр Малкольм, утверждала, что

«сокровища находятся высоко — возможно, на высоте нескольких сот футов над уровнем моря».

Не сомневаюсь: знай я хоть что-нибудь о высаживавшихся на Кокосе пиратах и их злодеяниях, «Джон Кинг» рассказал бы немало интересного. Почему, мне трудно объяснить. Просто давно замечено: на сеансах медиумизма подсознание присутствующего используется в качестве проводника. Человек, являющийся специалистом в деле, о котором идёт речь, сам того не сознавая, «вытягивает» из духа дополнительную информацию; напротив, невежественный мозг так и остаётся пустым. Сэр Малкольм, к примеру, получил от миссис Поллак очень ясные указания на то, где именно следует искать драгоценности. Из-за недостатка времени знаменитый путешественник, правда, вернулся домой с пустыми руками, но сообщения ясновидящей произвели на него такое впечатление, что он пообещал вознаградить её вне зависимости от того, будут ли сокровища найдены по её указке или каким-то иным путём.

В надежде организовать очную встречу «Джона Кинга» и сэра Малкольма, я написал последнему письмо, но...

«На днях я собираюсь вернуться на Кокос и пробуду там, пока либо не найду клад, либо не удостоверюсь в том, что задача эта человеку не под силу», — самонадеянно писал он в ответном послании. Обещание это, однако, так и осталось на бумаге. В 30-х годах сэр Малкольм не захотел «будить в мире очередной приступ золотой лихорадки», позже помешали иные причины.

А значит, фантастические «сокровища Лимы» (в числе которых — инкрустированная огромными самоцветами икона Божьей матери в человеческий рост, выполненная из чистого золота) всё ещё покоятся на крошечном пятнышке земли, затерявшемся среди бурных вод Тихого океана.

ЧУДЕСА СПИРИТИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ

Феномен спиритической фотографии как форма медиумизма остаётся предметом ожесточённых споров начиная с того самого момента, как в 1862 году гравёр из Бостона по имени Уильям Х. Мумлер первым получил снимок «духа». Скептицизм наблюдателей более чем оправдан: ни один вид медиумизма не даёт такого простора мошенникам, как искусство фотографического проявления, когда на пластинке вдруг возникает так называемая «экстра»-деталь — чаще всего, «дух» умершего (в основном, на радость родственникам, жаждущим получить подтверждение посмертного существования любимого человека).

Я никогда не занимался специальными исследованиями в этой области,* но в затемнённых комнатах для спиритических сеансов общался практически со всеми мастерами этого жанра нашего времени. «Духи», проявившиеся

---

* А сэр Артур Конан-Дойль занимался, и о психофотографии им написаны специальные исследования. По-русски пока имеется лишь пара статей в «Записках о Спиритизме», к каковым и отсылаем читателя, дабы получить минимальное представление о сути этого специального предмета. Одну из этих статей мы помещаем в «Приложении» (И.Р.)

на моих снимках, не имели ко мне, моим друзьям или родственникам ни малейшего отношения, поэтому личных причин проникнуться к феномену особым доверием у меня не возникло. Зато оснований для изначального предубеждения было предостаточно.

Прежде всего, достаточно сильное впечатление произвели на меня разоблачительные демонстрации студента-инженера П. Маккарти (сначала секретаря шеффилдского Общества психических исследований, затем моего ассистента в Лондонском О.П.И.), убедительно доказавшего, что лже-спиритическую фотографию не так уж сложно получить даже в идеально подконтрольных условиях.

Фокус Маккарти состоял в следующем. Он просил участников аудитории выбрать одну из нескольких книг, а в ней — найти и запомнить определённую фразу, которую обещал воспроизвести на фотопластине, вне зависимости даже от того, на каком она написана языке. Зрители, как правило, выбирали «Библию».

Маккарти открывал книгу «наугад» — заранее подготовив её так, чтобы она распахивалась на нужной странице, — и просил зрителей выбрать абзац, хорошо замаскированным внушением обеспечивая желаемый выбор. Получив искомый результат, он предлагал аудитории указать язык, на котором должна быть написана фраза, почти наверняка зная, что выбор падёт на китайский или греческий. Зрители, находясь под воздействием уже упоминавшихся методов, почти всегда предпочитали китайский.* О четырёх имевшихся у него запасных вариантах исследователь подробно рассказал в октябрьском выпуске журнала «Psychic Science» 1935 года.

Члены комиссии каждый раз тщательно исследовали лже-медиума и даже надевали на него наручники в надежде исключить возможность мошенничества. Никаких спрятанных аппаратов в одежде его не обнаруживалось. Однако по меньшей мере в одном комиссия отказать ему не могла: речь идёт о пресловутом «затемнённом кабинете», который по традиции требуют предоставить себе все медиумы без исключения. Дело в том, что на указательном пальце у Маккарти был закреплён так называемый «психопечатник» — хитроумный самодельный приборчик, ловко замаскированный под цвет кожи. Чтобы отпечатать на фотопластине текст, которого ждала аудитория, ему оставалось всего лишь направить на пластину палец.

Успехи этих демонстраций превзошли все ожидания: когда инженер-фокусник объяснил суть происходящего, зрители наотрез отказались поверить, что стали жертвами сознательного розыгрыша. Даже отец Маккарти не сомневался в том, что его сын — талантливый медиум. Поняв всю бесплодность устных саморазоблачений, Маккарти дал большое интервью журналу «Armchair Science» (выходившему под редакцией моего покойного друга А.Н. Лоу), очень подробно, с помощью диаграмм и чертежей описав свой метод.

«Корпусом «психопечатника», как называет своё устройство мистер Маккарти, — читаем мы, — служит металлический цилиндр длиной около пяти сантиметров и около одного сантиметра в диаметре. В трубке находятся три

---

* «Библия» на китайском, предпочитаемая «Библии» на греческом, и обе в англоязычной аудитории имеют предпочтение перед «Библией» на английском?! — Такая метода, логика и расчёт повергают в немалое изумление. (И.Р.)

плотно прилегающих друг к другу отсека: фильтр и линзы, крошечный слайд с лампочкой и батарейка. Основой двухкамерной батарейки, питающей лампочку при посредстве контактной пружинки, служат цинк и уголь в слабом растворе серной кислоты с добавлением в качестве деполяризатора биохрома-та калия. Поскольку электромагнитная сила каждой камеры составляет около двух вольт, на лампочку подаётся напряжение почти в 4 вольта: она горит очень ярко и обеспечивает почти точечный пучок света. Слайд закреплён перед лампочкой эластичными упорами и маленьким крючком. Перед фокусирующей линзой установлен фильтр, отсекающий видимую часть спектра и пропускающий только фиолетовые и ультрафиолетовые лучи. Это хитроумное устройство телесного цвета прикрепляется двумя колючками к указательному пальцу, так что достаточно всего лишь направить его в темноте на пластину, чтобы получить на снимке «послание с того света». Батарейка способна в течение нескольких минут поддерживать свет в лампочке, но в этом нет необходимости: для получения пяти «экстра»-отпечатков требуется в общей сложности не более двух с половиной секунд».*

Стоит ли удивляться тому, что демонстрации Маккарти настроили меня в отношении феномена спиритической фотографии на самый скептический лад? Кроме того, насколько мне было известно, существовали и другие весьма эффективные методы проявления, позволявшие достичь весьма впечатляющих результатов без всякого вмешательства «мертвецов» и «духов». Так что, когда вошла звезда Джона Майерса, тут же провозглашённого «гением духовной фотографии всех времён», я, естественно, не преисполнился по этому поводу благоговейным трепетом.

Яростная схватка, развернувшаяся между противниками Майерса (их возглавил лорд Донегалл, печатавшийся в «Sunday Dispatch») и его сторонниками во главе с Морисом Барбонеллом («Psychic News»), также не слишком настраивала на серьёзный лад. Вряд ли стоит сейчас освежать в памяти читателя все детали той грандиозной дискуссии; перейду сразу к описаниям событий, которые произошли в течение недели (17–22 августа) когда я, приняв вызов сразу нескольких медиумов, прибыл в Лонг-Дэйл (штат Нью-Йорк), чтобы стать свидетелем майерсовского «гала-концерта».

В качестве проверяющих «виновник торжества» пригласил двух учёных из чикагского Технологического института, физика Говарда Бетца и фотоэксперта

---

* Тот факт, что фокусник может подделать медиумические явления, точно так же не может служить принципиальным опровержением их существования, как печатание фальшивых денег не служит опровержением существования денег настоящих или изготовление мошенниками винных подделок — существования марочных вин. Неужели автор полагает, будто в сотнях, тысячах случаев психофотографии, полученных прежде описанного им способа, медиумы пользовались таким же хитроумным прибором? Для этого должна была существовать известная только медиумам фирма, занимавшаяся его серийным изготовлением, либо толпы медиумов должны были состоять сплошь из гениальных инженеров, наподобие представленного здесь фокусника. При этом необходимо также учесть, что сочетание подобных талантов в одном человеке является качеством уникальным, а никак не массовым. (И.Р.)

Нормана Бартли. Последний привёз из Чикаго три пластины и зарядил их в затемнённой комнате собственноручно. Сначала сфотографировали некоего молодого человека, затем — всю аудиторию и наконец третью пластину заряжать не стали вообще: её держал в руках стоявший на сцене физик. Майерс всего лишь командовал, когда следует щёлкнуть затвором. Затем эксперты отправились в затемнённый кабинет и занялись проявлением. Некоторое время спустя кто-то постучал в дверь: ну что, мол, есть результаты? Вышел физик. «К сожалению, есть», — тихо ответил он.

Затем на сцене появился Бартли. «Мы проявили пластины на стандартном оборудовании, — заявил он, — используя привезённый с собой проявитель и на всех трёх снимках обнаружили необъяснимым образом появившиеся дополнительные детали. В ходе проводившихся до этого пробных съёмок ничего подобного не случилось».

Итак, демонстрация завершилась полным триумфом. «Psychic Observer» уделил этому событию пять колонок: «Реальность сверхъестественного феномена доказана со всей убедительностью. Опыты были проведены в идеальных условиях».

Эта публикация вызвала у меня несколько вопросов. Действительно, несколько участников аудитории узнали среди призрачных фото-персонажей своих покойных родственников. Авторы статьи, однако, забыли упомянуть одну небольшую деталь: Джон Майерс, как это случилось с ним нередко и раньше, пришёл вдруг в необычайное возбуждение и ворвался в затемнённую комнату как раз в тот момент, когда там шло проявление, нарушив таким образом одно из основных условий эксперимента.

Позже медиум утверждал, что это произошло помимо его воли: он просто не смог удержаться на месте. В том, что Майерс был чрезвычайно взволнован, я имел возможность и сам убедиться ещё до начала демонстрации. Но я заметил кое-что ещё. К завтраку он вышел с перевязанным указательным пальцем, объяснив это тем, что порезался во время бритья. Я тут же вспомнил о цилиндрике Маккарти. Что если Майерс приобрёл «психопечатник» или его копию во время пребывания в Англии? В таком случае, его появление в затемнённой комнате объясняло все «чудеса».

Ситуация возникла неловкая. В непосредственной подготовке сеанса я не принимал никакого участия. Двое же молодых людей из Чикаго чувствовали себя словно младенцы в лесу. О физических процессах фотографического проявления они знали всё, но совершенно не были осведомлены об элементарных методах жульничества. Ничего не оставалось, как выяснить всеми правдами или неправдами, не спрятано ли чего-нибудь у Майерса под повязкой. И вот на сцене, уже после того, как демонстрация началась, я сделал вид, что споткнулся, повалился на Майерса, и как бы случайно ухватил его за палец! Нет, Джон Майерс методом Маккарти явно не пользовался. Что ж, может быть, его вторжение в кабинет было действительно следствием внезапной истерики.

Незадолго до происшествия в Лонг-Дэйле я имел ещё одну встречу с этим виртуозом спиритической фотографии. Принять участие в специальном сеансе для друзей в нью-йоркском отеле «Сент-Мориц» он пригласил меня

лично. Прихватив жену, я отправился туда в качестве наблюдателя. Принимать какое бы то ни было участие в непосредственной подготовке сеанса мне совершенно не захотелось.

К тому времени медиумы с их фокусами, истинными и фальшивыми, перестали интересовать меня с точки зрения парапсихологии: я стал относиться к их творчеству исключительно как психоаналитик. У меня сложилось глубокое убеждение в том, что сознание медиума функционирует одновременно на двух уровнях, и любая искусственная попытка две эти функции разграничить неминуемо приведёт к провалу эксперимента. В какой-то момент у меня даже возникла мысль: что если уговорить Джона Майерса прилечь на «аналитическую» кушетку? Вдруг удастся что-нибудь выведать о духе-посреднике по имени Блэк Фут (по-английски — «Чёрная Нога»), о других странностях его своеобразной натуры?..

Но вернемся в Нью-Йорк. В темноте была распакована совершенно новая пачка фотобумаги. Присутствующим было роздано по листу; каждому предлагалось поддержать свой лист на слабом свете. Фотограф по фамилии Сигель, принёсший плёнку, утверждал, что Майерс не притрагивался к ней вообще. Собственно, ответ на вопрос, действительно ли странности, возникшие вскоре на этих листах, имели паранормальное происхождение, находится в прямой зависимости от истинности этого последнего утверждения.

Тем не менее, я не стал прилагать никаких усилий к установлению подлинности «психических» снимков Майерса. В тот момент меня интересовал лишь один вопрос: что именно проявится на двух листах, которые получили мы с женой. С ними действительно произошло нечто странное; если это было лишь совпадение, оно тем более заслуживает, чтобы о нём рассказать. Позвольте процитировать собственное интервью, данное журналу «Psychic Observer»:

«Мой лист фотобумаги оказался в стопке последним, и номер его был — 24. Моя жена получила 16-й. Номера проставлялись фотографом, который раздавал листы наугад. Я взял свою бумагу и... нечаянно выронил её, так что она упала на нижнюю часть живота. Не совсем приличная мысль пронеслась у меня в голове. Я сообразил, какую именно часть тела должен был проявить Майерс, чтобы убедить меня в своих чудесных способностях. «Нет, концентрацией мысли тут ничего не добьёшься, — сказал я себе мысленно. — Лучше просто расслабиться».

Что-то отвлекло моё внимание; потом листы собрали, на несколько минут отдали моей жене, а затем отправили на проявление. На моём листе возник «снаряд в полёте». На листе жены — «луна и солнце», или, во всяком случае, два шара, относительными размерами напоминавшие два эти светила, — так расшифровал «послания» сам медиум, когда проявленные снимки были отданы ему для толкования.

Мой «снаряд», судя по слабому следу, который за ним тянулся, действительно куда-то летел. Несколько странно, правда, выглядел протуберанец, напоминавший каплю жидкости. Углубление в головке «снаряда» тоже выглядело не по-военному. Впрочем, медиум «опознал» снаряд очень уверенно, и я не решился с ним спорить.

«Луна и солнце», не имевшие никакого значения для жены, у меня вызвали очень любопытные ассоциации. Начну с того, что приглашение от Джона Майерса я принял, будучи совершенно уверен, что речь идёт о вторнике, когда я был свободен. Лишь положив трубку, я понял, что сеанс состоится в понедельник, когда мне предстояло занять кресло Мастера в собрании одного тайного «братства». Итак, от одного из двух приглашений следовало отказаться. Жена посоветовала проигнорировать «братьев»: там в качестве лидера я был не самой очевидной фигурой, а кроме того, мог рассчитывать на повторное приглашение в будущем.

Всё это пронеслось у меня в голове, пока я рассматривал пару светящихся шаров, таинственным образом проявившихся на листе у супруги. Треугольник масонских символов составляют Луна, Солнце и Мастер («малые светила», в их терминологии). В тот вечер, отказавшись от кресла Мастера, я стал светилом не просто «малым» — вообще сократился до нуля. Два других символа, «отъединившись» от меня, возникли на листе жены — во всяком случае, никто из участников сеанса не получил ничего, сколько-нибудь похожего на небесные тела. Что это было — совпадение, или, может быть, следствие телепатического контакта? Изумление моё лишь возросло, когда из ванночки с проявителем извлекли мой лист: как ни трудно в это поверить, «снаряд» оказался точным воспроизведением той части тела, мысль о которой пронеслась у меня в голове: два шара идеально дополняли картину».

Вот такую заметку я написал по просьбе Джона Майерса. К сожалению, главный редактор Ральф Прессинг придал ей своим комментарием рекламный характер, чем неприятно меня поразил. «Реальность спиритической фотографии неопровержимо доказана!» — кричал заголовок. «Истинность феномена установлена окончательно, — бодро чеканил главный редактор в послесловии. — Никто не посмеет подвергнуть сомнению истинность заявлений, подписанных участниками сеанса, прилагаемых к этой статье. Никто не смеет более подвергать сомнению сверхъестественные способности Джона Майерса».

К статье действительно прилагались подписанные заявления очевидцев. Но я не подозревал, что своим присутствием помогаю установить истинность феномена, да ещё и «на все времена», — это совершенно не входило в мои планы. С другой стороны, в заметке не содержится ничего, что могло бы заставить меня взяться за самопровержение.

Джону Майерсу я не рассказывал об этом вплоть до самого последнего времени: мне казалось, что он не придёт в восторг от таких открытий. Сделал я это совсем недавно в ответ на письмо, в котором он просил прислать воспоминания о тех спиритических демонстрациях. «Почему бы Вам не провести со мной несколько психоаналитических сеансов? — предложил я ему в мае 1943 года. — Вы рассказали бы мне о своих снах, о детстве... Таким образом мы узнаем о феномене спиритической фотографии массу интересного, да и Вы проведёте время с немалой для себя пользой». Позже мне удалось провести с медиумом три беседы, но продолжать эти эксперименты он не захотел, так что история с происхождением духа-посредника по имени «Чёрная Нога» так и осталась загадкой. «А знаете, вы сами немного напоминаете внешне индейца, — заметил я как-то

раз. — Вы в детстве не увлекались рассказами о краснокожих?» Внятного ответа я не получил, но по сей день не сомневаюсь в том, что отделение «духа» от психики Майерса относится к самым первым годам его жизни.

Более всего мне хотелось бы выяснить, имеет ли Чёрная Нога отношение к случаю, описанному медиумом в своих автобиографических заметках. Однажды в детстве он оказался заперт в подвальном бойлере и, обессилив от отчаянных попыток самостоятельно выбраться, там же в конце концов и заснул. Решило ли его подсознание во сне задачу? Может быть, он выбрался из ловушки бессознательно, подобно лунатику? Кем, в таком случае, был «бородач в белом», появившийся, чтобы спасти его, прототипом Мудрого Старца, о котором писал Юнг? Может быть, именно это видение под влиянием тогдашней спиритической моды на разного рода экзотику трансформировалось затем в «черноногого духа»? Джон Майерс утверждает, что много лет спустя седовласый старец в качестве очередного призрачного «гостя» проявился на одной из его фотопластин. Это свидетельствует о том, что по крайней мере сам он себя с этой фигурой не идентифицировал.

Время от времени я слышу повторяющийся вопрос: что пытался доказать Майерс своей демонстрацией? Отвечаю я на него, как и двадцать лет назад, вопросом: а что, любая демонстрация паранормальных способностей непременно должна служить какой-то конкретной цели? Обнаруживая на пути нечто новое, неизведанное и отворачиваясь от открытия лишь в силу своей неспособности понять, что именно оно «доказывает», разве не демонстрируем мы тем самым антинаучный подход к делу?

В этой жизни нет ничего окончательного. Мозг человека полон удивительных тайн, жаждущих своего разрешения. Если и ценен чем-то спиритизм, так только неоспоримым вкладом его последователей в великое дело человеческого самопознания.

ФЕНОМЕН DÉJÀ VU

На протяжении всей истории психоанализа специалисты не оставляли попыток пролить свет на тайну *déjà vu* — состояния «уже виденного», когда в незнакомом месте вдруг возникает яркое, почти мистическое ощущение, что ты уже был здесь прежде.

Déjà vu сопровождается деперсонализацией: реальность становится расплывчатой и неясной. Пользуясь терминологией Фрейда, можно сказать, что наступают «дереализация» личности — как бы отрицание ею реальности. При этом может возникнуть чувство историчности происходящего — нечто вроде воспоминания о предыдущей жизни. Ощущение это мимолётно, но незабываемо. Именно оно подсказало Юнгу мысль о том, что «жизнь — всего лишь короткий фрагмент текста, от которого отчеркнули предыдущий и последующий абзацы».

Карл Густав Юнг был убеждён в том, что живёт параллельной жизнью и отчасти пребывает в XVIII веке: чувство это впервые посетило его в 12-летнем

возрасте. Регулярные экскурсии в собственное прошлое неизменно приводили великого психиатра в полнейшее замешательство. Его поразила, например, зарисовка, на которой был изображён доктор Стакльбергер, живший в XVIII веке: ботинки с пряжками на герое картинки Юнг тут же признал... своими! «У меня возникло яркое убеждение, — пишет он, — в том, что я когда-то носил эти ботинки. Я буквально чувствовал их у себя на ногах! Каждый раз подобные вещи приводили меня в состояние дикого возбуждения. Часто рука моя помимо воли выводила цифру «1776» вместо «1876» — при этом я ощущал необъяснимую ностальгию».

Анри Бергсон определяет *déjà vu* как «воспоминание о настоящем»: он считает, что восприятие реальности в этот момент внезапно удваивается и отчасти как бы переносится в прошлое.

Между тем, феномен этот существует не только в зрительных впечатлениях. Он может принимать форму *déjà entendu* (уже слышанного), *déjà lu* (уже читанного) и *déjà éprouvé* (уже испытанного). Одни считают это отголоском предыдущих инкарнаций, другие говорят о родовой «памяти предков», пробуждающейся в сознании под воздействием сильных эмоций. Спириты утверждают, что *déjà vu* — «впечатление», приобретенное отделившейся частичкой психики; так, в фантазиях Чарльза Форта явление это трактуется как воспоминание о забытой телепортации. А доктор Виган в своём медицинском эссе «Обязанности разума» (1860) назвал феномен «дефектом апперцепции», первым догадавшись, что *déjà vu*, возможно, — следствие независимого восприятия реальности двумя долями мозга, одна из которых несколько опережает другую, создавая таким образом иллюзию провала времени.

Однако, более всего интригует нас, разумеется, представление о том, что *déjà vu* — это воспоминание не о прошлом, а о будущем: предчувствие, которое в силу особенностей человеческого разума автоматически проецируется в прошлое — из предвидения превращается в воспоминание. И это уже — совершенно независимо от того, ведём ли мы речь о сновидении или ощущениях наяву — вовлекает нас в глубь самой удивительной из тайн, тайны времени.

Один пациент рассказал мне, как, будучи пленённым во время второй мировой войны, вспомнил вдруг, что за четыре года до этого сцена ареста ему уже снилась. Сон забылся, а потом... превратился в реальность. В книге «Неизвестный гость» (1914) Метерлинк называет это «земной реализацией».

Нечто подобное рассказал мне будапештский племянник: «Я прочёл Вашу статью «Предчувствие и жизненный кризис» и вспомнил об одном своём сне. Я впервые увидел его в 1909 году, и он затем повторялся ежегодно вплоть до начала войны. Мне снилось, что я — армейский офицер и нахожусь в Италии. Ординарец принёс мне обед, и тут появилась хозяйка дома, очень красивая женщина. Пока я ел, она вела со мной беседу, а в следующем эпизоде... явился передо мной в чёрной ночной сорочке, весьма многообещающе приоткрывавшей прекрасное тело. Началась война. Когда Италия объявила о начале боевых действий, моё подразделение было переведено туда первым. Мы наступали на Пьяве, когда я оказался вдруг в очень знакомой обстановке — словно вернулся домой.

Нам накрыли стол на террасе замка. Когда ординарец принёс мне еду, я подумал: не хватает только той красавицы. И она появилась! Я приветствовал её как старую приятельницу. Самое удивительное — позже и она призналась в том, что я ей показался знакомым. На этом остановлюсь, потому что вскоре я увидел и ночную сорочку. Как же могло произойти в реальности то, что привиделось мне во сне за пять лет до этого?»

Итак, сон пятилетней давности явно стал воспоминанием о будущем. Может быть, он — сродни тем грёзам, не праздным, но созидательным, — что посещают писателей, музыкантов, поэтов в минуты вдохновения?

Профессор Галлей, как известно, открыл спутники Марса в 1887 году. А за 150 лет до этого Джонатан Свифт писал в «Путешествиях Гулливера» об астрономах Лапуты: «Они открыли две маленькие звёздочки, вращающиеся вокруг Марса. Ближняя находится на расстоянии трёх диаметров от центра планеты, дальняя отстоит от него на пять диаметров. Первый спутник совершает полный оборот за 10 часов, второй — за 20,5». Цифры, воспринятые современниками как доказательство полного невежества писателя в области астрономии, поразительно сошлись с расчётами профессора Галлея.

Эндрю Джексон Дэвис («Penetralia», 1856) «вспомнил» о пишущей машинке задолго до её появления: «У меня возникло побуждение создать автоматический психограф — назовём его духописцем. Инструмент можно было бы сконструировать наподобие фортепиано: один ряд клавиш представлял бы элементарные звуки, другой — их комбинацию, третий — быструю рекомбинацию, так что вместо музыкального произведения здесь можно было бы наиграть проповедь или поэму».

Не будем забывать также и о том, что научная фантастика последних десятилетий — одно нескончаемое «воспоминание о будущем».

Необычный пример я обнаружил недавно в книге Фрайгеса Каринфи «Путешествие вдоль границ черепа». Описывая первую встречу с доктором Оливекроном, нейрохирургом из Стокгольма, обратившегося к нему на предмет удаления опухоли мозга, он вспоминает, как его поразило ощущение, что этот человек ему знаком. Много лет спустя после этой успешно проведённой операции он попытался описать внешность доктора одному из своих коллег в Будапеште. «Но это же в точности описание...» — прервал его тот, назвав героя одной популярной в те годы венгерской театральной постановки.

«Пьесу написал я, и было это лет двадцать назад, — признаёт Каринфи. — Главный её герой — очень талантливый, но слишком эмоциональный молодой инженер, — страдал от излишней нерешительности. Он изобрёл нечто вроде автоматического беспилотного бомбардировщика (идея эта впоследствии действительно претворилась в реальность), но друг-скептик принялся убеждать его в том, что истинный мотив изобретения — желание отомстить всему миру за уход к другому красавицы-жены. Чтобы доказать свою бескорыстность, инженер объявил о том, что в день демонстрации сам поднимется в воздух. И тут его вдруг обуял страх смерти.

На сцене появляется его alter ego — хирург из Скандинавии — и предлагает прооперировать мозг, чтобы удалить «центр страха», который находится в моз-

жечке. Инженер соглашается на операцию. А на следующий день поднимается в воздух и остаётся в живых. Мой друг-актёр был сам хорошо знаком с этой ролью, потому что играл её не раз».

Приведу отрывок из письма доктора Лилы Вежи-Вагнер, психиатра из Лондона, как раз по поводу этой книги.

«Меня очень заинтересовало то, что Вы рассказали о «Путешествии вдоль границ черепа», — пишет он. — Я помню и книгу, и пьесу, так что могу подтвердить всё, о чём свидетельствует актёр. Разница состояла лишь в том, что прототип был шведом, а художественный герой — финном. Оба — скандинавы, но финн к венгру этнически куда ближе».

Александр Вулкотт повествует о молодой женщине из Катонвилля, штат Мериленд, которая, проводя во Франции медовый месяц, увидела дом, который на протяжении многих лет являлся ей во сне. Придя в необычайное волнение, она решила зайти во двор и... до смерти напугала живших там священника, садовника и старую даму: они узнали в госте привидение, обитавшее здесь на протяжении последних десяти лет! Это, согласитесь, уже нечто серьёзное обыкновенного *déjà vu*!

Если верить рассказу профессора Огастеса Гейра, включённому в книгу «История моей жизни», то же самое произошло с некой миссис Э. Батлер, жившей в Ирландии.

На протяжении многих ночей она видела себя во сне в необычайно красивом доме, оснащённом такими удобствами, о которых можно было только мечтать. Через год миссис Батлер переехала с мужем в Лондон и отправилась в Гемпшир посмотреть себе жилище. У сторожки привратника женщина воскликнула: «Да это же ворота дома, который являлся мне во сне!» Дойдя до парадного, она узнала одну за другой мельчайшие детали — кроме одной только «лишней» двери. Последняя, как оказалось, была встроена в стену полгода назад — как раз когда прекратились чудесные сновидения ирландки. Дом продавался по подозрительно низкой цене, и позже агент признал, что причиной скидки стало появление привидения в стенах этого во всех отношениях прекрасного дома. Читатель наверняка уже догадался, что «привидением» была... сама миссис Батлер!

Итак, видя себя во сне обительницей будущего дома, женщина явно «вспоминала» о будущем. Значит, время на каком-то своём участке вышло из колеи, позволив отдельным своим «лоскуткам» наложиться друг на друга?

Юнг вспоминает о странном случае, происшедшем с ним по пути в Найроби. На острой скале, возвышавшейся над железной дорогой, по которой шёл поезд, он увидел тоненькую фигурку человека, опиравшегося на копьё. «Эта картина из совершенно, казалось бы, чужого мира заорожила меня: я испытал состояние *déjà vu*. Когда-то я был здесь, я хорошо знал эту жизнь, отделённую от меня всего лишь отрезком времени. В одно мгновение я словно вернулся вдруг в свою тайную, прочно забытую молодость: да, этот темнокожий человек ждал меня здесь последние две тысячи лет. Чувство исторической принадлежности этой земле я пронёс через всё путешествие по дикой Африке».

Так называемые «пренатальные воспоминания» — феномен того же класса. Фрейд в книге «The Uncanny» прямо связывает воспоминания о «прежней жизни» с тягой к материнскому лону.

«Этот тайный, запретный вход есть врата в бывший дом: туда, где жил некоторое время каждый из нас. Есть шутовское выражение: «Любовь — это тоска по дому». Именно так. Если вам снится место или страна и вы во сне говорите себе: «Тут всё мне знакомо!» — значит, речь идёт о художественном образе, символизирующем гениталии матери или всё её тело».

Большинство из нас не в восторге от излишне натуралистичных теорий Фрейда, однако она верно объясняет суть «пренатальных воспоминаний» и последующую тягу ребёнка к матери.

И последнее. Между «пренатальным» состоянием и тем, что мы называем «предыдущей жизнью», простирается тусклый участок псевдосуществования, предшествующий зачатию. Во всяком случае, специалисты, считающие истинными «родовые» или «внепамятные» впечатления, которыми время от времени делятся пациенты, убеждены в реальности существования этой «серой области».

В книге «Фантазии о зачатии» я проанализировал сны пациентов, в которых те плавали в «иных водах»; сны, намекавшие на воспоминания о реальности куда более отдалённой, нежели жизнь в материнской матке. «Я плавала под водой, минуя одно за другим необычайно красивые места, — рассказывала мне одна девушка. — Более всего это напоминало мне полёт на огромной высоте. По мере приближения к дому у меня крепла уверенность в том, что я должна всплыть в него, я точно знала, что сделаю это. Всё уже было предreshено заранее».

«Дом», в который собиралась «всплыть» девушка, был маткой матери. Сон этот, яркий пример явления *deja ergoive*, символически повествует о спуске души в этот мир по пути, явно рассчитанному заранее. Спящая знала, что покидает «предматеринское» состояние ради миссии на земле.

Увы, официальная наука не в состоянии ни доказать реальность «пренатальных воспоминаний», ни её опровергнуть. Видения же мистиков, святых и просто психически одарённых людей имеют психологическую и художественную ценность, не более того.

«ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС» И МАГИЯ ИМЕНИ

В бытность свою романтическим юношей Фрейд часто становился жертвой галлюцинаций. Вот что писал об этом он сам:

«Оказываясь в незнакомом городе, я часто слышал своё имя. Его произносил дорогой мне голос, который невозможно было спутать ни с каким другим. Я тут же указывал в дневнике точное время случившегося, надеясь узнать потом, что в эту минуту могло произойти дома. Обычно оказывалось — ничего особенного». (Анвин Фишер, «Психопатология в повседневной жизни», Лондон, 1920).

«Будучи очень одиноким в те годы, — писал по этому поводу биограф Фрейда Эрнст Джонс, — он к тому же с трудом воспринимал иностранную речь».

Галлюцинации такого рода, увы, достаточно распространены и даже банальны. Многие туристы испытывают те же ощущения, оказываясь за рубежом. Ассимилируя незнакомые звукосочетания, мозг принимает желаемое за действительное: реорганизует звуки, наполняет их приятным для себя, знакомым смыслом. Но Фрейд при этом заносил в дневник точное время каждой галлюцинации и тут же писал домой письма с просьбой указать, что происходило в тот или иной момент с его возлюбленной; это свидетельствует по меньшей мере о вере в возможность передачи мысли на расстоянии, причём немалом».

Объяснение Джонса при всей его логичности вряд ли можно считать исчерпывающим. Человеческая мысль в поиске «собеседника» может устремиться и в далёкое будущее. Жажда любви, вынуждавшая Фрейда телепатическим методом искать общества своей невесты, есть нечто куда более фундаментальное; в основе её — тоска по материнской заботе и ласке. Любовь к девушке — всегда эхо более ранней привязанности, и суть этой связи в своё время превосходно выразил Байрон: «Я испытываю особую страсть к имени Мария: когда-то оно звучало для меня магически. И по сей день оно — напоминание о царстве фей, где я когда-то воочию видел то, чему не суждено было осуществиться. Все чувства мои с тех пор изменились, все — но только не это».*

Каждый раз, когда мы слышим звуки своего имени, слуховая галлюцинация такого рода удовлетворяет таящуюся в глубине души жажду утешения: имя для каждого из нас — это самая прочная ассоциация с детством.

Для взрослого человека имя — точка соприкосновения с внешним миром; для ребёнка оно — символ обретения личности. Имя впервые выделяет маленького человека из безликой толпы. Оно становится вторым «я», краеугольным камнем существования. Совершенно очевидно, что звук имени заряжен особой магией, и образ матери — первое, что он вызывает в памяти.

Замечено, что человек, живущий в страхе перед реальностью, просыпается с большим трудом и в скверном состоянии духа. Подвержена этой «утренней меланхолии» была и одна моя пациентка, страдавшая эпилепсией. Я посоветовал ей попросить мужа, чтобы тот нежно будил её по утрам, называя по имени. Уловка сработала: голос, нежно произносящий ваше имя, — первая ниточка к ореолу любви, по которой личность может выкарабкаться из полного внутреннего хаоса.

Любой гипнотерапевт знает, что если пациент по какой-то причине отказывается выйти из транса, вернуть его к действительности легче всего, позвав по имени.

---

* Перевод дословный. Та же строфа в поэтическом переводе Т.Гнедича выглядит так:

«Ах, я пристрастен к имени Мария.

Мне был когда-то дорог этот звук.

Я снова вижу дали золотые,

В тумане элегических разлук

Оно живит мои мечты былые,

Оно меня печалит, милый друг.

А я пишу рассказ весьма холодный

От всяческой патетики свободный». (Прим.перев.)

Маги и колдуны, вызывая «тёмные» силы, тоже всегда оперируют именами собственными. Даже «непроизносимое имя» Бога обрело себе замену: Тетраграмматон. Считалось, что знающий его, способен творить чудеса.

Тот факт, что звук имени всегда вызывает в нашем воображении образ кого-либо из родителей, удачно проиллюстрирован в очаровательном фильме «Призрак исчезает на западе». Стоило только романтическому герою картины с кем-нибудь пофлиртовать, как в ушах у него звучало строгое: «Дональд!» Он робко отвечал: «Да, папа...» — и тут же послушно отворачивался от понравившейся ему девушки.

Иногда с именем оказывается связан образ близкого человека, игравшего в детстве ребёнка важную роль. Более того, случается, «образ» этот обретает дар речи. Расскажу о странной слуховой галлюцинации, которую сам я испытал в возрасте семи лет во время похорон деда.

Неподалёку от могилы к кладбищенской стене была приставлена лестница: на ней-то я и принялся кувыркаться, надо сказать, беззаботно и почти радостно. Почему-то в тот день смерть бабушки никак не сказалась на моём расположении духа. Может быть, потому что из муслина, которым ему прикрывали голову, мне пообещали потом сделать сачок для бабочек? Внезапно, словно от выстрела в спину, я вздрогнул и почти подпрыгнул. Потом обернулся и уставился на группу людей, произносивших у гроба прощальные речи. Дело в том, что я очень явственно услышал голос деда: он что-то ответил присутствующим. Поскольку никто этому не удивился, я некоторое время спустя пришёл к выводу, что, может быть, ничего сверхъестественного и не случилось: в конце концов, наверное, даже мертвец имеет право на прощальное слово. Через год или два я понял, что ошибался, но рассказывать кому-нибудь о случившемся было поздно.

Может быть, голосом деда во мне заговорила совесть? Что именно сказал дед, я не понял, потому что слова его прозвучали на иврите. Случай этот меня потряс. Позже я стал замечать, что помимо воли вывожу на бумаге его инициалы: так тоже иногда проявляется комплекс вины.

Самое время теперь вспомнить о голосах пророков; за высказываниями этими обычно следуют какие-нибудь чудеса. Когда Илия, скрывшись в пещере от своих будущих убийц, обратился с мольбой к Богу, то услышал: «Выйди и стань на вершину горы пред ликом Господним. Сильный ветер разрушит горы и сокрушит скалы. Но не в ветре Бог. После ветра — землетрясение, но не в землетрясении Бог. После землетрясения — огонь, но не в огне Бог. После огня тихо поведет ветер...»

Внутренний голос не просто приказал Аввакуму нести похлёбку Даниилу: духом Господним он поднят был в воздух и перенесён к пещере льва.

Вспомним, что произошло, когда Иоанн крестил иудеев. Небеса разверзлись, святой дух спустился в виде голубки и голос с небес произнёс бессмертные слова: «Вот сын Мой возлюбленный, в коем души не чаю». Этот голос «внутренним», правда, не назовёшь: слишком уж громогласно он прозвучал.

Людам искусства также многое диктуется свыше: правда — тихо, чаще безмолвно. «Я не устаю поражаться некоторым высказываниям собственных персонажей, — признавался Теккерей в журнале «Cornhill Magazine» (август

1862 года). — Пером моим в те минуты явно управляли какие-то таинственные силы. Записывая речи очередного героя, я постоянно ловил себя на мысли: как мне могло такое прийти в голову?»

Ещё более удивительны признания Диккенса, который рассказывал своему другу Джеймсу Филду о том, что вскоре после «рождения» персонажи романов «Лавка древностей» и «Мартин Чеззлвит» стали преследовать его повсюду, буквально не давая прохода. Что-то есть в этом от магии, что-то от спиритизма. Уместно вспомнить слова Герберта Нойса, произнесённые перед лондонским Диалектическим обществом в связи с публичными слушаниями, посвящёнными известным декларациям спиритуалистов.

«Я знаю, что вызову своим признанием насмешки скептиков, — сказал Нойс, — но мне тоже приходилось общаться с духами, причём таким методом, который, возможно, сами духи используют для контакта друг с другом. Я слышал внутренний голос, который звучал так, словно в мою нервную систему был встроен невидимый телеграф. Каждое очередное слово от следующего отделял отчётливый щелчок; при этом сама речь не столько даже слышалась, сколько каким-то необъяснимым образом чувствовалась. Воспринимаемые слова были явно отделены от моего собственного хода мыслей».

Уместно вспомнить и о голосе Магида, который в течение 52 лет диктовал Иосифу Каро, знаменитому теоретику иудаизма, тексты таких книг, как «Shulham Aruk», ставших религиозным кодексом иудеев. Каро называл Магида «невидимым посланником», «родственным духом», «небесным ментором».

Цитируя аналитическое исследование Х.Л.Гордона «Каро и Магид» (Нью-Йорк, 1949), доктор Сильвано Ариети пишет: «Каро склонялся над священными книгами в поисках скрытого в них смысла, и душа его наполнялась глубочайшими страхами и одновременно высочайшими помыслами. В эти-то моменты в него и вселялся дух: он формулировал постулаты, предсказывал будущее, повествовал о том, что ждёт его в жизни. Так родилась книга «Maggid Mesharim». Вне зависимости от того, к какой категории может быть отнесён этот случай (судя по абзацу, в котором Каро называет Магида «возлюбленной, чей голос вновь зазвучал в моих устах», элемент галлюцинации тут присутствует), ясно, что мы имеем дело с разновидностью психопатологии. Был ли Каро психически нездоров, и если да, то какой диагноз мы сегодня могли бы ему поставить?»

Тщательно проанализировав жизнеописание Каро, автор книги приходит к выводу о том, что Каро был во всех отношениях абсолютно нормален. Сверхъестественные вещи, происходившие с ним в течение 52 лет, являлись, очевидно, следствием религиозного экстаза (или самогипноза, что в данном случае одно и то же) и попадают в категорию, именуемую «временной утратой контакта с реальностью». Тот факт, что «утрата» эта носила более чем конструктивный характер, подтверждается результатом: «Shulham Aruk» и другие книги Каро по прошествии столетий не потеряли актуальности и пользуются заслуженным авторитетом.

«Голоса» Каро имеют много общего с феноменом так называемого «автоматического письма». Первая книга Марджери Ливингстон «The New Nuctamegon» была надиктована ей загадочным голосом; по окончании работы «автор»,

не слишком, надо сказать, охотно, заявил о том, что он — не кто иной, как... Аполлоний Тианский, и цель его состояла в том, чтобы вернуть человечеству книгу, погибшую при пожаре в Александрийской библиотеке. Книга произвела впечатление на специалистов, но заявление «Аполлония» показалось всем очень уж фантастичным. Впрочем, история парапсихологии изобилует чудесами, которые подчас самым неожиданным образом «выпрыгивают» из ниоткуда.

Писательница Вайолет Твидэйл (известная, кстати, придворная дама викторианской эпохи) рассказала мне, как однажды после визита к подруге по перу Кэйтлин Бэйтс получила от неё письмо с благодарностями. Оказывается, Вайолет подсажала ей, на какую лошадь следует ставить и миссис Бэйтс выиграла. «Но я ничего Вам не подсказывала!» — удивилась писательница в ответном письме. «Позвольте, — отвечала подруга, — садясь в карету, Вы сообщили мне, что должна победить Добрая Удача!»

«Я и не подозревала о том, что в природе существует лошадь с таким именем, — удивлялась Вайолет в разговоре со мной. — От ставок на дерби мысли мои в ту минуту были далеки, как никогда». Разумеется: это мысли её подруги были в тот день слишком заняты лошадьми. Кэйтлин услышала пожелание доброй удачи, а подсознание тут же истолковало эти слова по-своему.

Наш разум вообще склонен принимать желаемое за действительное, и тут за ним нужен глаз да глаз. Помните «бородатый» анекдот из Лас-Вегаса? Игрок, спустивший все деньги, отходит от столика и слышит голос: «Вернись и поставь на 12». Он возвращается, ставит на «12», выигрывает и, забрав деньги, собирается уходить, но внутренний голос приказывает: «Поставь всё опять на 12». Он ставит и выигрывает снова. Всё повторяется в третий раз. Игрок ставит на «12» и проигрывает. «Чорт, так и знал!» — кричит внутренний голос.

Это, конечно, вымысел, но вымысел правдоподобный. «Внутренний голос» может спасти нам жизнь; он же способен пустить её под откос — всё зависит от состояния нашей психики. Дезориентированный разум нередко толкает человека на убийство во имя «спасения человечества», с удивительной безответственностью сваливая всё на «глас Божий».

Феномен «внутреннего голоса» вплотную подводит нас к другой тайне — я имею в виду необъяснимую власть, которой обладают некоторые люди над животным миром. Приведу отрывок из статьи специального корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» в Эфиопии Джея Волпа, опубликованной 1 января 1962 года: «Живёт в Хараре один странный старик. Днём он отсыпается в хибаре неподалёку от городских стен, а ночью упражняется в искусстве, прославившем его даже в Аддис-Абебе, расположенной в 220 милях к западу отсюда. С наступлением темноты «человек-гиена», как его здесь называют, садится у порога хижины и раздражается визгливым хохотом, настолько ужасным, что от него кровь стынет в жилах. Спустя некоторое время с близлежащих холмов по одиночке или парами спускаются гиены, чтобы принять из рук кормильца пищу — старую кость или, если повезёт, мясной ломтик».

Что означает это странное родство человека и гиены — местный вариант ликантропии? Нечто подобное можно уловить и в отношениях некоторых индивидуумов с менее экзотическими существами. Посетив «непокойный»

особняк Олдборо-Мэйноу, принадлежавший леди Лоусон-Танкред, я встретил очень странную девушку-служанку: именно она, как выяснилось впоследствии, и вызывала здесь «призрачный» перезвон. Мыши охотно впрыгивали ей на ладони, птицы спокойно усаживались на плечи, не улетая даже когда она входила в дом. Судя по всему, рядом с девушкой они чувствовали себя в полной безопасности!

Не знаю, вела ли она какие-нибудь беседы с братьями своими меньшими, но зато слышал легенду об ирландских наездниках, которым якобы достаточно шепнуть лошади на ухо волшебное слово, чтобы та стала вдруг очень послушной. «Слово» на самом деле тут ни при чём: наездник всего лишь вдыхает в ухо животного тёплый воздух, тем самым завоёвывая его расположение. Подобным образом и «сухая» корова реагирует на манипуляции знахарки с выменем. Секрет этот я узнал от друга, сына «ведьмы». Оказывается, главное тут — не заклинания, а шкурка ласки, которой нежно гладят вымя: корова преисполняется благодарностью и возвращается к исполнению своих обязанностей.

Несколько иначе действует «магическое слово», которым останавливают кровь. В Ирландии эта тайна передаётся от отца к сыну: действие заклинания несомненно связано каким-то образом с «родовым» или наследственным внушением. В сказках и преданиях, магической и религиозной литературе заклинания — дело обыденное. Обри («Miscellanies», 1921) утверждает, что фея, прежде чем унести с собой человека, произносит: «Horse and haddock!» («Конь и шляпа!»: последнее слово — шотландское). Позже ведьмы сумели развить эту не слишком понятную мысль следующим образом: «Horse and haddock, in the Devil's Name», или, что еще лучше: «Horse and haddock, horse and go, Horse and Paellatis, ho ho». Французы же полагали, будто Дьявол непременно должен изъясняться на латыни. Главным магическим заклинанием там стало слово «Cito» («быстро»).

В религиозной литературе магия слова заиграла всем богатством красок: святой Пётр из Алькатрамы, например, обожал выражение «*Verbum caro factum est*», специально для него доносившееся с небес усилиями святого Иоанна: он тут же впадал в экстаз и начинал парить над землёй. На францисканского монаха Брагги из Кальтанизетты примерно то же воздействие оказывали имена «Иисус и Мария»: в восторге от неизъяснимой красоты этих божественных звуков он... непроизвольно подскакивал высоко в воздух!

Среди проблем, обсуждавшихся в научных кругах давно минувших дней, был и вопрос о так называемом «первородном» или «истинном» языке. Начало этой лингвистической теории положил, судя по всему, знаменитый астролог доктор Джон Ди (1527-1608). Предполагалось, что на этом языке говорили Адам и Ева до изгнания из рая, и что иврит — ухудшенная, «загрязнённая» его форма. Тайну «языка ангелов» открыл доктору Ди его верный помощник Эдвард Келли, известный мошенник своего времени, выполнявший, помимо всего прочего, роль «контактного медиума» при своём знаменитом патроне. Каждым своим звуком «первородный» язык каким-то образом выражал изначальные свойства объекта, о котором шла речь, так что достаточно было лишь произнести имя живого существа, чтобы установить над ним неограниченную власть. Идею эту приняли

и мистики более поздних времён: одна из пациенток доктора Джулиуса Кермера (1786–1862), фрау Фредерика Хауффе (более известная как Ясновидящая из Префорста), не только говорила, но и писала на «первородном» языке.

К концу XIX века об этой странной идее стали понемногу забывать, но представление о том, что каждое животное обладает «истинным» именем и должно подчиниться «знающему» человеку, осталось.

Пол Брантон в книге «Поиск тайного Египта» утверждает, что заклинатель, вызывающий змею, произносит её «первородное» имя. Может быть, есть смысл поискать корни этого явления в «Книге Бытия», согласно которой Бог дал человеку власть «над рыбами морскими, птицами небесными и над всеми тварями, что движутся по земле»?

История феномена мистического «языкознания» уходит корнями вглубь веков, и толковался он всегда субъективно: одни видели в этом проделки дьявола, другие — божественное озарение. К числу последних можно отнести и участников религиозных праздников «возрождения»: многие из них в пароксизме божественной страсти обнаруживали у себя способность говорить на неизвестных прежде языках, выпаливая фразы необычайно быстро и энергично, однако, ценность такого рода «посланий» вызывает серьёзные сомнения.

«Марсианский» язык, на котором говорила Хэлен Смит (её случай расследовал профессор Теодор Флурнуа) оказался в конечном итоге одним из диалектов французского. Повидимому, склонность медиумов к «межпланетной» лингвистике сводится к одним и тем же банальным, хоть и хитроумным подчас фокусам подсознания. Даже аутентичность посланий на арамейском, полученных Терезой Нойманн сомнительна: произнесённые ею фразы существуют в напечатанном виде, были переведены на иностранные языки, а следовательно, могли быть перехвачены ею телепатически. Пожалуй, самый загадочный случай такого рода — послания на древнекитайском, полученные востоковедом Невиллом Уайментом с помощью медиума Джорджа Вэлиантайна от... самого Конфуция. Более того, в книге «Психические приключения в Нью-Йорке» он утверждает, что великий китайский мыслитель снабдил его совершенно неожиданными толкованиями некоторых своих писаний, по поводу которых учёные столетиями вели ожесточённые споры.*

Впрочем, в ходе последующих экспериментов сенсационные заявления доктора Уаймента подтверждения не получили.

Свой личный опыт исследования «мистического языкознания» я бы оценил негативно. Записав с помощью нескольких английских медиумов речи их духов-посредников (каждый из которых утверждал, будто является краснокожим индейцем) я отправил плёнку на экспертизу специалистам Смитсоновского института в Вашингтоне. Вердикт их был однозначен: подобных наречий у индейцев не существует: всё это — звуковая абракадабра чисто европейского происхождения.

Однажды, — если быть точным, на самом первом спиритическом сеансе Уильяма Картейзера в 1928 году, — мне довелось услышать свой родной венгер-

---

* Более подробно см. об этом статью «Феномен *прямых голосов*» в нашем «Приложении». (И.Р.)

ский язык. Послания сами по себе были чудесны, вот только произношение показалось мне странным. Лишь через двадцать лет я узнал, что Картейзер когда-то учился в Венгрии, и все эти его лингвистические чудеса — не более, чем выплески детских воспоминаний. Может быть, и в прочих случаях дело обстоит так же?

Однажды во сне я заговорил на каком-то очень странном языке, более того — проснувшись, обнаружил, что могу продолжать в том же духе, причём невероятно бегло. Правда, я тут же заметил, что мой набор звукосочетаний постоянно повторяется. В том, что речь эта не имела никакого смысла, у меня не возникло ни малейших сомнений.

«Вы говорите, что слышите голоса. Попробуйте сами им что-нибудь ответить», — посоветовал как-то раз психиатр пациенту. Я последовал его совету и... в обоих случаях услышал всего лишь самого себя.

ЧЕРЕЗ РОГОВЫЕ ВОРОТА

«— Послушайте, какой мне привиделся сон, и попробуйте объяснить его, если сумеете. Передо мной — двадцать моих любимых гусей: все они едят из корыта. С гор спускается огромный орёл: он налетает на моих гусей и одного за другим убивает ударами клюва. Затем взмывает высоко в небо, а я стою, вся в слезах. Служанки окружают меня и пытаются чем-то утешить, но мне так горестно оттого, что орёл погубил всех моих гусей. Он возвращается снова, усаживается на крышу и обращается ко мне человеческим голосом: «Прекрати плакать и наберись мужества, дочь Икара. То был не сон, но видение, и это — добрый знак. Гуси — поклонники, досаждающие тебе, а я — твой муж, вернувшийся, чтобы покончить с ними». Я проснулась и выглянула в окно. Все мои гуси были на месте, у своего корыта.

— Сон этот имеет только одно объяснение, — ответил нищий. — Разве муж не пообещал тебе, что увиденное сбудется? Враги его обречены: ни один из них не избежит своей участи.

— Сны, незнакомец, необъяснимы и странны, — ответила Пенелопа. — Они сбываются не всегда. Каждый из них — не более чем фантазия — до тех пор, пока перед ними не возникнет пара ворот: одни — из рога, другие — из слоновой кости. Сны, уходящие в ворота слоновой кости, не сбудутся. Но те, что проходят через роговые ворота, могут стать частью жизни. Не думаю, всё же, что мой сон отправится в ворота из рога, хотя, случись такое, мы с сыном были бы очень благодарны судьбе».

Поскольку под лохмотьями повстречавшегося Пенелопе нищего как раз и скрывался Одиссей, прибывший, чтобы расправиться с недругами на турнире, сон её можно считать скорее телепатическим, чем пророческим.

Подозрительная лёгкость, с какой смысл сюжета оказался сформулированным ещё до пробуждения, указывает на то, что сновидение явилось отражением либо её собственных скрытых чаяний, либо намерений Одиссея, восприня-

тых ею телепатически. В этом смысле сон действительно должен был пройти в сияюще-чистые ворота из слоновой кости.

Но Одиссей уже видит своих соперников поверженными: следовательно, с его точки зрения, сон Пенелопы прошёл в роговые ворота. Уместно напомнить в этом контексте утверждение Поля Федерна: «Способность пациента сходу угадывать скрытый смысл сложных сновидений указывает на шизофрению в её начальной стадии» («Ego Psychology and Psychoses»). Заметим, справедливости ради, что возможность телепатического восприятия смысла сна им не рассматривается.

Разве «орёл» (он же — Одиссей) не заявил недвусмысленно, что то был не сон, но доброе предзнаменование, которому непременно суждено осуществиться?

Подобный знак свыше в прежние времена означал не просто весточку из будущего, но свидетельствовал о том, что человек находится в поле зрения благоволящих к нему богов и, следовательно, относится к числу избранных. Похоже, из осознания этого факта герои античности как раз и черпали энергию для своих сверхъестественных деяний. Может быть, сравнительная слабость воли современного человека и есть следствие отсутствия веры в поддержку высших сил?

Но действительно ли контакт с чудодейственным источником духовной мощи утрачен навеки и роговые ворота для нас закрылись? Может быть, будущее всё-таки посылает время от времени вспышки видений нашему вялому разуму, окутанному узами времени? Тот факт, что некоторые сновидения имеют явно телепатическую природу, более не воспринимается психоаналитиками с прежним воинствующим скептицизмом. Пришло время сделать следующий важный шаг — признать реальность пророческих озарений — в грёзах, сновидениях, любых следствиях аналитической работы разума. Конечно, не стоит сбрасывать со счетов и возможность самого тривиального совпадения.

Если человек жаждет осуществления какого-нибудь своего желания, а затем видит желаемое во сне, после чего мечта его вдруг случайно сбывается, то как бы ни велик был соблазн усмотреть в этом что-то пророческое, вероятность совпадения всё же выше. Предчувствие, основанное на телепатическом или экстра-сенсорном восприятии (как раз и имевшем место в случае с Пенелопой) — ещё одна опасность, поджидающая исследователя. Третью ловушку представляет собой возможная путаница между понятиями «телепатия» и «предчувствие».

Телепатическое послание передаётся по неизвестным науке каналам от одного мозга другому. Предчувствие же — информация о грядущих событиях, получаемая индивидуумом самостоятельно, экстра-сенсорным путём. Теоретически эти два понятия разделить несложно, но практическая интерпретация сновидений показывает, что они тесно переплетены.

В качестве первого примера приведу рассказ о собственном сновидении, датированный 3 декабря 1944 года.

Мне привиделось, что двое мальчиков читают Jisgadal Jisgadash — иудейскую молитву по усопшему (проснувшись, я сообразил, что одним из них мог быть мой племянник, Али). Я стал одеваться, вынимая одежду не из гардероба, а из стального сейфа, помеченного номером «60» (в комнате под тем же номером

я накануне читал лекцию). Щели в верхней части дверцы почему-то навели меня на мысль о том, что в таком ящике вполне можно при определённых обстоятельствах сгореть заживо.

Я распрощался с мальчишками, сказав напоследок, что завтра или в один из последующих дней — в зависимости от того, будет ли открыт маршрут — отплываю в Европу. Помню ещё, я пытался натянуть через голову рубашку, и она почему-то каждый раз не налезала. Потом мальчишки пообещали, что сменят меня в «Hungarian Daily» — газете, которая дала мне первую работу в Соединённых Штатах. Я сказал, что издание только выиграет от притока «свежей крови». Наше прощание было грустным. Мне казалось, что я обязательно должен буду вернуться в «Az Est» («Вечер»), будапештскую газету, в которой я работал до отъезда в Америку.

Сновидение произвело на меня тяжёлое впечатление: оно явно предрекало смерть. Относительно того, кому предназначалась молитва, сомнений быть не могло. Поскольку я в своих книгах не раз проводил параллель между появлением на свет и смертью, многочисленные намёки на момент рождения только усугубляли мои подозрения. «Gadal» в слове «Jisgadal» — часть слова «Guadalcanal» (место насильственной смерти), которое в свою очередь может ассоциироваться с тем «каналом», через который человек входит в эту жизнь.

Сейф для хранения документов — символ материнской матки (и одновременно намёк на смерть через сожжение), попытка натянуть на себя рубашку через голову — акт, символизирующий появление на свет.

Невесёлые мысли навевали и прощание, и возможность возвращения в газету «Вечер», и отплытие на корабле: последний, согласно многим древним преданиям, как раз и уносит отжившее тело после того, как оно исполнило своё жизненное предназначение.

А затем наступило внезапное озарение. Ключиком к разгадке послужил номер на дверце шкафа. «60» по-венгерски — «хатван». Но так называется и город, в котором жил мой брат Лайош, отец Али. Лайош был убеждённым сионистом, что отнюдь не улучшало его шансы благополучно пережить нацистскую оккупацию. Судя по всему, молитву по усопшему предназначалось прочесть его сыну, Али. Что если во сне я «сыграл роль» собственного брата, получив от него нечто вроде телепатического послания: «Я умер, но продолжаю жить — точно так же, как живёшь ты, умерев для иного мира в момент своего рождения»?

Предположение это кому-то покажется излишне смелым, но напомним, что смысл молитвы по усопшему как раз в этом и состоит: переступая порог смерти, человек продолжает жить, и чтобы душа его была спокойна, нам необходимо за неё помолиться. Если и отвергаем мы идею посмертного бытия, то лишь разумом. Всем сердцем каждый из нас жаждет бессмертия. На протяжении истории ничто не оказало на человечество такого влияния, как идея о том, что наша душа продолжает жить и после смерти физического тела.

Любое послание из мира мёртвых воспринимается нами не просто как «чудо»: это ещё и долгожданное свидетельство о существовании иного жизненного измерения, обрести которое человек так жаждал на протяжении всей своей истории.

Итак, передо мной встал вопрос: действительно ли умер мой брат, и если да, то когда это случилось? Если в тот самый момент, когда мне привиделся сон, значит, источником сигнала явился его угасающий разум, и сон, следовательно, имеет характер телепатического послания. Если смерть брата наступила позже, значит, это был пророческий сон с телепатическим элементом, ведь брат мой как бы пытался заранее утешить меня, используя с этой целью мои собственные философские воззрения.

Увы, связь между С.Ш.А. и Венгрией в те дни была нарушена. Более года прошло, прежде чем я получил известие о том, что Лайош погиб в австрийском концентрационном лагере, защищая товарищей по несчастью. Произошло это примерно в то время, когда я увидел сон. Вопрос о том, было ли сновидение пророческим или телепатическим, так и остался для меня нерешённым, хотя присутствие в нём элемента экстрасенсорной перцепции представляется несомненным.

Всё это имеет прямое отношение к давнему верованию, суть которого состоит в том, что в видениях, галлюцинациях, снах умирающий или возможно уже мёртвый человек способен сообщить перципиенту о происходящих с ним грандиозных переменах.

Брата всегда очень беспокоил мой интерес к потустороннему миру. Зная его достаточно хорошо, я убеждён, что в момент гибели он обязательно попытался бы послать мне телепатический сигнал. Впрочем, не менее вероятно и то, что моё подсознание получило «нейтральное», обезличенное сообщение, а потом задним числом драматизировало его, превратив в замысловатый спектакль, который и привиделся затем во сне.

22 апреля 1941 года мне приснилось, что некий археолог осушил пруд, чтобы провести под ним раскопки в надежде разыскать крылатую статую победы Саматраци. Работа эта меня почему-то настолько заинтересовала, что я даже пообещал учёному закончить её потом самостоятельно. Через несколько минут после моего пробуждения жена включила радио. Почти сразу же мы услышали сообщение о том, что германские войска оккупировали остров Саматраци. Крылатая статуя победы — единственная ассоциация, которая могла возникнуть у меня с этим названием. Похоже, я действительно «услышал» радиосообщение во сне — до того, как оно было передано в эфире. Или мы имеем дело тут с чистым совпадением? Пожалуй, я готов с этим согласиться: содержание сна и смысл сообщения имели между собой мало общего.

22 декабря 1944 года я сидел с журналом «New York Times Magazine» и читал вступление к статье Х.Л.Роббинса, озаглавленной «Санта: путь к успеху». Пробежав взглядом несколько строк, я мысленно вернулся к одному своему пациенту, позвонившему накануне с просьбой о психоаналитическом курсе лечения. Человек этот не отличался особой сообразительностью, и вот теперь я принялся размышлять о том, как бы объяснить ему смысл самого понятия «символ». Заголовок статьи навёл меня на мысль о Рождестве.

«Что значит для вас Рождество? — спрошу у его (думал я). — Он ответит: «Мир, доброта, отдых». Ну так вот: Рождество — и есть символ трёх этих понятий». Затем меня посетила вот такая мысль: «Мой пациент занимается изготов-

лением дорожных знаков. Допустим, мы устанавливаем знак с тремя шарами, и подразумеваем при этом, что где-то рядом находится ломбард. Следовательно, три шара — символ ломбарда. Такое объяснение должно быть ему понятно.

Вполне довольный собой, я вернулся к статье. Автор её рассказывал о предпринятых в С.Ш.А. попытках установить происхождение Санта-Клауса. Согласно одной из версий, прототипом Санты был Николай, епископ из Миры (в Малой Азии), живший в IV веке нашей эры и совершивший массу самых разнообразных благодеяний. В гостинице, содержателем которой был людоед, он спас от смерти трёх маленьких пухленьких мальчиков, которым грозило превращение в мясной фарш. Как-то раз ночью он подбросил бедняку в окно три мешочка с золотом, что позволило тому выдать замуж трёх своих дочерей. А однажды, находясь в Средиземном море, Николай остановил бурю, чем немало поразил матросов, которые совсем было потеряли надежду на спасение. Уже в ранге святого Николай естественным образом сделался покровителем детей, дев, моряков, а позже — купцов. В средние века на носу торгового судна можно было увидеть три позолоченных шара, символизовавших три мешочка с золотом. Этот знак «присвоили» себе затем первые банкиры.

Так вот откуда взялся в моих мысленных рассуждениях символ ломбарда! Но что это было — телепатия, ясновидение или предчувствие? О значении трёх шаров никогда прежде я не слышал, да и статью эту никак не мог даже мельком просмотреть заранее.

Если, расслабившись после первых прочтённых строк, я сумел каким-то образом войти в телепатический контакт с автором статьи, есть смысл говорить о телепатии. Если, сам того не заметив, я подсознательно угадал продолжение текста, значит — проявил способность к ясновидению. В противном случае остаётся возможность предчувствия. Хотя, если кто-то назовёт происшедшее чистой воды совпадением, спорить не стану.

Однажды среди ночи меня разбудила жена: оказывается, я во сне стал издавать очень странные звуки. Мне привиделось, будто я выбираюсь из воды и попадаю — то ли в пещеру, то ли в грот. Тут же у меня возникло ощущение, что в этом месте обитают какие-то звери, и находиться среди них мне небезопасно. Я действительно услышал какой-то зловещий рык и решил отпугнуть потенциальных врагов криком. Пересказав сон жене несколько минут спустя, я предположил, что испытал ощущения самого первого живого существа, выбравшегося из воды на сушу.

За два дня до этого жена предложила мне прочесть книгу доктора Лу Бермана «Гланды, управляющие личностью». На следующий день после ночного кошмара я взял наконец книгу, открыл её и на странице 47 прочёл заголовок: «Что вывело животных из моря на сушу». Определённые требования развития щитовидной железы — таким, по мнению автора, был ответ на поставленный вопрос. Если бы жена не прочла книгу заранее, можно было бы говорить о ясновидении или предчувствии того, что мне ещё предстояло прочесть. В данном же случае вероятнее всего телепатический контакт.

Мой следующий пример — три странных случая, происшедших один за другим.

Сначала пациент явился ко мне на сеанс, держа в руке книгу. «А где свеча и колокольчик?» — спросил я в шутку, едва только он появился в дверях. Сам не знаю, почему, но книга тут же ассоциировалась у меня с двумя другими компонентами ритуала «изгнания дьявола».

Далее произошло нечто любопытное. Пациент раскрыл книгу и указал на абзац, в котором утверждалось, что главная причина всех психических заболеваний — чрезмерная материнская заботливость. В этом и состояла его главная проблема. Он жил с матерью-неврастеничкой и намеревался теперь разбехаться, потому что жизнь стала для него сушим адом. Выяснилось, что у моего пациента есть сестра по имени Belle («bell» — «колокольчик»). Именно ей мать, прежде чем в очередной раз отправиться на лечение, заявила: «Твой отец — не человек. Он является в разных образах, а служит — дьяволу».

Совпадение показалось мне любопытным, но не более того. Я ведь пошутил первым — пациент просто дополнил картину деталями. Раскинув сеть, я поймал в неё всё, что только можно было поймать.

Чуть позже я отправился к парикмахеру. Он пожаловался мне на то, что в последнее время стал страдать от кошмаров. Кошмары, заметил я, есть обычно не что иное, как загнанные глубоко вовнутрь детские страхи: они — словно мыши, время от времени выползающие из своих углов.

«Какое странное совпадение, — удивился он. — Прошлой ночью мне приснилось, будто по мне ползают крысы: на самом деле просто жена случайно провела по лицу ладонью».

Последнее происшествие этой серии оказалось самым странным. Мне удалось убедить своего пациента в том, что ему следует побольше читать и глубже вникать в смысл прочитанного. Две книги, следуя моему совету он уже прочёл, и вот теперь пришёл с третьей. Первая называлась «Чтобы не было мёртвых», вторая — «Следуй за лидером», и третья — «За час до рассвета» (автор всех трёх — Maughog). Выбрал он их из-за заголовков: ему показалось, будто они несут в себе важный смысл. Первое название ассоциировалось у него со стремлением выжить, второе — надежду на именно психоаналитический метод лечения, и наконец третий — готовность начать новую жизнь.

Я заметил, что заголовки выбираемых для чтения книг действительно могут рассказать о многом, но ещё более любопытно было бы узнать, что им было отвергнуто. Если бы, скажем, он почувствовал резкое нежелание читать книгу под названием «Чёрный скелет», можно было бы с немалой пользой порассуждать о причинах такого отказа. Это название соскочило у меня с языка совершенно спонтанно. Книг с таким заголовком мне никогда не попадалось, и почерневшие отчего-то скелеты, надо сказать, в природе — большая редкость. Каково же было моё изумление, когда пациент тут же рассказал мне о недавнем сне. Главным героем его был комик по прозвищу Красный Скелет — за ним гонялось чудовище. Более того, я в свою очередь тут же вспомнил, что сам за день до этого видел сон, в котором этот же пациент гонялся за мной с ножом в руке. Там же возникло и старое панельное зеркало. О нём я вспомнил уже после того, как и пациент упомянул зеркало, увиденное во сне: его купил для него продавец книжного магазина.

Телепатическая родственность двух сновидений была очевидна. Вопрос состоит в следующем: было ли моё упоминание о «чёрном скелете» следствием продолжавшегося телепатического контакта? Или это — вспышка ясновидения, подготовленная пришедшим заранее телепатическим сигналом?

Следующее происшествие началось с чудесного сна, в котором трудно было поначалу угадать что-либо сверхъестественное. Вот что рассказала мне о нём моя пациентка:

«В комнату вошёл Элифас Леви. Ему было лет тридцать. Он выглядел, ну, в точности, как мой муж, только был с усами и чёрной бородой. Потом я пошла куда-то и оказалась вскоре перед огромной стеной, и прежде маячившей вдалеке — стеной, за которой сияло ослепительно лазурное небо. Она напоминала стену Виндзорского замка и сложена была из пробкового дерева и медового торта.

Я прошла сквозь стену и стала вдруг очень маленькой и зелёной. «Неужели это сон? — спросила я себя, и тут же ответила: «Конечно, нет!» Я превратилась в стрекозу. Или, может быть, в фею? Внезапно мне раскрылся смысл жизни: я поняла, что, как и почему в ней происходит».

В этом сказочном сне речь явно идёт о превращении. Знаменитый маг Элифас Леви похож на мужа пациентки, но если учесть, что матери этой женщины было тридцать, когда она родилась, дочь вполне могла предположить, что он олицетворяет отца и мать одновременно. Надо сказать, что в реальной жизни пациентка очень напоминает фею — во всяком случае, ей часто делают комплименты такого рода. Образ стрекозы она тут же связала с фотографией Павловой, добавив, что в жизни жалеет лишь о том, что когда-то ей не позволили стать балериной. Похоже, сон перенёс нашу героиню обратно в материнскую матку, где реализовалась мечта всей её жизни. Вечером того же дня я просматривал газету «World Telegram&Sun». Внимание моё привлёк рисунок под рубрикой «Мир курьёзов», на котором были изображены пробковое дерево и стрекоза. «Пробковое дерево даёт кору каждые 9-10 лет, — гласил комментарий внизу. — Стрекоза может три года провести в воде, прежде чем превратится в полноценное насекомое».

Итак, в газете и в сновидении моей пациентки пробковое дерево и стрекоза появились практически одновременно! Неужели совпадение? Или, может быть, нечто иное? Я, как постоянный читатель «Телеграмм», всегда просматривал «Мир курьёзов». Моя пациентка никогда не брала в руки эту газету и вряд ли даже могла заподозрить существование в ней такой рубрики. Означает ли это, что я несу ответственность за её сновидение? Но если оно было пророческим, кто из нас «пророк» — она или я? Поскольку основа сюжета просочилась в её сознание явно по каналам телепатии, случай этот можно определить как телепатически воспринятое предчувствие. Если учесть к тому же, что «газетная» стрекоза имеет прямое отношение к вопросу о пренатальном существовании плода, а цифра «3» к возрасту мага (и матери пациентки в тот момент, когда у неё родилась дочь; вспомним, что и «гестальная» цифра «9» в заметке тоже присутствует) остаётся лишь в изумлении развести руками. Сбор коры пробкового дерева можно истолковать как символ нового роста, новой жизни;

впрочем, любое увиденное во сне растение, как всеми уже признано, символизирует Древо Жизни — другими словами, материнское тело.

Не стану утверждать, что сны, о которых идёт речь, — пророческие: для этого у меня недостаточно оснований. Но, мне кажется, материал этот достаточно важен. Он указывает на то, что даже в самых обыденных сновидениях может присутствовать элемент экстрасенсорной перцепции.

На протяжении столетий человек верил в пророческие сны. И сегодня парапсихологи накопили массу материала, свидетельствующего о том, что человеческий мозг действительно способен время от времени заглядывать в будущее.

НЕВЕДОМАЯ СТОРОНА ТЕЛЕПАТИИ

Телепатическое общение попрежнему воспринимается нами как нечто сверхъестественное. В силу своей спонтанности феномен почти недоступен для аналитического исследования, да и широкая публика успела усвоить в отношении к нему пренебрежительный тон. Может быть, поэтому исследованию механизма телепатического восприятия в последние годы уделялось непростительно мало внимания. Цель этой главы — напомнить о том, что мы имеем тут дело с совершенно неисследованной областью, всё ещё ждущей своего научного осмысления.

Ингибиторная телепатия. Как-то раз во время очень приятного ленча с издателем и редактором я вздумал процитировать по какому-то случаю автобиографическое стихотворение Томаса Лейка Гарриса «The Logic Of The Morning Land». Внезапно выяснилось, что я совершенно не могу вспомнить фамилию поэта. «Ну, как же его... этот, на букву «л», — повторял я. В надежде обойти барьер я решил сослаться на биографию Харриса, написанную Лоуренсом Олифантом, но и фамилия последнего точно так же вылетела у меня из головы. Поражённый неожиданным провалом памяти, я сдался и завёл речь о чём-то другом.

Некоторое время спустя я мысленно вернулся к этому маленькому конфузу. И... замер, поражённый внезапной догадкой. Что, если «дыра» в памяти, куда канул этот злосчастный Харрис, образовалась вследствие негативного телепатического сигнала? Могла ли фамилия «Харрис» быть по тем или иным причинам неприятна людям, с которыми я обедал? Что, если они бессознательно остановили меня, прежде чем я успел её выговорить?

Получить ответ на этот вопрос можно было, лишь задав его прямо. «В тот день я обнаружил у себя на столе письмо некоего Харриса, с которым дружил, будучи за границей, — ответил издатель. — В силу определённых обстоятельств мне не хотелось бы видеть его в Нью-Йорке. Он настойчиво искал встречи, и это стало меня беспокоить».

«Харрис — фамилия девушки, с которой я был знаком очень давно, — в свою очередь признался редактор. — О ней мне сейчас говорить хотелось бы меньше всего».

Неужели неприятные воспоминания этих двух людей оказались настолько сильны, что в какой-то момент сумели сообща вторгнуться в ход моей мысли?

Катарктическая телепатия. Способен ли телепатический сигнал выполнить в сознании реципиента роль катарсиса, разрядив подавленные эмоции, которые в противном случае являли бы угрозу его здоровью?

Вот краткое изложение сна моей пациентки, датированного 28 октября 1957 года.

«Я лежала на очень широкой больничной койке одна, зная, что вот-вот умру. Мной овладело величайшее умиротворение, но должны ещё были прийти вы, и мне важно было, чтобы это произошло до того, как я отойду в мир иной. Дверь открылась. Вы вошли, сели на край кровати и взяли меня за руку. «Ну, и как это происходит, Мария? Расскажите мне», — попросили вы, имея в виду, очевидно, наступление смерти.

«Нандор, это так просто, — сказала я. — Просто передо мной — последняя дверь». «Неправильно, — возразили вы, вполне в своём духе, — за ней коридор, а там ещё одна дверь». «Нет, — отвечала я, — ни дверей, ни коридоров больше для меня нет. Только одна последняя дверь. Жаль, что я раньше не знала, как всё это просто».

Замечу, что в те дни я активно размышлял над проблемой смерти, поскольку работал над книгой «Призраки разума». Судя по всему, сновидение женщины имело телепатический характер: в нём нашли отражение некоторые мои мысли, совершенно противоречившие её собственным представлениям о принципах бытия. Но было тут и нечто большее. Двери с коридорами символизировали для неё кошмарный опыт анестезии. Состояние умиротворённости и утверждение, что оставшаяся дверь для неё — последняя, указывали на то, что тревоги, ещё недавно бурлившие в подсознании, наконец нашли себе выход. Телепатически заимствовав некоторые мои мысли, она бессознательно использовала их в качестве «успокоительного». Чем не пример позитивной, исцеляющей телепатии?

Много позже, перечитывая эти заметки, я вдруг понял: в сновидение пациентки закрался и элемент предчувствия, о котором в тот момент даже невозможно было и догадаться. Дело в том, что у неё не было ни малейших причин переживать момент собственной смерти. Посредством того, что я бы назвал *механизмом телепатической передачи предчувствия*, она пережила событие, которое... должно было впоследствии произойти со мной! Весной следующего года я заболел и в течение 11 дней находился между жизнью и смертью. Это привело пациентку в отчаяние: двое прежних её психоаналитиков уже умерли. Если скончаюсь ещё и я — как сможет она жить дальше? Мать прокляла её, покончив с собой: новая трагедия стала бы доказательством действительности проклятия!

Сам я в те дни не знал о том, что моему здоровью грозит опасность: предсмертных ощущений у меня не было и в помине. «Это было бы слишком просто, — сказал я ей. — Так вот взять, и умереть: на моём месте так мог бы поступить каждый». Теперь, сознавая, что мысль эта задолго до своего «рождения» мелькнула в мозгу моей пациентки, я задаю себе нелёгкий вопрос: что же получает-

ся — женщина пыталась найти себе утешение в словах, которые... мне только ещё предстояло произнести?

Пока я находился в больнице, Мария несколько раз навешала меня. Я объяснил ей, что моё выздоровление в каком-то смысле относится и к ней: испытанные ею волнения явились катарсисом, освободившим её от «комплекса проклятия». В тот момент я совершенно забыл о её пророческом сне и только сейчас понимаю, что в нём были предвосхищены не только мои слова, но и физические ощущения.

В качестве следующего примера катартической телепатии хотел бы привести историю сновидения, которое увидели одновременно моя пациентка и человек, живший в том же доме и долгое время сотрудничавший с ней в бизнесе. Однажды соседи пригласили их на праздник Бар Мицвах. Вот, что увидела женщина во сне накануне этого события:

«Я пришла на праздник и поздравила мать, но она отвернулась от меня. Мне тут же захотелось уйти, но кто-то заметил: «Не делай глупостей — хотя бы поешь сначала».

Следующим вечером жена её бывшего коллеги подошла к ней и предложила вместе сходить в храм. Та отказалась, сославшись на дурной сон, случившийся накануне. Расспросив обо всём, женщина воскликнула: «Вы не поверите, но прошлой ночью моему мужу привиделось то же самое. Якобы он приходит сюда, на праздник, поздравляет отца, а тот от него отворачивается. Тогда муж поворачивается и уходит».

Сны отличались только в одной детали: в первом случае — мать, во втором — отец отвернулись, игнорируя гостя. Может быть, оба реципиента ощущали подспудный гнёт со стороны кого-либо из своих родителей?

Бар Мицвах — символ освобождения: здесь празднуется тот момент, когда юноша, до тех пор во всём зависевший от родителей, вступая в самостоятельную жизнь, оставляет позади детские годы. Позже, вспоминая об этом происшествии двухлетней давности, я решил позвонить пациентке и расспросить её о возможных ассоциациях, связанных с недоеденной пищей. В тот самый момент зазвонил телефон. Это была она! Оказалось, Мария именно в этот момент ощутила настоятельную необходимость... справиться о моём здоровье! Если кто-то сумеет доказать мне, что это чистой воды совпадение, я соглашусь, но лишь с одной оговоркой: такого рода случайности выглядят куда более сверхъестественно, чем предположение о возможности телепатического контакта.

Злокачественная телепатия и защитная паранойя. Эта разновидность телепатии крайне опасна: тут определённо есть что-то от зловещего «животного магнетизма» Мэри Бэйкер Эдди. Ну, а интересуем нас следующий вопрос: может ли телепатический сигнал подобным образом воздействовать на реципиента? Я лично был знаком с несколькими людьми, утверждавшими, что способны умертвить человека одной только силой мысли.

Однажды моя знакомая вошла в дом подруги. На неё едва не набросился датский дог: он встал на задние лапы — впрочем, возможно с самыми благими намерениями по отношению к гостье. Та произнесла вслух нечто очень на-

поминавшее проклятие. На следующий день совершенно без всяких причин пёс испустил дух. Хозяйка так и не простила гостью, потому что знала, что та обладает более чем сомнительным даром одной только концентрацией мысли выносить недругам смертельный приговор.

Той же способностью обладал другой мой знакомый: пьяница, уголовник и вообще крайне неприятный тип, вместе с которым мы проводили в Лондоне эксперимент, связанный с исследованием психокинеза. Во время первой мировой войны он был германским шпионом в Канаде, причём не только не понёс наказания, но и разбогател на 50 тысяч долларов. У негодя имелся сообщник, которого тот, не желая рисковать, концентрацией мысли вынудил к самоубийству.

Тот действительно покончил с собой, после чего медиума... арестовали по подозрению в преднамеренном убийстве. Дело в том, что сообщник пришёл к нему в дом и застрелился из его револьвера. Он выполнил телепатически переданный приказ, но сумел при этом и отомстить своему убийце. Медиум и на этот раз ухитрился выйти сухим из воды, но в частном разговоре со мной признал: если феномен психического убийства существует, то — да, он яркий его представитель.

Телепатическое внушение — независимо от того, несёт ли оно всего лишь угрозу или опасные для жизни импульсы, — способен породить механизм защитных реакций. Агрессивность — одна из форм подобной защиты. «Если я забеременею, я убью вас!» — воскликнула пациентка, обращаясь к психотерапевту, который накануне в разговоре со мной говорил о «психологической стерильности» своей подопечной. Та же, «подслушав» нас телепатически, по-своему истолковала слова доктора.

Известный случай с пациенткой, угрожавшей убийством доктору Розену, поднимает другой вопрос. Что, если «голоса», которые слышат сумасшедшие, по крайней мере в некоторых случаях, действительно являются «осколками» реальных телепатических сигналов?

Параноидальная составляющая отчётливо прослеживается и в поведении другого моего пациента, обладавшего даром «злокачественной» телепатии. Отчаявшись добиться успеха на театральной сцене, он обвинил во всём недоброжелателей и, решив отомстить им, стал концентрироваться на разного рода зловредных «пожеланиях». Ко мне же он явился потому, что от собственных успехов пришёл в ужас. В результате его умственных упражнений дочь продюсера упала с лошади и раскроила себе череп, пьеса, в актёрский состав которой его отказались включить, с треском провалилась — и так далее. Я предупредил этого человека, что «творчество» в жанре злокачественной телепатии (с участием, кстати, его супруги) опасно прежде всего для них самих: чувства вины могут привести в действие механизм самонаказания и тогда в опасности окажется его собственное здоровье.

На пути к коллективному человеку. Основной вопрос, касающийся происхождения телепатического феномена, можно сформулировать так: что это, рудиментарная форма коммуникации, возникшая ещё до появления языков, или новый виток развития, который заменит в будущем привычные формы общения?

Вопрос этот прямо связан с проблемой эволюции человечества. Вспомним научно-фантастический рассказ Уилла Ф. Дженкинса «Конец света откладывается» (впервые опубликованный газетой «Saturday Evening Post»): колония боевых муравьёв становится вдруг организмом, в котором индивидуальное насекомое выполняет функции лишь подвижной клеточки. По своим интеллектуальным возможностям этот живой организм на много порядков выше каждого своего члена, и потому начинает вскоре представлять собой реальную угрозу безопасности человечества.

Рассказ навеивает тревожные мысли. В течение всей своей истории с первобытных времён человечество пыталось прибегнуть к тем или иным формам самоорганизации. Многие из них в ходе исторического развития доказали свою несостоятельность, некоторые — всё ещё объединяют людей по разным признакам в группы и сообщества.

Что если все эти попытки к глобальному объединению — естественная эволюционная тенденция, цель которой — рождение некоего гигантского Общечеловека, предсказанного медиумом Джеральдиной Камминс в книге «Дорога к бессмертию»? Вспомним: муравьиный монстр функционировал как раз посредством телепатического общения между своими «клетками»: может быть, то, что мы называем сегодня экстрасенсорным восприятием, — это зачатки «нервной системы» Общечеловека?

Что ж, если так, парапсихология — это наука о новых, только ещё зарождающихся человеческих отношениях, развиться которым суждено лишь в далёком будущем.

ПЛАНЕТАРНАЯ ПАМЯТЬ

Все мы любим музеи, вещественные кладовые человеческой памяти. Но даже все они в совокупности неспособны воссоздать полную картину истории человека, его первородной жажды знаний и тяги к покорению мира. Мир недоступен нашему пониманию, и человек в истории — явление, мягко говоря, эпизодическое.

Тем не менее, каждый из нас прилагает немалые усилия к тому, чтобы оставить после себя хоть какую-то память. А между тем, стоит ли так стараться?

Есть все основания предполагать, что любой акт, физический или психологический, оставляет во Вселенной нестираемый след. Более того, всё живое, действуя какие-то силы Космоса, порождает где-то своё не умирающее прозрачное отображение. В сумме эти «следы» и формируют Память Вселенной. На Востоке её называют Akashic Records. В западной литературе аналогов множество: мне встречался даже термин «Картинная галерея космоса»!

Вселенская (или, назовем её скромнее, планетарная) память по природе своей безлична и загадочна: мы не в силах понять её смысла, но способны, оказывается, узреть отдельные вспышки «воспоминаний», устраиваемые природой в какие-то особо «ностальгические» моменты. Более того, живут среди нас

личности, достигшие таких вершин духовного развития, которые позволяют им вступить в контакт с этим гигантским кладезем информации.

Несколько лет назад в лондонской «Таймс» мне попалось на глаза следующее сообщение герцога Аргайлского: «Я шёл по дороге, на которой производились ремонтные работы. Вдруг рабочие закричали и стали указывать куда-то в сторону отдалённого холма. Я обернулся. По склону спускалась средневековая армия в сияющих доспехах».

Может быть, холм этот является местом массового обитания призраков? Ну нет, последние не ходят толпами и уж тем более не склонны выстраиваться для прогулок в ряды и шеренги. Обратимся в поиске ответа к страницам английской истории: они хранят в себе и куда более убедительно документированные свидетельства о явлениях такого рода.

Через два месяца после сражения у Эджилла 22 октября 1624 года (это в Нортгемпшире, неподалёку от современного городка Кейнтон) сразу несколько пастухов и жителей близлежащих сёл стали свидетелями точного воспроизведения картины того же боя в воздухе — с выстрелами, конским ржанием, криками и стонами раненых. Видение длилось несколько часов, и сообщали о нём люди, чью честность окружающие не подвергали сомнению. Как только слухи о чуде достигли самого короля Карла Первого, он образовал специальную комиссию и направил её на расследование. Члены комиссии (в числе которых был и сэр Эдмунд Уорлей) не только сами дважды просмотрели небесное повторение битвы, но и опознали среди участников собственных теперь уже покойных друзей.

По утверждению ковенантера* Патрика Уокера, опубликованному в *Biographia Prisbiteriana*, в 1686 году на берегу реки Клайд неподалёку от Ланарка на протяжении нескольких вечеров бились многочисленные воинские отряды: земля и даже деревья были усеяны грудями касок, шляп, ружей и сабель. Боевые построения подходили к самой воде и здесь вступали в смертельный бой: одни бойцы падали на землю и исчезали, но тут же на смену им являлись новые. Между тем, сам Патрик Уокер, оказывается, ничего этого не видел. Примерно две трети присутствовавших оказались свидетелями этого удивительного феномена, треть осталась к нему слепа и глуха.

«Отчет Патрика Уокера поражает своей честностью, — пишет известный исследователь паранормальных явлений Эндрю Ланг, — и является, возможно, одним из самых странных свидетельств такого рода как раз потому, что автор так и не узрел чуда, хотя, несомненно, сам бы того очень хотел».

Другой автор, Павсаний, оказался в числе непосредственных очевидцев описанного им события. Согласно его сообщению Марафонская битва запечатлена в пространстве и время от времени прокручивается, подобно кинофильму, от начала и до конца. Спустя четыреста лет после великого сражения на этом месте всё ещё слышались конское ржание, радостные восклицания победителей, крики поверженных — одним словом, все звуки, что обычно сопровождают военные действия. А капитану Луису Патрику Боулеру, одному

---

* Ковенантеры (*шотл.*) — группа ярых пресвитериан, выступавших против нарушения Ковенанта и подвергшихся преследованию в 1662 году. (*Прим.перев.*)

из первопроходцев Булавой при Сесиле Роудсе и автору книги «Африканские ночи», довелось испытать аналогичные ощущения на знаменитом месте, где некогда погиб конвой рабов.

«Среди ночи меня разбудил шёпот местного колдуна: «Смотрите, это они!» Лишь спустя несколько минут я сумел разглядеть в темноте цепочку людей, которых сопровождали некто в белых парусиновых брюках и огромная чёрная собака. Я обернулся к капитану Пулли и спросил, что он видит. «Какой-то чёрный пёс бродит», — раздалось в ответ». Похоже, он, как и Патрик Уокер, не смог увидеть того, что видели остальные.

Ещё более странную историю о своих впечатлениях на том же загадочном месте рассказывал мой друг доктор Г.Б. Кирклэнд, служивший некогда врачом правительственных войск в Южной Родезии.

«Я отчаянно пробирался через страну по жалкому подобию дороги к городишку под названием Мачеке, расположенному на Родезийской возвышенности примерно в 120 милях от границы Мтоко, намереваясь переночевать в старом португальском селении Тете. Всё, что осталось у меня в памяти о тех местах, это квадратный древний форт, как две капли воды похожий на тот, что был описан П.С.Реном в «Beau Geste», почти такой же допотопный паром через Замбези и вино, столь же дешёвое, сколь и отвратительное. Задержавшись в пути, мы с братом решили заночевать в машине.

Мальчуган по имени Харубиши, из местных, тут же развёл костёр и начал готовить еду. Я уселся читать при свете луны, а мой брат начал чистить ружьё. Внезапно Харубиши, малый, надо сказать, более чем флегматичный, вскочил на ноги и с каким-то болезненным возбуждением зашептал: «Смотрите туда, смотрите — это Conquille Inkoos!» В ветвях странно играли лунные тени, визгливо зудели сверчки, невообразимый гам создавали лягушки. Я обернулся и... Примерно в 350 ярдах от нас медленно двигалась вереница негров, скованных цепью. Надсмотрщика видно не было, что показалось мне очень странным, но зато рядом брёл огромный чёрный пёс. Несчастные были истощены до предела. Я окликнул брата: «Смотри, рабский конвой! Бог мой, я думал, у них тут с этим покончено». Брат поспешил ко мне, но было поздно: люди куда-то исчезли. Возможно, они минули поляну и скрылись в чаще.

Харубиши, спрятавшийся за деревом, вёл себя тем временем очень странно. Я позвал мальчика, но он наотрез отказался выходить. «Кто были эти люди?» — спросил я. «Это не люди, — ответил он, — а Incoos, духи погибших рабов. Я их видел и раньше».

Двое моих знакомых также видели призраков. Тщетно пытался я разузнать об этом подробнее: местные жители неохотно говорят о таких вещах».

Скептик объяснит происшествие тем, что доктор Кирклэнд просто когда-то читал воспоминания Патрика Боулера. Что ж, возможно и такое. В любом случае феномен этот требует каких-то иных, более убедительных подтверждений — желательно, не из тех уголков планеты, что полнятся суевериями. Такие подтверждения существуют, и одно из них достойно особого упоминания.

В 1911 году была опубликована удивительная книга под названием «Приключение». Позже выяснилось, что под псевдонимом «мисс Моррисон и мисс

Ламонт» скрываются Энн Моберли, дочь епископа Солсберийского, и доктор Элинор Джордан. Обе женщины в 1901 году стали свидетельницами удивительного происшествия: у них на глазах Версальский дворец перенёсся в прошлое и стал таким, каким был в 1789 году. Вскоре после публикации стали появляться сообщения парижан, также наблюдавших это невероятное превращение. Самое удивительное в этой истории, – что пришельцы из XVIII века не только прекрасно видели и слышали современных версальцев, но и свободно общались с соотечественниками из будущего! При этом у последних не возникало ни малейших сомнений в том, что они говорят с реальными, живыми людьми. Все эти загадочные превращения происходили непременно в годовщину Французской революции: возможно, именно тут следует искать ключик к разгадке тайны.

Существует понятие «юбилейной травмы»: психоаналитики подтверждают, что очень часто неприятности с их пациентами приключаются в годовщину какого-нибудь трагического события. Связано ли это с космическими ритмами, сменой времён года или взаимодействием Земли и Луны, трудно сказать. Ясно одно: Великая память, подобно памяти человеческой, иногда вдруг пробуждается, и образы её оживают прямо перед нашими глазами.

Цитировать авторитетов теософии всегда рискованно: за полётом их туманной мысли не уследишь – и всё же, думаю, уместно будет вспомнить по этому поводу слова Анни Безант и Чарльза Ледбитера из книги «Человек: откуда, как и куда».

«Разум Логоса... содержит в себе все ментальные манифестации, ему присущие, и расположены оне в том порядке, в коем должно им проявляться. Но все оне здесь, и все способны предстать перед нами – в виде как бы наших собственных мысленных образов. Душа человеческая способна найти элементы Памяти Природы, воплощённые в материальном мире: это мысли Логоса, отражение его разума. В этой вечной записи есть прошлое и есть будущее, добраться до которого душе, должного развития не получившей, трудно. Образы будущего ещё не воплощены, хотя от этого менее реальными они не становятся. Душа, прочитывая эти записи, может передавать их затем мозгу, который в свою очередь формирует мысли, заставляя руку записывать их на бумаге».

Я знал лишь одного человека, который способен был на практике интерпретировать подобные достаточно запутанные рассуждения: это Г.Р.С. Мид, замечательный богослов, учёный-христианин и мой большой друг. Вот что рассказывает он о получении «записей Акаши» в книге «Жил ли Иисус за сто лет до начала новой эры?»

«Читатель должен иметь в виду, что метод исследования, о котором идёт речь, не предполагает погружения в транс, самостоятельного или месмерического. Насколько я могу судить, мои коллеги находились в обычном своём состоянии. Они никак не готовились к процедуре приёма информации, разве что усаживались поудобнее. Они не просто описывали сцены, происходившие у них на глазах, но и подчас удивлялись не меньше слушателей, ибо ожидали иного. Мне могут возразить, что мы имеем тут дело всего лишь с объективизацией воспоминаний о том, что было прежде прочитано или услышано.

Ясновидящий мог лишь однажды случайно взглянуть на страницу и таким образом подсознательно усвоить всё её содержание. Но такое объяснение не удовлетворит человека, который, подобно мне, видел, как записываются греческие манускрипты, содержание которых не могло быть известно никому из живущих, причём записываются человеком, чья эрудиция ограничивалась в лучшем случае знанием алфавита. Иногда в тексте оставались пробелы для слов, которые моему коллеге (а подчас и мне самому) были незнакомы. Их мы заполняли сообща позже, разбивая полученные тексты на фразы и удивляясь правильности и литературности языка. Ни я, ни мой коллега никогда в жизни не видели оригинального манускрипта. Пользуясь этим методом, я получал даты и факты, проверить достоверность которых мне удавалось лишь позже: все они не могли быть известны никому, кроме разве что самых эрудированных исследователей античности».

С момента нашего последнего разговора с Г.Р.С. Мидом прошло много лет, но я не перестаю поражаться сказанному. Неужели действительно человеку ещё предстоит открыть в себе способность погружения в Планетарную память? Не знаю, почему, но мысль об этом приводит меня в ужас.

ЧУДЕСА ТРАНСФИГУРАЦИИ

Термин «трансфигурация» наши словари определяют как «изменение внешности», неизменно цитируя евангельскую цитату о том, как «лицо Иисуса воссияло подобно солнцу и одеяния его стали белыми, как сам свет» (Матфей, 17:2). Свидетелями того знаменитого чуда стали Пётр, Иоанн и Иаков: узрев рядом с Иисусом Моисея и Илию, они преисполнились величайшим восторгом.

Последние столетия дали нам не так уж много подобных примеров. Прежде всего внимания в этом смысле заслуживают чудеса, время от времени происходившие с Рамакришной. Прекрасное описание одного из таких эпизодов даёт в своей книге «Пророки новой Индии» (1930) Ромен Роллан. Напомним, многие годы великий пророк стремился узреть Богоматерь. И вот желаемое свершилось.

«...С тех пор дни и ночи он проводил в незримом присутствии своей возлюбленной. Любовь их была бесконечна, словно речной поток. В конце концов он слился с ней воедино: видение Божией Матери, прежде существовавшее лишь в глубине его разума, воссияло вовне. Теперь со стороны можно было видеть то же, что видит он. Через тело его, как через окно, в наш мир стали выглядывать боги».

Однажды Матур-Бабу, племянник основательницы храма и главный его настоятель, сидел в комнате. Рамакришна, не видя его, расхаживал по балкону. Внезапно Матур-Бабу вскрикнул. На глазах у него произошло чудо: шагая в одном направлении, Рамакришна превращался в Шиву, поворачиваясь, принимал облик Богоматери. Каждый раз трансфигурация знаменовала собой заключительную стадию очередного видения, являвшегося великому пророку.

«Сначала он видел богов в пространстве, — продолжает Ромен Роллан, — затем они вошли в него, и наконец он стал превращаться в них сам. Невероятно, но этот созидательный акт вполне естественен для величайшего из гениев пластики. Любой его мысленный образ тотчас оживает в реальности».

Трудно тут даже что-то добавить. Практически Роллан вполне грамотно трактует феномен трансфигурации в терминах современной парапсихологии. Жажды встречи с богами у сегодняшних «гениев пластики» заметно поубавилось, и всё же некоторые из них сохранили способность полностью менять облик, приобретая черты умерших — тех из них, во всяком случае, которые оказываются не прочь таким образом вступить в контакт с миром живущих.

Эта ранняя форма медиумизма была в своё время весьма популярна в Англии. В XX веке наиболее яркой представительницей «жанра» считается миссис Э.Ф.Баллок из Левеншульма (Манчестер), которая прославилась способностью при свете красной лампы резко менять черты лица. Чаще других миссис Баллок превращалась в некоего китайца: он-то и был её «личным» духом, помогавшим аудитории общаться с потусторонним миром. Утверждалось, будто бы существенную роль в процессе трансформации играло облачко эктоплазмы, испускавшееся телом медиума; красная лампа же была необходима в силу необыкновенной чувствительности этой эманации к обычному дневному свету.

С феноменом миссис Баллок я впервые встретился летом 1934 года на собрании Спиритуалистической ассоциации большой Метрополии в Лондоне. Моё кресло находилось на расстоянии примерно 15 футов от медиума. Создавалось впечатление, будто нижняя часть лица женщины сначала обращалась в аморфную массу, а затем начинала принимать вдруг совершенно неожиданные очертания. Подойти поближе, чтобы рассмотреть происходящее получше, мне не позволили.

Я пригласил миссис Баллок в Международный институт психических исследований с тем, чтобы мы могли сделать там инфракрасные снимки. Успех эксперимента превзошёл все ожидания. Миссис Баллок, одетая в чёрный стихарь (так что видны были только её голова и руки) продемонстрировала нам целую серию удивительнейших превращений.

Поочерёдно перед нами появились: китаец, японская девушка, некий бородач, мужчина с усами, африканец с кольцом в носу, солдат, погибший в первую мировую войну с круглым отверстием во лбу и несколько других персоналий. Впечатление было столь сильным, что зал то и дело взрывался криками изумления.

И всё же главным источником сомнений оставалось освещение: лампа, с которой выступала миссис Баллок, отбрасывала на лицо ей странные тени, конфигурацию которых очевидно можно было менять движением отдельных мышц и всей головы. Медиум вообще обладала необычайно подвижным лицом; очевидно, в результате тренировок она вполне могла «приспособить» под себя и личину китайца.

Джон Браун тем временем прислал мне серию фотоснимков, демонстрировавших способность к трансфигурации без всякого медиумизма. Я, однако, решил, что искусство использования игры света и тени, не говоря уже об ис-

кренней убеждённости миссис Баллок в том, что она служит «связной» между двумя мирами, сами по себе заслуживают изучения.

В следующий раз я расположился уже на расстоянии двух ярдов от медиума и не увидел ничего даже отдалённо напоминающего эктоплазму. Зато отчётливо проявились... усы, на что аудитория отреагировала шумным восклицанием. Впрочем, с того места, где сидел я, было видно, что образованы они тенью от странно поджавшейся вдруг верхней губы.

Появившаяся затем борода оказалась столь же нематериальна. Просто складки на шее миссис Баллок одновременно затрепетали и вниз от чуть вздёрнутого подбородка побежала диковинная теневая вязь. Кольцо в носу у «африканца» получилось в результате странного отжатия участка кожи, «рана» на лбу оказалась кожным же вздутием. И всё же представление поразило всех — прежде всего, своей драматичностью.

«Каким бы ни было истинное объяснение происшедшего, — заметил по этому поводу известный театральный продюсер Леон М.Леон, которого я лично пригласил на эту демонстрацию, — результат заслуживает самой восторженной оценки».

Фотоаппарат явно нервировал миссис Баллок, и нам удалось сделать лишь четыре снимка. «Китаец» получился великолепно: маска эта не была плодом коллективного воображения — лицо женщины действительно преобразилось самым фантастическим образом. Между тем в трёх миллиметрах от правой руки проявилось светлое облачко, нижней границей повторявшее форму её поверхности. Официальный фотограф нашего института Леон Айзак не смог объяснить его природы. Наверняка можно было утверждать лишь одно: дефект плёнки тут ни при чём.

Остальные три снимка получились менее интересными: «усы» и здесь оказались не более чем тенью от верхней губы, на которую свет красной лампы падал снизу. Однако снимок «Муни» (того самого африканца с кольцом) был необычен: здесь также проявилось странное белое облачко, — оно как бы понималось вверх от чёрной ткани стихаря. Облачко не было замечено в ходе сеанса, отсутствовало на трёх остальных снимках и не могло явиться следствием технического дефекта. Неужели — таинственная эктоплазма?

Ответа на этот вопрос я не получил, но и о своём решении провести эксперимент не пожалел. На следующий день мы расположились в зале для первого просмотра — сначала киноплёнки, затем инфракрасных и ультрафиолетовых слайдов. И тут произошло нечто неожиданное. На экране возник дрожащий столбик света: он появился справа от лица миссис Баллок подобно прозрачной занавеске. В следующее мгновение на лице у неё «выросли» огромные свисающие усы, очень напоминавшие те, что отращивал А.Конан-Дойль. Столбик света возник из ниоткуда, не имел видимого источника и направлен был сверху вниз. Может быть, и это была эктоплазма, вдруг ставшая видимой благодаря красному свету? Значит для более длинных световых волн вещество это «неосяземо»?

Вскоре, однако, мы получили возможность убедиться в том, что для физиономических экспериментов миссис Баллок эктоплазмы не требуется. После того, как в ходе следующего сеанса в комнате включили обычный свет, медиум

на глазах у всех... вновь превратилась в китайца! Эффект был потрясающим. Помимо всего прочего, это свидетельствовало о честности женщины, как бы показавшей, что одного и того же результата она способна достичь разными средствами.

«Когда началась трансформация, мне показалось, будто всё лицо медиума сделалось аморфным, — вспоминал У.Т.Л. Беккер, управляющий директор компании «Color Photographs Ltd», член нашего учёного совета. — Потом словно невидимые руки стали лепить из него как из теста новые черты. Время от времени под кожей пробегала рябь — совсем как у тигра или кошки, готовящихся к прыжку. У меня возникло впечатление, будто губы её пульсируют, меняя толщину перед каждым новым актом трансфигурации; от верхней губы к носу и от нижней губы к нижней точке подбородка то и дело пробегал какой-то дымок.

После этого брови миссис Баллок резко вздымались вверх, глаза суживались и через несколько секунд она превращалась в китайца — да так стремительно, что сравнение с тигром кажется тут вполне уместным. Происходившее с лицом не было гримасничаньем, сознательным или бессознательным — просто аморфная масса размешавшись подобно тесту, принимала вдруг новую форму. Такие упражнения явно находятся за пределами возможностей нормального человека».

А вот как описал появление китайца наш советник доктор медицинских наук Дж. Б. Хопер:

«В ходе этого сеанса на лице медиума возникло три или четыре маски. «Китаец» был первым. Произошло это неожиданно: глаза, брови, щёки и подбородок появились одновременно. Возникшее перед нами лицо принадлежало старому человеку: оно было испещрено морщинами, особенно у подбородка. Последний по форме своей напоминал подбородок обезьянки, но тип лица был явно китайским, и превращение было проведено на высшем качественном уровне».

Ультрафиолетовые слайды тоже готовили нам свои сюрпризы. В призрачном зеленовато-голубом освещении ничего особенного аудитория не заметила, однако, когда появился образ африканского духа-посредника из племени зулусов с лицом женщины произошли поразительные изменения: нос расплющился, над губами появились клокья волос, под ними — жалкое подобие бородёнки.

Объяснить все эти пертурбации мы не смогли. Свет бил миссис Баллок в глаза, и она, конечно, не могла знать, какими окажутся ультрафиолетовые снимки. Оставалась надежда, что все наши сомнения должен будет разрешить ультрафиолетовый фильм.

Два дня спустя при улучшенном освещении была проведена успешная съёмка бесшумной камерой. Эту плёнку общей протяжённостью 400 футов я продемонстрировал на Международном конгрессе парапсихологов в Осло летом 1936 года. Фильм произвёл на всех сильное впечатление, но на этот раз никаких посторонних образований в непосредственной близости от медиума обнаружено не было.

На следующий день мы снова сняли нашего «китайца» и получили странный результат. Заострённый нос его оставался неподвижным, но остальное лицо находилось в непрерывном волнообразном движении. Итак, труды наши

в какой-то мере оказались вознаграждены, но... разгадка тайны феномена трансфигурации не приблизилась ни на шаг. Зато позже я получил от медиума важную информацию относительно биологического аспекта происходящего.

Миссис Баллок призналась мне, что в момент трансфигурации у неё возникает явственное ощущение, что человеческая рука... массирует ей матку! Признание это косвенно подтверждает давнее открытие, о котором парапсихологи по каким-то причинам стараются не упоминать. Дело в том, что истинный медиум, судя по всему, задействует в своей работе именно сексуальную энергию. В самом прямом смысле слова он порождает фантомов, которые затем оживают и весьма искусно ставят исследователей в тупик.

ПРОКЛЯТИЕ ФАРАОНОВ

Осквернение могил – занятие столь же древнее, как и обычай возносить молитвы мёртвым во время погребальных церемоний. И то, и другое получило небывалое развитие в Древнем Египте.

Фараоны отказались от строительства пирамид потому лишь, что осознали невозможность защитить таким образом захоронённые в них мумии. Каменную гробницу было удобнее скрыть от посторонних глаз: возведение этих сравнительно миниатюрных сооружений с использованием прибрежных скал Нила продолжалось не менее четырёхсот лет.

Постоянные поражения в борьбе с разного рода гульями (осквернителями гробниц) в конечном итоге вынудили фараонов прибегнуть к более действенному оружию – защитному проклятию. Сколько людей стали жертвами его в прошлом мы не знаем, но в том, что свою силу оно сохранило по сей день, не может быть никакого сомнения.

Много жутких историй рассказывают о мумии жрицы Амен-Ра, ныне покоящейся в Британском музее. С каждым, кто входил с нею в контакт, сразу же начинали происходить какие-то странные неприятности. И всё же главным событием, заставившим мир с ужасом заговорить о проклятии египетских мудрецов, стало открытие в 1922 году гробницы Тутанхамона, юного фараона, умершего 18-летним в 1350 году до нашей эры. Он был племянником Ихнатона – того самого, что положил конец политеизму в Египте и навлёк на себя гнев жрецов.

Гробницу обнаружил Говард Картер, но организовал экспедицию лорд Карнарвон. Сказочные сокровища, на транспортировку которых ушло 8 недель, находятся сейчас в Каирском национальном музее, но тело юного правителя древности всё ещё покоится в склепе гробницы.

Археолог, делающий подобное открытие, рискует навлечь на себя обвинение в осквернительстве, поскольку такого рода экспедиции не утруждают себя даже видимостью уважения к местным традициям. Очень скоро поползли зловещие слухи: те, кто так или иначе был связан с находкой, стали умирать один за другим.

Гробница Тутанхамона была действительно осквернена: прежде всего, крайне неуместным решением лорда Карнарвона провести в ней банкет. Тут были расставлены столы с едой и винами, незваные «гости» начали фотографироваться; собрались даже провести в склепе концерт. «Если лорд Карнарвон будет продолжать в том же духе, — заметил доктор Вигалл (в те дни — главный инспектор Антикварного наследия Египта), — он проживёт не более шести недель».

Появились свидетельства о том, что вскрытию гробницы сопутствовали разного рода знамения. Когда экспедиция стала спускаться к выходу, в пустыне справа от входа возник небольшой смерч — и это при том, что в воздухе не было ни ветерка. Вихрь бушевал недолго и, подняв над гробницей песчаную тучу, затих. В ту же секунду с востока взмыл в поднебесье ястреб — древнеегипетский символ фараона: он воспарил над гробницей и унёсся прочь. А в день, когда Говард Картер впервые вступил в гробницу, его ручную канарейку проглотила змея — символ Тутанхамона.

Вообще говоря, ни одно из этих «знамений» серьёзного обсуждения само по себе не заслуживает. Кроме того, следует признать, что «проклятие фараонов» может действовать всего лишь как «злокачественное» внушение, сила которого напрямую зависит от того, насколько суверен попавший под его влияние человек.

Но для понимания феномена египетского проклятия таких объяснений недостаточно. Есть тут кое-какие усложняющие дело детали, на которые в своё время указывали многие учёные-египтологи, в частности, доктор Вигалл, с именем которого связано одно из самых загадочных происшествий такого рода.

Однажды он нашёл фарфоровую статуэтку кошки (священный символ Бестиса, египетского бога любви) и заподозрил, что под фарфоровой оболочкой скрывается мумия животного. Вигалл принёс находку домой и, приступив к осмотру, не смог понять, каким образом соединены (или разделены) две её половинки.

В ту ночь учёный не мог заснуть. Его одолела необъяснимая бессонница — один из основных симптомов, испытываемых человеком, нарушившим неприкосновенность гробницы. Его возбуждённое воображение порождало одну и ту же фантазию. Стоило только Вигаллу закрыть глаза, как перед ним возникала кошка: она крадучись приближалась к нему, не спуская с недруга пылающих глаз.

Проворовавшись несколько часов с боку на бок, учёный наконец заснул, но в ту же минуту был разбужен звуком взрыва (такое встречается также нередко). Вигалл вскочил с кровати и едва успел отбиться от разъярённой серой кошки: расцарапав ему лицо и руки, животное в то же мгновение исчезло в оконном проёме. Доктор Вигалл бросился к окну. Он успел увидеть, как его собственный кот зашипел, ощерился и в диком ужасе от появления незнакомца исчез в кустах. Реакция домашнего животного, да и царапины на лице свидетельствовали о том, что пришелец был более чем реален.

Обернувшись, он увидел, что фарфоровый футляр треснул посередине. Теперь кошка-мумия стояла на выпрямленных лапах, уставившись на него

мёртвым взглядом. Секрет футляра был разрешён, но возникла новая загадка: как случилось, что от взрыва, по всей комнате разбросавшего осколки фарфора, тело мумии совершенно не пострадало?

Однажды сэра Александр Сетон привёз к себе домой в Эдинбург очень древнюю крестцовую кость, найденную в нише только что открытой им небольшой пирамиды, и поместил её в стеклянный футляр. Сначала жильцы дома стали беспричинно болеть. Потом девятилетний племянник Сетона прибежал к дяде в ужасе: ему явилась фигура человека в длинной робе!

Ночью сэра Александр, по его словам, «испытал приступ необъяснимой паники». Спустившись вниз, он обнаружил на полу разлетевшийся на мелкие кусочки стеклянный футляр — в двух футах от кости, оставшейся лежать на столе. Некоторое время спустя на пол слетела и ваза с цветами, стоявшая на столе рядом с реликвией. Однажды, когда Сетон находился в доме один, послышался глухой удар. Прибежав в гостиную, он обнаружил там перевёрнутое кресло. Стол, на котором лежала кость, был сдвинут, а вазу отбросило в сторону на 8 футов.

Выступая в Эдинбургском колледже психической науки, сэра Александр выразил уверенность, что кость таким образом «просила предать её родной земле».

Перейдём к третьей истории. Её героиня миссис Ив Брэкенбери, в те дни работавшая почётным секретарём медицинского совета при Международном институте психических исследований, получила в подарок мумифицированную голову красавицы-египтянки. О предыстории находки ей ничего известно не было.

Свою первую ночь на новом месте голова мумии провела в запакованном состоянии. Ничего особенного в доме не произошло, если не считать того, что миссис Брэкенбери и её муж (инженер и изобретатель, с которым я также был знаком лично) ни на минуту не могли сомкнуть глаз. На следующий день голову распаковали и установили на столике рядом с фарфоровой статуэткой китайской богини — изделием необычайно тонкой работы — как раз у стены, за которой находилась спальня супругов. Почему-то следующей ночью они снова не могли заснуть: до утра сидели, курили и разговаривали.

Внезапно за стеной послышался жуткий треск, более всего напоминавший звук револьверного выстрела. Супруги Брэкенбери замерли от ужаса и потрясения. Войти в соседнюю комнату и посмотреть, что же явилось причиной треска, у них не хватило мужества. Оба не сомневались в том, что всё это каким-то образом связано с головой мумии. Они тут же вспомнили все давно знакомые легенды о древних наговорах и проклятиях. Таинственный треск явно донёсся из соседней комнаты. Квартира внизу была пуста. В доме никого, кроме них, не было. Выждав некоторое время и убедившись в том, что за хлопком ничего особенного не последовало, супруги понемногу успокоились и вернулись в постель. В ту ночь их преследовали кошмары.

Миссис Брэкенбери оказалась в каком-то жутком месте, где за ней гонялись безголовые мужчины. С диким криком женщина проснулась: её муж также находился в состоянии, близком к каталептическому. До шести часов, когда за окнами начала просыпаться жизнь, оба не сомкнули глаз. С огромным трудом, словно преодолевая сопротивление невидимой силы, они наконец переступили порог комнаты.

Голова мумии стояла на своём месте. Но китайская богиня оказалась свергнута: она лежала под столом — в таком месте, куда, даже если бы упала сама, закатиться никак не могла. Странно, но изящная фигурка тончайшей работы с растопыренными пальчиками перенесла падение без увечий.

Присутствие мумии тут же ощутила собака, которая раньше весело вбегала в дом и принималась носиться по всей квартире. Теперь она отпрянула от порога и с воем бросилась по лестнице вниз.

Ив поспешила избавиться от головы египтянки и кому-то её подарила. Никто из последующих обладателей реликвии не испытал, вроде бы, неприятностей, если не считать одной женщины, которую начали посещать кошмары.

Напрашивается вопрос: может быть, китайская богиня сама стала «виновницей» столкновения? Что, если близость чужой богини разбудила какие-то таинственные силы, связанные с головой египтянки? Лишь сформулировав теорию «фамильного гештальта», объяснившую феномен призрачного обитания в домах, владельцами которых являются представители древних ветвей британской аристократии («The Haunted Mind»), я понял, что китайская богиня и египетская принцесса были заряжены энергиями «враждебных» друг другу знаков.

Что служит источником энергии такого рода? Очевидно, коллективные молитвы древних, подкреплённые магическими ритуалами и жертвоприношениями. Именно так и создаётся вокруг объекта поклонения гештальт — психическая сущность, стоящая на гораздо более высоком уровне, нежели гештальт фамильный.

Не стоит недооценивать силу религии: она всё ещё способна сотрясти мир. Боги древности спят, но они не умерли! Любой акт святотатства может разбудить мощные силы, связанные со священным местом: оне будут направлены на человека, совершившего преступление, и тех, кто его окружает. Святотатство требует себе прощения или наказания: об этой элементарной истине, похоже, и не подозревают те, кто тащат в свои дома реликвии из гробниц, храмов и могил, освящённых специальными ритуалами.

Человеку свойственно бояться мертвецов, но куда страшнее самого трупа — связанный с ним гнев гештальта. Каждому из нас стоит помнить об этом и уважительно относиться к любым, даже очень древним останкам.

СНЫ НАЯВУ

Однажды китайскому мудрецу Чуанг Цу, жившему 2500 лет назад, приснилось, будто он — бабочка. «Итак, кто же я — Чуанг Цу, которому только что приснилось, будто он — бабочка, или бабочка, которой сейчас снится, будто она — Чуанг Цу?» — задал он себе по пробуждении знаменитый вопрос.

С тех пор многих посещала та же мысль: что если именно в мире сновидений проходит наша реальная жизнь? На первый взгляд такая постановка вопроса может показаться надуманной. Психоанализ съёрнул с феномена сна все покровы таинственности, доказав, что в основном он выстраивается из обрывков

воспоминаний, случайных идей и фантазий, которые сплетаются подсознанием в причудливое художественное полотно. Но есть сны, в отношении которых психоаналитический инструментарий оказывается бессилён.

Знаменитый палеонтолог профессор Агассис на протяжении двух недель бился над труднейшей задачей, пытаясь по слабому отпечатку скелета на огромном валуне восстановить облик ископаемой рыбы. Усилия его были тщетны.

И вот однажды ночью рыба привиделась ему во сне, причём со всеми своими недостающими частями. Утром этот образ совершенно стёрся из памяти профессора. Агассис отправился к валуну в ботанический сад, надеясь хоть как-то пробудить воспоминания, но озарения не произошло.

Следующей ночью рыба явилась профессору вновь, а утром так же бесследно исчезла. На третью ночь Агассис оставил рядом с кроватью бумагу и карандаш. Ближе к утру рыба вновь «выплыла» из полумрака. Не понимая, спит он или уже проснулся, профессор схватил бумагу и кое-как набросал контур ночной гостьи.

Утром Агассис не поверил собственным глазам: на бумаге было изображено нечто, в его представлении невозможное. Он поспешил в ботанический сад, принялся скоблить поверхность камня, пользуясь наброском в качестве путевода и... к своему изумлению, обнаружил скрытые в глубине части скелета — те самые, что соответствовали недостающим частям, присутствовавшим в образе, который являлся ночью.

Психоаналитик отмахнётся с улыбкой: наверняка профессор уже где-то видел эту рыбу, скажет он, — просто образ, долгое время спавший в подсознании, был оживлён стимулирующим сигналом. Насколько справедливо такое суждение, мог бы решить, наверное, только сам профессор Агассис. Однако, некоторые более сложные сны объяснить таким образом не удаётся.

Однажды к профессору Гильпрехту, признанному специалисту по истории Вавилона, попали два агатовых колечка. Тщетно пытался он разгадать их назначение. Наконец, измученный бесплодными догадками учёный погрузился в сон. Тут-то и явился ему очень высокий и худой мужчина — жрец дохристианского Ниппура. Он повёл профессора в сокровищницу какого-то храма — комнатку без окон с низким потолком, где стоял большой деревянный сундук. Пол был усыпан осколками лазури.

«Два колечка, о которых вы пишете, некогда являли собой единое целое, — заговорил хозяин. — История их такова. Однажды царь Кевигалзу* отправился в храм Бел, взяв с собой дары из агата и лазурита. Среди них был и выполненный по обету агатовый цилиндр с надписью. Некоторое время спустя жрецы святилища получили неожиданное указание изготовить для статуи бога Надиба пару агатовых серёжек и пришли в немалое замешательство, поскольку запасов сырья под рукой не было. Тогда-то и пришлось нам разделить дарственный агатовый сувенир на три части. Получились три колечка, каждое из которых сохранило на себе часть надписи. Два из них были использованы для изготовления серёг, одна и находится у вас. Соединив их, вы получите подтверждение сказанному». В ту ночь, по словам миссис Гильпрехт, профессор внезапно

---

* Около 1300 лет до нашей эры. (Н.Ф.)

вскочил с постели и с криком: «Ну конечно, так и есть!» — бросился в кабинет. Загадка была разрешена.

Трудно освободиться от ощущения, что элемент ясновидения в этом сновидении всё же присутствует. Хотим мы того, или нет, придётся признать: умерший много столетий назад жрец действительно каким-то образом сумел изменить ход мысли учёного. Тайну сновидений такого рода можно было бы разрешить, если бы человек научился во сне сохранять сознательный контроль над происходящим и способность анализировать ситуацию, как это делал Питер Иббетсон. Спросите оккультистов — они расскажут вам, что за этой способностью кроется целая школа оккультных знаний — или, во всяком случае, определённая техника, с помощью которой можно погрузиться в «сон наяву» — другими словами, заснув, сохранить способность сознательно анализировать происходящее.

Для этого необходимо в первую очередь научиться владеть собой вплоть до самого момента погружения в сон. Затем рекомендуется сконструировать в сознании конкретную сценку, прочно задержать её в воображении и в последний момент, прежде чем заснуть окончательно, в самом прямом смысле «шагнуть» в новую реальность. Наступит сон, но сознание не отключится, и по пробуждении вы сможете вспомнить всё, что с вами «по ту сторону» происходило. Интригующая перспектива. Но интересно, кому-нибудь удавалось подобный эксперимент? Моя попытка, во всяком случае, окончилась неудачей. Я вообразил, будто поднимаюсь по эскалатору, сказал себе, что в момент погружения в сон ступлю в заранее придуманную «реальность»... Ступить-то я ступил, но заснуть не смог! Так продолжалось довольно долго. Стоило мне только мысленно чуть расслабиться, сон приближался, а новая реальность тут же стремительно ускользала в небытие.

Мне пришлось отказаться от своих попыток, но думаю, есть люди, которым подобные трюки действительно удаются. Входя в новую реальность, они вселяются в своё новое тело, которое чудесным образом освобождено от всех физических ограничений и способно воздействовать на реальную материю, лишь прилагая к тому сверхусилия. Голландский врач доктор ван Иден попытался во сне, пользуясь возможностями лишь собственного «астрального тела», сдвинуть с места некоторые предметы. Ему удалось добиться лишь полного раздвоения сознания. В то время, как одно его тело лежало, погрузившись в сон и скрестив на груди руки, другое подошло к окну и выглянуло наружу. Подбежала собака, в изумлении уставилась на это второе тело, сорвалась с места и в панике унеслась прочь.

Сильван Молдоун из штата Висконсин, автор необычной книги «Проекция астрального тела», утверждает, что сумел сделать то, чего не удалось добиться доктору ван Идену. Самое странное заключалось в том, что сдвинутый им реальный объект — стрелка метронома, стоявшего на крышке пианино, — пришёл в движение лишь через две секунды после того, как к нему было приложено усилие. Молдоун изо всех сил толкнул руками астрального тела стрелку, вернулся в постель и усилием воли заставил себя проснуться. Лишь через несколько мгновений стрелка метронома у него на глазах пришла в движение.

Тот же загадочный временной провал, разделяющий две реальности, обнаружил и сэр Оливер Лодж, проводивший эксперименты с Эвзапией Палладино, прославившейся весьма неожиданными «подвигами» в жанре трансового медиумизма. Палладино приводила в движение находившиеся на расстоянии шести-семи футов от неё предметы, причём интервал времени между движением руки и реакцией сдвигаемого объекта составлял всё те же две секунды. В присутствии Палладино – стоило ей только соответствующим образом пошевелить пальцами – сам по себе начинал играть аккордеон. «Создавалось впечатление, – пишет сэр Оливер Лодж, – будто Эвзапия снится, что она играет на инструменте, и он действительно начинает играть – в двух пластах времени одновременно. Это как если бы собаке приснилось, будто она преследует зайца, а зайцу бы при этом казалось, что за ним гонится призрачная собака. В тот момент, когда собака во сне ловит и убивает зайца, тот в действительности погибает от ужаса. Я понимаю, что эти мои рассуждения не обладают научной ценностью, но всё более склоняюсь к тому, что они имеют прямое отношение к возможному объяснению рассматриваемого феномена».

Если бы только ещё удалось установить наверняка реальность этого «второго тела!» Многое в самых удивительных снах тут же показалось бы нам обыденным и понятным. Это открытие указало бы человечеству путь к захватывающим приключениям, и тогда вслед за Гёте мы могли бы воскликнуть: «Явь – это сон во сне!..»

ГОВОРЯЩИЙ МАНГУСТ

Думаю, не ошибусь, если замечу, что история Говорящего Мангуста с острова Мэн – одна из самых чарующих загадок нашего века. Существо это, поселившееся в панельных стенах одинокого фермерского особняка на вершине горы Дэлби, несколько лет занимало своими проделками британскую прессу и даже явилось однажды причиной ожесточённых дебатов в Палате Общин. В 1936 году, по приглашению владельца дома Джеймса Т.Ирвинга, я провёл здесь несколько недель и рассказал затем о своих впечатлениях в книге «Призрак преследует человека». Незадолго до этого историей Гефа заинтересовалась писательница Мэри Армстронг. Мы провели с ней обстоятельную беседу, результатом которой и явилась предлагаемая вашему вниманию совместная версия этих событий.

Остров Мэн считается одним из самых непрезентабельных пустырей Британии, но ферма Дорлиш-Кэшен, расположившаяся на высоте 750 футов над уровнем моря, даже на общем фоне выглядит достаточно мрачно. Этот приземистый особняк (добраться к которому можно, лишь преодолев опасный подъём по горному склону) сложен из скреплённых цементом сланцевых плит, и узкие окна его более всего напоминают бойницы. Стены своего внушительного строения мистер Ирвинг укрепил двойными панелями в надежде хоть как-то защититься от сильнейшего ветра: судя по всему, именно эта деталь и произвела впечатление на маленького пришельца. «Меня ваш

домик вполне устраивает, — милостиво известил он хозяев впоследствии. — Считайте, что он мой!»

Джон Ирвинг (человек, чью серьёзность и добропорядочность не подвергают сомнению даже закоренелые скептики) поселился здесь с женой и дочерью в 1917 году. 14 лет спустя сюда прибыл незваный гость.

Поначалу подозрение пало на юную Войри. Подали голос и спиритуалисты: девочка-подросток, решили они, наверняка служит источником той самой таинственной энергии, что так привлекает существ из иного мира — не исключено, что и Говорящий Мангуст — всего лишь разновидность полтергейста. В действительности всё оказалось сложнее. Или, может быть, проще?

«Однажды ночью — было это в сентябре 1931 года — мы услышали какой-то стук, доносившийся с чердака, и решили, что в доме завелись мыши, — рассказывает Джон Ирвинг. — Назавтра, откинув люк в потолке, я обнаружил там фигурку, которую сам когда-то выстругал из индийского дерева. Как она могла там оказаться? Я постучал ею об пол: раздался тот самый звук, что разбудил нас ночью. Вечером стук повторился. Вскоре он перешёл в дробный топот. Это была не мышь! Послышались какие-то плевки, вздохи и хрипы, а затем раздался ужасающий треск, от которого картины закачались на стенах. Пока я размышлял о том, что же это за чудище буйствует у нас над головами, произошло нечто такое, отчего все мы утратили дар речи. Сверху донеслись звуки, очень напоминавшие лепет младенца: «Даммадамма... бламблаблам» — что-то в этом роде. Пришелец явно пытался что-то сказать. Сам себе удивляясь, я принялся о чём-то с ним говорить, и он... стал мне отвечать тоненьким голоском! Начались нескончаемые диалоги. Несколько дней подряд он следовал за мной по пятам, требуя себе новых и новых «уроков». Вопросы сыпались один за другим.

— Ещё минуточку, — то и дело слышал я умоляющий писк. — Последний вопросик, Джим, и я отпущу тебя спать!

Несколько недель спустя существо это не просто усвоило наш лексикон, но и принялось сыпать такими фразами, которых мы сроду не слыхивали. Меня до сих пор не оставляет подозрение, что Геф (именно так он нам «представился») с самого начала лишь притворялся неучем, опасаясь напугать нас своими речами. Впрочем, сам он клялся в обратном:

— Человеческую речь я понимал, конечно, всегда, но сам говорить не умел. Спасибо Джиму, это он меня научил!

Пришелец обладал феноменальным слухом, и утаить от него что-либо было никак невозможно.

— Может быть, Геф — призрак? — предположил кто-то из членов семьи. Геф, быстро развивший в себе вкус к сверхпомпезной риторике, немедленно согласился:

— О да, я — призрак ласки, — изрёк он. — Теперь я буду бродить по вашему дому, издавать странные звуки и брехать цепями, — после чего произвёл совсем не страшный звуковой эффект, напоминавший удар ложкой по железяке.

Как бы то ни было, маленький гость решил, что Ирвинги вполне достойны его компании, и стал всячески втираться к ним в доверие, не гнушаясь примитивнейшим шантажом.

— Если вы будете добры ко мне, — заявил как-то раз Геф в порыве типичного для него наивного красноречия, — я принесу вам удачу. Если нет — перебею всех домашних птиц. Я вообще-то не злой, но способен на всё. Да я и вас бы запросто поубивал — мне просто этого пока что не хочется!

Несколько месяцев спустя, хорошенько узнав характер Гефа, Ирвинги, конечно, посмеялись бы над такими угрозами, но тогда всё это встревожило их не на шутку. Геф успел уже продемонстрировать умение швырять предметы с поразительной точностью. Что, если он увлечётся метанием — скажем, ножей? Вооружившись винтовкой и крысиным ядом, Джеймс Ирвинг вышел на тропу войны, но не тут-то было. Геф с лёгкостью обходил все ловушки, издавая при этом дикие вопли: стены дома непрерывно сотрясались от стуков, грохота и самых невероятных проклятий. Ирвинги в панике перенесли кровать Войри к себе в спальню, и это почему-то особенно задело Гефа: он метался повсюду, как сумасшедший, всеми доступными способами выражая решительнейший протест. Непродолжительная война эта закончилась полным поражением хозяев. Геф не преминул продемонстрировать, помимо всего прочего, умение виртуозно обращаться со спичками своей мохнатой четырёхпалой лапкой: что могло помешать ему при желании спалить дом? Мысль эта ужасала Ирвингов не слишком долго — до тех пор, пока они не сообразили, что Геф отчаянно в них нуждается. В мире людей они были единственными его союзниками, кормильцами и учителями. Кроме того, в те дни мангуст проникся самой горячей симпатией к Войри — впрочем, относился он к ней как старший братец к сестрёнке.

— Войри может возвращаться к себе в комнату, — мрачно объявил Геф в мае 1932 года. — Я никому из вас не причиню вреда.

Итак, девочка переехала на привычное место, после чего трое людей и очеловечившийся зверёк вступили в эпоху мирного и очень странного сосуществования. Геф был очень застенчив и совершенно не переносил человеческого взгляда. Прошло немало времени, прежде чем он решился явить Ирвингам свою тень от свечи, которую те оставили у одного из проёмов. Силуэт явно принадлежал маленькому мохнатому животному. Впрочем, по образу мыслей и привычкам существо это всё более напоминало человека.

«Однажды я оставил на верхней ступеньке лестницы блюдо с варёной черникой и сахар, а также молоко и хлеб, — рассказывает Ирвинг. — Геф принялся за еду, не переставая при этом со мной болтать. Потом он показал мне тень своей передней лапки... скорее ручонки, в которой держал ложку. Закончив еду, он постучал блюдцем об пол и задул свечу».

Как-то раз Геф предупредил членов семьи о том, что готов «показать им руку» и предложил понаблюдать как можно внимательнее за щелью в потолке. Действительно, из отверстия показались пальчики — кривые, желтоватые, с загнутыми вовнутрь коготками. Миссис Ирвинг получила разрешение не только притронуться к ним, а затем и погладить Гефа по шёрстке, но и засунуть в рот ему собственный палец.

«Он взял мой средний палец в рот, — говорит миссис Ирвинг, — и, прокусив своими крошечными острыми зубками кожу, стал высасывать кровь. Я пришла в негодование. Только ещё заражения крови мне не хватало!»

– Иди и смажь мазью, – раздражённо бросил Геф.

Время от времени Геф, питавший слабость к царственным жестам, преподносил хозяевам самые неожиданные сюрпризы. Однажды он решил, что должен сфотографироваться, и снабдил Войри подробнейшими инструкциями: девочка должна была щёлкнуть затвором в тот самый момент, когда он вскочит на пригорок за живой изгородью в нескольких ярдах от дома, и ни секундой позже! Остаётся лишь удивляться тому, что у Войри он вообще получился – этот удивительный снимок маленького зверька, напоминающего мангуста.

Внешность Гефа как будто бы согласуется с его же «авторской» легендой. Один из гостей вспомнил как-то раз, что несколько лет назад некий фермер выпустил в поля стаю мангустов, чтобы те истребили расплодившихся кроликов, и Геф с готовностью ухватился за эту версию собственного происхождения, быстро её развил: он объявил мимоходом о том, что ему 60 лет и что разум его – гигантский кладёз вселенской мудрости и великого множества языков.

Что же касается английского языка, то... лексикон Гефа, как это ни прискорбно, состоял большей частью из сомнительного рода эпитетов, некоторые из которых заставили бы покраснеть и матроса. Одним из предыдущих мест его обитания была близлежащая каменоломня; уже после переселения к Ирвингам Геф продолжал наведываться к старым друзьям, усердно пополняя свой и без того впечатляющий багаж всевозможных ругательств. По окончании «рабочего дня» мангуст возвращался к Ирвингам с очень смешными «срочными донесениями».

– Слушай, Джим, что это за тип среди них там бродит? – бросил он как-то раз с презрительной ноткой в голосе. – Ну, который в пенсне и ни черта не делает? У него ещё колени вовнутрь торчат...

Он имел в виду начальника смены!

Очеловечение Гефа происходило стремительно. «Геф – животное? Не могу в это поверить! – признавался мне Джеймс Ирвинг. – Может быть, это человеческий дух в обличье зверя? Он и питается не как мангуст: обожает, например, пирожные и шоколад...»

С первых дней своего пребывания в Дорлиш-Кэшен Геф в отношении окружающих усвоил несколько легкомысленный тон. Хозяином дома был, несомненно, Джим, и к нему Геф проникся подобающим почтением. Но миссис Ирвинг, дама, надо сказать, вида весьма внушительного, тут же превратилась для него в «Мэгги». Вскоре Геф вообще начал называть её «мой цыплёночек»: миссис Ирвинг приходила от таких фамильярностей в бурное негодование, что, в свою очередь, приводило Гефа в неописуемый восторг.

Для Войри мангуст сделался своего рода телохранителем. Он повадился провозить девочку в школу, неустанно обещая Ирвингу, что, если кто-нибудь попытается пристать к ребёнку, он тут же вступит с врагом в смертельную схватку. Поначалу похвальба эта воспринималась взрослыми с известной долей иронии, но однажды Геф пересказал Ирвингу подслушанный на автобусной остановке разговор, и тот вынужден был несколько изменить своё отношение к «предводителю эскорта».

— Что-то нашего Привидения не видать сегодня, — бросил один мальчишка другому (имея в виду, разумеется, Войри, которую именно так благодаря Гефу стали дразнить в школе). — Вот бы она опоздала сегодня на автобус!

Гефу это пожелание не слишком понравилось, и он тут же швырнул в мальчишка камень.

— И что произошло потом? — поинтересовался Ирвинг.

— Ничего особенного. Он взвился юлой и закричал: «Эй, Вонючка, ты что, сдурел?»

Не поленившись проверить рассказ Гефа, Ирвинг выяснил: среди ожидавших автобус в тот час действительно находился местный паренёк, носивший это очаровательное прозвище.

После того, как Войри минула стадию полового созревания, Геф не исчез (как следовало бы поступить полтергейсту) и даже не стал появляться реже: наоборот, девочка сделалась к нему более равнодушной.

Зато Ирвинги постепенно пришли к выводу, что их новому жильцу вполне можно поручать мелкие заботы — присмотреть за птицей, например, или за овцами. Геф поспешил уверить работодателей в своей полнейшей лояльности.

— Тебе ни о чём теперь не нужно беспокоиться, Джим, — говаривал он. — Если кто-то вломится в дом, я тут же дам тебе знать!

И действительно, о приближении гостей или какой-нибудь незнакомой собаки Ирвинги узнавали немедленно. В общем, Геф стал вскоре настоящим «мальчиком на побегушках». Утром он охотно сбегал вниз, чтобы сообщить проснувшимся хозяевам точное время. Среди ночи, если кто-то вспоминал, что в печи мог остаться огонь, зверёк послушно ковлял вниз и возвращался с массой самой разнообразной информации. Когда кому-то требовалось пораньше проснуться, он выполнял роль будильника. Стоило только козам задержаться в поле, как Геф бежал туда и собачьим лаем загонял их обратно.

Когда в доме становилось слишком много мышей, он брал на себя роль кота: правда, убивал грызунов он редко, предпочитая менее кровожадный метод борьбы — мяуканье. Не раз он сообщал Ирвингу о том, что к дому приближается ласка, или хорёк — его «злейший враг».

Однажды ночью глава семьи невольно подслушал одну из редких, но по-своему трогательных бесед мангуста с миссис Ирвинг.

— Вообще-то, Мэгги, ты мне нравишься, — доверительно пискнул Геф. — И знаешь, я хочу, чтобы ты призналась мне в том же.

Ирвинг, притворявшийся до этого спящим, не выдержал.

— Эй, а как же я? — спросил он, переворачиваясь на другой бок.

— О, Джим, ты тоже мне нравишься! — поспешно заверил его Геф, ужасно смущённый.

Геф был вездесущ, постоянно за Ирвингами шпионил и всем на всех ябедничал. Стоило только миссис Ирвинг начать раздеваться перед сном, как он тут же принимался подробно комментировать её действия. Войри имела обыкновение просыпаться первой, заваривать чай и нести чашку отцу. Геф не спускал с неё глаз и радовал хозяина важными сообщениями:

– Джим, она пьёт твой чай! Она пробует масло на вкус! Она хочет сожрать бисквиты!

Временами мангуст раздражал хозяев шутливой зловредностью, чаще – трогал до глубины души беспомощностью и каким-то особенным обаянием. Возвратившись домой после очередного обхода «владений», он признавался иногда, что очень устал, и тут же добавлял с подкупающей мягкостью:

– Слышь, Джим, как насчёт пожрать, а?

И мистер Ирвинг послушно шёл выполнять заказ.

Если «официантов» в доме не оказывалось, Геф угощался самостоятельно, после чего виновато спрашивал миссис Ирвинг:

– Мэгги, ты ведь не будешь очень ругаться, если я скажу, что съел весь бекон?

«Мэгги», естественно, принималась высказываться на этот счёт самым оживлённым образом, а Геф поступал вполне по-детски: скрывался куда-то и ждал, пока буря не утихнет.

Говорящий мангуст очень любил напускать на себя таинственный вид, обожая (опять-таки подобно быстро развивающемуся ребёнку) непонятные, сложные слова.

– Я – чудо природы, – заявил он однажды. – Узревший меня будет поражён и парализован, превращён в мумию и соляной столб!

И далее:

– Я – пятое измерение. Я – восьмое чудо света. Одним ударом я расщеплю атом!

Наконец, вовсе уж скромно:

– Я – Святой Дух!

Как-то раз, решив выяснить, насколько далеко зашёл Геф в своём интеллектуальном развитии, мистер Ирвинг спросил его, куда он, по его разумению, попадёт после смерти.

– Я не умру! – перепугался Геф, и голосок его задрожал.

– Ну а если всё-таки умрешь, то где окажешься?

– В преисподней, – проговорился Геф, но тут же поправился: – Нет, в Царстве Туманов!

Однажды Геф, подслушав разговор прохожих в Пиле, узнал новость, от которой преисполнился величайшей радостью, и тут же поспешил домой поделиться ею с Ирвингом. В конце концов, не каждому мангусту, пусть даже и говорящему, выпадает счастье стать причиной увольнения человека с работы, судебного разбирательства по этому поводу, а затем и ожесточённых дебатов в Палате Общин!

Р. С. Ламберт, редактор журнала «Лиснер», принадлежащего Би-би-си, оказался наряду с вездесущим Гарри Прайсом в первых рядах «официальных» исследователей феномена Дорлиш-Кэшен. Оба они поспешили на остров Мэн и, ознакомившись с фактами, написали книгу, публикация которой вызвала в Лондоне большой скандал. Непосредственный начальник Ламберта, Джон Лавита, пришёл к выводу, что «мистер Ламберт полностью попал под влияние своего героя» и утратил объективность, сделавшись, дескать, ярым «гефистом».

Несколько дней спустя начальник весьма саркастично раскритиковал своего подчинённого перед руководителями Би-би-си, которые очень скоро прислали тому уведомление об увольнении. Опальный редактор немедленно обратился с иском в Верховный суд. Тем временем один из членов парламента, возмущённый бесцеремонным увольнением Ламберта, потребовал, чтобы Палата Общин образовала комиссию для проведения независимого расследования загадочного феномена — в частности, «уточнения факта существования говорящего мангуста, а также собирания всевозможных сведений о его образе жизни, средствах к существованию, манерах и моральных устоях...» Другой парламентарий тут же подпустил коллеге шпильку, после чего в зале развернулась оживлённая дискуссия, перешедшая, если верить одному восторженному репортёру, в непродолжительный кулачный бой. Верховный суд Британии, два дня рассматривавший самое необычное за всю свою историю дело, после многословных прений пришёл к выводу, что мистеру Ламберту полагается компенсация в размере 35 тысяч фунтов. Да, у Гефа имелись все основания гордиться собой!

Говорящий мангуст не просто умел слушать, он ещё и научился читать. Мистер Ирвинг был убеждён, что за всеми этими провожаниями дочери в школу кроется иной смысл: судя по всему, во время уроков Геф сидел, скрывшись в ветвях, у самого окна и слушал всё, о чём говорится в классе. Решив поззачемовать мангуста, Ирвинг пришёл к выводу, что тот — при желании, разумеется, — способен был правильно прочесть любую фразу. Однако всем прочим источникам знаний Геф предпочитал устное народное творчество. Однажды Ирвинг сел разбирать корреспонденцию.

— А ну, читай вслух, гном толсторожий! — завопил возмущённо мангуст.

«Знаете, «толсторожего» я бы ещё стерпел, — поделился со мной обидой Джим, — но «гном» — это уж слишком!» Что поделаешь: Геф обожал посмеиваться над людьми. Будучи в игривом настроении, он мог, например, порадовать миссис Ирвинг импровизацией такого рода:

— Мэгги, ты — женщина, злая колдунья! Мэгги, ты — женщина племени Зулу! Мэгги, ты — женщина из Гонолулу!

Увидев, как у мистера Ирвинга сзади свисают подтяжки, он тут же кричал:

— Хвостик, как у жеребца!

А одного из гостей охарактеризовал так:

— Это же не морда, а просто какая-то печёная луковица!

На том же острове примерно в двадцати милях к северу от дома Ирвингов находился особняк Балламур, принадлежавший некой миссис Уорд: туда-то и поведился путешествовать Геф, используя в качестве транспортного средства местные грузовики. Ни мистер Ирвинг, ни члены его семьи там не бывали, что вполне естественно: к миссис Уорд и её родственникам — богатым землевладельцам — заезжали гости иного ранга.

После двух визитов к соседям Геф вернулся с весьма впечатляющей информацией: он очень подробно описал машины и подъездную дорожку, внешность слуг и их наряды, камин, фасад с изображениями львов и разнообразные украшения. В результате проверки выяснилось: лишь одна десятая часть полученных им сведений оказалась ошибочной — Геф всё ещё путал названия предме-

тов. Не исключено также, что хозяйка особняка, отвечая на мои вопросы, была недостаточно откровенной.

В числе тех немногих гостей дома, с кем Геф решился вступить в контакт, был капитан Джеймс Деннис, член совета Национальной Лаборатории психических исследований. Однажды он и семья Ирвинга сидели в кухне.

— Приготовьтесь, сейчас я вам в окно покидаю камешки, — известил их неожиданно Геф, и в то же мгновение снаружи на стекла обрушился град мелких камней.

Миссис Ирвинг разнервничалась и приказала Гефу немедленно прекратить эти шалости, пока ещё целы окна. Геф что-то завершал с чердака и... вывалил град камней на крышу дома. Это происшествие немало озадачило капитана. Как могло случиться, что голос Гефа раздавался в доме, а камни летели явно снаружи? Спросили об этом мангуста, и тот дал исчерпывающий ответ:

— Суший пустяк: индийская магия.

Что ж, сам факт существования мангуста по имени Геф, который разговаривает, мыслит и ведёт себя по-человечески, можно считать доказанным. Но... кто такой всё-таки этот Геф? Ясно, что не полтергейст. «Шумный дух» обычно невидим, Геф же никогда не претендовал на обладание столь экзотическим свойством. Несколько раз — с таким изяществом, какое только возможно в подобных обстоятельствах, — он отправлял в доме естественные надобности, оставляя после себя более чем существенные улики. Однажды, когда его спросили, зачем он сделал это на самом видном месте, Геф объяснил:

— А чтобы капитан Деннис понял наконец, что я — не призрак, а зверь.

Я заранее отправил Ирвингу книжку о полтергейсте, тот зачитал из неё выдержки вслух, и Геф возмущённо взвизнул:

— Нет, я не из таких!

В большей степени проделки Гефа характерны для «фамилиара» — так оккультисты именуют духа, принимающего облик мелкого зверька и оказывающего разного рода услуги ведьмам. Но говорящий мангуст был существом плотским: оказываясь перед запёртой дверью, он не проникал в помещение сверхъестественным образом, а либо открывал её сам, либо ждал, пока это сделают за него другие. Геф простуживался, подчас очень сильно, что за ведьмиными слугами прежде не наблюдалось.

— Джим, меня замучил дьявольский кашель, — пожаловался он однажды. — Слушай, придётся тебе чем-нибудь меня напоить.

Что ж, остаётся, повидимому, и тут довериться самому Гефу.

— Я просто очень умный мангуст, — заметил он как-то раз. — То есть не просто — а слишком, слишком умный!

Через несколько лет после моего визита в Дорлиш-Кэшен дом был продан. Новый владелец утверждает, что застрелил однажды какого-то диковинного зверька. С тех пор в доме не происходит ровно ничего необычного. Джеймса Т.Ирвинга уже нет в живых. Миссис Ирвинг живёт в районе Глен-Фоллз на острове Мэн. Её дочь Войри вышла замуж и работает на заводе по производству авиаоборудования неподалёку от Пила. Может быть, придёт время, и она ещё поведаст миру о Гефе — почти фантастическом и в то же время таком человеческом зверьке, её верном товарище детства и самозваном телохранителе?

ОСТОРОЖНО, ИНКУБ!

Хочу предложить вашему вниманию историю о демоне-любовнике и его несчастной возлюбленной. Время действия — середина XX века. Героиня драмы (а точнее, её жертва) — не средневековая ведьма, а обычная современная женщина, писательница по профессии. И «демон» её — не подручный Дьявола, а всего лишь дух внезапно скончавшегося знакомого — человека весьма известного.

Всё началось 28 января 1961 года. Сигнал бедствия поступил по телефону вскоре после моего появления в телепрограмме Нэбея. Женщина по имени Джин 26 лет утверждала, что постоянно подвергается домогательствам инкуба и находится на грани нервного срыва. Зная о моём интересе к паранормальным явлениям (и даже не подозревая, что по профессии я психиатр), Джин попросила оказать ей срочную помощь.

Мы провели с ней два сеанса. От третьего пациентка отказалась, почувствовав, очевидно, что я готовлюсь задать очень важный вопрос. Тем не менее, мы продолжали поддерживать дружеский телефонный контакт, а позже я пришёл к ней и провёл несколько консультаций, разумеется, совершенно бесплатных.

Со мной женщина была даже откровеннее, чем с собственной матерью, которая лишь от меня узнала, что дочь имеет призрачного «любовника». Оставить её в неведении мне не удалось: в интересах расследования необходимо было и от матери добиться полной откровенности.

Джон (настоящего имени его я, разумеется, открывать не стану: это вызвало бы общенациональный скандал) умер вскоре после своего тридцать четвёртого дня рождения. Джин обожала Джона, часто писала ему, но никогда не была с ним близка — ни в физическом смысле, ни в каком-либо другом.

В день смерти писателя Джин ощутила у себя в комнате чьё-то невидимое присутствие. «Я не умер!» — прозвучало у неё в ушах. Это был его голос! С каждым днём речи покойника становились всё явственнее. Как только Джин прикасалась к кровати, невидимка оказывался рядом. Постепенно призрак осмелел и принялся ласкать Джин в самых интимных местах. Вскоре она «ощутила в себе его мужскую суть» и... испытала «наслаждение, о котором прежде не осмеливалась и мечтать».

Вскоре однако, осознав всю ненормальность ситуации, женщина попыталась защититься молитвой, а когда это не помогло, прикрыла уязвимое место тяжёлым металлическим распятием. «Каждый раз о его приближении я узнаю по острой боли в груди, — рассказывала мне Джин. — Начинается жар, резко учащается пульс. Недавно в автобиографии Джона я прочла о том, что он был когда-то ранен в грудь: позже у него на этом месте возникла злокачественная опухоль, которую пришлось удалить хирургическим путём».

Весьма правдоподобная деталь! Давно замечено, что дух только что умершего человека, входя в контакт с медиумом, переносит на него свои предсмертные ощущения.

Постепенно Джон взял на себя управление всей жизнью несчастной женщины: он заставил её регулярно посылать взносы в организацию, которой руководил при жизни, и стал советником по всем бытовым вопросам.

Джин с детства страдала от угрей. «Почему ты не принимаешь пироксидин?» — услышала она как-то раз его голос. Проверила — верно: врачи рекомендуют лечить кожу этим средством. Попробовала — помогло.

«Я искала книгу. Спросила маму, но не успела та обдумать мой вопрос, как Джон сказал: «Она в твоём книжном шкафу». Я посмотрела ещё раз, сказала, что её там нет. «Вернись, она там», — настоял он. Я послушалась — и он оказался прав: просто я её действительно не заметила. С каждым днём он становится всё темпераментнее. Временами кажется, будто он... просто забыл, что умер! Но должна ли я сама об этом ему напомнить? Не знаю. Появление его сопровождается крайне неприятным запахом и помехами в радиоприёмнике. Иногда я осязаю его тело: оно лёгкое и горячее. Похоже, распятие ему очень мешает. Не успела я как-то утром в ванной снять крест, как тут же почувствовала между ног жаркое трение. Я заявила, что всё это мне надоело: он использует меня как шлюху! «Но я же люблю тебя!» — запротестовал Джон. «Неважно, — сказала я. — Отправляйся лучше к родителям, пусть они как следует о тебе помолятся». Вчера вечером он вернулся снова: стал хватать меня за грудь и другие места. Когда я запротестовала, сказал, что любит. Я пожаловалась на тахикардию: сказала, что мне придётся покончить с собой, если он не прекратит. Потом почувствовала ладонь на сердце под блузкой: Джон проверял сказанное. Сердце билось, как отбойный молоток...»

К этому времени Джин получила уже достаточно подтверждений тому, что Джон — именно тот, за кого себя выдаёт. Как-то раз он сыграл ей Шопена: позже она прочла в одной из его книг, что Шопен и Рахманинов были его любимыми композиторами при жизни.

Итак, чем я мог ей помочь? Специалисты прошлого рекомендуют жертвам домогательств такого рода вообразить себя внутри ярко светящейся оболочки — как бы зрительно восстановить ауру тела, превратив её в непроницаемую броню.

Дальнейшие события воспроизвожу по записям в дневнике.

2 марта 1961 года. «Едва только я положила трубку, как Джон словно с цепи сорвался. Я почувствовала горячую вибрацию между ног и попробовала подняться, но он словно невидимыми поводьями потянул меня вниз...»

Я попыталась выбраться из дома, но не смогла. Позже включила телевизор — тут только и почувствовала нечто вроде умиротворения.

Боюсь, я пришла к вам в состоянии крайнего возбуждения — вы вполне могли бы заподозрить, что я страдаю от паранойи. На самом деле, у меня никогда не наблюдалось психических отклонений, но некоторыми экстрасенсорными способностями я обладала с детских лет. Например, когда звонит телефон, я почти всегда заранее знаю, кто это.

Когда он появился впервые, я не поверила: «Где доказательства, что ты — тот, за кого себя выдаёшь? Может быть, ты вообще плод моего воображения?» Он сказал: «Ты сама это скоро поймёшь. Можешь меня проверить. Завтра мама, вернувшись из универмага, скажет: «Такая причёска тебе больше идёт: мне нравится, когда волосы у тебя распущены».

На следующее утро всё произошло именно так, как он предсказал. Я была потрясена и обо всём рассказала маме. Но тогда он ещё не причинял мне страданий. Наоборот, помогал в занятиях стенографией.

Мне нравится готовить. Однажды в кухне он возник у самого моего плеча, схватил за руку и произнёс: «Это я, Джон». Где-то на уровне лодыжек я ощутила движение, напоминающее водоворот воздуха, потом оно живой лентой поднялось к самому горлу. Такое ощущение — обволакивающей ленты — возникает у меня каждый раз, когда ему что-то не нравится.

Прошлой ночью я попыталась схватить его — там. Пригрозила кастрировать. Это сработало, и некоторое время всё было спокойно. Потом возник страх: вдруг на его место придут другие и станут пользоваться мной как астральной шлюхой?»

5 марта. «Вчера всё было спокойно, но только до вечера. Тела его не чувствовалось, но простыня была как живая, и что-то постоянно тыкало меня в пятки и в пах. Мы с мамой молились дома, папа — в церкви, но теперь от молитв становится только хуже. Распятие больше не помогает. Но главное, даже мысленно я больше не в силах вступить с Джоном в контакт».

Похоже, индивидуальность нашего героя стала стремительно размываться. Джин почувствовала, что его место могут занять другие.

10 марта. Мама Джин: «Сейчас нам полегче. Он всё ещё рядом, но теперь не так настойчив. Иногда и ночью даёт поспать. Всё случившееся я вспоминаю как один непрерывный кошмар. Никогда не поверила бы, что такое возможно, если бы не увидела всё своими глазами».

Джин: «Да, он всё ещё здесь. Иногда я ощущаю лёгкие поцелуи — то на щеке, то на шее. Временами он подбирается ко мне снизу, но теперь его прикосновения стали слабее. В постели я часто слышу, как рядом бьётся его сердце. Теперь я так к нему привыкла, что кажется, будто он всегда жил в нашем доме... Недавно он снова помог мне. Я страдаю от близорукости: пользуюсь иногда контактными линзами. И вот, в метро глаз вдруг начал слезиться. Он тут же оказался рядом. Легчайшее прикосновение, и линза стала на место!»

4 апреля. «Он вернулся и теперь досаждал мне сзади. Наверное, он был психически нездоров. Что происходит с сумасшедшими после смерти? Вряд ли они там немедленно выздоравливают... Джона считали рьяным католиком, но, по-моему, он притворялся. В прошлое воскресенье во время службы он приставал ко мне постоянно. Вот же садист! Он совсем не такой, каким представляла его вся страна».

И тут я задал Джин самый главный вопрос. Было ли первое сношение с инкубом исключительно его инициативой, или она сама желала с ним близости?

— Я думала, он порядочный человек, и не стала его отгонять. А потом почувствовала себя словно загипнотизированной. Сейчас он внушает мне ужас и отвращение. Что делать?

— Как только он снова появится, вообразите в руке у себя паяльную лампу, — посоветовал я. — Попробуйте прижечь ему это его... самое активное место.

6 апреля. «Паяльная лампа не помогла: он от неё ещё сильнее взбесился. Наверное, мне следует быть повежливее. Всё чаще он начинает хватать меня за задницу. «Прекрати, извращенец!» — кричу я. Он всё понимает и тут же переключается на переднее место. Спит теперь Джон у меня в ногах на одеяле».

16 апреля. «Снова стало хуже. Два дня назад мама легла спать со мной, так это чудовище её чем-то истыкало, а утром разбудило ударами под лопатку. Негодяй постоянно атакует мой задний проход. Тошнит уже от всего этого. Молиться я больше не в состоянии».

Мама Джин: «Что нам делать? Он снова обрёл силу. Мало того, что постоянно овладевает ею то спереди, то сзади, так ещё и тычется куда попало. Я её даже забинтовала всю — может быть, это его отпугнёт?»

Я дал им адрес Розы, женщины-медиума, которую мне рекомендовали когда-то для исследовательских экспериментов. Джин немедленно с ней связалась, а позже мне перезвонила: «Представляете, с ней когда-то было то же самое! Она пообещала отрядить мне на помощь своего духа-посредника».

18 апреля. «Хотите — верьте, хотите — нет, но наш «джентльмен» нанёс визит Розы, стал приставать к ней и даже попытался её придушить. Розы считает, что всему виной тут какое-то извращение, которым Джон страдал при жизни. Не успел он в очередной раз ко мне прилипнуть, как я тут же по совету Розы вызвала Миннехаху, её духа-посредника. Минуту спустя над кроватью послышались звуки возни — как если бы двое мужчин сцепились в схватке. Это было так странно... Розы говорит, что это обычное дело: когда дух-посредник нападает на сущность, между ними происходит самая настоящая потасовка».

20 апреля. Звонок от Розы: «В тот самый день, когда впервые позвонила Джин, Джон явился передо мной обнажённым. Только голых духов мне ещё не хватало! Я пообещала отправить на помощь Джин весь свой Большой Оркестр Краснокожих индейцев. Когда-то мне и самой эта братия досаждала. Поцелуями по ночам так и сыпали. Но лишнего себе не позволяли»

Увы, сеанс экзорцизма, проведённый несколько дней спустя, не увенчался успехом: Розы суежилась в кресле, выкрикивая какие-то заклинания, истощенно призвала своего Миннехаху, но Джин осталась разочарована. Позже она сообщила мне о том, что Джон вернулся и принялся демонстративно прыгать на её кровати: никакой, мол, мне экзорцизм нипочём!

И всё же... Ни на минуту меня не оставлял вопрос: что, если Джин в этом дуэте выполняет роль суккуба? Может быть, не дух умершего к ней пристаёт, а, наоборот, она отказывается его от себя отпустить? Дальнейшие события во многом подтвердили мои опасения. В начале мая, испугавшись гипноза, Джин впервые не пришла ко мне на сеанс. Потом отказалась от услуг Розы. При этом она настойчиво убеждала меня в том, что сексуальной озабоченности никогда не испытывала: «Джон говорит, что просто не захотел умирать, вот ко мне и приклеился. Понимаете, я олицетворяю для него жизнь на Земле...» Долгое время сообщений от Джин не поступало. А затем...

19 августа. «В начале июля преследования возобновились. Через знакомого отец разыскал человека, о психических способностях которого ходят здесь какие-то фантастические слухи. Я отправилась к нему на сеанс и была потрясена. Сначала он вызвал Аделию, мою подругу-стюардессу, погибшую в автокатастрофе четыре года назад. Она тут же назвала меня «Куки» — об этом прозвище знали только мы с ней вдвоём! Потом Аделия привела ещё одну покойницу, знакомую мне по школе. Эти духи открыли мне важную истину: я обладаю

уникальным даром медиумизма. Оказывается, они не помогали мне до сих пор лишь потому, что в таком случае у меня бы не появилось желания выйти с ними на связь... С того дня я сплю превосходно. Хожу на работу как ни в чём не бывало — так что всё нормально!»

21 марта 1962 года. «Дела идут прекрасно. Джон всё ещё даёт о себе знать, причём подчас самыми неожиданными способами. Недавно мы с друзьями ехали в машине по извилистому шоссе, и водитель наш задремал. Неожиданно я почувствовала тяжесть на бёдрах — это был Джон! В ту же секунду шофёр крутанул руль, выехав практически из кювета, а потом потёр шею ладонью. «Вот спасибо, что шлёпнули, — говорит, — я действительно стал засыпать». Ещё мгновение, и катастрофы бы не миновать!.. Джон теперь много беседует со мной о здоровье. Говорит, пора начинать за кожей следить: отказаться от рыбы и шоколада...»

Здорово, когда о тебе бесплатно заботится дух-медик, не правда ли? Но так ли уж бескорыстна эта «забота»? За несколько месяцев Джин прошла через все круги ада. Независимо от того, какую роль сыграло тут её собственное подсознание и что за диковинный дар «вырастило» оно на почве сексуального голода, в реальности перенесённого ею ужаса сомневаться, увы, не приходится.

СЕКС ИЗ ПОДНЕБЕСЬЯ

Рассуждая о проблеме повторного брака на аналитической кушетке, вдова почившего издателя призналась мне, что отвергла руку и сердце старого верного друга только потому, что не смогла забыть угрозы мужа: «Я вернусь и задушу тебя, если ты ещё раз выйдешь замуж», — заявил он перед самой смертью. Год спустя друг её тоже умер, оставив более миллиона долларов — сумму, которая могла бы решить все финансовые проблемы этой женщины до конца её жизни. Увы, страх перед мстью покойного супруга оказался сильнее благоразумия. Эта трагикомичная история даёт нам удобный повод для того, чтобы задать несколько вопросов.

Первое: если человек действительно не умирает, а лишь претерпевает некое «изменение», остаются ли жить любовь и ревность? Способны ли ощутить их силу живущие в этом мире?

Второе: если любовь бессмертна, означает ли это, что дух умершего способен сохранить также и интерес к сексу?

Третье: представляет ли сексуальный маньяк с того света какую-либо опасность для тех, кто пока ещё пребывает здесь?

К вопросам такого рода принято относиться скептически: очень уж велик соблазн окунуться в поиске ответов в тёмный омут спиритизма. Однако неблагоразумно было бы и сбрасывать их со счетов: тот же пример со вдовой издателя показывает, что страх перед ревностью мертвеца — независимо от того, верит ли человек в загробную жизнь, или нет, — может перерасти в серьёзную психологическую проблему.

Итак, обладают ли обитатели иного мира сексуальной активностью, и способны ли мы, живущие здесь, ощутить её на себе? Оккультная школа даёт

в целом утвердительный ответ на этот вопрос. Институт брака смертен, в этом согласны все, но люди, любившие друг друга при жизни, сохраняют взаимную привязанность и по её завершении. Может сохраниться и половое влечение — впрочем, тут всё зависит от того, на какой ступени духовного развития находился усопший: плотские утехы в мире ином заботить могут лишь самую примитивную сущность.

Вопрос о том, могут ли сексуальные притязания мёртвых так или иначе ощущаться живыми, представляется на первый взгляд до неприличия абсурдным и воскрешает в памяти фантомы средневековья, от которых хотелось бы избавиться навсегда. Я имею в виду так называемых «демонов-любовников», инкуба и суккуба — разнополых бесов, считавшихся в те времена слугами ада. Казалось бы, серьёзный разговор на эту тему в наши дни — дело в высшей степени неразумное, однако, стоит только предположить, что вместо «бесов» мы имеем дело с непокойными душами умерших, как дело меняется и перед нами открывается путь к психологическому и психоаналитическому осмыслению проблем, связанных с «заоблачным» сексом.

Не хотел бы пересказывать тут истории об инкубах, с которыми мне приходилось сталкиваться во врачебной практике (упоминания о них вы найдёте в других моих книгах). Куда любопытнее обратиться к свидетельству отца Синистрати, монаха-францисканца из Амено, жившего в XVII веке. В посмертно опубликованной книге «Демониальность. Инкубы и суккубы» (Париж, 1779 г.) этот богослов и доктор философии поведал миру полученную из первых рук историю ужасных страданий Иеронимы — замужней дамы «безупречного морального облика», к которой пристал инкуб. Женщина согласилась на ритуал экзорцизма, но ей это не помогло. Слово отцу Синистрати:

«Иеронима продолжала оказывать злодею сопротивление, достойное всякого восхищения, пока наконец, устав от этих бесплодных ухаживаний и одновременно распалённый донельзя столь презрительным к себе отношением, инкуб не принялся жестоко избивать свою жертву. После каждого удара на теле несчастной женщины появлялись синяки и ссадины; они видны были день-другой, а потом внезапно исчезали. В тот момент, когда она брала на руки свою маленькую девочку, он вдруг выхватывал дитя, возносил его на крышу к самому краю водосточного жёлоба и куда-нибудь там припрятывал, никогда не причиняя, впрочем, ребёнку серьёзного вреда. Иногда он сдвигал с места мебель или вдребезги разбивал кастрюли, тарелки и прочую домашнюю утварь, а потом в мгновение ока восстанавливал их в прежнем состоянии.

Однажды ночью, когда Иеронима почивала с мужем в постели, инкуб, явившись в своей привычной форме, настойчиво потребовал от возлюбленной усладения похоти, чему та по обыкновению своему воспротивилась. Исполнившись злобою, он убрался восвосяи, но вскоре явился вновь — с грудой плит, коими жители Лигурии обычно мостят крыши своих домов. Из этих плит демон воздвиг вокруг кровати стену до самого потолка, вследствие чего супругам, дабы покинуть постель, пришлось воспользоваться лестницей. Плиты стены, однако, не были скреплены известковым раствором: вскоре хозяйка сумела её

разрушить, а строительный материал сложили в углу. Приходившие в дом люди видели эти плиты в течение двух дней. Затем они исчезли».

После того, как Иеронима приняла обет послушания, пообещав 12 месяцев носить монашеские одежды, внимание демона к ней на время ослабло. Но вот торжественная процессия сопровождала женщину в церковь Св.Михаила где, по свидетельству отца Синистрати, произошло буквально следующее: не успела Иеронима ступить на церковный порог, как вся её одежда исчезла и вознеслась, словно в порыве ветра, оставив несчастную совершенно нагой. К счастью в толпе нашлись два кавалера преклонных лет: увидев, что произошло, они поспешили сбросить с себя плащи и прикрыть по мере возможности женскую наготу, после чего посадили Иерониму в коляску и отвезли её к дому. Похищенные одежду и украшения инкуб возвратил лишь по прошествии шести месяцев... Утомительно было бы рассказывать обо всех ухищрениях демона. Достаточно будет заметить, что он продолжал искушать Иерониму на протяжении нескольких лет и оставил свои попытки лишь после того, как окончательно удостоверился в том, что зря тратит время и силы.

Священники из Павии приложили массу усилий к тому, чтобы как-то обезвредить инкуба. Странно, что они не воспользовались рецептом, предложенным Плинием: «Возьми глаза, язык, печень и потроха дракона, вывари их в вине, оставь всё это для охлаждения на ночь, а начиная со следующего дня смазывай снадобьем жертву инкуба каждое утро и каждый вечер...» Должно быть, в Павии к тому времени драконы перевелись окончательно.

Как парапсихолог должен обратить внимание на то, что поведением своим инкуб очень напоминал полтергейста. Он бил посуду, таинственным образом похищал и возвращал обратно вещи (сегодня мы называем это *анпортм*) и телепортировал младенца туда-сюда. Единственное, что кажется нам в диковинку, так это всепоглощающая сексуальная страсть инкуба. А чего стоит стена, воздвигнутая вокруг супружеской постели! Подобных примеров изобретательности полтергейст в истории парапсихологии ни до, ни после не оставлял.

Между тем, инкубу явно мешал какой-то предел: дойдя до него он останавливался, не в силах ступить дальше. Судя по всему, для вступления с ним в половой акт со стороны женщины требовался хотя бы минимум сотрудничества: просто изнасиловать её он не мог!

Ещё более необычен многолетний характер сексуальных притязаний инкуба. Если бы Иерониме удалось опознать дух умершего, скрывавшийся за анонимными ухаживаниями «демона», история эта могла бы закончиться намного раньше. Но в годы католического мракобесия, когда считалось, что души умерших безраздельно принадлежат церкви, прийти к такому объяснению было бы немыслимо.

Подсознательное сотрудничество с инкубом (если признать-таки его духом умершего) есть своеобразная форма некрофилии. Впрочем, в большинстве случаев, с которыми мне приходилось сталкиваться, потусторонний гость был не более чем удобной маскировкой для механизма психосексуального самостязания. Приписывая призраку собственные сексуальные фантазии, жертва как бы обеспечивает себе уход от ответственности, заглушает чувства вины

по поводу безобразий со стороны подавленного сексуального «я». Нередко именно такой способ избирает нездоровая психика, чтобы «задним числом» удовлетворить желание в отношении человека, которого унесла смерть.

Исследования спиритического феномена показывают, что между потусторонним миром и сексуальной сферой живущих существует загадочная связь. Вот как описывает чувства, которыми сопровождалось каждое её очередное пророческое озарение Эйлин Гарретт в автобиографии «Моя жизнь как исследование медиумизма» (Нью-Йорк, 1935г.): «Видения часто сопровождалось у меня ощущением дурноты. Я чувствовала затем полную истощённость и какую-то вялую болезненность, словно для того, чтобы пережить картину, пронёсшуюся перед моим внутренним взором, мне пришлось растратить все свои внутренние силы. Кроме того, в минуты психической сверхактивности я ощущала сильное давление на свои сексуальные центры».

У медиумов-«материализаторов» такое давление выражено куда более явно. Знаменитая Эвзапия Палладино, по свидетельству наблюдавшего за ней профессора Энрико Морзелли, время от времени входила в состояние похотливого экстаза: «Она начинала размахивать руками и хватать ими мужчин. При этом бёдра её были напряжены, ноги дрожали».

Поведение итальянки не уникально. Ведь эту свою загадочную «эктоплазму» медиум источает любым отверстием тела; женщина чаще всего пользуется для этой цели влагалищем. Процесс материализации сопровождается спазмами, напоминающими родовые схватки, и эротической жестикуляцией.

Напомню об одном из самых любопытных конфузов в истории спиритизма — историю «изнасилования Иоланды», духа-посредника мадемуазель д'Эсперанс. Этот дух — необычайно красивая девушка-призрак — любил удаляться от медиума на значительное расстояние и достаточно откровенно флиртовать с мужчинами из аудитории. Однажды кто-то из них решил ответить даме взаимностью, и это имело более чем неприятные последствия: из-за «эктоплазмического удара» м-ль д'Эсперанс тяжело заболела. Замечательный случай произошёл на сеансе Ги Лестранжа, медиума-материализатора, за которым наблюдал исследователь Алекс Дрибелл, друг Гарри Прайса. Однажды на сеансе материализовалась нагая танцовщица-африканка и стала вести себя с присутствующими более чем непринуждённо. «Но как вы догадались в темноте, что это была женщина?» — спросил я Дрибелла. «По запаху», — ответил он.

Меньше всего мне хотелось бы создать у читателя превратное представление о том, чем занимаются духи-посредники на спиритических сеансах. Темнота может, конечно, привести кое-кого из присутствующих в игривое настроение, но я бы очень рекомендовал им воздержаться от экспериментов такого рода. События могут принять не слишком приятный для них оборот. Именно это случилось с Адальбером Авьяном, который, по собственному признанию (в биографии медиума Марии Зильберт) не удержался и «слегка приласкал» девушку-духа. По окончании сеанса медиум не вернулась в сознание. Авьян отправился в спальню, но не тут-то было...

«Дверь открылась сама собой. На пороге стояла Мария Зильберт — или, точнее, призрачное её подобие. Она глядела на меня, и глаза её горели зелёным

светом. За эти несколько минут Мария заметно выросла: теперь она была на голову выше меня. Черты лица её застыли, превратившись в безжизненно-серую угрожающую маску. Её тело время от времени испускало электрические разряды, сверкавшие, как молнии. Я почувствовал себя неважно (тем более, что мучался ещё и угрызениями совести) и попятился в гостиную. Медиум, передвигаясь как робот, последовала за мной. Она медленно приближалась к выключателю. Я опередил её одним прыжком: только темноты мне ещё не хватало! Спротивляться я решил до конца. Но мне не хватило сил. Она выключила свет и комната погрузилась в кромешный мрак. Мужество оставило меня... Я прыгнул к двери, бросился через порог и на два оборота запер дверь с обратной стороны. Почувствовав себя спокойнее, я огляделся в поиске шляпы. За дверью послышались тяжёлые шаги. Я рассмеялся про себя: нет, Мэри, тут тебе меня не достать. Внезапно запертая дверь бесшумно открылась: на пороге, едва вписываясь в проём, стояла Мария Зильберт. Обезумев от страха, я бросился в холл, выбрался наружу, захлопнул дверь и ретировался шагов на десять, не спуская с неё глаз. Мысль о том, что теперь Мария не сможет покинуть квартиру, немного меня успокоила. К сожалению, я ошибся. Впервые в жизни мне довелось увидеть процесс взаимопроникновения материи. Это было ужасное зрелище, противоречившее всем законам природы. Позже подобное происходило на моих глазах не раз.

Итак, я стоял, глядя на входную дверь, достаточно светлой окраски. Вдруг мне показалось, что посередине она стала полупрозрачной. В тот же момент сквозь неё стали проникать тусклые всполохи света. Я прыгнул ещё на пару ступенек вверх, поближе к верхнему этажу квартиры, и присел на пол. Прозрачная часть двери стала теперь чуть темнее остальной поверхности, и сквозь неё проглянул женский силуэт. Затем на высоте примерно двух метров от пола показалась полуоформившаяся голова. Вспышки молний стали ярче и отчётливее. Дверь — моя единственная защита — явно становилась для них всё более проницаемой.

Затем разряды прекратились, последовала мощная вспышка, и медиум оказалась в двери, но не в обычном виде, а как бы сжавшись в плоскость, сократившись на одно измерение. Тело её словно оказалось в натуральную величину спроецированным на дверную поверхность. Я ошеломлённо наблюдал за происходящим, не зная, бежать ли на верхний этаж или задержаться ещё. Последовала новая вспышка. Мария Зильберт вышла из дверной плоскости и направилась ко мне. Тяжёлые шаги гулко загрохотали по ступенькам. Её лицо, искажённое ещё более дикой, чем прежде, гримасой, было запрокинуто вверх. Я окончательно утратил самообладание и, перепрыгивая через четыре ступеньки, побежал на второй этаж».

Случай, описанный Авьяном, уникален. Вместо того, чтобы проникнуть в четвёртое измерение (а именно так теоретически можно преодолеть материальное препятствие)... Мария сама ужалась до плоскости! Впрочем, в истории спиритизма нечто подобное уже случалось на сеансах с участием барона Шренк-Нотцинга и мадам Биссон: этим медиумам удавалось материализовывать плоские фигуры духов, чему существуют многочисленные фотографии

ческие подтверждения. Пространственные изображения так напоминали газетные вырезки, что скептики пытались даже отыскать издания, из которых они были изъяты, но все попытки такого рода были тщетны. Более серьёзные исследователи пришли к выводу, что такого рода пространственные «шаржи» есть не что иное, как умственные образы, сверхъестественно вынесенные разумом в пространство. Как бы то ни было, «ужатие» живого тела до плоскости с целью проникновения через материальный барьер — нечто новое для современной физики. Действительно ли фигуре, существующей в двух измерениях, легче «просочиться» сквозь межмолекулярное пространство твёрдого тела?.. Нет, боюсь, что продолжая в том же духе, мы очень скоро угодим к Безумному Шляпнику на его чаепитие.

В заключение хотел бы рассказать историю, ничуть не менее удивительную, чем предыдущая. За достоверность её ручаюсь: героиня рассказа в течение тридцати лет была моей очень хорошей знакомой. Не стану называть эту женщину по имени: скажу только, что она известна во всём мире, предпочитает однополую любовь и пристрастий своих никогда не стеснялась.

Всё началось после смерти подруги, в которую Рената (назовём её так) была страстно влюблена. В отчаянии от невозможности утраты она позавботилась о том, чтобы забальзамировать тело девушки (которую звали Фиделия) и в течение нескольких месяцев возила его с собой в богато убранном гробу. Из Голландии (там Фиделия родилась) она попыталась въехать в Англию, но гроб сюда не пропустили; голландские власти тут же конфисковали труп и предали его земле.

Рената была вне себя от ярости, но ничего поделать не могла. Теперь возлюбленная была утрачена для неё навсегда — так, во всяком случае, ей в тот момент представлялось. Вскоре Рената познакомилась с миссис Стюарт, хронической алкоголичкой, но талантливым медиумом, «добывавшей» призрачные голоса из рупора, плававшего по воздуху.

Рената, крайне скептически относившаяся всегда к чудесам такого рода, установила с Фиделией спиритический контакт, вылившийся во множество продолжительных бесед самого трогательного толка.

Но минули годы, и страсть эта улеглась. Однажды в предрассветный час Рената оказалась в номере нью-йоркской гостиницы наедине с девушкой, явно обещавшей стать для неё новой Фиделией. В тот самый момент, когда нежные дамы готовились вторгнуться в самые волнующие пределы интимности, зазвонил телефон. «Фиделия!» — пронеслась в голове Ренаты безумная мысль. Она не решилась поднять трубку. Некоторое время спустя влюблённые вновь принялись за своё. Телефон зазвонил опять. Это было невыносимо. Нежные узы первой любви не выдержали столь грубого вторжения со стороны. Девушка расстроилась и убежала.

Утром Рената закатила управляющему сцену: кто посмел тревожить её среди ночи? Тот рассыпался в извинениях и пообещал найти виновных. Оказалось, что звонили из Детройта: какая-то женщина уверяла, что это вопрос жизни и смерти, — только поэтому оператор ночной смены и осмелился соединить её с абонентом. Рената пришла в замешательство, но длилось оно недолго.

Назавтра пришло письмо от миссис Стюарт. «Ночью ко мне явилась Фиделия, — сообщала в нём женщина-медиум. — Она настояла на том, чтобы я звонила вам и передала послание. Это, сказала она, очень важно. Послание состояло всего из трёх слов: «Я очень разочарована...»

Должен заметить, что эта моя знакомая была женщиной светской, искушённой и не испытывала по поводу своих сексуальных экспериментов никаких чувств вины. Она обладала потрясающим чувством юмора и немалой житейской мудростью. Что это, внезапный «сдвиг», явившийся следствием многомесячного путешествия в компании с гробом, или форма некрофилии?

Как бы то ни было, все эти истории позволяют нам сделать один важный вывод: человеческая страсть иногда обретает силу, которая позволяет ей преодолеть роковую черту и начать за ней ничуть не менее бурную посмертную жизнь.

ХЛЕБНЫЙ ДОМОВОЙ

Волшебная палочка, выполняющая всю домашнюю работу, готовящая обед, да ещё и подающая его горячим на стол — это ли не мечта любой домохозяйки? Увы, на практике магия действует не так уж гладко: в каждом очередном «чуде» непременно присутствует элемент насмешки, столь недоброй, что даже счастливчик, познавший на себе благосклонность таинственных сил, невольно расстраивается, теряется, ощущает нервозность и страх.

Не пришли в восторг от появления в доме невидимого «волшебника» и Вебстеры из Рэйкис-Фарм в Беверли, Англия. Судьба не предоставила им особенно уж большого выбора мирских удовольствий, но поселившийся в доме кудесник явно вознамерился лишить эту многодетную семью последней радости — хлеба.

Если верить статье в «Дэйли экспресс», перепечатанной 24 октября 1903 года журналом «Лайт», ферма давно уже относилась к числу «обитаемых». По ночам здесь то и дело раздавались странные шумы, шаги и таинственные песнопения. Но хуже всего — начиная с первой недели марта 1903 года в доме стал крошиться и исчезать хлеб. Мыши и крысы явно были тут ни при чём: хозяева предпринимали все меры предосторожности — прятали буханки в закрытые сковороды, обставляли их мышеловками, усыпали пол мукой и наглухо запирали все двери, однако хлеб продолжал исчезать.

Взявшись за пироги, миссис Вебстер вздохнула с облегчением: выпечка, оставленная рядом с поражёнными буханками, осталась нетронутой. Но сожрав весь хлеб до последней крошки, Хлебный домовый принялся и за неё! Процесс прекращался в ту же секунду, как только булки оказывались за стенами дома. Домовой был явно привязан — либо к строению, либо к семье.

В истории магии пожирание невидимкой съедобных и несъедобных вещей — не новость. Выдающийся парапсихолог древности по имени Ибн-Халдон, умерший в должности главного судьи Каира (1406 год н.э.), рассказывал в предисловии к своей «Универсальной истории», что в Индии находились умельцы, которым достаточно было лишь указать на человека пальцем, чтобы

тот рухнул замертво. Впоследствии оказывалось, что у мертвеца начисто отсутствует сердце.

Весьма характерна и история, рассказанная отцом Лабатом в «Nouveaux Voyages aux Isles d'Amérique», главная героиня которой, чернокожая колдунья, попавшая на борт корабля графа Геннеса, направлявшегося в 1696 году к берегам французских колоний, способна была «выест» сердце или печень у любого из своих соотечественников. Корабельный хирург несколько раз хлестнул женщину концом верёвки, после чего её привязали к орудийному стволу и жестоко выпороли.

Колдунья объявила: жестокость эта дорого обойдётся врачу. Два дня спустя тот скончался в страшных муках. При вскрытии выяснилось, что его сердце и печень сухи, как пергамент. Капитан тут же пообещал колдунье отправить её на родину, заручившись обещанием никому больше не причинять вреда. «Дабы произвести на офицера впечатление, — продолжает Лабат, — колдунья спросила, нет ли на корабле фруктов или чего-нибудь в этом роде. Тот ответил, что есть несколько дынь. «Покажи мне их, — сказала она, — и, не притрагиваясь к ним, я обещаю съесть их в течение суток». Капитан принял вызов и запер дыни в ящик на ключ.

Наутро, отомкнув замок, он, к своему удовлетворению, обнаружил их нетронутыми. Преждевременная радость эта, однако, сменилась удивлением, когда он решил приподнять одну из дынь. Плоды оказались пусты: от них осталась лишь высушенная, как пергамент, кожура. Корабль вынужден был развернуться и отправиться к берегу для пополнения провианта. Можно, конечно, подвергнуть сомнению этот невероятный рассказ, однако, согласитесь: наш невидимый современник с фермы Рэйкс — явно дальний родственник африканской колдуньи.

А вот ещё одна история: её оставил нам отец Синистрати из Америк. Этот францисканский монах, преподававший богословие в монастыре Святого Распятия (Павия, Италия), умер в 1701 году.

Невероятные события, описанные им в книгах «Demoniality» и «Incubi and Succubi» (Париж, 1879), касаются происшествий с некой Иеронимой, «замужней дамой безупречного поведения». Следующий случай в описании отца Синистрати выглядит совсем как сказка «Тысяча и одной ночи».

«В день Св. Стефана муж Иеронимы созвал на ужин друзей-военных и, дабы убажить гостей, приказал уставить стол обильными яствами. Пока все мыли руки, воздевая занять свои места, стол из столовой внезапно исчез: тарелки, блюда, кастрюльки, глиняная посуда вместе с кувшинами, бутылками и стаканами — вся кухонная утварь пропала бесследно.

Можно представить себе изумление остолбеневших гостей, коих числом было восемь! Находившийся среди них испанский пехотный капитан обратился к товарищам со следующими словами: «Не пугайтесь. Стол стоит там, где стоял. Это, должно быть, всего лишь, фокус. Смотрите, сейчас я его нащупаю...» — после чего прошествовал по комнате, растопырив руки в надежде ухватить невидимое. Совершив несколько тщетных круговых обходов и уловив при этом один только воздух, капитан признал свою ошибку и подвергся всеобщему осмеянию. Поскольку пришло время ужина, каж-

дый из гостей взял свой плащ, дабы отбыть к себе домой. Вместе с мужем Иеронимы, решившим, отдавая дань уважения, проводить гостей, они достигли парадной двери, как вдруг в столовой раздался необычайный шум. Все остановились, пожелав узнать причину оногo.

Появился слуга и объявил: кухня завалена новой посудой и блюдами, а стол вернулся на своё прежнее место. Вернувшись в столовую, гости остолбенели: стол был накрыт скатертью с салфетками, солонками и многочисленными подносами, не принадлежавшими этому дому. Еда тоже явно была приготовлена не здесь.

Вдоль стен комнаты в идеальном порядке выстроились хрустальные, серебряные и золотые кубки, а также разнообразные амфоры, графины и чаши. Все они наполнены были заморскими винами — критскими, канарскими, рейнскими и так далее. Вся кухня была заставлена обилием диковинных блюд, каковых прежде здесь и не видавали.

Некоторое время гости стояли в замешательстве, не зная, можно ли пробовать эту пищу, однако, подгоняемые робким взаимным примером, вскоре расселись и вкусили яств, которые оказались необыкновенно вкусными. Завершив трапезу, все расселись вокруг камина, как требовали того погодные условия. Внезапно стол с остатками пищи исчез и на его месте появился прежний, накрытый знакомой скатертью и местными блюдами. Гости, в достаточной степени утолившие голод, даже не притронулись к еде, из чего неоспоримо следует, что заморские кушанья были реальны и не являлись плодом фантазии».

Иерониму, «замужнюю даму безупречного поведения», давно уж преследовал демон, так что отец Синистрати этот фокус отнёс на его счёт. Ну а вы, дорогой читатель, кого предпочли бы иметь в доме — злого демона, накрывающего сказочный стол, или доброго домового, поедающего последний ваш хлеб?

«ЖИВАЯ МАШИНА» ПРЕПОДОБНОГО ДЖОНА МЮРРЕЯ СПИЭРА

Идея поиска «принципа жизни» и контроля над ним давно уже вертится в самых смелых умах человечества. Но вряд ли найдётся в истории индивидуум, который двинулся бы к осуществлению её более странным путём, чем это сделал преподобный Джон Мюррей Спиэр, создатель «электрического младенца» и основатель движения «нового моторизма».

История эта, долгие годы оставшаяся погребённой в анналах американского спиритизма, представляет немалый интерес и заслуживает того, чтобы к ней вернуться — хотя бы в свете последних утверждений последователей Спиэра о том, что тот был «последним Божьим гением на земле», призванным «революционизировать общественное сознание» и «наполнить новой энергией материю — живую и мёртвую».

Мысль о создании «живой машины» — своеобразного гибрида гомункулу-са с вечным двигателем — зародилась у знаменитого пастора-универсалиста

Джона Мюррея Спиэра около ста лет тому назад. Стоит заметить, что первую часть своего имени наш герой заимствовал у Джона Мюррея, основателя универсализма. Более того, до самой своей смерти он утверждал, что постоянно пользуется подсказками своего покойного учителя с того света.

Открытие электричества произвело на Спиэра необычайное впечатление. Человек, подверженный суевериям и от науки безнадежно далёкий, он тут же приступил к очень странным экспериментам с батареями из меди и цинка, всерьёз полагая, что если облепить ими, как панцирем, тело медиума, то можно будет сразу же сделать массу чудесных открытий. Идея эта настолько завладела разумом Спиэра, что он стал проявлять симптомы личностной диссоциации, а именно — с помощью «духов» предрекать самому себе величайшие открытия на этом совершенно новом пути научного исследования.

Постепенно мечты преподобного Спиэра стали приобретать конкретные очертания. Первым делом новоявленному Франкенштейну понадобилась своя Мэри. Он обрёл её в лице миссис Саманты Меттлер, жены бостонского врача, несомненно, обладавшей определёнными медиумическими способностями. Однажды, впад при ней в одно из своих «высших состояний», Спиэр произнёс буквально следующее: «Ах, как всё-таки горячо, постоянно и повсеместно миссис Меттлер любима всеми! Как прекрасно влияние, оказываемое ею на окружающий мир! Где бы ни находилась она, все тянутся к ней. Она обладает необычайной притягательной силой. Друзья испытывают к ней симпатию, которая поистине безгранична, и не существует такого подвига, на который не решились бы они ради того лишь, чтобы возблагодарить её за присутствие. Удивительное влияние этой женщины на окружающих божественно, но природа его не только религиозна — не каждому дано понять его практический смысл. Влияние её — чудесный компост (почему именно этому сельскохозяйственному термину отдал предпочтение Спиэр, остаётся догадываться), все элементы которого смешаны и переплетены, что обеспечивает этой женщине сильное и весьма прилипчивое воздействие. Сей медиум (здесь уже Спиэр говорит о себе) призван высшими силами к тому, чтобы мудро проинструктировать эту женщину в отношении её истинного предназначения. Ей предстоит новая прекрасная миссия, истинный смысл которой будет открыт завтра, в десять часов утра. Пусть в назначенный час эта женщина пребывает в состоянии полного умиротворения».

Итак, время «откровения» было сообщено и, очевидно, подействовало как внушение; льстивые комплименты с обещанием «новой прекрасной миссии» смели последние барьеры благоразумия в психике впечатлительной дамы. Миссис Меттлер преисполнилась величайшим волнением и имела к тому все основания. Она и прежде ни на секунду не сомневалась, что впадая в транс, даёт «право голоса» мёртвым. Теперь же духи обратились к ней лично, да ещё и при посредстве знаменитого проповедника, пользовавшегося уважением окружающих.

Никто из тех, кто лично знал Джона Мюррея Спиэра, не сомневался в его искренности и бескорыстии. Единственным мотивом всех его сумасбродных авантур всегда было стремление донести до неблагодарного человечества

смысл воли Божией. В чём угодно можно было заподозрить этого странного священника, но только не в склонности к жульничеству. Он всегда отказывался от денег, проявлял необычайную стойкость в отстаивании своих идей (которые, несомненно, исходили откуда-то свыше) и смело шёл наперекор общественному мнению. Всё это обеспечило преподобному Спиэру уважение и авторитет окружающих, немало способствуя успеху многих его сомнительных предприятий.

Наутро, как и было обещано, Джон Мюррей Спиэр вновь погрузился в «высшее состояние» и, припав на колени, произнёс следующие слова: «Отец всех отцов и Бог всех божеств! Да свершится воля Твоя на планетах Вселенной так же, как свершается она здесь в отношении лучшей из женщин. Эта всеми горячо почитаемая дама должна будет заняться теперь благотворительностью. Потому имя её теперь — Чарити. Сила, освящённая особым благоволением Господа, сойди к ней!»

Он сжал пальцы миссис Меттлер, подышал на кулак, а когда она разжала его, заявил: «Вот ладонь, открывшаяся, чтобы всем нам выдать благословение. Свершилось!»

Объяснить дальнейшие события можно лишь приняв во внимание необычайную преданность миссис Меттлер своей новой «миссии» (всё ещё, правда, не совсем ясной); «лучшая из женщин» явно испытала с преподобным Спиэром полное духовное единение и действительно стала творить разнообразные чудеса парапсихологического толка — в частности, испытала видения, некоторые из которых оказались пророческими. Тем временем священник-универсалист взялся строить в Хай-Роке, штат Массачусетс, нового гомункулуса — механическое чудище, которому как раз и предстояло впитать в себя «принцип жизни». Донором этого самого «принципа» должна была стать миссис Меттлер, носительница открытой в ней Спиэром «энергии материнства».

На сооружение машины было затрачено две тысячи долларов. Эту сумму Джон Мюррей Спиэр собрал у своих последователей, ни на секунду не сомневавшихся в авторитете духовного наставника. Спиэр не имел заранее заготовленного проекта: он скреплял отдельные детали спонтанно, по «расчётам», проводившимся в состоянии транса. Позже его последователи утверждали, будто чудище имело некоторое сходство с человеческим организмом (во всяком случае, обладало головой, сердцем, лёгкими); в действительности же оно являло собой бессмысленное нагромождение цинка, меди и стали.

В назначенное время миссис Меттлер была призвана к исполнению своих обязанностей. Явившись на первую встречу с «машиной», она обнаружила последователей Спиэра в истерическом возбуждении, тут же сама испытала конвульсивный припадок, в свою очередь передавшийся участникам почтеннейшего собрания. Ощувив, повидимому, какую-то психологическую связь с металлическим сооружением, паства преподобного Спиэра устроила сцену массовой истерии (знакомую каждому, кто хотя бы раз побывал на празднике религиозного «возрождения»).

В самом разгаре этого эмоционального бедлама отдельные части «машины» (если верить, конечно, свидетельству непосредственных очевидцев) нача-

ли пульсировать и медленно двигаться. Толпа взревела от восторга: «принцип жизни» внедрился в машину — механический младенец явился миру!

Единогласным решением присутствующих создание нового Франкенштейна было передано на попечительство миссис Меттлер — с тем, чтобы та лелеяла и приумножала в нём жизнь. Предполагалось, что «младенец» вырастет когда-нибудь в чудо-агрегат, который приведёт в движение все заводы и фабрики мира, — заменит собою все известные источники механической энергии.

«Мы должны заявить с полной определённостью, — писал С. Косби Хьюитт, главный редактор бостонской газеты «Новая эра», которая одной из первых поддержала движение «нового моторизма», — о том, что близится эра рождения науки всех наук, универсальнейшей из философий, искусства, которое объединит в себе все виды искусства. Младенец рождён: очень скоро он сделает первые шаги, а затем и возвысит голос против жрецов храма ортодоксальной науки!»

Сегодня трудно понять, что за наваждение вынудило многих уважаемых людей принять участие в столь бессмысленной авантюре. Впрочем, по мере того, как весть о «живой машине» распространилась по округе, общественное беспокойство стало расти. Возникли слухи о том, что с участием «живой машины» проводятся какие-то зловещие ритуалы. Более того, что миссис Меттлер — истинная мамаша металлического монстра! Тщетно пытался доктор Меттлер восстановить доброе имя своей жены. Очень уж добропорядочная общественность невзлюбила жестяного «страшила» и его «кормилицу», оскорбившую само понятие материнства.

Наконец массовое недовольство достигло апогея и в Рандольфе, штат Нью-Йорк, куда «новый Франкенштейн» был доставлен для дальнейшего развития («дабы иметь преимущества более высокого положения над уровнем моря», ни больше, ни меньше!) случилось небольшое народное восстание. Население города двинулось к дому, где пребывал «младенец», разломало его и даже распотпало на кусочки.

Сердце Джона Мюррея Спиэра было разбито. Он не попытался воссоздать своё детище, зато оставил потомкам следующие бессмертные строки: «Благодарю Господа за то, что открытый нам принцип жизни и философия, в глубины которой мы были посвящены, неподвластны толпе и лживым репортёрам. Истина, павшая здесь, когда-нибудь возродится вновь. Время и вечность на её стороне!»

БАЛТИМОРСКИЙ ПОЛТЕРГЕЙСТ

14 января 1960 года в доме Эдгара Дж.Джонса (Медидан-Драйв, 1448, Балтимор, Мериленд) произошёл типичный взрыв активности полтергейста, подробно описанный местной прессой. Психологическая подоплёка происшествия показалась мне любопытной, и я взялся за проведение психоаналитического расследования, о ходе которого и хочу сейчас рассказать.

Я отправился в Балтимор 20 января в среду и прибыл туда после полуночи. Проанализировав в поезде всю имевшуюся в моём распоряжении скудную информацию, я попытался воссоздать возможные скрытые мотивы этого происшествия.

Мне рассказали, что в доме проживает, помимо прочих, внук хозяина — юный джентльмен по имени Тед Паулс, страстный любитель научной фантастики, посвящающий ей всё свободное время. Что это — полтергейст, как форма эскапизма? Не исключено. Научная фантастика — идеальный путь ухода от любых проблем. С автором научно-фантастических книг я бы поговорил о сублимации — перекачивании внутренних переживаний в каналы творчества, но ведь и читатель вполне может превратиться фантазии на почве любимого творчества в своего рода маскировочный экран. Что кроется за ним? Скорее всего, наше неодолимое стремление к пренатальному состоянию. Далёкая планета в «матке» космического пространства — идеальный аналог человеческого зародыша, пребывающего до момента появления на свет как бы в персональной Вселенной. Лучшего средства борьбы с действительностью, чем воображаемое путешествие в космос, при всём желании не найдёшь. Кстати, Тед Паулс не был заурядным читателем: на вполне профессиональном уровне он издавал дома дискуссионный листок под названием «Фанджек».

Затем мне пришла в голову любопытная мысль: фантасты обычно населяют межзвёздное пространство разного рода не-человеческими формами жизни. Тут также прослеживается связь с эмбриональным периодом развития человеческого организма. Между тем, имя Тед Паулс звучит похоже на «tadpole» («головастик»): чем не яркий представитель пренатальной Вселенной!

«Что в имени моём?..» Задав этот знаменитый вопрос, Шекспир не дал на него ответа — по крайней мере такого ответа, который удовлетворил бы психоаналитиков. Проанализировать связанные с этим проблемы я попытался в эссе под названием «Nomen Est Omen» (Самиреза, Калькутта, 1956 г.). «Вот бы ещё оказалось, что у нашего Теда длинные ноги, — продолжал я свои размышления. — Для «лягушонка»-подростка «прыжок» из нашей реальности в космическую — дело несложное. Кстати, вполне возможно, что он читал «Лунный пруд» Абрахама Меррита — классическое произведение, в котором рассказывается о гигантских людях-лягушках, заполняющих Землю...»

Выяснилось, что Тед действительно долговяз — даже передвигается как-то по-лягушачьи. В остальном же гипотеза о полтергейсте как форме эскапизма оказалась всего лишь плодом моей собственной фантазии. Мальчик, действительно похожий на лягушонка, имени своего не стыдился, Меррита не читал и, похоже, не испытывал особых проблем с «нашей» реальностью. Всё-таки научно-фантастическая зацепка в чём-то мне помогла. Я взял с собой в Балтимор томик Азимова и подписал книгу: «Любителю научной фантастики от единомышленника в память о встрече». Это был удачный ход: мальчик сразу же стал относиться ко мне иначе. Дело в том, что толпившихся вокруг него журналистов Тед Паулс успел к этому времени возненавидеть лютой ненавистью: собственной популярностью он был сыт по горло и очень переживал оттого, что доставляет семье лишние хлопоты. Один из репортёров даже потребовал

от Теда признаться в том, что тот сам швыряет, поджигает и взрывает в доме предметы. Тед написал возмущённое и, надо сказать, прекрасно составленное письмо главному редактору, который протест этот проигнорировал.

Появление «специалиста по полтергейсту» в моём лице сразу же разрядило обстановку. У журналистов отпала необходимость придумывать свои версии: теперь им достаточно было цитировать мои заявления и снабжать их глубоко-мысленными комментариями. Но Тед Паулс... сумею ли я завоевать его доверие? Сам я в этом не был уверен.

Поскольку в моём присутствии в доме ничего сверхъестественного не происходило, пришлось изучить заметки коллеги, парапсихолога Дугласа Дина, который тщательно проанализировал показания очевидцев и сумел провести ряд научных испытаний, исключив возможность какого бы то ни было участия тут чисто физических факторов. Оказалось, дважды за последние годы на рождественской ёлке взрывались голубые шары. Может быть, мальчик не любил Рождество? День его рождения семья праздновала 16 декабря, но попыток совместить два торжества, вроде бы, ни разу не предпринимала.

Рождественская дата сама по себе — довольно-таки сложный символ. Девять дней разницы — в переводе на месячное исчисление — срок гестации плода. Родители утверждали, что Тед легко перенёс трудности, связанные с собственным появлением на свет. Опровержения тому могли бы обнаружиться в сновидениях мальчика, но... таковые у него совершенно отсутствовали: во всяком случае, мне о них Тед рассказывать ничего не стал.

И тем не менее от рождественского «следа» так просто отказываться не стоило. Появление на свет иногда оказывается для человека необычайно болезненным испытанием. Таящиеся в глубинах подсознания воспоминания об этой пытке резко обостряют в человеке ощущения собственной неполноценности и вынуждают вступать в настоящий бой с Судьбой, что само по себе может послужить мотивом для возникновения полтергейста. Насколько мне было известно, Тед не имел особых физических недостатков, но кое-какими странностями отличался; он ходил, раскачиваясь из стороны в сторону, а лёгкая раскосость придавала ему несколько монголоидный вид. В половом отношении мальчик был развит нормально: подружки у него пока не было, но завести такую, если не считать застенчивости, ему явно ничего не мешало. Итак, возможную сексуальную составляющую из общей гипотетической картины полтергейста пришлось исключить. Хотя, может быть, в самом начале без неё и не обошлось: процесс полового созревания — важный толчок, который способен оживить в подсознании воспоминания о первом выходе существа в постнатальную жизнь.

Часто спрашивают: почему исследователи связывают полтергейст с влиянием только одного человека в семье — разве другие не могут внести в его образование собственный вклад? Что если полтергейст — феномен суммарный?... Бабушку с дедушкой из списка «претендентов» можно было вычеркнуть без опаски: к 70 годам у человека просто не остаётся лишних жизненных сил. С родителей тоже можно было снять ответственность, тем более, что они обычно отсутствовали в течение дня. Может быть, виновата была собака с её по-

давленными собачьими переживаниями? Вряд ли. О «полтер-догах» слышать мне пока что не приходилось. Кроме того, трёхлетняя Кристи являлась скорее жертвой, нежели соучастницей преступления: каждый раз перед очередным взрывом полтергейста она подбегала к двери, сжималась в комочек и принималась яростно скрестись, требуя свободы. Через несколько секунд что-нибудь обязательно взлетало или взрывалось. Реакция собаки как раз и доказывала, что в доме происходят явления паранормальной природы.

Поведение Кристи в «шумном» доме достаточно характерно, о чём я уже рассказывал в книге «Разум, населённый призраками». Собаки в таких случаях вжимаются в кресло и начинают крупно дрожать. Кошки носятся кругами, бросаются на оконные стёкла или яростно скребут дверь когтями. В доме Говорящего Мангуста жила собака по имени Мона — дряхлое существо, к которой даже блохи, кажется, уже утратили интерес. Так вот, она на странности, творившиеся в Дорлиш-Кэшен, не обращала никакого внимания. Но ведь и Геф с самого начала заявил о том, что никакой он не призрак, а просто «очень-очень умный мангуст». В доме Форбсов любимая кошка хозяйки тоже не проявляла никаких признаков беспокойства. Миссис Форбс просто не знала о том, что для парапсихолога поведение животных в «непокойном» доме — лучший барометр, иначе она бы непременно что-нибудь в этом духе придумала.

Открыто сказать Теду Паулсу, что полтергейст в доме — пространный проекция его собственной подавленной агрессивности в отношении кого-то из старших, было никак нельзя: он встретил бы эту новость с понятным негодованием и тут же спрятался бы в своей «скорлупе». Да и дело это очень уж деликатное: как можно обвинить человека в том, о чём он заведомо не имеет ни малейшего представления? Беспредметные разговоры о подростковой «агрессивности» тоже ни к чему не приведут: для победы над полтергейстом необходимо выявить одну, совершенно конкретную причину его возникновения.

Тед в детстве не страдал энурезом, не бродил во сне, не испытывал никаких унижений. Разве что к туалету его приучали, пожалуй, с излишней суровостью. Я в своей практике столкнулся по крайней мере с одним случаем, когда психопатические наклонности развились у человека исключительно на этой безобидной, как будто бы, почве. Подробно поговорить об этом с его мамой мне не удалось, а сам Тед помнил о себе маловато; вообще, мальчик не любил зря молоть языком.

Друзей у Теда не было: в своей комнатке он жил, как монах в келье. Конфликтов в семье вроде бы не наблюдалось, но старшие, конечно, не одобряли решения Теда в 16 лет уйти из школы и посвятить остаток жизни исключительно изучению научной фантастики.

70-летний дед в прошлом работал пожарником и теперь подобно старому боевому коню, тщетно ожидающему услышать звуки горна, днями просиживал с коротковолновым приёмником, вылавливая в эфире обрывки переговоров своих действующих коллег. Судя по обилию «пожарной» литературы в библиотеке Теда, дед был его кумиром. Поначалу это очень меня встревожило: что если полтергейст готовится к поджогу? Спонтанное возгорание — явление куда более опасное, чем полёты предметов домашнего обихода: жертвами полтергейста-поджигателя вполне могут стать люди.

Правда, тут же я выяснил, что пожарами мальчик интересуется открыто — более того, выражает свой интерес даже с излишним усердием: значит, трансформироваться в полтергейст эта страсть не могла.

Против кого, собственно, была направлена агрессивность «духа»? Однажды банка консервированных фруктов упала с полки прямо на голову деду, но этого единичного случая было недостаточно для далеко идущих выводов. Кроме того, именно дед был формальным владельцем дома; «дух» же на его собственности явно не покушался.

Но — оставим ненадолго проблему мотивации полтергейста и поговорим о механике его деятельности. Она-то и представляет для нас до сих пор главную загадку. Объявить полтергейст вынесенным в пространство сгустком подавленных эмоций для объяснения недостаточного: каким образом осуществляется этот процесс, вот в чём вопрос. Что за энергия питает «шумного духа» — нервная или мускульная, электрическая или ядерная? Ответа нет, а значит, остаётся только заняться умозрительными рассуждениями.

Я бы определил полтергейст как следствие одновременно двух диссоциаций — соматической и психической. Соматическая диссоциация? Согласен, это нечто новое: до сих пор такой термин не употреблялся. Суть его состоит в следующем. Человеческий организм, судя по всему, обладает способностью выпускать в пространство разряды энергии, которая очень напоминает ту, что высвобождается при бомбардировке атомов элементарными частицами. Электрон, выбитый со своей орбиты, подобно разряду молнии, имеет ясно очерченную траекторию. Атом, разумеется, не имеет возможности придать движению частицы определённое направление. Человеческий организм на такое способен. Похоже, под действием каких-то эмоциональных пружин он испускает мощный энергетический заряд (спасибо ещё, без цепной реакции!), оставляя его под своим контролем.

Запущенный полтергейстом предмет может двигаться с любой скоростью и менять траекторию; он словно подчиняется сигналу с пульта управления, встроенного в механизм соматической диссоциации. Впрочем, даже эта гипотеза не даёт исчерпывающего объяснения феномена. Со взрывами и полётами, допустим, всё относительно ясно. Но нередко невидимая сила (как это было, в частности, в Балтиморе) проникает в закупоренные бутылки с кока-колой и содовой, вскрывая их изнутри. Пластмассовый цветочный горшок был однажды расщеплён точно посередине: растение при этом осталось неповреждённым, а сам горшок не сдвинулся с места. Точность, с какой были рассчитаны сила взрыва и направление удара, заставляет предположить, что человеческий мозг способен действовать подобно электронному компьютеру.

Впрочем, с физическим аспектом балтиморского феномена блестяще справился Дуглас Дин. Моя задача состояла в том, чтобы, выяснив мотивы полтергейста, составить дальнейший план действий. От первоначального предположения (касавшегося агрессивности, выведенной в пространство) я отказываться не собирался: да, мотивы её были неочевидны, но это ещё ничего не значило. Под маской послушания мог бушевать настоящий эмоциональный шторм.

Тогда Паулса постоянно пытались наставить на путь истинный: ещё бы, он ведь так и не выбрал себе цель в жизни. Отношения мальчика со школьными товарищами также оставляли желать лучшего: похоже, он не раз становился объектом насмешек — по поводу как внешности, так и склонности к размышлениям в одиночестве. В интеллектуальном развитии Тед явно превосходил сверстников. Он утверждал, что школа научить его больше ничему не способна и отчасти был прав: учителя признавали в мальчике присутствие уникальных способностей. Обозлённый непониманием в школе и дома, он накопил в себе огромный заряд психического напряжения. Будучи хорошо воспитан и подчёркнуто вежлив, он всегда заботился о том, чтобы достойно выглядеть в глазах окружающих. Когда мальчика провоцировали на решительные действия, он демонстрировал завидную силу духа. Впервые я увидел его в тот момент, когда он противостоял группе людей, которых люто ненавидел; если что-то и выдавало в нём напряжённость, так только побелевшие суставы сжатых пальцев.

Итак, что предпринять? Я был в замешательстве. А потом случайно прочёл страничку его сочинений, хранившихся на чердаке, и... ключик сам собой упал мне в руки. К своему величайшему изумлению я обнаружил в юноше явные задатки писательского таланта. Во всяком случае в свои 17 лет он был уже сложившимся журналистом с прекрасным словарным запасом и редакторской «жилкой». В Балтиморе рос настоящий литератор, и никто не в состоянии был понять этого. Все вокруг были убеждены в бессмысленности увлечений мальчика и считали своим долгом во всё ему препятствовать. Что если неудовлетворённая жажда творчества переросла в полтергейст? От этой мысли стало дышаться легче. Ведь главное — найти терапевтический подход к решению проблемы. Если причиной всему — действительно уязвлённое самолюбие, то следовало возвысить нашего героя в его собственных глазах, позволив творческой энергии перейти в нормальное русло. Уверенность в себе и уважение окружающих — вот что прежде всего необходимо жертве полтергейста для обуздания психической стихии.

Теперь я уже без опаски объяснил Теду всё, что с ним произошло. Кажется, выслушав меня, он и сам испытал облегчение. Но предстояло ещё доказать собственную искренность: он мог поверить мне не до конца. Как бы то ни было, я рискнул, и сначала в телевизионной программе, а потом в радиоинтервью заявил о том, что открыл в Балтиморе вундеркинда, обладающего необычными литературными способностями. Признание этих талантов окружающими, предположил я, сочленив надорванные части психики и навсегда положит полтергейсту конец.

Я предположил, что Теду Паулсу следовало бы написать историю полтергейста и дать в ней собственное толкование происшедшему: этот документ имел бы не только художественную, но и научную ценность. Необычное соматическое «раздвоение» совсем не обязательно свидетельствует о какой-то психической ненормальности. Совсем наоборот, не исключено, что это — намёк на способность, которая возможно у всех нас проявится лишь в далёком будущем!

Конечно, с уверенностью ожидать немедленного прекращения активности полтергейста было трудно, но мои выступления должны были принести дивы-

денды. Так и случилось. Для Теда Паулса я стал ангелом, сошедшим с небес. Мальчик летал, как на крыльях, излучая счастье и нежась в новой атмосфере происшедших вокруг него перемен. Старшие все, как один, зауважали его. Из безответственного семнадцатилетнего охломона Тед превратился в мужчину, перед которым открывалось блестящее будущее. Теперь для полтергейста уже просто не оставалось места. Психика мальчика, перестав замыкаться «вниз», вознеслась ввысь. Я не учёл одной детали: полтергейст не смог сразу так вот взять и согласиться с необходимостью моего отъезда и вскоре устроил настоящую бурю в доме, выразив таким образом бурный протест против разрыва столь важных психологических связей. На языке психоанализа такая реакция называется «процессом отработки» («working-through process»): как и бывает в подобных случаях, она продолжалась недолго и быстро сошла на нет.

Случай этот имел для меня огромную важность: совершенно случайно я толкнулся на новый метод лечения «психической» разновидности полтергейста. Он предельно прост. Необходимо всего лишь найти в ребёнке подавленный творческий дар, поднять растоптанное самолюбие, вернуть ему уверенность в себе и уважение окружающих. После этого можно вернуться к психоаналитическим методам и попытаться разрядить подсознательные конфликты. Независимо от того, удастся сделать это или нет, само по себе открытие в психике подростка новых каналов творческого самовыражения приведёт к чудесным переменам — в семье, в доме, в нём самом.

«О ФЕЯХ — НИ СЛОВА...»

Вспомни вовремя сэр Артур Конан-Дойль это мудрое предостережение предков, и он вполне возможно избежал бы не слишком приятной для себя экзекуции в прессе: что и говорить, фантастическая история с феями из Коттингли не добавила великому писателю авторитета в научных сферах.

Создатель Шерлока Холмса проявил немалую смелость, когда сначала в одном из номеров лондонского «Strand Magazine» за 1920 год, а затем в книге «Нашествие фей» (1922) заявил: изложенная им последовательность фактов либо является самым изощрённым мошенничеством, на какое только способен большой разум, либо «знаменует начало новой эпохи в истории человечества». Поводом для столь категоричного вывода явились события в маленькой деревушке Коттингли, где две девочки, 10-летняя Элзи Райт и 16-летняя Франсис Гриффит, летом 1917 года стали вдруг утверждать, что постоянно видят в лесу гномов и фей.

Попросив у отца фотокамеру, оне — судя по всему, впервые в жизни — сделали два снимка и... явили миру потрясающий документ, убедительно подтвердивший всё, ими сказанное. На первом снимке вокруг Франсис в воздухе танцуют четыре феи, на втором — перед Элзи, сидящей в траве, — отплясывает забавнейший гномик. Каждая из фей — нечто среднее между крошечной женщиной и бабочкой. Гном более всего напоминает мотылька. Если взглянуть на фотографию через увеличительное стекло, то можно заметить, что ручки у фей

похожи на крошечные плавнички, а «борода» гнома – своеобразный отросток, напоминающий заднюю часть насекомого.

Публикация снимков произвела фурор. Все обвинения в подделке были опровергнуты авторитетной комиссией, которая, проведя экспертизу, пришла к заключению, что негативы абсолютно подлинны. Вскоре Эдвард Л. Гарднер из Лондонского Теософического общества (именно он обратил внимание Конан-Дойля на эту историю) подарил девочкам хороший фотоаппарат, и те сделали ещё несколько снимков фей и их воздушной «беседки» (напоминавшей полуоткрытый кокон, словно подвешенный среди травы). В подлинности этой детали сомнений ни у кого не возникло: искусственно воспроизвести такое не смог бы даже самый талантливый мастер. Получить новые фотографии, однако, не удалось, потому что Элзи вышла из того возраста, когда ребёнок, повидимому, излучает нечто, помогающее феям «проявляться» в нашем пространстве.

Сэр А. Конан-Дойль утверждал, что феи представляют собой параллельную эволюционную ветвь, отмечая огромное количество случаев, когда свидетелями их появления становились дети. На последнюю деталь обращает внимание и доктор Эванс-Ветц: в своей книге «Вера в фей у кельтских народов» (вышедшей в 1912 году, за десять лет до публикации Конан-Дойля) он приводит свидетельства 102 человек, которым эти мифические существа являлись воочию. Реальность встреч такого рода могу подтвердить и я, исходя из собственного – как психоаналитического, так и парапсихологического опыта. Одна моя пациентка из штата Айдахо в детстве встречалась с феями постоянно: эти крошечные существа (одетые, кстати, вполне по-человечески) охотно избегали вверх по её вытянутой ладони. Девочка воспринимала фей как нечто естественное и каждый раз пересказывала им всё, что узнавала в тот день в школе.

А вот что сообщила о феях «Феда» – дух-посредник, помогавший знаменитой мисс Осборн Леонард:

«Да, это духи природы, и они существуют. Узреть их способен лишь тот, кто обладает даром ясновидения. Они одухотворены, но иначе, чем мы. Духи природы рождены – кто от земли, кто от огня, кто от трения. Они не умирают, подобно нам, и жизнь их – само движение».

В бытность свою журналистом я интервьюировал для «Sunday Dispatch» Клен Кэнтлон, которую Общество по изучению фей (образованное Квентином К.А. Кроуфордом) избрало своим почётным секретарём. Из огромной массы писем она выбрала для меня следующий бесценный документ:

«Я гостила в нашем старом глостерском доме. Садик на задворках граничит там с лесом Бердлип Бичез, покрывающим часть Котсуолдских холмов. Короткая стрижка тогда ещё не вошла в моду. Я вымыла голову и отправилась сушиться в лес на солнышко. Почувствовав, что кто-то тянет меня за волосы, я обернулась. Глазам моим предстал несуразнейший карлик с личиком цвета осинового листа. Росточку в нём было, наверное, сантиметров двадцать. Пытаясь выбраться, он визгливо ворчал и жаловался: я, дескать, не имею никакого права тут находиться, потому что мешаю добропорядочным гражданам, одного из которых, к тому же, чуть не задушила своими волосами! Высвободившись,

он тут же исчез. Я рассказала об этом происшествии профессору Бристольского университета, и тот не удивился: в Бердлип Бичез действительно гулять не рекомендуется, потому что это одно из немногих мест в мире, где остались феи и гномы».

«Кстати, обращаться за свидетельствами такого рода к незнакомым людям мне нет необходимости, — добавила миссис Кэнтлон. — Окрестности нашего дома в Патнэме буквально кишат феями. На днях десятилетний сын Робин прибежал ко мне ужасно испуганный. Он решил, что в комнату пробралась свинья. Оказалось, что это толстенный гном развалился в кресле с чрезвычайно капризным видом.

А неделю назад, выключая свет, я заметила очень странную фигуру, повисшую на шнуре жалюзи. В следующее мгновение гном плюхнулся на пол — да с таким ужасным шлепком! Догадавшись, очевидно, что я испытываю неодолимое желание расхохотаться, он смерил меня гневным взглядом и тут же исчез.

Моя 11-летняя дочь Джун, обладающая определёнными экстрасенсорными способностями, некоторое время назад также видела гнома — в плаще и с белой бородёнкой. Он сидел на металлическом набалдашнике кровати и стучал по колечку...»

Вряд ли стоит говорить о том, насколько очаровал меня этот рассказ. Вспомнилась Эндрю Лэнг, считавший, что вера в фей — «сложное психологическое явление, в основе которого — неосознанная мечта о встрече с «коренными» жителями Земли; мечта, выжившая благодаря любви человека к собственным фантазиям и сновидениям». Не станем спорить: вернёмся лучше к нашим «фантазиям».

Пианистка и певица Эмма Хардинг Бриттен, прославившаяся на медиумистском поприще как автор «продиктованных свыше» посланий, в книге «Чудеса XIX века» цитирует моего соотечественника доктора Каложди, специалиста по минералогии, преподававшего угольное дело. Каложди, увлечённый фольклорист, собрал немало рассказов о загадочных «стуках» в богемских и чешских угольных шахтах.

Шахтёры в тех местах убеждены, что кобольды таким образом предупреждают их об опасности или о том, что в выбранном направлении углубляться не стоит. Мадемуазель Каложди, писательница по профессии, однажды сама стала свидетельницей материализации этих загадочных персонажей устного народного творчества. Произошло это в доме крестьянина по имени Михаэль Энгельбрехт. Внезапно в комнате вспыхнули огни, каждый величиной с тарелку. Затем вокруг них появились гротескные чёрные фигурки: одна заёргалась в каком-то судорожном танце и одна за другой исчезли. То же самое видел и Энгельбрехт, только в шахте, причём видению каждый раз предшествовали стуки.

Углубимся немного в прошлое: тут нас ждут новые чудеса. Общеизвестным авторитетом в области изучения фей был доктор Кирк, чей magnum opus «Тайное содружество фавнов, эльфов и фей» датирован 1892 годом. В издании 1933 года мы находим, в частности, сообщения о женщинах, которых феи похищали для того, чтобы те нянчили их детей. Героиней самой удивительной

истории стала повивальная бабка из Швеции, чей муж, священник по имени Петер Рам, 12 апреля 1671 года сделал официальное сообщение, рассказав о том, как к нему явился маленький смуглолицый человечек, одетый в серое, и попросил оказать помощь жене, у которой начались родовые схватки. Питер Рам опознал тролля и благословил супругу на доброе дело. «Мне показалось, что её унёс порыв ветра, — пишет он. — Выполнив свою работу, она точно таким же образом была доставлена обратно».

Истории эти вновь возвращают нас к средневековому поверью о том, что феи регулярно телепортируют своих материальных собратьев к себе в Курганы, а затем в то же мгновение возвращают похищенных — из так называемого «провала времени».

Эдвин Сидней Хартланд («Наука о сказках», Лондон, 1839г.) полагает, что тут не обошлось без влияния католической церкви: последняя, дескать, пыталась подобными историями отпугнуть верующих от богопротивных контактов с нечистой силой. Я же — в главе «Похищенные феями» (см. книгу «Разум над странством») попытался развить несколько иную мысль.

Дело в том, что и Курган, и так называемое Кольцо фей — идеальные символы оплодотворённой матки. Человек, похищенный феями, оказывается в подземном королевстве уменьшенным до размеров зародыша. Он принимает участие в пиршествах и танцах — другими словами, ведёт себя в каком-то смысле как неродившийся младенец, которому всё необходимое и даже сверх того доставляется в больших количествах без каких бы то ни было усилий с его стороны. Эмбрион в матке существует вне времени: биологические часы его начинают «ходить» с момента появления на свет. Он способен лишь ощущать собственный рост — это и есть единственный для него временной аналог. Провал времени в царстве фей, таким образом, — чисто фетальная характеристика.

Кроме того, за феноменом временного «ухода» к феям могут скрываться и психологические мотивы: это подсознательная демонстрация силы и реализация желания покровительствовать слабому. Союз с существами, которыми мы пытаемся управлять, есть, возможно, неадекватно реализованный симптом замещения, за которым кроется подавленное стремление к мировому господству.

ДАРЫ НЕБЕСНЫЕ

Человеку, который не ощущает в себе достаточно сил, чтобы бороться с жизненными невзгодами в одиночку, спиритизм всегда готов предложить идеальный путь спасения от реальности. Только позови, и «духи умерших» тут же придут на помощь, чтобы указать верный путь. Людям, обнаруживающим в себе способность слышать таинственные голоса, воспринимать видения и записывать «автоматические» послания, контакт с потусторонним миром даётся почти естественно. При этом они даже не подозревают о том, что страдают психическим недугом — раздвоением личности, развившимся, скорее всего, вследствие

давнего потрясения. Такое поведение более чем естественно: сознание наше — великий монополист: признать, что отделившийся от него психический «осколок» обрёл индивидуальность, оно просто не в состоянии.

Между тем, некоторые люди, страдающие личностной диссоциацией, судя по всему, действительно способны войти в контакт с иным жизненным измерением. И тут уж перед ними открываются широчайшие перспективы. Мир духов всегда готов предоставить им бесплатную консультацию по любому поводу и помощь на все случаи жизни — достаточно лишь мысленно замолвить об этом словечко. Увы, того, что следует подобным предписаниям «свыше», почти всегда ждёт полный крах.

Один мой знакомый медиум умер голодной смертью. Духи, водившие его руку (а он славен был как раз умением вырисовывать в трансе странные картины на бумаге) запретили ему принимать пищу. Многие, следуя советам своих духов, порвали с семьями, рассорились с друзьями и свыклись с неспособностью сделать шаг без консультации потустороннего «гида». Вздумав купить новый дом, такой медиум погружается в транс и идёт куда глаза глядят — до тех пор, пока внутренний голос не прикажет ему остановиться. После чего покупает дом, который видит перед собой, не останавливаясь перед ценой.

В анналах спиритизма существует отчёт о грандиознейшем мероприятии, потребовавшем участие семидесяти (!) архангелов: медиум, призвавший на помощь эту небесную гвардию... не смог сам выбрать обои для дома! В такой обстановке любой неизвестно откуда появившийся в доме предмет воспринимается как дар небесный.

Другой мой друг, человек, к которому я испытываю самое искреннее уважение, собрал у себя гигантскую коллекцию заколок, булавок, осколков камней и прочей мелочи. Всё это было так или иначе доставлено духами. Иногда мелкие предметы выходили у него из-под кожи, доставляя ощущение лёгкого укалывания, иногда — падали сверху. Однажды этот человек, оглянувшись, увидел, что вслед за ним летит... раскрывшийся зонтик!

Счастливицы, которым везёт на такого рода потусторонние приобретения, называются аппорт-медиумами. Считается, что они обладают таинственной силой; она-то и позволяет связанным с ними «духам» перемещать предметы с одного конца планеты на другой.*

Вряд ли кто-то может сравниться в этом искусстве с миссис Мэггс, женой редактора одной портсмутской газеты. Если верить сообщению покойного генерал-майора У.Дрейсона, профессора военной разведки и практической астрономии Королевской военной академии в Вулвиче, яйца на кухню к миссис Мэггс прибывали прямиком из Бруклина. Она же — в качестве «культурного обмена» — рассылала дары в Испанию, Индию и Китай.

Лайош Пап, высококвалифицированный резчик по дереву, прославился своими сеансами, во время которых насекомые, лягушки и змеи буквально ливнем сыпались из ниоткуда. Сеансы эти проводились при строжайшем наблюдении всех необходимых условий контроля.

---

* См. об этом «Книгу Медиумов» Аллана Кардека, II часть, гл.V, «Явления физические самопроизвольные», NN 96-99, «феномен приноса предметов». (И.Р.)

В 1933 году я решил отправиться в Будапешт, дабы узреть это чудо собственными глазами. Помещение, в котором мы расселись, было лишено всякой мебели. Я собственноручно обыскал медиума, после чего помог облачить его в цельную робу с нанесёнными на материю фосфоресцентными полосами. Затем столь же тщательно мы проверили присутствующих.

Сеанс проходил в темноте, но наблюдатели держали медиума за запястья. Условия можно было считать идеальными. Впрочем, я тут же заметил, что кистью руки Лайош Пап производит странные пассы, словно стараясь что-то ухватить. После каждого такого рывка он — а точнее, «рабби Исаак», его по-тусторонний помощник — выдавал по одному жуку размером в дюйм: каждый очередной гость всеми своими движениями очень живо выражал возмущение против творимого произвола. Менее чем за час медиум насобирал таким образом около тридцати насекомых.

Затем, «половив» что-то ладонями у самого пола (при этом запястья его мы не выпускали из рук), Пап высыпал в бутылку пригоршню насекомых, с виду напоминавших тараканов. Таким же образом в комнате появились несколько стебельков жёлтой акации, а когда включили свет, обнаружили ещё и две раздвоенных бабочки, которых прежде тут явно быть никак не могло.

Сеанс оказался мне убедительным. Кроме того, и сам Пап — высокий мужчина с благообразной окладистой бородой и голубыми глазами, излучавшими мягкость и простоту, производил самое благоприятное впечатление.

Я пригласил будапештского медиума в Лондон на десять сеансов, и он ответил согласием. Тут-то и поджидало меня жестокое разочарование. В ходе второго эксперимента произошло драматическое событие. Пока мы с Шоу-Десмондом держали медиума за руки, откуда-то вдруг возникла большая змея и повисла у него на ладони. Очевидно было, что умертвили её недавно. Эксперт установил, что рептилия относится к виду *matrix tessellata*, обитающему в Венгрии и Австрии. Медиум и на этот раз был одет в святящуюся робу, сшитую из цельного куска материи. Обыскавший его до начала сеанса знаменитый маг доктор Уилл Голдстон ничего постороннего не обнаружил. Неужели «духи» действительно доставили нам змею из Венгрии? Значит, перед нами — настоящий аппорт?

На протяжении всего сеанса я ежеминутно надиктовывал в микрофон свои комментарии. С помощью этих записей мне удалось восстановить точное время появления змеи и сопоставить его с описанием телодвижений медиума. Долго я не мог ничего понять, пока... не узнал, что на теле у Папа остался пояс. Медиум объяснил, что страдает опущением почки, однако пояс был мало похож на медицинский. Более того, рентгеновское обследование показало, что с почками у него всё в полном порядке. Итак, пояс зачем-то помогал медиуму поддерживать слегка отвислый живот. Что, если он провёз каким-то образом из Венгрии живую змею, умертвил её незадолго до сеанса, а затем, поместив её между двумя складками, туго закрепил «аппорт» поясом? Такой тайник вполне мог обмануть бдительных контролёров.

Просматривая отчёт о предварительном досмотре, я обнаружил с их стороны неожиданный ляпсус: Пап, страдавший бронхитом, каким-то образом сумел

упросить доктора, чтобы тот не раздевал его догола и остался перед ним в майке, брюках и туфлях. «Почечного» пояса видно не было. Проверяющие не шарили у медиума под майкой. Даже если бы они это сделали, змея, скорее всего, так и осталась бы незамеченной.

Теперь смысл телодвижений медиума во время сеанса стал мне совершенно понятен: он сдвигал руки проверяющих выше к локтям и предплечьям, пытаясь дотянуться пальцами до живота. Затем, очевидно задерживая дыхание и втягивая живот, он сумел расслабить пояс и незаметно вынуть из-под него змею.

Среди медиумов, проводивших сеансы с аппортами, выделялась одна дама: каждый её «сюрприз» был усыпан белой пудрой, которая, как она утверждала, являла собой концентрированную форму эктоплазмы. Это было уже нечто новое.

Женщина состояла на учёте у психиатра и была совершенно лишена способности реально оценивать происходящее. В спиритуалистической церкви, где она работала «проповедником», постоянно слышались голоса «духов», там же происходили и «материализации».

Трюки её были обставлены настолько по-детски, что в каком-то смысле свидетельствовали в её пользу: женщина делала это совершенно искренне, не пытаясь ничего скрыть. Она высказывала боевой лошадей из затемнённого кабинета, от имени духов громогласно вещала в трубу или просто расхаживала в темноте, даже не утруждая себя попытками изменить голос, и очень ревностно следя за тем, чтобы каждый из присутствующих получал по аппорту.

Я отправил последние на анализ и получил подтверждение своим подозрениям: предметы явно содержались в кухонном горшке с порошком для чистки раковины – он-то и служил «сконцентрированной эктоплазмой».

Гораздо менее прямолинейно действовала «цветочный медиум» Хильда Льюис, ещё 25 лет назад вызывавшая в спиритуалистических кругах необычайный ажиотаж. Вокруг этой хрупкой девушки таинственным образом из ниоткуда появлялись цветы. Сама она утверждала, что приносит их святая Тереза из Лисью. Наконец Хильду Льюис пригласило к себе известное спиритуалистическое общество, организованное дочерью знаменитого адмирала.

Будучи по роду занятий писательницей, Льюис использовала в оформлении своего спиритического спектакля всю силу творческого воображения. Она утверждала, например, что эти цветы не вырваны из почвы, а созданы на небесах, где сохраняют, каждый, свой бессмертный образ.

Сеансы Льюис, проводившиеся при дневном свете, поначалу были окружены завесой секретности. Приглашали туда лишь избранных. Побывал у неё и покойный профессор Д.Фрээр-Гаррис: сеанс произвёл на него сильное впечатление. Он утверждал, в частности, что на его глазах над паховой областью у медиума образовалось белое облачко. Когда облачко рассеялось, на его месте лежал букет цветов. По описанию это действительно походило на спиритическую материализацию.

В числе учёных, по рекомендации Фрэзера-Гарриса посетивших сеансы знаменитой «цветочницы», был и профессор Джулиан Гексли с женой. Своим непосредственным впечатлением от сеанса Гексли ни с кем не поделился, зато

известно, что на обратном пути с ним произошёл любопытный инцидент. Профессор вызвался подвезти Хильду Льюис, и та расположилась в салоне между ним и его супругой. По пути у Льюис вдруг начались «схватки», а затем на коленях у неё появился букет цветов. Об этом происшествии ходило потом много разговоров. Но если всё действительно обстояло именно так, почему профессор Гексли не проявил к деятельности Льюис ни малейшего интереса в дальнейшем? Очевидно, у него был повод для скептицизма, вот только спиритуалисты узнать не пожелали.

Каждый раз перед появлением цветов у Льюис начиналось нечто вроде «предродовых схваток». Да ведь она и сама утверждала, что в самом прямом смысле слова «рожает» свои аппорты. Я собственными глазами видел как, словно от сильнейшей боли, медиум перегибалась пополам, так что руки её становились невидимыми для проверяющих. На спине или сбоку у неё возникал бугор. В комнате появлялся аромат, слышалось шуршание лепестков и листьев. Внезапно из-под её плаща появлялся букет. В общем, в таких случаях всё зависит лишь от добросовестности проверяющих. Последние, к сожалению, все как один были горячими поклонниками таланта Хильды Льюис.

В самих цветах не замечалось ничего «небесного». Они были плотно и аккуратно сжаты в букет, скреплены воском у основания и весьма предусмотрительно лишены шипов. Хильда Льюис говорила, что очень благодарна духам за такую предусмотрительность, иначе шипы разорвали бы её изнутри.

Иногда на цветах замечали влагу. Считалось, что это «роса небесная»; впрочем, однажды среди лепестков обнаружился и кусочек резиновой оросительной трубки. Помимо «святой Терезы» Льюис помогал и другой дух, маленький мальчик по имени Робин. Он выступал в роли ясновидящего и пророчества его часто оказывались на сто процентов точны. Об этом чуде было много споров, пока не выяснилось, что о каждом из присутствующих Хильда Льюис заранее всё узнавала днём по телефону. Выяснилось также, что список гостей ей доставлялся заранее и что работала она в Сити не секретаршей, как сама утверждала, а телефонисткой.

Частный детектив, к помощи которого нам пришлось прибегнуть, установил, что перед каждым сеансом медиум покупала цветы. Ужесточив контроль, проверяющие стали находить их — то в одежде, то на подоконнике в комнате, куда она отправлялась после досмотра. Но поклонники отказывались верить очевидным фактам. Сомневающимся они осыпали насмешками. Хильда Льюис стала профессиональным медиумом и обрела массовую аудиторию.

Я предложил заснять одну из демонстраций на плёнку. Льюис согласилась. Просмотр показал, что с помощью конвульсий медиум проталкивает букетик цветов, спрятанный на спине, вперёд, к груди. Однажды она пришла ко мне на квартиру и в сумочке принесла букетик, завернутый в водонепроницаемую бумагу — он был явно готов к тому, чтобы превратиться в очередной «аппорт».

9 августа 1938 года при досмотре во время частного сеанса под одеждой у Льюис были обнаружены заранее заготовленные цветы. Она расплакалась и подписала заявление (свидетелями чему явились все присутствующие, в том числе и её личный секретарь), в котором призналась, что купила цветы в мага-

зине на Эджвэйр-роуд. В прессе появился подробный отчёт об этом разоблачении, но многих оно так и не убедило.

Говорили, будто бы Льюис вынудили подписать бумагу. Что же касается цветов, обнаруженных в одежде медиума, то поклонников её «таланта» они волновали меньше всего: разумеется, цветы просто материализовались заранее!

Возникнет вопрос: а существуют ли вообще неоспоримые доказательства реальности феномена спиритической аппортации? Пожалуй, самое убедительное из свидетельств такого рода принадлежит итальянскому парапсихологу Эрнесто Боццано: изложенная им последовательность событий достаточно ярко подтверждает спиритическую теорию рематериализации аппортируемого объекта.

«Сеанс проводился в доме Кавальере-Перетти, — читаем мы в его сообщении, — с участием медиума, которого все мы хорошо знали. Выдающийся дар физического медиумизма позволял ему проводить аппортацию по заказу. Я попросил «духа» принести к нам в комнату маленький образец пирита,** который лежал на моём письменном столе в двух километрах от дома, в котором мы находились.

Дух устами медиума ответил, что силы его почти иссякли, но он постарается исполнить просьбу. Однако после того, как у медиума закончились судороги, сопровождавшие появление аппорта, мы не услышали привычного звука падения предмета на стол или на пол.

Дух проинформировал нас о том, что ему удалось дезинтегрировать часть образца, но для реинтеграции его в новом месте сил у него не осталось. «Включите свет!» — неожиданно скомандовал он. Мы подчинились и ... замерли в изумлении. Стол, одежда, волосы присутствующих, мебель и пол — всё в комнате оказалось покрыто тончайшим слоем пиритовой пыли.

Вернувшись домой после сеанса, я обнаружил, что кусок пирита на моём письменном столе... уменьшился примерно на одну треть!»

Не могу не упомянуть также в связи с этим сеанс мадам д'Эсперанс (главными гостями которого были статский советник Александр Н. Аксаков и профессор Бутлеров из Санкт-Петербургского университета), когда в графине с водой внезапно материализовалась золотая лилия в идеальном состоянии с одиннадцатью распустившимися цветками. От основания до кончика стебля было ни много, ни мало 7 футов.

Медиум заявила, что цветок находился в комнате уже в тот момент, когда гости в неё вошли, — просто он оставался для них невидимым. Более того, он был «готов к реинтеграции» за полчаса до проявления в пространстве.

После того, как профессор Бутлеров сфотографировал золотую лилию, «Иоланда» (дух, помогавший мадам д'Эсперанс) попыталась забрать аппорт с собой. Сделать этого она не смогла, отчего пришла в полное отчаяние. «Иоланда» попросила присутствующих оставить цветок в темноте и подождать

---

* Более чем правомерный вопрос, ибо у читателя уже должно было сложиться убеждение, что таковых никогда не существовало. Повторяем: сами спириты — сторонники разоблачения всех медиумических мошенников, которые своими обманами дискредитируют одну из самых важных и святых вещей на земле — знание о посмертном существовании человека и уверенность в бессмертии души. (Й.Р.)

** Пирит — минерал класса сульфидов. (Прим.перев.)

пока она не вернётся, чтобы забрать его. Семь дней спустя в ходе следующего заседания цветов исчез — так же внезапно, как появился. В 9 часов 30 минут он появился в середине круга, образованного присутствующими. Также в 9.30 ровно через неделю пропал бесследно.

Сам я, увы, так ни разу и не узрел подобного чуда — а как я ждал и надеялся! Правда, время от времени со мной случаются происшествия, наводящие на крамольную мысль о том, что аппортация возможна и без участия медиумов. Поделюсь воспоминанием об одной из самых странных историй такого рода.

Однажды я потерял часовой ключ, отчего ужасно расстроился. «Отличный повод призвать духов на помощь», — усмехнулась жена. Прошло три дня, но ключа и след простыл. Оставив всякую надежду его разыскать, я отправился к часовщику.

Вернувшись, я сел за свой письменный стол. Жена читала, расположившись на диване. Вдруг она забеспокоилась, отложила книгу и сказала: «Взгляну, не залетела ли божья коровка». Должен заметить, что зима была в самом разгаре, однако в доме мы к своему величайшему изумлению действительно находили божьих коровок. Может быть, всё дело было в зелёной обивке, вводившей в заблуждение насекомых? Такое объяснение казалось нашим знакомым спиритуалистам слишком прозаичным: они полагали, будто коровок подбрасывают к нам духи — в знак, очевидно, какого-то особого благоволения.

Странно, правда, что моя жена отправилась искать божью коровку не к шторам. Не стала осматривать она и зелёные покрывала. Вместо этого она откатила диван и, опустилась на колени. «Смотри!» — Палец её указывал на ножку моего письменного стола. Рядом с ней, поблескивая под светом лампы, лежал мой часовой ключ.

Вряд ли стоит говорить о том, что письменный стол и ковёр под ним мы обыскали в самую первую очередь. Служанка, которую мы призвали на помощь, поклялась, что обязательно заметила бы ключ, если бы он с самого начала лежал на этом месте.

Ну, а теперь — самая странная часть моей истории. Объяснив жене, сколь удивительными бывают иногда совпадения, я взял с полки книгу Артура Хилла «Письма сэра Оливера Лоджа», которую только что принёс домой из библиотеки, и... открыл её на той самой странице, где автор рассказывает о том, как учёный, приехав к нему домой в Бадфорд, потерял там... часовой ключ!

После отъезда Лоджа Хилл нашёл ключ и отослал его владельцу. Если это действительно совпадение, найдётся ли математик, который сможет подсчитать его вероятность?

ВАМПИРЫ, НЕ ЗНАЮЩИЕ ГРАНИЦ

Человек, посвятивший себя исследованию паранормальных явлений, должен быть готов к любым неожиданностям, ибо изначально принимает роль ближайшей мишени для эмоциональных разрядов больной человеческой психики. Но сколь странными или даже опасными ни казались бы ему собственные пациенты, от продолжения работы отказаться он обычно просто не в состоянии.

Несколько лет назад мне позвонил человек, назвавшийся Джоном Бендери с Парк-авеню. Он утверждал, что прочёл мою книгу «Haunted People» и с тех пор тщетно пытается разыскать автора. Мой адрес и даже номер телефона он получил, вроде бы, в венгерском консульстве. Джон жил с братом, которого семь месяцев назад в венгерском лесу укусил странный зверь, напоминавший лисицу: с тех пор животное это продолжает кусать его каждую ночь во сне! Квартира их постоянно сотрясается от звериного рыка, в воздухе летают предметы, а однажды кусок штукатурки упал с потолка и нанёс брату увечье. Оба срочно нуждаются в помощи. Могут ли они рассчитывать на мою помощь?

История сразу показалась мне подозрительной. Во-первых, в те годы в Нью-Йорке не было венгерского консульства: Венгрия оставалась практически закрытой страной. Кроме того, даже в средние века в вампиризме здесь могли заподозрить кого угодно, только не лисицу. Может быть, брат Джона Бендери заразился бешенством? В таком случае, ему требовалась срочная медицинская помощь. Вся эта история очень напоминала розыгрыш. Но что если тут дело серьёзнее, и звонивший страдает острым психозом?

Я сделал вид, что попался на удочку, и заявил, что еду немедленно, тем самым, наверное, немало смутив мошенников, не ожидавших столь стремительного поворота событий. Компанию мне согласился составить большой специалист по вампиризму барон фон Туш-Скелдинг, на время остановившийся в моём доме. По всей видимости, за нами наблюдали в окно. Фигура широкоплечего мужчины, всем своим видом напоминавшего полицейского, должно быть, напугала звонивших. Может быть, они возомнили, будто мы предъявим им обвинение в нарушении общественного порядка? Дом мы нашли с трудом, но адрес оказался ложным. В конце концов, попавшийся нам почтальон поклялся, что человек по фамилии Бендери в этом районе не проживает. Обзвонив множество жильцов и подняв настоящую бурю общественного негодования, мы ушли ни с чем. С тех пор о братьях Бендери я больше не слышал. А жаль: прежде мне несколько раз приходилось сталкиваться с лже-вампирами, и мне очень хотелось бы обогатить опыт общения с этой специфической разновидностью психопатов. О следующей истории, происшедшей со мной три года спустя, подробнее можно узнать из книги «По следу полтергейста».

Вокруг главной героини (звали её миссис Форбс) развернула деятельность невидимая сущность, которую принято называть «шумным духом». Впрочем, сначала женщина заявила, что к ней по ночам является вампир. Однажды она проснулась, почувствовав рядом с собой некое подобие человеческого тела. Что-то холодное и жёсткое — миссис Форбс решила, что голова, — упиралась ей в шею. При этом женщина ощущала себя парализованной. Через несколько секунд сущность покинула её — улетела, судя по хлопанию крыльев. Утром сзади на шее женщина обнаружила у себя две глубоких ранки с запёкшейся кровью вокруг.

Вообще-то любой уважающий себя вампир первым делом прокусывает жертве яремную вену и высасывает кровь. Миссис Форбс покрылась мертвенной бледностью, но, как выяснилось в результате проведенного в больнице обследования, крови не потеряла ни капли. Ранки, однако, были вполне реальны

и довольно-таки глубоки; их разделяло около трёх миллиметров. Чем можно было нанести их — острыми концами заколки для волос? Вполне вероятно. Но зачем? Вела ли женщина со мной какую-то тёмную игру или, сама о том не подозревая, следовала инструкциям из глубины подсознания? Впоследствии оказалось — и то, и другое: причём, бессознательный элемент в этой удивительной истории как раз и представлял для меня особый интерес.

В результате изнурительного перекрёстного опроса мы с моим помощником Лоуренсом Эвансом и медицинским консультантом доктором Уиллисом выяснили следующее:

«Я легла спать раньше мужа. Внезапно послышался трепет птичьих крыльев. Я не стала зажигать лампу и задёргивать занавеску, потому что подумала: вдруг птица прилетит снова — тогда я смогу получше её разглядеть. Но побороть сон мне не удалось. Я погрузилась в какое-то бредовое состояние и совершенно отключилась. Это был тяжёлый, ненормальный сон.

Где-то около полуночи я проснулась с таким ощущением, будто слева от меня лежит что-то ужасное. К моей шее прижималось что-то холодное и жёсткое, размером примерно с человеческую голову. Скованная страхом, я слабела, с каждой секундой погружаясь в какой-то глубокий омут. Наверное, если бы я умирала, истекая кровью, ощущение было бы таким же. В комнате стоял отвратительный запах гнилого мяса. Наконец пришелец оставил меня, и в ту же секунду в воздухе послышался свист, сопровождаемый равномерным хлопаньем крыльев. Существо отлетело к окну и исчезло в форточке. На улице всё ещё горели уличные фонари, но я чувствовала себя слишком слабой, чтобы подняться и разбудить мужа.

На следующее утро он встал совершенно разбитым. Ему всю ночь снилось, будто кто-то перерезает ему горло. За ночь до этого муж сказал мне, что в комнату залетела какая-то птица. Он слышал, как она села на стул у моей кровати. Может быть, произошло что-то ещё, но сейчас я ничего больше не помню.

Позже миссис Форбс вспомнила ещё несколько важных деталей. Однажды в детстве она вместе с матерью навестила умиравшего человека. У него был нарост на голове; внезапно опухоль лопнула, распространив вокруг ужасную вонь, вроде той, что чувствовалась ночью в комнате. Проснувшись после визита вампира, она ощутила во рту привкус крови. А затем вспомнила один из своих прежних снов, когда оказалась вдруг в огромном зале, сплошь заставленном гробами.

«Это был большой каменный зал. Нет, на подвал он был не похож... Вот я стою — и вижу, как сама поднимаюсь из гроба. Не успеваю я выйти из него окончательно, как всё вокруг покрывается каким-то туманом. Я пытаюсь пронуться, вернуться в своё тело, но не могу».

Теперь у меня не оставалось ни малейших сомнений в том, что женщина страдает личностной диссоциацией.

«Иногда мне кажется, что я нахожусь не здесь, — призналась она. — Иногда — что я вообще не живу. Меня мучает мысль о том, что однажды я умерла на операционном столе и в моё тело вселился посторонний. Вы знаете, я всегда с большой нежностью относилась к животным. Но всё чаще у меня возникает ужасное желание причинить им боль. В прошлый понедельник что-то случи-

лось с моим котом: я обнаружила, что на задней лапке у него вывихнут коготок. Меня поразило ужасное подозрение: что если я сама неосознанно сделала это?»

Добавьте сюда сны мужа, в которых ему кто-то раз за разом перерезал горло (супруги испытывали друг к другу враждебные чувства, чего не скрывали), и станут понятны мои опасения. Похоже, фантазия о вампире была всего лишь прелюдией к готовящемуся убийству.

Выяснился ещё один странный факт: каждый раз после очередного визита вампира у миссис Форбс начинались месячные. Может быть, такой ассоциацией она пыталась наказать себя за скрытую агрессивность по отношению к другому человеку?

Прошло немало времени, прежде чем я выяснил, что подсознание её вынашивало зловещие планы отнюдь не в отношении мистера Форбса. Эта женщина собиралась убить меня! Именно я был для неё вампиром. Традиционный в таких случаях сексуальный мотив оказался здесь ни при чём: я представлял опасность для миссис Форбс, поскольку разоблачил её проделки в качестве лже-медиума. В те дни, когда «вампир» в её доме появился впервые, миссис Форбс допустила ляпсус, которому позавидовал бы сам Хампти-Дампти. Во время спиритического сеанса из-под юбки у неё вывалился рулон льняной материи: свои «материализованные аппорты» она прятала во влагилице! Окультурная репутация миссис Форбс претерпела сокрушительный удар. Но исследование продолжалось, и вскоре я уличил её в мошенничестве повторно: это произошло как раз накануне второго «вампирического» визита. Камешек-«аппорт», заброшенный ей за спину появился явно из кошелька, да и вылетевшая из-под юбки живая птичка была припрятана там заранее.

Стоит напомнить, что граф Дракула в действительности был, как и я, венгром. Считалось, что оттуда и пошёл вампиризм. Миссис Форбс утверждала, что вообще не читала роман Стокера, и тесты, как будто бы, подтверждали искренность её заявления, но... вскоре выяснилось, что мистер Форбс видел одну из экранизаций романа и предупредил жену, чтобы та ни в коем случае не вздумала её посмотреть. Дракулу там сыграл Бела Льюжи — также венгр и, кстати, мой старый друг.

В качестве медиума миссис Форбс обзавелась, как и полагается, персональным «духом» по имени Бремба, который почему-то имел обыкновение проявляться необычайно медленно. В действительности сущность поначалу представилась Брембером, но, учитывая трудности с произношением, которые испытывала миссис Форбс, мы имя его подсократили. Заметьте: это почти аббревиатура имени Брэм Стокер.

Когда мы спросили «Брембу», что означают все эти нашествия загадочного «вампира», он объяснил дело так: «Душа медиума, в своё время выброшенная из тела, время от времени возвращается сюда в форме птицы, чтобы подкрепиться собственной кровью. Птицу необходимо убить: только в этом случае овладевшая телом сущность уберётся восвосяси, а душа вернётся на место. Вы должны подкараулить её. Но нет... на самом деле это не птица, а летучая мышь. Она появится недели через три, когда медиум восстановит запас потерянной крови. Вы должны открыть окна, выключить свет, поймать летучую

мышь в сети и свернуть ей шею. Это произойдёт около половины первого ночи. Пока же — можно сводить медиума в зоопарк, показать ей кровососущую летучую мышь и пронаблюдать за её реакцией».

Итак, жуткая фантазия миссис Форбс расцвела пышным цветом: одному Богу известно, что бы произошло, если бы у меня хватило глупости продолжать общение с ней. Не дожидаясь, пока при открытых окнах мне в половине первого свернуть шею, я успел благополучно откланяться.

ПРИЖИЗНЕННЫЙ ПРИЗРАК

Одна из глав нашей совместной с Хивордом Каррингтоном книги «Haunted People» называется «Нашествие полтергейста». В ней мы попытались воссоздать хронологию этого явления на американской земле. Заглянем в самое начало...

«1662 год. Портсмут, С.Ш.А. Происшествие в Коттон-Метер, доме Джорджа Уолтона. Град камней, битьё окон, масса разрушений: люди почти не пострадали. Правдоподобного объяснения случившемуся предложено не было...»

Недавно в книге Чарльза М. Скиннера «Мифы и легенды этой земли» я обнаружил подробный рассказ о «хонтинге» в доме Уолтона и понял, что кое-какие любопытные факты этого дела давно минувших дней подсказывают новую тему для разговора. Раскроем главу под названием «Дьявол, швыряющий камни»:

«Особое место в американском фольклоре занимают легенды о «демонах мрака», нападающих на людей и разрушающих жилища. В Глостере, штат Массачусетс, эти невидимые агрессоры держали в страхе целый военный гарнизон, пока не были обращены в бегство посеребрёнными пулями и молитвами капелланов. Салемские ведьмы также любили иногда пошвырять «камни из ниоткуда». Так что «дьявол»-каменеметатель из Портсмута — часть традиции, история которой длится более двух столетий. Поскольку такого рода явления чаще всего оказываются актом мести, осуществляемым рассерженным духом, то взваливать всю ответственность на «главного» Дьявола было бы несправедливо.

Но обо всём по порядку. В маленьком домике на клочке земли неподалёку от нью-гемпширского порта жила некая вдова. Участок из-за своего удобного расположения приглянулся Джону Уолтону; поскольку ни денег, ни влиятельных друзей у женщины не было, он обвинил её в колдовстве и — то ли с помощью судебных уловок, то ли грубой силой — овладел чужой собственностью. Получив желаемое, он снял со вдовы все обвинения, но та прокляла свой бывший дом, пообещав, что новый хозяин не познает в нём счастья и не наживёт богатства.

Уолтон посмеялся, посоветовал старушке убраться восвояси и переехал в новый дом вместе со всей семьёй. Как-то раз в воскресенье, в час ночи, когда домочадцы спали мирным сном, раздался ужасающий грохот: крыша и двери затрещали под градом камней. Уолтоны тотчас проснулись.

Поначалу все решили, что дом подвергся нападению индейцев, однако взглянув наружу, хозяин не увидел в пустынных полях ни души. Станным ему показалось лишь, что ворота словно приподнялись с петель.

Уолтон ступил за порог, но тут же вынужден был ретироваться: на голову ему обрушился настоящий каменный шквал. Семья бросилась заколачивать двери и окна, но это не помогло. Вниз по трубе стали скатываться раскалённые булыжники, к которым невозможно было даже притронуться. Более того, камни стали каким-то образом влетать в дом через окна, не разбивая стёкол. Все свечи в доме тут же потухли. Один за другим различные предметы начали взлетать в воздух и вылетать вон. За стеклом показалась «бестелесная» рука и принялась стучать в окно. Замки, ключи и засовы стали изгибаться и плющиться словно под ударами невидимого молотка. Сырный пресс ударился о стену, а сыр вообще бесследно исчез. Стога в поле разлетелись, а сено повисло на кустах и деревьях. Долго ещё Уолтон не мог выйти из дома: невидимка тут же принималась обстреливать его камнями. Колокольчик, свеча, ведемн навар — ничто не помогало».

Месть — производная агрессивности, а последняя как раз и служит главной эмоциональной составляющей любого полтергейста. Впрочем, если происшествие в Портсмуте действительно явилось следствием проклятия вдовы, которая в тот момент ещё была жива, не исключено, что обвинения в её адрес, касавшиеся колдовства, имели под собой определённые основания.

На первый взгляд, к подавленным подростковым эмоциям этот случай отношения не имеет, но кто может поручиться, что дети всё же не сыграли тут какую-то роль?

Не будем забывать, однако, что полтергейст предпочитает действовать в дневное время, а «хонтинг» в доме Джорджа Уолтона начался ночью при свете луны. Камни, загадочным образом миновавшие стёкла (которые были при этом настолько горячими, что прикоснуться к ним было невозможно), заставляют вспомнить о феномене материализации: именно так ведут себя спиритические «аппорты». Бестелесная рука за стеклом вызывает те же ассоциации. Полтергейсту подобное не под силу. Что же до печальной участи, постигшей замки, засовы и ключи, то невольно вспоминаются строки из «Легенд Ингольдсби»: «Разомкнись, замок, под ударом моим. Отвались засов, отлети щеколда. Ничто не остановит руки мертвеца...»*

К сожалению, о том, как закончилась эта история, нам ничего не известно. Может быть, злая сила иссякла сама по себе, или Уолтон, раскаявшись, предложил вдове компенсацию?..

Самое интересное тут — не проделки невидимого разбойника сами по себе, а тот факт, что источником «хонтинга» явился живой человек. Дом, очевидно, насквозь пропитанный эманациями прежней хозяйки, сполна отомстил обидчику за унижения.

---

* Мне встречалась и другая версия с дополнительной строфой: «Спи, кому спится, про-
снись, кто живой. Но мёртвый — останься мёртвым, тебе же так лучше!» (Н.Ф.)

ЯРОСТЬ, ИСПЕПЕЛЯЮЩАЯ ДОМА

Однажды коллега-психиатр, родом из маленькой трансильванской деревушки, рассказал мне удивительную историю о журавлях-поджигателях. Если журавль, возвратившись с юга, увидит, что его старое гнездо на крыше разорено, он обязательно отомстит хозяину: подберёт из какого-нибудь костра головешку, сбросит её на соломенную крышу и подпалит дом. Мой друг утверждал, что это чистая правда, причём ссылаясь на собственный опыт. Вопрос о том, действительно ли трансильванские журавли столь мстительны, оставим пока открытым. Поговорим об опасности, которую представляет собой феномен, известный под названием «полтергейст-поджигатель».

Обычно источником полтергейста оказывается угнетённая психика подростка, вступающего в стадию полового созревания. Вследствие каких-то временных аномалий нервной системы энергетическая пружина её таинственным образом распрямляется, выбрасывает в пространство свою одушевлённую проекцию и превращается в злобного невидимку, который швыряет камни, бьёт посуду и разрушает всё, что ни попадётся под руку. Как правило, «шумный дух» вполне удовлетворяется содеянным и успокаивается сам собой, но иногда открывает в себе дар поджигателя, и это увлечение для семьи несчастного подростка опаснее, чем все прежние шалости вместе взятые.

В общественном сознании полтергейст и призрак уживаются почти как родственники, поэтому начнём с рассмотрения некоторых фундаментальных различий между ними.

Полтергейст порождён человеком и бесчинствует в дневное время, преследуя жертву повсюду, куда бы та ни пыталась скрыться. В этой своей личной привязанности полтергейст постоянен. Кроме того, жизненный срок его ограничен. В разгар полового созревания энергетический «отросток» психики подростка, судя по всему, втягивается обратно и безобразия в доме прекращаются. Полтергейст — не «дух»: он лишён индивидуальности и никогда не приносит весточек из мира мёртвых. Это всего лишь эмоциональный сгусток, вырвавшийся в пространство и сориентированный на разрушение. Итак, полтергейст — дитя угнетённой психики, наполненной гневом, озлобленностью и фрустрациями.

Призрак, в отличие от полтергейста, «привязан» к месту. Он «работает» по ночам, двигаясь автоматически, подобно таинственным образом ожившей телекартинке — ни дать, ни взять, кошмар, выплывший из спящего мозга и забывший дорогу обратно. Если полтергейст — наш, земной «житель», то призрак — явно не от мира сего. Жизненный срок его неограничен и не зависит от поведения жильцов «беспокойного» дома. В покинутом жилище привидение чувствует себя куда как уютно. Похоже, весь смысл его «жизни» состоит в том, чтобы служить своеобразным «эхом» событий, которые произошли здесь в прошлом.

Если в доме у вас по ночам слышатся странные звуки, это даёт о себе знать призрак; во всяком случае, точно — не полтергейст. Достаточно лишь покинуть дом, чтобы оказаться вне сферы его влияния.

Ситуацию ещё более усложнили спириты, утверждающие, будто призрак — это не просто материализованный «сон пространства» с покойником в «главной роли», но самый настоящий дух умершего, по тем или иным причинам оставшийся на земле. Дух этот не только пребывает на высшей по отношению как к призраку, так и к полтергейсту ступени, но и способен при желании на те же действия. Он наделён индивидуальностью, способен оставлять сообщения и действует в рамках определённой цели.

Путаница эта может вызвать серьёзный конфликт, если, скажем, попытаться войти с помощью медиума с полтергейстом в контакт, как если бы это действительно был дух умершего. В таком случае соматическая диссоциация может перерасти в диссоциацию психическую — что, кстати, и произошло в Торнтон-Хит. Полтергейст ли тому был виной, призрак или «злой дух», но особняк Борли-Ректори действительно сгорел, как и было обещано в послании, полученном при помощи планшетки. Нечто подобное произошло и в Амхерсте, Новая Шотландия. Человеческий голос (а полтергейст его обычно не подаёт) объявил о предстоящем поджоге, после чего в доме повсюду стал вспыхивать огонь, а из-под потолка на постель одна за другой начали слетать подождённые спички. Этот загадочный «призрак» (сочтём его таковым, ибо в индивидуальности ему не откажешь) воспыал смертельной ненавистью к несчастной Эстер Кокс. «Эстер Кокс, ты — моя, и я тебя убью», — произнёс невидимка вслух. Одновременно те же слова возникли и на стене, словно кто-то нацарапал их ногтем. А потом появившимся из ниоткуда ножом призрак нанёс хозяйке удар в спину. При этом вёл он себя и как полтергейст: когда Эстер, переехавшая на ферму, проходила мимо амбара, там вспыхнул пожар. Женщину арестовали по обвинению в поджоге, приговорили к четырём месяцам тюрьмы и лишь спустя месяц освободили под давлением общественности.

Вспомним «рубаху Нессуса», погубившую Геркулеса: может быть, след полтергейста обнаружится в основе и этой легенды? Напомним, кентавр Нессус был умерщвлён Геркулесом, возжелавшим супруги его, Дианейры. Смешав семя, кровь и оливковое масло, Дианейра приготовила яд и пропитала им рубашку, которую Геркулес должен был надеть во время церемонии жертвоприношения. Яд от жары расплавился и тело Геркулеса расплзлось, словно от мгновенной гангрены... А что, если и жрецам, поклонявшимся падавшему с небес огню (упоминание о таковых мы находим в «Ветхом Завете»), тоже потворствовал полтергейст-поджигатель?

Доктор Эрвин Бенкало в журнале «Fate» (июнь 1953г.) рассказал об удивительной истории Кодекса Када, погибшего во время пожара в древнем португальском монастыре Синта. На обложке и первых листах книги (отпечатанной в 1620 году в Венгрии) был отчётливо виден след от ожога, явно нанесённого человеческой ладонью. На каждом следующем листе отпечаток становился бледнее и к сотой странице пропадал вообще. Этот след, если верить профессору истории доктору Э.Фридриху, был оставлен епископом Стефаном Кадой, точнее, рукой его призрака.

Однажды перед отцом Франциском Анассиусом в монастыре Привиги явилось привидение и попросило отслужить по нему святую мессу ради освобо-

ждения души из чистилища. Отец Анассиус, узнав голос покойного епископа, захотел получить какие-либо доказательства того, что всё это не имеет отношения к проискам Сатаны. «Дьявол не властен над священными книгами!» — заявил призрак и опустил невидимую руку на обложку Кодекса. В комнате запахло палёной кожей, из монастырского окна повалил дым. В течение двух с половиной столетий Кодекс хранил на себе отпечаток огненной длани!

А можно ли причинить призраку вред огнём? Этот вопрос возникает в связи с одним из эпизодов истории «ведьмы Беллов» из штата Теннесси. К одному из участников драмы, Уильяму Поттеру, ведьма повадилась залезать в постель — исключительно с целью «согреть» избранника.

«Одеяло продолжало скатываться в рулон и сползать к краю кровати, как бы отчаянно я за него ни цеплялся, — пишет он в своих воспоминаниях. — Я выпрыгнул из постели и увидел, что ведьма полностью в него завернулась. «Ага, попалась, негодница! — осенило меня. — Вот сейчас-то я тебя и сожгу». Я схватил свёрток и побежал к камину. Вдруг ноша моя отяжелела и страшно завоняла. Едва добравшись до середины комнаты, я уронил ведьму на пол и бросился вон, чтобы глотнуть свежего воздуха. В жизни своей не встречал более мерзкого зловония».

Избранное «ведьмой» средство самозащиты достаточно характерно. Вряд ли стоило ожидать благоухания от этого злобного призрака-убийцы, ставшего главным героем самой известной на сегодняшний день в С.Ш.А. реальной истории о привидении.

Я в своей практике столкнулся с полтергейстом-поджигателем лишь однажды, когда в доме нью-йоркской спиритуалистки Лилиан Фишер то и дело стали обугливаться предметы. Последнюю на сегодняшний день нашумевшую историю такого рода рассказал в журнале «Fate» Р.Э. Хоган. Версию автора статьи подтверждают и многочисленные очевидцы из города Талладега, штат Алабама, в частности, капитан пожарной бригады С.Х. Джойнер.

Дом Кальвина Такка (имевшего шестерых детей в возрасте от трёх месяцев до девяти лет) загорался 22 раза в течение трёх дней. Постепенно огонь полностью уничтожил строение и семья практически лишилась имущества. Почти всегда пламя вспыхивало под потолком.

Лесли Р.Хатто, дорожный строитель округа Талладега, и Отис Хортон, местный подрядчик, утверждают, что огонь совершенно беспричинно возгорался прямо у них на глазах. Стоило только Хатто провести лезвием ножа по крышке камина (о причинах, побудивших его к столь радикальному жесту, статья не сообщает), как в лицо ему тут же полыхнуло пламя. Позже он метнул нож в круг на стене. Из точки попадания вылетел огненный сноп, часть которого «прилипла» к лезвию.

Пока они находились в доме, пламя вспыхивало там каждые четверть часа. Лейтенант полиции Бен Кули увидел, как на дереве повисло тлеющее одеяло. «Никогда бы не подумал, что такое возможно, если бы это не произошло на моих глазах», — заявил он.

В поджогах, естественно, обвинили 9-летнего Кальвина Такка-младшего, пригрозив допросом с участием колдуна. Мальчик во всём «признался», но по-

казания его настолько не соответствовали фактам, что начальник пожарной бригады отказался закрыть дело.

Сын Такка, скорее всего, действительно был виновником происшествия. Просто поджоги эти он вызывал бессознательно: то, что происходило в доме, явно находилось за пределами его физических возможностей. Виновники полтергейста – его же главные жертвы. Они чувствуют себя очень странно, понимая, что каким-то образом ответственны за несчастья семьи, и пребывают в необъяснимом ужасе.

Остаётся лишь пожалеть о том, что в доме Такков не побывал профессиональный психолог: на отношения мальчика со взрослыми явно требовалось обратить самое пристальное внимание. Есть некоторые основания предполагать, что первопричиной полтергейста в Талладеге явилась в буквальном смысле слова «испепеляющая» ненависть ребёнка к отцу. Силой этого чувства нервная энергия юного организма была сконцентрирована, выведена в пространство и здесь породила феномен самопроизвольного возгорания.

«ОЖИВЛЁННЫЕ» КОЛЬЦА И ОЖЕРЕЛЬЯ

Кольца, «заболевающие» одновременно с владельцем, трескающиеся незадолго до чьей-то кончины или жалящие подобно змее... Ожерелья, которые стягиваются страшным узлом, словно пытаясь задушить свою жертву, или вдруг обжигают шею... Для обывателя всё это – атрибуты дешёвого триллера; для парапсихолога – предмет серьёзного расследования, за которым тянутся нити основополагающих вопросов человеческого бытия.

О кольцах, меняющих цвет, когда заболевает их хозяин, известно исстари. Сообщение о сравнительно недавнем происшествии такого рода было сделано доктором Дж.П.Джонсом из Бирмингема в британском «Медицинском журнале». Обручальное золотое кольцо, о котором идёт речь в статье, таинственным образом изменяло цвет каждый раз, когда кто-либо из его владелиц (пациентка доктора Джонса или её мать) начинали страдать нервными головными болями. Достаточно было женщине снять кольцо на ночь и положить его на крышку камина, чтобы уже на следующее утро оно заблестело как новенькое; будучи вновь надетым на палец, несколько часов спустя кольцо вновь принимало платиновый оттенок. Самое же поразительное состояло в том, что при снятом кольце приступ протекал гораздо болезненнее, лишая женщину всяких сил.

О другом не менее удивительном золотом кольце поведала мне миссис В.Рой из Северного Финчлея. Владелицу его разбил паралич; кольцо немедленно почернело. Оно восстановило цвет спустя лишь полгода, когда женщина вновь обрела подвижность.

Вообще говоря, в поиске объяснений чудесам подобного рода вовсе не обязательно обращаться к истории магии: возможно металл таким образом всего лишь реагирует на какие-то физиологические эманации организма. Аргумент этот, однако, никоим образом не применим к поведению кольца, принадле-

жавшего майору С., поведению, надо сказать, весьма характерному для реликвий, являющихся собственностью потомков древних английских фамилий.

В роду майора С. укоренилась любопытная традиция: младшего сына о близкой смерти отца неизменно предупреждало... поведение перстня, который самым необъяснимым образом трескался. Так продолжалось на протяжении многих веков – как долго, никто точно сказать не может.

Я сам видел перстень нынешнего главы семьи: трещинка в нём выглядела так, будто металл необычайно аккуратно рассекли бритвенным лезвием. Однажды отец майора серьёзно заболел, и сына в связи с этим вызвали домой. Он прибыл вовремя, точнее, как всем в тот момент показалось, вообще зря: здоровье больного как раз пошло на поправку. Утром же произошло нечто ужасное. Майор С., решив вымыть голову, снял перстень и положил его в мыльницу. В тот момент, когда он сушил волосы, раздался резкий металлический звук. Он опустил взгляд и замер вне себя от ужаса: перстень треснул. Майор бросился в комнату, но было поздно: отец его только что испустил дух.

В попытке найти объяснение этой странной форме «призрачной» опеки со стороны семейных реликвий я ввёл в словарь парапсихологии термин «фамильный Gestalt», обозначив им нечто вроде «надсемейного» психического образования, которое формируется и крепнет в течение столетий, подпитываясь психическими эманациями, связанными с почитанием предков, изучением истории рода, гордостью за делов и прадедов. Очевидно, смерть очередного главы семьи является потрясением для гештальта: в роковую минуту он высвобождает заряд динамической энергии, одновременно извещая наследника о происшедшем и напоминая: отцы приходят и уходят, но семья должна жить вечно!

Сэр Артур Конан-Дойль рассказал мне о кольце, жалившем подобно змее; эту историю ему поведала одна из горячих поклонниц Шерлока Холмса. Кольцо было изготовлено из матового золота и выполнено в форме змейки. Корреспондентка, миссис Сигроув, обычно на ночь снимала кольцо. Однажды она забыла сделать это и увидела жуткий кошмар: всю ночь женщину преследовало ужасное чудовище, пытавшееся впитаться зубами в руку.

Проснувшись, она ощутила в руке острую боль, а два дня спустя обозначился двойной след укуса (нечто среднее между синяком и рядом ссадин – кожа осталась неповрежденной), причём один зуб в нижнем ряду явно отсутствовал. В книге «Воспоминания и приключения» писатель приводит следующие слова миссис Сигроув: «Не знаю, что заставило меня во всём заподозрить кольцо, но я преисполнилась к нему таким отвращением, что не носила его несколько месяцев. А потом как-то раз снова надела – прежде чем отправиться в гости».

Не стану утомлять читателя подробностями; замечу лишь, что в ту ночь погоня повторилась и наутро женщина решила проблему просто: забросила кольцо в самый дальний угол большой кухонной плиты. Конан-Дойль не нашёл оснований для того, чтобы усомниться в правдивости рассказанной ему истории. Опытный медик, он был прекрасно осведомлён о том, что интенсивный мысленный образ вполне может реализоваться физически: нет ничего удивительного в том, что яркий кошмар с преследованием оставил после себя следы настоящего укуса. Змееподобная форма колечка подсказала под-

сознанию простейшую ассоциацию, так что этот случай с достаточной долей уверенности можно отнести к категории стигматизма — явление это редкое, но не сверхъестественное.

А помните Лургана Сахиба из киплинговского «Кима», излечивавшего больной жемчуг? Любопытно, что прототип этого героя — вполне реальный человек по имени Иаков из Симлы: он торговал алмазами и пользовался у окружающих совершенно фантастической репутацией. «Никто, кроме меня, не способен вылечить больной жемчуг или восстановить бирюзу, — сокрушался этот удивительный врачеватель. — С опалами-то любой справится, но жемчуг... Кто позаботится о нём, когда я умру?»

Между прочим, в юности мне довелось встретиться с некоторыми из людей, знавших Иакова. «Лечил» жемчуг, может быть, он и неплохо, но то, что репутация филантропа закрепилась за ним незаслуженно, могу утверждать наверняка.

Удивительная нитка жемчуга, о которой пойдёт речь сейчас, прибыла также из Индии. С 1701 года она принадлежала семье баронессы фон Дельвиг. С жемчугом этим было связано множество удивительных легенд, но до поры до времени никто не предполагал, что он обладает какой-то сверхъестественной силой. В те дни, когда произошла эта история, ожерелье принадлежало сестре баронессы графине Эллинор. Однажды, зайдя в гости, баронесса осведомилась об ожерелье, и, обнаружив жемчужины потускневшими, уговорила графиню надеть реликвию. К жемчугу действительно стал медленно возвращаться блеск. А неделю спустя графиня чуть не умерла от страха: ожерелье начало вдруг двигаться, скручиваясь у неё на шее! Более того, всю ночь Эллинор угрожали какие-то индийцы в масках. Наутро она обнаружила, на нити двойной морской узел: замочек при этом остался нетронутым. Баронесса фон Дельвиг не очень-то поверила в эту историю и решила поносить ожерелье сама. В тот день они с сестрой вышли прогуляться в сад. Внезапно Эллинор издала истошный вопль и словно задыхаясь, схватилась за горло. Взгляд её был устремлён на шею сестры. Баронесса скосила глаза вниз. О ужас: нить посередине была связана двойным морским узлом! С физической точки зрения произошло нечто абсурдное: замочек был защёлкнут!

Муж графини взял ожерелье, и, развязав узел, запер реликвию в ящичек, оставив ключ у себя. Наутро он заглянул туда и к своему изумлению вновь обнаружил на нити двойной узел. С тех пор этот фокус стал повторяться изо дня в день. Некоторое время спустя, готовясь к приёму, который должен был состояться в её доме, графиня решила надеть ожерелье вновь и, расстегнув его, положила на столик. Внезапно нить с жемчужинами зашевелилась, скрутилась, и поднялась вертикально, будто свеча!

Призвав на помощь остатки мужества, графиня попыталась осторожно пригнуть кончик ожерелья к поверхности стола. После недолгого сопротивления оно подчинилось и улеглось. До самого ужина ничего особенного не произошло. А потом началась паника. Графиня дико вскрикнула, лицо её побелело, глаза вылезли из орбит. Она со стоном упала в кресло и лишилась чувств. Ворот платья её был расстёгнут. Вдоль всей шеи шёл кроваво-красный след шириной в два пальца. Нить с жемчугом лопнула.

В тот вечер графиня Эллинор перестала слышать. Два дня спустя слух у неё восстановился, но след не заживал ещё долго. Позже ожерелье отнесли к старому ювелиру. Тщательно обследовав нить, он пришёл к выводу, что причиной такого разрыва могло стать лишь нечеловеческое усилие. «Я читал об этих странностях в старых журналах, — сказал он. — Есть люди, на которых ожерелья завязываются узлом. Они рождаются раз в тысячу лет. Может быть, графиня — одна из них?»

С одной стороны эта фантастическая история явно имеет какое-то отношение к стигматизму, с другой — мотив удушения указывает на присутствие и реализацию чувств вины. Примечательно, что никто из прежних владельцев жемчуга не оставил никаких свидетельств относительно странностей в его поведении. Вполне вероятно, что за этими жемчужными поползновениями кроется объективизация какой-то глубокой личной тайны — то ли графини, то ли баронессы.

Самому мне видеть самоскручивающиеся нити не приходилось, но зато мне прекрасно знакомо ожерелье, оставлявшее ожоги на шее женщины, которая его носила. Это был «аппорт», возникавший из ниоткуда на шее миссис Форбс, которая ощущала его как «раскалённый докрасна» обруч. Никто не видел, как оно появлялось, никто не смог разгадать его тайну, но для меня нет сомнений в том, что оно имело прямое отношение к полтергейсту.

ЗАПАХ СМЕРТИ

Бывает, человек, начисто лишённый дара предвидения, вдруг начинает остро чувствовать, что его собеседник обречён на скорую смерть. Обычно объяснить причину появления таких ощущений он оказывается не в силах. Возможность заочного медицинского диагноза мы исключаем: речь идёт о вещах непредсказуемых — скажем, гибели в результате несчастного случая. Что же это всё-таки, своего рода ясновидение?

Вполне возможно, обоняние и зрение всё же играют тут свою роль: иногда «знак смерти» читается в затуманенном взгляде, реже проявляется в едва заметном запахе. Вот тут давайте и остановимся. Запах смерти — вполне реальный и очень любопытный феномен. В качестве первого примера я хотел бы привести письмо одного из своих корреспондентов:

«У нас в гостиной происходят очень странные вещи. Время от времени кошка начинает злобно шипеть, выгибая спину, а когда кто-нибудь из родственников умирает, по комнате проносится вихрь ледяного воздуха.

Несколько лет назад моя 12-летняя дочь выбежала из гостиной, закричав, что чувствует в ней запах смерти. Наутро пришло письмо, в котором сообщалось о кончине моего двоюродного брата — он умер в то самое время, когда у девочки возникло предчувствие».

В данном случае «обонятельная» составляющая предчувствия вполне вписывается в рамки «призрачного» феномена — достаточно вспомнить вполне характерную реакцию кошки. Что же касается «ледяного вихря», то вполне возможно, что тут мы имеем дело с подсознательной «метафо-

рой» – символическим пространственным отображением понятия «замогильного холода». Запах смерти – интерпретация того же ощущения на самом фундаментальном уровне.

В некоторых случаях роковой запах имеет чисто субъективную природу. Я знал женщину, которая, входя в дом, где вскоре кто-то должен был умереть, ощущала аромат хризантем. Причиной тому было странное увлечение детства: девочка любила бродить по кладбищу, а там росли в основном хризантемы, – другими словами, запах этих цветов в её подсознании оказался напрямую связан со смертью. Впрочем, это ответ лишь на часть вопроса: как удавалось ей чувствовать приближение несчастья, остаётся загадкой.

Каждому из нас знаком трупный запах, возникающий вследствие разложения органических тканей. Предчувствие смерти сопровождается, как правило, резким обострением обоняния. Почему воеет собака, чувствующая близкую кончину человека? Не исключено, что она просто воспринимает первые признаки разложения, которое заранее начинается в организме обречённого. Объяснение это приближает нас к пониманию тех зловещих случаев «призрачного обитания», когда с места, где в далёком прошлом сгнили непогребённые человеческие тела, от земли поднимается невыносимая вонь.

Поскольку запах смерти ассоциируется у нас с понятиями зла и морального разложения, то реакция на частички разлагающегося вещества, воспринимающиеся нашими органами обоняния, может активизироваться под воздействием сильных чувств ужаса и отвращения. Например, «землистый» запах, упоминание о котором часто встречается в хрониках, описывающих ритуалы дьяволопоклонства, мог быть вызван подсознательно – участником, невольно запротестовавшим против порочной практики. В случае с женщиной, которая, загипнотизировав молодого человека, попыталась с его помощью вызвать Князя Тьмы, я отдал предпочтение именно этому объяснению. С одной стороны, будучи хорошо осведомлена об истории дьяволопоклонства, она ждала появления «землистого» запаха. С другой – источником его могло стать тело юноши: подсознание его таким образом выразило бы протест против психического насилия.

Предчувствие надвигающейся беды также может возбудить сигнальные механизмы обоняния. Я знал учительницу, которую преследовал отвратительный запах: лишь отдышавшись у открытого окна она могла как-то прийти в себя – иначе же просто теряла сознание. Каждый раз после очередного такого приступа происходило что-то ужасное.

Так уж устроена жизнь: одним уготованы сплошные зловония, другим суждено наслаждаться неземными таинственными ароматами. Загадка «духовного парфюма» – вторая, более светлая, сторона той же медали.

Прежде чем унести к высшим сферам, ознакомимся для начала с самым ортодоксальным подходом к проблеме. Медициной давно установлено, что при некоторых заболеваниях человек испускает определённые запахи – фиалки, ананаса, мускуса и так далее. Феномен этот объясним отчасти присутствием в нашем организме бутилового эфира и его соединений. Похоже, механизмы, обеспечивающие ароматами некоторые соматические явления, иногда по неясным причинам подключаются и к психосоматическим состоя-

ниям. Возможно, именно в этом кроется ключ к разгадке ароматических эманацій, исходивших от тел святых.

Известно, что Св.Каэтан испускал аромат цветущего апельсина. Св.Франциск благоухал мускусом. Когда тело Св.Казимира, покровителя Польши, в 1603 году (спустя 120 лет после смерти) извлекли из могилы, выяснилось, что оно не подверглось тлению и продолжает испускать приятнейший запах.

Сформулируем наш вопрос так: каким образом соматическая реакция на некоторые психологические процессы может продолжаться на протяжении десятилетий после смерти физического тела? Может быть, это давно отлетевший дух продолжает поддерживать контакт со своей прежней оболочкой, тем самым как бы опровергая саму идею смерти?

Так или иначе, за тайной сверхъестественных ароматов явно скрываются какие-то неизвестные нам психологические процессы. Англиканский священник Уильям Стэйнтон Мозес (1839-1892), он же магистр гуманитарных наук Лондонского университетского колледжа — человек, которого спириты считают одним из величайших медиумов прошлого века, — стал едва ли не самым знаменитым в новейшей истории носителем таинственных ароматов. Запахи Мозеса исходили от головы, причём чем активнее их отгоняли, тем сильнее они становились. Чаще всего Мозес благоухал вербеной, мускусом, свежескошенным сеном, но помимо всего прочего источал и ещё один, неизвестный запах, который называли «духовным ароматом».

Во время сеансов с его участием запахи эти вливались в комнату подобно потокам ливня. Сам Стэйнтон Мозес не сомневался в том, что разгадку тайны следует искать где-то в его организме. В дневнике священника мы находим следующую запись, датированную 4 июля 1874 года:

«В саду, ещё до того, как все расселись в кружок, я почувствовал нашествие аромата — он исходил от волос. Я погладил голову, и руки запахи столь же сильно. Так бывало не раз. Запах мяты всегда концентрировался у моей головы».

Мозес подозревал, что ароматы выполняют какую-то целительную функцию, потому что особенно сильно они ощущались во время болезни. Между прочим, проявляли они себя подчас несколько странно:

«Запах занимал в пространстве площадь, ограниченную полукругом, и дальше уже словно не мог проникнуть, — пишет священник. — Иногда он поднимался в комнате стеной, так что можно было войти в него с одной стороны, а выйти с другой. Вообще, границы присутствия ароматов вокруг меня, равно как и соответствующий перепад температур, всегда были выражены очень явно. Нечто подобное наблюдалось и на открытом воздухе. Однажды во время прогулки мы с другом вошли в область острого аромата и тут же из неё вышли. Были даже случаи, когда аромат обрушивался на меня ливнем из мельчайших благоухающих капелек. Однажды, гуляя со знакомой дамой на острове Уайт, я заметил на её платье пятнышко из капелек росы, которые испускали изысканнейший аромат».

Однажды, когда среди присутствующих на сеансе Мозеса оказался больной человек, комната наполнилась острым зловонием. Неблагоприятное психическое влияние кого-либо из гостей часто производило ещё более неприятный

эффект. Вот как доктор Спизэр в своём репортаже об одном из заседаний описывает появление «незваного духа»:

«...На следующий вечер в комнату «залетел» новичок и выгнал нас всех вон свалившимся откуда-то из-под потолка букетом *Sp. Pulegii*, издававшим невероятную вонь. Всё, с чем он соприкоснулся, воняло в течение 24 часов. Скатерть из столовой и моё нижнее бельё пришлось вывесить в саду за домом, а наутро пол в столовой и коридоре окуривали ароматическими свечами. Больше этого духа мы к себе не приглашали».

Нечто подобное тому, что происходило со Стэйнтоном Мозесом, имело место в случаях, встречавшихся в моей врачебной практике. Аромат фиалки появлялся и исчезал в комнатах для сеансов с участием миссис Форбс. Мы также могли буквально войти в ароматическое облако и, принюхиваясь, очень точно установить его границы. Иногда эти запахи сопровождались «аппортом», и откуда ни возьмись появлялись настоящие фиалки. Временами в доме миссис Форбс ощущалась трупная вонь.

Оба эти запаха, как я узнал, постоянно сменяли друг друга в её первую брачную ночь, когда на постель обрушился вдруг водопад фиалок. С самого начала мне стало ясно, что источник проблемы — некий ужас, таящийся в подсознании пациентки. Похоже, он был связан с аморальным поступком, имевшим отношение к сексу. Вскоре выяснилось, что миссис Форбс испытывала острые чувства вины по отношению к девушке по имени Вайолет,* умершей в возрасте 28 лет от рака горла.

Впрочем, с этой моей пациенткой происходили странности и иного рода. Однажды она, стоя рядом с камином, впала в транс, и на груди у неё проявился стигмат — кровотокающий крест, под которым обнаружилась карцинома, впоследствии удалённая. Кроме того, миссис Форбс активно преследовал вонявший всюду «призрачный тигр», оставлявший на её теле глубокие царапины. И то и другое указывало на присутствие в подсознании пациентки какой-то глубокой психической травмы. Впрочем, это слишком общее объяснение: вопрос о том, как именно происходит зарождение «потустороннего» запаха, остаётся открытым.

Изучение полтергейста указывает на то, что рвота, кишечные газы и экскременты прочно ассоциируются у нас с понятием Зла.

Вспомним пятерых демонов, которые вселились в тело Анны Эклунд и были изгнаны отцом Теофилом из францисканского монастыря в Эрлинге, штат Айова. Об этой трагедии (виновником тут стал отец-инцестифил — его дух был одним из тех, что вселились в несчастную) журнал «Fate» сообщил в июне 1959 года.

Едва только отец Теофилус дошёл до молитвы «*A Spirit Fornicationis Libera Nos, Domina*», как тело Анны стало извиваться в страшных конвульсиях. Ритуал экзорцизма продолжался непрерывно 72 часа и закончился полным освобождением женщины от напасти. На прощание «демоны» наполнили комнату невыносимым зловонием. Чем бы ни был запах вызван в действительности, для Анны он означал одно: смерть вселившегося в неё Зла.

---

* Любопытно, что «violet» — по-английски «фиалка». (И.Р.)

Ритуал экзорцизма возымел эффект, потому что переместил психологический груз с подсознания женщины на внешний источник — «демонов». Избавиться самостоятельно от зла, порождённого подсознанием, она бы наверняка не смогла.

КОШАЧЬЕ СЕРДЦЕ

Ни один рассказ о тайне «непокойного» дома не обходится без упоминания о животных. Прекрасный свидетель в этом смысле — собака: в присутствии невидимого «гостя» она ведёт себя очень характерно — съёживается, рычит и шерсть её при этом встаёт дыбом. Поскольку галлюцинаций у собак не бывает, и оне с трудом поддаются внушению, можно считать это убедительным доказательством присутствия в доме «неживой» сущности. По тем же причинам очень выгодно иметь в доме и кошку. Если животное это чуть реже упоминается в соответствующих репортажах, так только лишь потому, что собачье население, повидимому, многочисленнее.

30 ноября 1936 года я, к величайшему своему удовлетворению, сумел разгадать тайну «самопроизвольно» открывавшихся дверей в «обитаемом» доме Дин-Мэйнор неподалёку от Мефана, что в графстве Кент. Произошло это после того, как в объектив скрытой камеры попала маленькая, но очень сообразительная кошечка, ловко приноровившаяся лапкой открывать защёлку на кухонной двери. К тому времени, когда дверь распахивалась, проказница успевала прошмыгнуть под кухонный стол, так что прислуге и в голову не приходило в чём-то её заподозрить. А ведь именно из этого дома Гарри Прайсом был организован прямой телерепортаж на всю страну. Лондонская «Таймс», помнится, очень критиковала Би-би-си за это сомнительное мероприятие: что, если привидение вдруг обретёт голос и вздумает обратиться к нации с каким-нибудь подрывным заявлением? К счастью, на протяжении всей трансляции ничего драматического в доме не произошло, если не считать загадочного падения температуры у потолка. Призрак затаился, и перед народом не выступил.

Полтергейст из Челси (его мне удалось «заземлить» путём проведения психоаналитического сеанса с хозяйкой дома, которую эта нечисть преследовала) действовал куда более драматично.

«Ту ночь я проспала хорошо, но в половине шестого утра меня разбудил какой-то шум, — пишет журналистка мисс Дженкинс. — Мне показалось, будто кто-то скребётся под дверь парадного. При этом звук был такой, словно в дом рвётся настоящий тигр.

В моей комнате находились собака и кошка. Собака впрыгнула в кресло и вжалась в спинку, дрожа всем телом, а кошка сначала принялась носиться по комнате, бросаясь в окно, будто пытаясь выбить стекло, а затем подскочила к двери и принялась рвать её когтями. У меня не хватило смелости открыть дверь: вместо этого я отворила окно. Кошка тотчас вылетела во двор и в доме появилась лишь в середине дня. Случай этот потряс меня: следующую ночь я решила провести вне стен этого дома. Знакомый, которому я рассказала

о происшедшем, с радостью согласился занять моё место и заперся в комнате вместе с животными. На следующее утро в половине шестого утра произошло то же самое. Он распахнул дверь, и кошка молнией бросилась за порог. Собака, до смерти перепуганная, осталась в кресле. В коридоре никого не было.

Кошки с собаками не только легко распознают полтергейст, но и успешно общаются с нами телепатически. Владельцы домашних животных рассказывают о том, что иногда получают от своих любимцев вполне отчётливые послания, понимая их при этом даже лучше, чем если бы мысли эти были выражены человеческими словами.

Телепатический сигнал действует особенно эффективно, если он послан животным, которое находится в опасности или умирает. Из этого можно сделать вывод, что загадочный телепатический канал, в сущности, работает одинаково, независимо от того, кто является источником — человек или животное.

Замечательную историю рассказал мне покойный Гринделл-Мэтьюз, изобретатель нашумевшего в своё время «луча смерти»: его кошка в последние секунды жизни не только «связалась» с хозяином телепатически, но и передала ему о своих страданиях достаточно полную информацию.

«Осенью 1924 года, — пишет Гринделл-Мэтьюз в адресованном мне специальном послании, — на руках у меня оказался маленький чёрный котёнок. Обычно он играл на крыше дома, неподалёку от садика на Ганновер-сквер, но однажды упал с трёхметровой высоты. Управляющий обнаружил его и принёс ко мне в корзиночке. У бедняжки был выбит один зубик и, судя по всему, повреждён позвоночник. Я позвонил ветеринару и попросил его приехать немедленно. Внимательно осмотрев животное, тот посоветовал его усыпить. В ту же секунду несчастный пациент выполз из корзиночки и взобрался ко мне на плечо, как бы моля о спасении. Нет, так вот взять и приговорить это существо к смерти было никак невозможно! Я спросил ветеринара, испытывает ли сейчас кошечка боль, и тот после некоторых раздумий ответил отрицательно: задняя часть её тельца была полностью парализована. Для уточнения диагноза он пообещал утром сделать рентгеновский снимок и унёс котёнка с собой. На следующий день я пришёл к ветеринару, и мы рассмотрели снимок: трещина в позвоночнике была обозначена достаточно ясно. Врач предупредил меня, что лечение может затянуться на долгие годы, и возможно, животное никогда уже не сможет ходить, но я решил рискнуть. Когда примерно полмесяца спустя я наведлся к своей питомице в Хайгейт, она так мне обрадовалась, что я решил взять её с собой и присматривать за ней уже дома.

С этих пор каждые два часа я кормил её раствором Брэнда. Постепенно кошечка окрепла и начала передвигаться, волоча за собой заднюю часть тела — сначала очень медленно, затем быстрее, — изо всех сил пытаясь работать задними лапками. Прошло ещё несколько месяцев, и ей стали удаваться несколько полных шажков. Кошка встречала меня каждый раз, когда я возвращался из лаборатории, и в квартире не оставляла меня ни на секунду. Это была какая-то фантастическая влюблённость!

Спустя примерно год после появления у меня кошки я вынужден был отправиться в Нью-Йорк, а её оставить дома. Через три недели после начала коман-

дировки утром около пяти часов я вдруг проснулся в холодном поту. Мне привиделся ужасный сон: моя кошечка вырывалась из рук человека в белом халате с козлиной бородкой. При этом в спальне у меня остро пахло хлороформом. Когда в десять часов пришёл мой секретарь, я попросил его немедленно послать запрос в Лондон о самочувствии кошки. Никто, кроме меня, хлороформа не чувствовал, я же от него просто задышался.

Не дождавшись ответа, я сорвался с места и спустя несколько дней был уже в Лондоне. На протяжении этого времени запах хлороформа преследовал меня повсюду. Оказалось, что со дня моего отъезда кошка прекратила принимать пищу и стала чахнуть у всех на глазах. В конце концов домохозяйка решила усыпить несчастное животное. Я уточнил время смерти кошки: оно точно совпало с моим кошмаром. У ветеринара (которого сам я никогда прежде не встречал) была действительно козлиная бородка».

Но каким образом умиравшая кошка смогла передать хозяину картину происходящего во всех подробностях? Очевидно, любое сознательное усилие с её стороны было бы тут бессильно. Остаётся предположить, что связанные узамы любви живые существа, где бы они ни находились, словно деревья в лесу, состоят в незримом контакте и продолжают общаться на каком-то «корневом» уровне. Точно так же, как о гибели дерева становится известно остальным членам «зелёного братства», психическое потрясение умирающего существа по каким-то таинственным, но прочным нитям явственно передаётся любимому человеку.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УКУСИЛ ПРИВИДЕНИЕ

Каждый уважающий себя журналист знает: если человека искусала собака, это не новость. Вот если бы собаку искусал человек...* Но как вам понравится новость о человеке, укусившем... призрака? Не удивлюсь, если узнаю когда-нибудь, что в царстве теней инцидент этот вызвал всенародную волну возмущения. С другой стороны, призраку — если он хочет вернуться на тот свет неискусанным — следует по меньшей мере избегать рукопашных схваток с обитателями этого мира.

---

* Нам, правда, известен один такой случай. Его рассказал нам отставной офицер советской контрразведки. В годы советской оккупации Восточной Германии один русский рядовой, напившись что называется «до чортиков», принялся буяннить на улице. Испуганные немецкие обыватели вызвали «фольксполицию». Пьяный русский не только довольно успешно отбивался от наряда полиции, но и страшно... искусал овчарку, с которой полицейские приехали вязать русского хулигана. Офицера, рассказавшего нам эту историю, вызвали в участок, чтобы передать ему на поруки протрезвевшего после задержания «Ивана». Полицейские рассказали во всех подробностях историю задержания, показали офицеру покусанную солдатом собаку, которая всё ещё не могла оправиться от шока — «На бедного пса было жалко смотреть!» — и напоследок сказали: «Да, русский народ непобедим!» (И.Р.)

Первый акт этой странной истории развернулся в маленькой подвальной квартирке на Манчестер-стрит, что за Селфриджсом. Хозяйка её, некая миссис Харрисон, слегла с гриппом, так что в то утро юная служанка понесла ей завтрак в постель. Внезапно девушка вскрикнула, выронила поднос и в ужасе захлопнула за собой дверь. «В доме мужчина! — прошептала она, задыхаясь. — Он гнался за мной, но был как тень — я видела сквозь него!» Миссис Харрисон рассмеялась: ну и фантазии у глупой девчонки! Потом призадумалась, вспомнив, как недавно одна её гостья утверждала, что видела в комнате необычайно бледного мужчину со страдальческим выражением лица. Тем же вечером подруга, зашедшая приготовить ужин, заметила невзначай: «Ой, я и не знала, что у тебя гость... Но где он — тот мужчина, который только что сюда вошёл?»

Среди ночи миссис Харрисон проснулась от ощущения, что в комнате кто-то есть. Внезапно она почувствовала лёгкое прикосновение на плече, и страх тут же пропал, уступив место удивительному спокойствию. Что это было — следствие высокой температуры? Повременим с выводами.

Действие второе. На сцену выходит наш зубастый герой — доктор Джулиус Рейтер, журналист-немец. Миссис Харрисон сдала ему свой подвальчик внаём, ничего не сообщив о происходивших здесь странных вещах. Может быть, она и сама о них позабыла? Вскоре новый постоялец позвонил ей и очень живо об этом напомнил. Вот что произошло — цитирую документ, составленный, собственноручно подписанный и присланный мне доктором Рейтером:

«В тот вечер, улёгшись в постель, я мгновенно погрузился в состояние, которое очень трудно описать словами. Я шёл по тёмной дороге. Позади меня оказалась девушка. Я продолжал шагать, не оборачиваясь: почему-то мне очень не хотелось в тот момент её видеть. А потом — ощутил вдруг сильнейшую дрожь во всём теле. Приступ продолжался секунд 15-20, после чего на некоторое время меня словно парализовало.

Следующим вечером, едва я только улёгся, во мраке возникла светящаяся фигура. Это был смуглолицый иностранец с тёмными волосами и лицом трупного цвета. Воздев к небесам свои абсолютно белые руки, он зачем-то дважды отвесил мне глубокий поклон. Через несколько секунд фигура исчезла, и я тут же провалился в глубокий сон. Наутро я проснулся с сильной болью в правой ноге, как если бы всю ночь её кто-то специально выкручивал.

Но самое ужасное произошло полмесяца спустя. Я лежал в постели, не в силах заснуть. В одно мгновение обстановка вокруг меня переменялась. Я увидел, что сижу в кресле. Кто-то предлагал мне выпить. Я протянул бокал, но бутылка опрокинулась и завязалась потасовка. На меня накинулся человек и начал душить. Мизинец его соскользнул мне в рот, я, не раздумывая, сомкнул челюсти и... едва не лишился чувств: палец, холодный как лёд, вкусом напоминал резину. Крови в нём не было. Я укусил мертвеца! Внезапно часы стали бить полночь, и всё исчезло. Я вновь лежал у себя в постели, не в состоянии пошевелиться. Все эти события, очевидно, развернулись в каком-то ином пространственном измерении. Но ощущения были более чем реальны, и я долго ещё не мог подавить в себе тошноту».

Первый шаг для меня был очевиден: следовало проследить историю странного дома. Если здесь действительно был кто-то задушен, то доктор Рейтер

мог «подхватить» блуждающее воспоминание и как бы заново сыграть роль несчастной жертвы. Сильные человеческие чувства имеют свойство «застрывать» в нашем пространстве, «прилипая» время от времени к реципиентам со сверхчувствительной нервной системой.

Некоторое время спустя подвал на Манчестер-стрит посетила всемирно известный медиум Лили Томас. Тут-то и выяснилось, что ещё до приезда сюда миссис Харрисон в доме располагалась психиатрическая лечебница. Около 20 лет назад один из её пациентов, испанец по имени Карлос Фердинанд, покончил с собой, задушив до этого девушку, в которую был влюблён. Призрак покойного, по словам Лили Томас, навсегда остался связан с местом преступления: он переживает содеянное вновь и вновь, как бесконечный кошмар. Комнату эту Карлос Фердинанд считает своей — потому-то в разгар очередного своего «представления» он и набросился на незваного гостя, попытавшись вышвырнуть его вон.

Расследование подтвердило: в этом доме много лет назад действительно находилась психиатрическая лечебница. Хозяйка дома съехала отсюда сравнительно недавно, не оставив нового адреса.

Мне комната показалась совершенно обычной, хотя я много бы отдал за то, чтобы ощутить необъяснимые порывы ледяного сквозняка, о которых говорил доктор Рейтер. Он утверждал, что потоки воздуха исходят откуда-то из самой середины комнаты, подобно водовороту. Как бы то ни было, у меня не возникло ни малейших сомнений в том, что он действительно испытал состояние, которое принято называть «граничным».

Драки между обитателями двух миров — дело достаточно редкое, хотя «сны с удушением» в «обитаемом» доме вполне обыденны. Некоторые происшествия такого рода можно объяснить прозаическими причинами, но если «опасный» сон снится в комнате, где действительно когда-то был задушен человек, это уже нечто большее, чем совпадение.

В одном из недавних случаев такого рода, привлёкшем моё внимание, юной и очень интеллигентной леди из Колчестера не только приснилось, что её душиат: проснувшись, она действительно чуть не задохнулась. Утром у неё сильно болела шея, хотя никаких следов физического воздействия на коже заметно не было. И ещё двое гостей независимо друг от друга испытали то же неприятное ощущение. Хозяйка дома, жена колчестерского хирурга, говорит, что теперь никогда не спрашивает постояльцев о том, как им спалось по ночам, потому что опасается услышать ту же историю.

КТО СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ КО МНЕ?

Вопрос, что называется, на засыпку: казалось бы, чего проще — открой эту самую дверь и посмотри, кто. Но дело-то всё в том, что за ней может никого не оказаться!

Будет ли это означать, что вы стали жертвой слуховой галлюцинации? Или, может быть, подсознание отправляет вам таким образом весточку?

Знакомая рассказывала мне, как в момент встречи со своим будущим супругом она отчётливо услышала за окнами звон церковных колоколов. Таким образом подсознание предрекало ей скорую свадьбу.

Было время, когда я просыпался по утрам ровно в 8 часов от звука дверного звонка, поднимался, шёл к двери и никого за ней не обнаруживал: звонок был настолько реален, что я долго не мог поверить в то, что он является мне во сне. Много раз я вскакивал и шёл к двери, заранее зная, что никого там нет.

Некоторое время спустя я переехал в отель, где роль звонка выполнял молоточек. Чтобы приспособиться к нему, подсознанию потребовалось несколько дней! Вместо звонка теперь меня регулярно будил стук.

Это натолкнуло меня на вполне естественную мысль, и я выработал технику «внутреннего будильника», которую впоследствии успешно применяли многие мои пациенты и друзья. Метод предельно прост: вы мысленно представляете, будто берёте будильник, сверяете точность, заводите его на определённый час и ставите на ночной столик — также воображаемый. Пройдёт всего несколько дней, и этот псевдобудильник будет исправно звенеть в вашем воображении ровно в назначенное время. Так что странные звонки и звоночки, иногда вас беспокоящие, могут исходить из глубин подсознания. Впрочем, временами поверить в такое довольно трудно.

Тем более, что феномен «потусторонних» звуков пестрит загадками, разрешить которые так и не удаётся. Возьмём, к примеру, полтергейст из Челси: случай этот наводит на мысль о том, что позванивающий «невидимка» и подсознание перципиента иногда оказываются в странном взаимодействии.

Полтергейст — всегда невидимый рэкетир. Таковым он проявил себя и в отношении мисс Уэйлен. Сначала неподалёку от её коттеджа в Челси стали раздаваться шаги, потом на глазах у женщины начало двигаться дверное кольцо; вскоре оно же стало издавать довольно-таки настойчивый стук.

Происходило это обычно между часом и двумя часами ночи, а началось за восемь месяцев до того, как я приступил к изучению дела. Незадолго до этого мисс Уэйлен перенесла операцию на щитовидной железе, после чего оказалась в состоянии крайнего физического истощения. Каждый стук вызывал у неё сильнейшее потрясение.

Вскоре хозяйку дома осенило, и она повесила на дверь табличку: «Пожалуйста, лучше звоните». Невидимка воспринял это как приглашение и вселился в дом: стуки прекратились, зато теперь повсюду стали раздаваться шаркающие шаги. Стали пропадать бутылки виски, кофейные чашки, блюда и даже тарелки с горячей пищей.

Повидимому, табличка сработала как пост-гипнотическое внушение: подсознание мисс Уэйлен, подсказав это пожелание, само же не посмело его послушаться. Это был типичный пример «призрака изнутри», порождённого разумом и вышедшего наружу. Вскоре я выяснил, что скрытый мотив полтергейста — тяга к некоторым радостям жизни, которых женщина была лишена.

Подсознательный фокус иного рода выкинула в Лондоне медиум Наоми Бэйкон: её дух-посредник вдруг объявил себя Эдгаром Уоллесом и принялся сыпать разного рода посланиями.

«— Он говорит что-то о звоне колоколов, — проговорила Наоми Бэйкон. — И о разочаровании.

— Может быть, колокола звонили в театре? — предположил я.

— Он показывает мне колокольчики и говорит: «Это про пьесу». Его постигло разочарование. Пьеса не произвела там должного эффекта.

— Где?

— В Нуэво-Йорке».

До сего дня я так и не знаю, почему название Нью-Йорка было произнесено столь странным образом, но «колокола» явно указывали на название одной из лучших повестей Уоллеса «Звонарь» («The Ringer»). Театральная её постановка в Англии прошла с успехом, но в Нью-Йорке провалилась.

Другую загадочную историю с колоколами поведала мне в письме пациентка из Лонг-Айленда. «Произошло это лет пять назад. Однажды в шесть утра раздался звонок. Я побежала к двери: решила, что муж, уже ушедший из дому, что-то забыл и теперь вернулся. Но там никого не было. Я внимательно осмотрела дорожку, потом вернулась в дом.

В шесть часов пятнадцать минут раздался ещё один звонок. Теперь я подбежала к парадному и выглянула за дверь. Никого. Звонок слышала мама. Собака тоже — она ответила лаем. Позже тем же утром мы узнали, что в пять утра в Чикаго умерла моя тётя, мамина сестра. В Нью-Йорке было шесть. Ни до, ни после этого случая звонок сам собой не звонил».

Итак, в этом случае функция звонка состояла, очевидно, в том, чтобы сообщить членам семьи о смерти близкой родственницы. Судя по реакции собаки, феномен проявил себя вполне объективно. Вероятность совпадения в данном случае ничтожно мала.

В «обитаемых» домах звонки и разного рода перезвон далеко не всегда связаны со смертью и наблюдаются достаточно часто. Вот заявление Беатрис Джемисон, моей очень хорошей знакомой из Англии:

«На протяжении недели в нашем доме N19 по Альстервилль-авеню каждый вечер раздавался звонок — происходило это ровно в девять часов. Служанка шла открывать, но за порогом никого не обнаруживала. Сначала мы думали, что это балуются мальчишки. Однажды я осталась в холле, твёрдо решив, что поймаю шутника. Раздался звонок, и я тут же распахнула дверь. Снаружи никого не было! Много дней спустя в то же самое время мы слышали шаги на лестнице. У меня сразу же мелькнула мысль о призраке — о том, что тогда, открыв дверь, я впустила его в дом. После этого звонков мы больше не слышали.

Но однажды мы сидели у камина с мистером Майклом Блэком, который ничего не знал ни о шагах, ни о звонках. Служанка отсутствовала. С гостем в комнате находились я, сестра и родители. Внезапно сверху раздался быстрый топот. Мистер Блэк, решив, что в дом проникли грабители, вскочил с места, выбежал из комнаты и бросился наверх. Он вбежал в мамину спальню на третьем этаже и... В комнате никого не было, но зато горел свет, которого никто из нас не зажигал.

Звонки и шаги слышали несколько человек, иногда одновременно. Однажды вечером мы с сестрой находились в доме вдвоём. Я играла на фортепиано.

Комната была освещена газовыми лампами. За окнами сгустился мрак. Внезапно дверь распахнулась, и невидимые пальцы коснулись клавиш. Через несколько секунд дверь стала медленно закрываться. Моя сестра (миссис Джеймс Фицсаймон, из Стратерма, Белфаст) закричала. Мы обе перепугались, схватили друг друга за руки. Ничего странного больше не произошло, так что мы убедили себя в том, что дверь была распахнута сквозняком. Позже мы так привыкли к чужим шагам в доме, что вообще перестали обращать на них внимание. Мы не говорили об этом служанке и не слышали от неё никаких жалоб по этому поводу. В доме у нас жил спаниэль, очень спокойный и невозмутимый, однако в тот момент, когда распахнулась дверь, он был явно чем-то напуган».

Закончим на этом наш рассказ о благовоспитанном призраке, который любил поиграть на фортепиано, считал, судя по всему, дом своим собственным и вполне терпимо относился к его обитателям, которые, возможно, казались призраками ему самому.

Конечно, электрический звонок мог раздаваться произвольно, в результате случайного замыкания, но крайне маловероятно, чтобы такое происходило с ним всегда в определённый час дня и чтобы после этого он сам собой исправлялся. Со старомодными звонками на шнурке дело обстоит ещё сложнее: чтобы позвонить, тут требуется определённое усилие. Подобными приспособлениями всё ещё пользуются в старинных английских домах, и я имел удовольствие ознакомиться с принципом работы одного такого звонка в Олдборо-Мэнор неподалёку от Лидса, принадлежавшем леди Лоусон-Танкред. В течение пяти дней звонок её дребезжал постоянно без очевидных на то причин. На третий день две служанки независимо друг от друга увидели призрак женщины, склонившейся над старинной колыбелькой. Нервное потрясение у одной из девушек оказалось столь сильным, что пришлось отправить её домой. Вторая пришла в себя и продолжала работать. Женщину-призрак видели ещё не раз. В доме то и дело таинственным образом раскрывались двери, и леди Лоусон-Танкред стала уже размышлять о побеге.

К тому времени, как я прибыл на место происшествия, безобразия за дверьми прекратились. Не исключено, что покинувшая дом служанка имела прямое отношение к происходящему. В ночь после её отъезда звонки участились, и призрак буйствовал всё следующее утро. Затем интенсивность феномена стала ослабевать, и вскоре в доме воцарилась тишина. Стоит заметить, что обе девушки давно минули стадию полового созревания, с которой ассоциируется, как правило, полтергейст; кроме того, в доме не летала посуда и не перемещалась мебель.

Правда, время от времени звонок давал о себе знать: многие видели, как приходил в движение и молоточек. Оставшаяся в доме служанка, 16-летняя Джин, была личностью весьма незаурядной: она обладала редкой красотой и, кроме того, способностью устанавливать какие-то удивительно трогательные, почти интимные отношения с живыми существами. Мне рассказывали, что птицы часто садились к ней на плечи, не улетая, даже когда она входила в дом. Дикие животные не убегали от неё: Джин легко могла взять мышку в руки. Леди Лоусон-Танкред, заподозрив, что этот психический дар имеет какое-то отношение

к звонкам (раздававшимся всегда в присутствии девушки), уволила её и, может быть, правильно сделала. Во всяком случае, с тех пор ничего сверхъестественного в доме не происходило.

Давайте закончим наш рассказ о «потусторонних» звонках на более или менее весёлой ноте. Один мой знакомый однажды увидел в газете ошибочное сообщение о собственной кончине. Поскольку слухи об этом, как сказал бы Марк Твен, были «несколько преувеличены», он позвонил приятелю и спросил: «Слушай, тебе не попадалось на глаза сообщение обо мне в утренних газетах?»

«Попадалось, – ответил друг. – Ну, и откуда ты мне звонишь, хотел бы я знать?»

«БЕСПОКОЙНЕЙШИЙ» ДОМ БРИТАНИИ

Этот заголовок я позаимствовал из книги Гарри Прайса, самого бесстрашно-го из британских парапсихологов последних десятилетий. Титулом «беспокойнейшего» он удостоил Борли-Ректори, дом в Эссексе, возведённый в 1853 году (якобы, на руинах средневекового монастыря) преподобным Генри Д. Э. Буллем.

Книга, вышедшая под таким названием в 1940 году, а также следующая, «Конец Борли-Ректори» (1946), стали бестселлерами. Гарри Прайс умер в 1948 году. Ещё семь лет спустя трое других исследователей – Тревор М. Холл из Британского Общества психических исследований, Эрик Дж. Дингуолл и Кэтлин М. Голдни (двое последних – друзья и коллеги Прайса) опубликовали книгу «Призраки в Борли: критический анализ имеющихся фактов», в которой попытались развенчать тайну «беспокойнейшего» британского дома и обвинить Прайса в мистификации, утверждая, будто бы он умышленно искажал все относившиеся к делу факты. Скандал, разразившийся вокруг этого совершенно надуманного «разоблачения», оказался беспрецедентным в истории психической науки.*

Между тем, призраки Борли-Ректори – феномен стародавний; странности в доме начались задолго до того, как там в 1929 году впервые появился Прайс. К систематическим наблюдениям он, кстати, приступил лишь 9 лет спустя, когда снял здесь комнату на год и попытался найти себе объективных помощников с помощью объявления в «New York Times Magazine».

В течение следующих 14 месяцев в Борли-Ректори было зафиксировано около двух тысяч паранормальных явлений разного рода: необъяснимые голоса, звуки шагов, звон колокольчика, клацание дверных замков, появление письменных посланий на стенах, превращение вина в чернила, полёты предметов, появление трещин в оконных рамах, огненные всполохи в окнах. Самыми

---

* Г-н Дингуолл, один из руководителей Лондонского О.П.И., нанёс много вреда «психическим» исследованиям. О его деятельности писал ещё А.Конан-Дойль. Из-за Дингуолла писатель прекратил своё членство в О.П.И. и других призывал к тому же. Подробнее см. об этом в «Записках о Спиритизме» (а также в нашем «Приложении») письмо под заглавием «Отречение от Общества психических исследований». (И.Р.)

жуткими персонажами этого театра ужаса была постоянно расхаживавшая по поместью призрачная монахиня, которая в своих письменных посланиях молила живых об упокойной мессе, а также обезглавленный возница, разъезжавший в своей призрачной карете. Обе фигуры достаточно наглядно иллюстрировали издавна ходившую в этих краях легенду о монахе и юной монашке, сбежавших из Борли в карете. Когда беглецов поймали, мужчину обезглавили, а женщину живьём замуровали в стене монастыря.

Если верить Гарри Прайсу, поселившиеся в доме наблюдатели не ощущали со стороны привидений сколько-нибудь враждебного к себе отношения. Живший тут трёхлетний ребёнок придерживался иного мнения. На вопрос, кто поставил ему сияк под глазом, мальчик ответил: «Это меня страшила какой-то стукнул. Он стоял в комнате у занавески».

Собаки также относились к безголовому призраку без особых симпатий. Однажды капитан Грегсон, последний владелец Борли (это при нём призрак монашки спалил-таки дом, исполнив таким образом многочисленные угрозы, передававшиеся с помощью планшетки) поздно вечером вошёл во двор со своим чёрным спаниэлем. Вот что затем произошло:

«В дальнем конце двора послышались отчётливые шаги, — рассказывает он. — Затем кто-то прошёл по деревянной крышке люка, который ведёт в подвал. Я остановился. Внезапно собака словно сошла с ума. Она завизжала, вырвала из рук поводок и с визгом умчалась прочь. С тех пор я её больше не видел».

Капитан Грегсон купил себе такого же чёрного спаниэля. Тот без промедления последовал примеру предшественника: взвыл, завизжал, умчался куда-то стрелой и больше в окрестностях не появлялся.

Воздержусь от самоцитирования; желающие могут обратиться к моей статье, опубликованной журналом «Tomorrow» (зимний выпуск 1956 года), где я выразил против этого, с позволения сказать, «разоблачения» возмущённый протест. Поверьте, за Гарри Прайса я вступился вовсе не потому, что питал к нему какие-то личные симпатии. Мы не были друзьями — впрочем, врагами тоже. Прайс мало кому нравился: это был человек крайне честолюбивый, эгоистичный, ревнивый к славе и к конкурентам. Но по меньшей мере в одном достоинстве ему не откажешь: это был честный исследователь, всю свою жизнь посвятивший разоблачению разного рода мошенников и проходимцев. Нетерпимость к обману была, пожалуй, наиболее яркой чертой его весьма своеобразного характера. Прайс (автор знаменитой «*Trum Of Spiritualism*») проявил немалое мужество, когда в своей второй публикации о Борли-Ректори заявил следующее:

«Шесть лет назад я пришёл к выводу, что объяснить происходящее здесь можно лишь исходя из теории посмертного существования индивидуума; сегодня без колебаний могу заявить, что за это время лишь утвердился в своём мнении. Более того, утверждаю, что феномен Борли-Ректори подтверждает концепцию «жизни после смерти» куда убедительнее, чем любое паранормальное проявление того же рода, когда-либо встречавшееся мне на пути».

Итак, Гарри Прайс высказался в поддержку спиритов: за этот грех его теперь и пытаются смешать с грязью. Что касается меня, то могу оспорить лишь одно

утверждение Прайса — а именно, что Борли-Ректори — самый «неспокойный» из домов Британии. Этот отъявленный эгоцентрист просто умер бы от смущения, если бы узнал, что дело, им расследуемое — не «самое-самое» во всех отношениях. Самый густонаселённый привидениями дом страны (о чём Гарри Прайс не мог не знать хотя бы из уже опубликованных к тому времени книг и статей) — всё же Баллахин-Хаус в графстве Пертшир, на протяжении многих веков состоявший во владении семейства шотландских баронов. С любезного согласия лорда Бьюта дом был сначала сдан Обществу психических исследований в аренду, а затем перешёл в полное владение этой организации. Мисс Гудрих-Фриэр, очень известная и способная исследовательница, провела здесь 92 дня, ежедневно записывая свои наблюдения. Происходившие тут события носили религиозный оттенок, но по странности значительно превосходили всё, что имело место в Борли-Ректори.

Последним владельцем дома по мужской линии был майор С., человек весьма эксцентричный. Он участвовал в индийской кампании, сохранил самые тёплые воспоминания о тех днях, а главное, верил в то, что души мёртвых могут возвращаться в наш мир, вселяясь как в людей, так и в животных. Майор С. не раз намекал на то, что после собственной кончины непременно вселится в тело своего любимого чёрного спаниэля.

После смерти майора члены его семьи, должно быть, дабы затруднить осуществление этого плана, приказали перестрелять всех собак в доме. С тех пор в окрестностях его постоянно носятся стаи призрачных псов. Чёрного спаниэля встречали несколько очевидцев; не раз появлялись на территории поместья и другие его покойные собраты. Вот фрагмент дневниковых записей мисс Гудрих-Фриэр:

«Около десяти часов утра я сидела в библиотеке и писала что-то, находясь спиной к окну. В комнате со мной была миссис Уокер. Она обратилась ко мне пару раз с каким-то вопросом, но я не ответила ей, поскольку была слишком занята. Вдруг кто-то подтолкнул мой стул. Я решила, что это пёс: внизу, однако, никого не было. Я продолжала работу и через несколько минут почувствовала толчок настолько решительный, что я чуть не упала со стула. Решив, что это миссис Уокер, не дождавшись ответа, решила напомнить о себе таким образом, я обернулась и вскрикнула от изумления: комната была пуста! Миссис Уокер через секунду вошла, и тут же увидела собаку, которая сидела на коврике перед камином и очень внимательно глядела в ту самую точку рядом со стулом, где ожидала увидеть её я».

Четыре дня спустя:

«Сегодня после захода солнца мы с миссис Мур снова слышали шум — в основном, какие-то лёгкие шаркающие шаги. Затем раздалось цапапанье. Мы решили, что это наша собака, но обнаружили её мирно спящей на привычном коврике».

Ещё две недели спустя мисс Гудрих-Фриэр увидела в комнате миссис Мур чёрного пса, которого приняла поначалу за своего шпица. Она как раз устанавливала фотокамеру и замерла, опасаясь, что животное сдвинет стол. В ту же

секунду появилась вторая собака: на этот раз это был её Спукс. Прижав уши, он направлялся к чёрному гостю.

«Куда это наш Спукс так помчался? — удивилась другая женщина, находившаяся в комнате. Мисс Фриэр увидела затем, как Спукс спешно ретировался, помахивая хвостом. Призрачная собака была покрупнее живой, хотя не исключено, что это тоже был спаниэль».

Появлялись здесь и «человекоподобные» привидения. Дважды оказывалось, что это образы ныне живущих людей, которые в тот момент, очевидно, спали. Одним из них был священник (во всех отчётах он фигурирует под именем «отец Х.»), переживший в доме мучительные мгновения и потому, наверное, всеми мыслями всё ещё находившийся здесь. Именно он, кстати, и обратил впервые внимание лорда Бьюта на странности Баллехин-Хауса.

Священник решил, что покойный майор С. пытается таким образом привлечь к себе внимание живущих и убедить их в том, что душа его жаждет успокоения при посредстве святой молитвы. Находясь у себя в комнате, он слышал удары, напоминавшие, скорее, взрывы, и ещё какие-то глухие стуки, как если бы большая собака всем телом бросалась на дверь. Окропив помещение святой водой, отец Х. произнёс «*Visita Quæsumus*» — молитву, призывающую небо защитить дом и его обитателей от козней врага рода человеческого. В ту ночь, засыпая, святой отец явственно увидел на стене бурое деревянное распятие высотой около полуметра.

Известный астроном сэр Уильям Хиггинс тщательно расспросил отца Х. и убедился в том, что тот не стал жертвой болезненных галлюцинаций. То же распятие позже увидел другой священник, отец К. Стоя у камина, он испытал вдруг сильнейший озноб. В постели дрожь усилилась. «Случайно подняв взгляд, — рассказывал он в письме лорду Бьюту, — на стене над самой кроватью я увидел деревянное распятие из бурой древесины. Стена комнаты была совершенно пуста, там не было ни картин, ни чего-либо, что могло бы явиться причиной оптического обмана, допустим, в силу особенностей освещения. Озноб прекратился: не то, чтобы мгновенно, но очень скоро. Я словно ощутил вдруг какую-то поддержку извне».

«4 марта у мистера Поулса начался внезапный озноб, — пишет мисс Гудрих-Фриэр. — Он сумел лишь выдать из себя какие-то жалобные звуки. Взглянув в его сторону, я увидела руку, державшую бурое распятие, на вид выточенное из дерева. Некто стоял у подножия кровати, оставаясь невидимым. Мистер Поулс тут же сказал: «Мне лучше!» — или что-то в этом роде».

В Баллехин-Хаусе нередко слышалось бормотание, напоминавшее тихое молитвенное чтение. Согласно легенде во времена Реформации здесь был убит священнослужитель. Раздавались и другие голоса: невидимые люди то беседовали едва слышно, то принимались вдруг яростно спорить. Слов разобрать было невозможно, но многоголосица прослушивалась отчётливо.

Когда-то маленький флигель на территории поместья служил летним приютом монахинь. Возможно, именно этим объясняется частое появление здесь призрака монашки.

«На снежном фоне я увидела едва заметную фигурку, — пишет мисс Гудрих-Фриэр. — Некоторое время женщина продвигалась по узкому ущелью вверх,

затем остановилась, обернулась и посмотрела прямо на меня. Лицо её казалось бледным, руки были скрыты в складках монашеского одеяния. Затем она вновь двинулась по склону — мне показалось, противоестественно быстро. У дерева фигура исчезла — может быть, потому, что дальше не было снега, который бы оттенял её контур. У ручья, снова на снежном фоне, она на мгновение появилась, но тут же исчезла вновь».

Призрак монашки являлся не всем. Но одному из участников исследовательской команды удалось сделать набросок её портрета в фас и профиль. Призрак назвали «Изабель» — просто чтобы отличать от «Марго», другой женщины-привидения. Этих двух не только видели вместе, но и слышали: оне о чём-то спорили тихими голосами. Однажды в ходе сеанса «столоверчения» мистер Поулс и мисс Фриэр получили любопытное приглашение явиться в рощицу у ручья после половины седьмого вечера — монахиня пообещала там прикоснуться к плечу мужчины.

«С того места на западном берегу, где я стояла, трудно было отчётливо разглядеть фигуру, — пишет мисс Гудрих-Фриэр, — но она подошла к священнику очень близко. Из кармана у неё выглядывал кончик белого носового платка. Я видела, как её рука потянулась к плечу мистера Поулса, но не могу с полной уверенностью утверждать, что контакт состоялся».

Послали за мисс Лэнгтон, не объяснив ей, зачем.

«Я снова остановился под молодым деревцем, — продолжает священник. — На этот раз дрожь обуяла меня почти сразу же. По словам мисс Лэнгтон, спустя полминуты чуть левее от меня возникла фигура. Она, вроде бы, подняла руку и снова прикоснулась ко мне. Я ничего не почувствовал, кроме продолжавшегося озноба, — так, похоже, организм реагировал на каждое появление фантома».

Куда больше, нежели разгуливающие привидения, досаждал исследователю загадочный комнатный шум. Тут было всё: стуки, хлопки, треск, взрывы, лягганье, стоны, шаги и крики (не только человеческие, но и звериные). Этот бедлам не прекращался ни днём, ни ночью. Приведу в заключение краткое описание лишь одного жуткого происшествия.

«После ужина мы втроём расселись за картами у камина. Вдруг кто-то из нас воскликнул: «Слышите? Шаги!» Да, комнату — вдоль стены со стороны сейфа — явно обходил невидимый мужчина. Шаги раздались совсем рядом, но мы никого не увидели».

Призрак этот, кроме того, имел пренеприятнейшую привычку сдёргивать со спящих одеяла и поднимать в воздух кровати, однако встречи с представителями высших научных кругов явно приводили его в смущение. Сэр Оливер Лодж, посетивший дом, сообщил лорду Бьюту следующее:

«Мне так и не удалось услышать ничего громкого — так, постукивание в стене, чей-то храп, глухой вой — и всё». Маститый физик не нашёл причин оставаться в доме для дальнейших исследований.

Лорд Бьют дважды читал успокоительную молитву в разных участках особняка. Несколько раз он буквально терял дар речи, явственно ощущая чьё-то «злое влияние».

«Атмосфера в доме изменилась. Ничего подобного ранее не наблюдалось, — писала мисс Гудрих-Фриэр. — Во время первого визита мы ощущали, в основном, изумление, меланхолию и подавленность; сейчас все независимо друг от друга сошлись на том, что в доме таится какое-то ужасное зло. Спуск сразу это почувствовал: никогда прежде наша собачка не обнаруживала признаков такого ужаса, как теперь. Измождённые лица гостей являют собой за завтраком печальное зрелище».

Исследователи попросили, чтобы им разрешили остаться ещё, в надежде провести исследование сейсмическими методами. Но владеец, обеспокоенный падением репутации Баллехина, ответил отказом. С ещё большим недовольством семья восприняла выход книги Гудрих-Фриэр «Призраки Баллехина». Несколько лет назад я направил обитателям особняка письмо, в котором спрашивал, продолжают ли у них прежние странности, но получил очень краткий и совершенно невразумительный ответ.

Важно отметить, что феномен Баллехин-Хауса отличался явной «одушевлённостью»: призраки вели себя здесь далеко не автоматически, как это часто бывает. Похоже, наблюдатели в данном случае действительно столкнулись с явлением спиритического толка. Вызывая у гостей озноб, призраки дома явно отнимали у них энергию жизни — в полном соответствии, надо сказать, с нормами своего поведения на земле.

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В РЭЙНГЕМ-ХОЛЛЕ

Помню, в детстве у меня была странная мечта: очень хотелось в один прекрасный день понастоящему испугаться привидения. Должен признаться, что в дальнейшем мне не раз пришлось пожалеть об этой своей легкомысленности.

Перспектива свидания с Красным Кавалером в историческом Рэйнгем-Холле в конечном итоге оказалась мероприятием далеко не столь заманчивым, как это могло бы представиться мне в тех детских грёзах.

Итак, я остановился здесь на ночлег и расположился в гигантской кровати. В комнате спустилась кромешная тьма. «Нехорошая» лестница, на которой видели по меньшей мере одно привидение — Леди в Коричневом, — находилась прямо перед моей дверью. Было холодно и необычайно тихо. Кнопка фонаря только и служила опорой, приятно напоминая о том, что в любой момент одним движением пальца я смогу рассеять врага на мелкие части. Впрочем, призраки не показывались, так что было достаточно времени, чтобы прокрутить в памяти последовательность событий, приведших меня в эту «непокойную» комнату.

Всё началось после того, как двое профессиональных фотографов, Индре Шира и капитан Прованд (Дувр-стрит, 49, Лондон) на главной лестнице Рэйнгем-Холла «поймали» в объектив привидение. На снимке была ясно видна светящаяся фигура спускавшегося по ступенькам человека. Индре Шира первым заметил её приближение. «Скорее, скорее!» — крикнул он капитану Прованду, голова которого находилась в тот момент под покровом тёмной ткани. Капитан слёрнул крышечку, вспыхнул свет, и... привидение исчезло.

Я внимательно изучил плёнку. Снимок выглядел более чем убедительно. Шири и Прованд выдержали мой перекрёстный допрос безупречно. Вот я и прибыл в Рэйнгем-Холл, чтобы самому осмотреть лестницу и, может быть, разрешить одну из загадок этого странного дома.

Привидения редко появляются в дневное время. Шанс, что призрак решится пройти по тому участку дома, на который именно в этот момент нацелены камеры корреспондентов, бесконечно мал. Но в повадках своих эти существа, как известно, непредсказуемы и теории вероятности не подчиняются.

Леди Таунсхед встретила мой интерес к происходящему в доме с большим сочувствием и позволила установить камеру перед главной лестницей — на той самой точке, с которой профессиональные фотографы «поймали» призрачную Леди. Осмотр сделанного ими снимка подтвердил мои первые впечатления: привидение было подлинным. Я прикинул, что если камеру расположить на этой позиции, то человек среднего роста, стоящий на 13-й ступеньке, обретёт как раз пропорции фигуры на снимке. Двойной экспозицией достичь такого эффекта было бы очень непросто. Теперь предстояло выяснить личность призрака: действительно ли в фотоловушку попала именно Леди в Коричневом, а не кто-то другой?

Сама хозяйка дома в этом не сомневалась: Леди, спускавшуюся по лестнице, совсем недавно видели двое её гостей. Имя её, если верить семейной легенде, — Дороти Уолпол, и она — родная сестра сэра Роберта Уолпола. Поговаривают, будто эта женщина умерла тут голодной смертью, но мне верится в это с трудом. Того же мнения на этот счёт придерживается и леди Таунсхед:

«В XVII веке тайно уморить человека голодом в таком доме, как Рэйнгем-Холл, было никак невозможно: разве что сама леди Уолпол села на диету, от которой преставилась. Лично я воспринимаю эту легенду в её символическом смысле: очевидно, какой-то голод у неё действительно остался неутолённым — он и заставляет призрак бродить здесь спустя столетия после смерти тела. Мне хочется верить, что запечатлённая фотоаппаратами фигура — своего рода символ защиты. Прямо под лестницей находится часовня, где я молюсь Богу. В нескольких милях отсюда — церковь Богородицы Уолсингтонской. Святая вода из этой церкви вылечила моего сына, на которого врачи махнули рукой. С тех пор я верю, что наш дом находится под защитой Мадонны».

Поскольку Леди в Коричневом не соизволила явиться на ступеньках перед незванным гостем, леди Таунсхед предложила мне попытать счастья с Красным Кавалером. Вообще-то, выбор в доме был богат: два призрачных ребёнка в каменной гостиной, привидение-спаниэль и компания картёжников в королевской спальне — стулья здесь, как бы тщательно вечером ни расставляли их вдоль стен, наутро обязательно оказываются у большого карточного стола. Картёжники, проигравшие здесь в незапамятные времена, и по сей день пытаются обмануть фортуна!

Леди Таунсхед решила, что больше всего шансов на потустороннюю встречу будет у меня в Комнате Монмута. Название досталось ей от несчастного герцога, останавливавшегося в особняке вместе с отцом-королём. Последний раз он появился здесь перед какой-то родственницей Таунсхедов, старой девой неопределённого возраста.

Среди ночи женщина вдруг проснулась и ... узрела улыбающегося Красно-го Кавалера прямо у своих ног. Она не испытала страха — скорее, радостный интерес. Герцог, «как и подобает благородному рыцарю», отвесил ей поклон, вполне достойный прекрасной Принцессы, и медленно растворился во мраке у противоположной стены, оставшись самым ярким воспоминанием всей её не слишком красочной жизни.

Итак, я оказался в чудовищно огромной кровати. За окном — ни луны, ни звёзд: тяжёлые шторы, казалось, спрессовали мрак в единый каменный пласт. Время потянулось мучительно медленно.

Нервы мои напряглись до предела. Любой шорох в этом доме усиливался до настоящего грохота. Но до сих пор всё это были обычные звуки. Я решил уже, что напрасно пожертвовал сном, как вдруг.. «Бум!.. Бум!.. Бум!..» — гулко донеслось сверху, словно по комнате второго этажа зашагал некто в тяжёлых ботинках. Нет, поправил я себя мысленно, в одном ботинке! Ну, конечно: это же походка калеки с деревянным протезом! В ответ раздалось дикое лязганье — ни дать, ни взять, бой на кастрюлях и сковородках. Оно сменилось визгом и скрипом: похоже, кто-то принялся катать мебель с колёсиками на ржавых шарнирах. Всё это, надо сказать, более чем соответствовало моим детским представлениям о ночных развлечениях призраков: помню, более всего меня восхищала история о мальчишке, чья кровать носилась по комнате сама собой.

Металлический лязг... его звуки были отрывисты и отчётливы. Кто-то определённо двигал мебель у меня над головой. Я вспомнил, что в доме живёт больная мать леди Таунсхед. Может, её спальня как раз и находится над моей? Или это сиделка так грохочет, подталкивая к кровати санитарный столик? Может быть, подняться и разузнать, в чём дело? Но в кровати так тепло и уютно...

«Всё равно ничего узнать не удастся, — убеждал я себя, мысленно споря с внутренним голосом, — не хватало только забрести в чужую спальню!..» Между тем, странные звуки вверху становились всё громче. Я задремал, но сон мой был чуток. Лязг этот пробивался сквозь все защитные барьеры сознания. Временами казалось, будто наверху идёт сражение со взрывами боевых гранат. Я просыпался вновь и вновь.

Примерно к пяти часам утра шум стих и как бы слегка отдалился. Уж не примерещилось ли мне всё это во сне? Мои сомнения разрешились тут же: негромко, но очень отчётливо лязганье повторилось. Я протёр глаза, стряхнул с себя остатки сна, героическим усилием поднялся с постели и в ночном халате и шлёпанцах, сжимая, как револьвер, фонарик в руке, отправился на разведку. У подножия «непокойной» лестницы, которую облюбовала Леди в Коричневом, я остановился и включил фонарик. Яркие блики засияли на стенах из полированного дуба. Ночной мрак воспринял моё вторжение в штывки. Леденящий душу холод прокрался в самое моё сердце. Я повернулся, взшёл по ступенькам вверх — к комнате, что находилась над моей спальней, и остановился на площадке. Двери были видны повсюду — великое множество дверей! Пробивавшийся снизу свет свидетельствовал о том, что комнаты за ними обитаемы.

На каждый мой шаг линолеум реагировал диковатым взвизгиванием. Нервы мои стали сдавать: в любой момент может открыться дверь — что если здесь живут служанки? Я понял, что ишу повод для отступления, тотчас таковое предпринял и — с облегчением окунулся в ставшую уже родной для меня постель: лучше уж Красный Кавалер, чем невесть кто наверху!

Не успел я выключить свет, как в противоположном конце комнаты отчётливо раздались три мягких глухих стука. И тут уж концерт разразился во всю свою мощь. Стуки, топот, скрип, лязг, визг — казалось, каждый звук этой дьявольской какофонии наполнен злой насмешкой. Несколько минут я лежал вне себя от ужаса. А потом... провалился в тяжёлый сон.

Проснулся я в девятом часу утра и тут же бросился к жене и дочери, спавшим в соседней комнате. Да, они тоже слышали какой-то стук, но не придали этому значения.

Затем я подробно расспросил о ночных впечатлениях Артура Кингстона, коллегу-исследователя, чья комната располагалась дальше по коридору. Он вообще не понял, о чём идёт речь. Проснувшись среди ночи, он на всякий случай фотографировался со вспышкой, но ничего странного не слышал и не видел. Я вызвал дворецкого.

— Не скажете ли вы, кто спал надо мной?

— Там нет никого, эта комната пуста.

Я рассказал о том, как всю ночь наслаждался звуками весьма оживлённого мебельного движения над головой.

— О, да, — вспомнил слуга, — там же у нас старушка. Она любит побродить ночью туда-сюда.

Эта девяностолетняя гостья дома прибыла, как выяснилось, из Шотландии. Хотелось бы мне поговорить с ней, но увы — пришло время возвращаться. Так что я просто отправил леди Таунсхед письмо, в котором поинтересовался, что на её взгляд побуждает столетнюю бабушку расшвыривать по ночам мебель, громыхать кастрюлями и плясать, как оглашенная.

Может быть, хозяйка восприняла это как жалобу? Этого я не знаю до сих пор. Впоследствии я не раз получал от неё письма, но этот вопрос она так и оставила без ответа. А некоторое время спустя в книге леди Таунсхед я наткнулся на любопытный абзац, речь в котором шла как раз о той самой старушке.

«Однажды она пожаловалась мне на то, что слуги в доме тайно пьянствуют, после чего начинают бесчинствовать где-то неподалёку от её комнаты.

— Мне кажется, вы должны с ними поговорить, — заявила она мне, — нельзя же и далее потакать им в этом. Из комнаты, которая располагается по соседству с моей, среди ночи доносится страшный шум!»

Леди Таунсхед заверила читателей в том, что слуги её не могли иметь отношения к тем безобразиям, на которые жаловалась почтенная дама. Ну, а я теперь достоверно знаю, как развлекаются в Рэйнгем-Холле его многочисленные призрачные обитатели.

ПРИЗРАЧНЫЕ ГРЕБЦЫ ИЗ МЭЙДЕНХЕДА

Со времён Летучего Голландца принято считать, что появление призрачных лодок и кораблей над поверхностью водоёмов предвещает беду. Что заставляет корабли, ушедшие к Посейдону, вновь и вновь призрачными силуэтами возноситься к волнам, а главное, почему явление корабля-призрака следует воспринимать как зловещее предзнаменование, никто объяснить не может. Но прежде — немного фактов. Вот история из одной вечерней английской газеты, не требующая, думаю, комментариев.

«Мы с братом рыбачили в лодке примерно в трёх милях от саутэндского пирса и находились вблизи Норского маяка, — пишет Ф.У.Кларк (Тринити-роуд 6, Саутэнд-он-Си). — Сгущались сумерки, и нужно было спешить к Саутэнду, чтобы забрать снасти. Брат сидел у мотора, я — на румпеле. Внезапно прямо перед нами возникла белая спортивная парусная яхта: она мчалась наперерез и находилась уже в нескольких футах от нашего носа.

Её корпус, паруса, мачты, флаг были белоснежно-белыми. Я что-то крикнул брату и, резко положив руль влево, приготовился встретить страшный удар. Но столкновения не произошло. Впечатление было такое, будто мы прошли корпус яхты в самом центре. В ту же секунду мы оба съёжились от озноба: какой-то мерзкий туман пробрал нас до самых костей, наполнив души неизъяснимым ужасом.

Следующим вечером я рассказал об этом в клубе, и все здорово повеселились. А три недели спустя, когда во время гонок наша лодка выполняла сторожевые функции, в нас врзалась спортивная яхта «Белая ласточка», и мой брат оказался в больнице с переломом ключицы».

Когда за появлением призрачной яхты следует повторение того же эпизода в реальности, естественно заподозрить между этими двумя событиями прямую связь и классифицировать феномен как пророчество, выраженное в визуальной форме.

Похожие предчувствия мучили У. Т. Стэда, в статьях и художественных произведениях которого неизменно повторялся образ тонущего корабля. В 1892 году «Pall Mall Gazette» опубликовала его рассказ о пассажире, чудом спасшемся после столкновения лайнера с айсбергом. Корабль в рассказе Стэда назывался «Majestic». Редактор снабдил рисунок следующим комментарием: «Вот что может произойти, если мы и впредь будем посылать в море корабли, не оснащённые достаточным количеством шлюпок».

26 лет спустя как раз из-за недостатка шлюпок погибли 1600 пассажиров «Титаника». В их числе был и Стэд. Самое поразительное, что автором иллюстрации к рассказу был Смит — капитан, приведший «Титаник» к гибели!

За три года до этой трагедии, выступая перед членами клуба «Космос» с критикой исследователей «психического» феномена за слишком строгие требования, предъявляемые ими к миру духов, Стэд прибегнул к весьма знаменательному сравнению:

«Представьте себе, что я тону, но вместо того, чтобы бросить мне верёвку, спасатели начинают кричать: «Кто ты такой? Как тебя зовут?» — «Меня зовут

Стэд! — кричу я. — Скорее бросайте верёвку!» — «А как ты нам докажешь, что ты Стэд? Где ты родился? Кто была твоя бабушка?..»

Незадолго до гибели предчувствие посетило Стэда вновь. «Что-то ждёт меня, — писал он, — какая-то важная работа, смысл которой будет открыт мне лишь спустя определённое время. Даже примерно не могу я предположить, что это будет — журналистская ли деятельность, духовная, социальная или политическая. В ожидании указаний Свыше, знаю: Призвавший меня, сделает это из добрых побуждений и по достаточно веским причинам».

Из этой удивительной истории вовсе не следует, что фантазии о кораблекрушениях или появление кораблей-призраков непременно должны иметь для перципиента какие-то катастрофические последствия. Фантом может быть «обитающим» — другими словами, привязанным к местности, а не к человеку. Я сам видел призрачную лодку в Мэйденхэде и впоследствии не испытал никаких невзгод. Возможно, какое-то отношение к этому происшествию имели весьма необычные погодные условия.

Это произошло 21 августа 1932 года. То лето я провёл, отдыхая в Мэйденхэде на Темзе. Весь вечер собиралась гроза; наконец часам к девяти опустился мрак и сельская местность затаилась в ожидании бури.

Я успел заснуть раньше, но проснулся от первого же грозового раската. Разразилась ужасающая небесная канонада. Молнии перекрывали одна другую, рассекая небо и сотрясая землю. Ничего подобного прежде в Англии я не наблюдал. Заснуть в таких условиях было никак не возможно.

Дочь прибежала к нам вся в слезах и забралась в постель, накрывшись с головой. После «артподготовки» хлынул ливень — сплошная стена воды обрушилась с неба на землю. Я всегда начинаю раздражаться, когда что-то мешает мне заснуть. Дочь, оставшись в нашей постели, вела себя очень беспокойно, и жена долго не могла её успокоить. Дождь прекратился внезапно. Казалось, весь мир рухнул в бездонный колодец. Воцарилось безмолвие — ничуть не менее величественное, чем отгремевшая небесная канонада. Для моей нервной системы это был долгожданный бальзам. Я начал было погружаться в блаженный сон, как вдруг... за окном послышались мелкие регулярные всплески, словно от ударов вёсел.

Судя по звукам, к нашему дому приближалась лодка. Больше всего на свете желая заснуть, я старался отмахнуться от любой помехи. Наконец раздражение вынудило мой мозг встрепенуться. Впервые до меня дошло, что первые минуты после окончания грозы и настоящего водопада (несомненно до краёв наполнившего все лодки, стоявшие у причала) — не самое лучшее время для лодочной прогулки. Кто же осмелился выйти в столь опасное ночное плавание?

Некоторое время я переваривал эту информацию. Затем, обескураженный нереальностью происходящего, вскочил с кровати. Окна нашей спальни выходили на застеклённую веранду. Дверь в комнату и окна были открыты. С кровати река оставалась невидимой. Чтобы добраться до окна веранды, мне потребовалось сделать пять или шесть шагов. В тот самый момент, как я спрыгнул с кровати, таинственные гребцы вдруг умолкли, и наступила полная тишина.

Небо было затянуто тёмными облаками. Но и без луны рассеянный свет, отражавшийся от водной глади, позволял отчётливо различать все детали. Ни вблизи, ни вдалеке никакой лодки не было и в помине. Некоторое время я стоял и прислушивался. Ни звука!.. Может быть, таинственные гребцы уже вышли на берег? Но тогда раздались бы шаги... Лодка и гребцы исчезли как сон. Но я точно знал, что это не сон и не галлюцинация. Может быть, лодка-призрак? Но волосы мои не поднялись дыбом. Могильный холод не пробрал меня до мозга костей. Воздух не наполнился жутким ощущением близости потустороннего мира. Я вообще не чувствовал в ту минуту ничего, кроме изумления: лодка, которая судя по звуку, должна была находиться совсем рядом... исчезла вместе с гребцами, не оставив после себя и следа! Думая, что жена с ребёнком спят, я тихо пробрался в постель, стараясь никого не разбудить.

— Что это было? — через пару минут шепнула жена.

— Мне показалось, что я услышал звук подплывающей лодки.

— Я видела две лодки: в одной из них сидели парами человек восемь. На голове у одного из них был повязан платок. В другой лодке находился только один пассажир, и голова его как-то странно свисала вниз. Утром расскажу обо всём подробнее.

Напрашивался естественный вывод: жена, как и я, услышала всплески от ударов вёсел приближающейся лодки и бессознательно вплела в сон соответствующую часть сюжета. Это подтверждало объективность моих впечатлений: впрочем, в ней-то я ни на секунду не сомневался.

Утром выяснилось, что дочь тоже видела во сне лодку. Я попросил жену подробнее описать впечатления. Она слово в слово повторила сказанное, добавив поразительную деталь. Первая лодка с раненым человеком на борту «почти наполовину исчезла» за стеной комнаты.

Как я уже говорил, из окон нашей спальни поверхность Темзы не просматривалась. Чтобы увидеть участок реки, необходимо было подняться и сделать один или два шага вперёд. Если бы лодка действительно проплывала мимо, наблюдателю из комнаты была бы видна лишь её часть. Как объяснить эту странственную загадку?

Похоже, во сне жена оказалась в определённой точке комнаты: увиденное точно ограничивалось рамками её физического поля зрения. Сон, столь точно вписывающийся в габариты реальности, — явление само по себе странное. Тайна призрачных гребцов из Мэйденхеда так и осталась для меня нераскрытой.

В ПОГОНЕ ЗА «СТОЛОВЫМИ» ПРИЗРАКАМИ

Столовечерние как «гостиное поветрие» оказалось занесено к нам из Америки первой волной спиритизма. Под лёгкими прикосновениями ладоней стол во время сеанса начинал вибрировать, стучать ножками, отвечая таким образом на вопросы, и даже самопроизвольно передвигаться по комнате так, словно в него вселилось живое существо.

Знаменитый физик Фарадей попытался объяснить происходящее теорией бессознательного мышечного сокращения. Другой хорошо известный учёный, доктор Карпентер, выдвинул гипотезу «бессознательных церебральных процессов», предположив, другими словами, что всё это как-то связано с деятельностью человеческого мозга.

Бдительное духовенство в очередной раз убедительно разоблачило коварного Дьявола. Лондон наводнился листовками, предупреждавшими легковерного обывателя об опасностях общения с миром духов и... эта рекламная компания дала свои плоды: интерес к спиритизму перерос все границы разумного.

Разумеется, и Фарадей, и Карпентер были в своих рассуждениях излишне догматичны: ни мышечные сокращения, ни бессознательная умственная деятельность сами по себе вызвать «столоверчение» неспособны. Во всяком случае, тот факт, что столы способны двигаться, даже когда к ним никто не прикасался руками, доказывался неоднократно.

В свою очередь, спириты поспешили объявить столоверчение реальным методом общения с миром мёртвых. Но и с ними я не поспешу согласиться.

Более всего близки мне взгляды Фредерика Мейерса. «Если столы способны двигаться, даже когда никто к ним не прикасается, — писал учёный из Кембриджа, один из пионеров «психической науки», — то объяснить это действиями духа умершего ничуть не лучше, чем заподозрить в том меня самого. Да, мы не в силах объяснить, как удалось мне передвинуть стол, не прикоснувшись к нему. Но разве кто-нибудь объяснил, каким образом это удаётся духу покойного?»

Но — обо всём по порядку. Для начала зададимся вопросом: действительно ли столы способны приходить в движение, даже когда их никто не касается?

Впервые я сам стал свидетелем этого явления в маленькой валлийской деревушке. На сеансе присутствовали люди в высшей степени набожные, так что вероятность того, что мы стали жертвами розыгрыша, для меня полностью исключена.

На наших глазах огромный тяжёлый обеденный стол одним боком поднялся в воздух и подобно аисту встал на одной ножке. Даже совместными усилиями присутствующие, наверное, не смогли бы удержать его в столь противоестественном положении. На меня это произвело сильное впечатление, но... Факт подъёма стола в воздух может считаться научно доказанным лишь в том случае, если присутствующие удалены от него на значительное расстояние и в комнате при этом достаточно светло.

В другом случае с моим участием, когда огромный дубовый стол самопроизвольно двинулся по полу, устланному ковром, оба эти условия были соблюдены. Произошло это в лондонском доме композитора Клайва Ричардсона в апреле 1938 года. Нас в комнате было трое, а стол, вокруг которого мы, взявшись за руки, расселись, весил не менее 80 фунтов. Находясь на значительном расстоянии от стола, я хорошо видел его нижние перекладки и ноги хозяев. Миссис и мистер Ричардсоны определённо к нему не прикасались.

Хозяйка вызвала своего духа «Дугласа» и попросила его сделать то, «что он делает обычно». Дугласом звали её первого жениха, который тридцатилетним погиб в катастрофе. Они страстно любили друг друга, и теперь

«Дуглас», как мне объяснили, демонстрировал свою привязанность невесте, передвигая дубовый стол.

Стол закрипел, заныл, а потом рывками заёрзал по ковру. Я спросил «Дугласа», нельзя ли наоборот попридержать стол так, чтобы я не смог его сдвинуть с места. Он пообещал попробовать. Лишь огромным усилием мне удалось оторвать стол от пола. Затем, следуя моему указанию, «Дуглас» отпустил стол, и я приподнял его без труда. Затем я лёг всем телом на поверхность, упёршись ногами в нижние перекладины: с заметным напряжением он понёс груз в 170 фунтов по ковру. В эти минуты никто больше к столу не прикасался. Комната была затемнена, но любое движение хозяев не могло бы укрыться от моего внимания.

Я приготовился к съёмке, будучи уверен, что сила, двигавшая такую тяжесть, без труда поднимет в воздух и столик полегче. Тут меня ждало разочарование. В какой-то момент столик действительно подпрыгнул, но получилось так, что и люди вокруг него двигались: убедительным такой опыт признать было никак нельзя. Тем не менее после проявления на пластинах, заряженных в аппараты с кварцевыми линзами, обнаружилось странное свечение, очень напоминавшее разряд статического электричества. Пластины, вставленные в камеры с обычными линзами, ничего необычного не показали.

Что если мы оказались на пороге важного открытия? Но в работе «психоисследователя» такое случается на каждом шагу: только покажется, что ты у цели, как обязательно произойдёт что-нибудь непредвиденное.

На этот раз оплошал один из моих помощников, взявшийся объяснять миссис Ричардсон, что этот её «Дуглас» — никакой не дух, а просто управляемый сгусток её собственной психической энергии.

Я и сам был бы готов подписаться под этой гипотезой, если бы только она не сыграла в нашем эксперименте свою роковую роль. Миссис Ричардсон разувелась в «Дугласе», и ничего странного в её доме более не происходило. Стол, во всяком случае, никогда уже больше сам по себе не двигался.

Приверженцев спиритизма часто спрашивают: чем объяснить столь странное пристрастие «духов» к столам? Почему бы разнообразия ради им не подвигать какие-нибудь другие предметы мебели? Те отвечают, что стол просто удобнее для выстукивания ответов ножками: разумеется, любые другие предметы могут использоваться с тем же успехом. В справедливости последнего утверждения мне довелось убедиться самому, причём при достаточно драматических обстоятельствах.*

В 1936 году ко мне пришёл человек, не без труда «отмывшийся» в своё время от обвинений в шпионаже и убийстве. Он рассказал мне о том, что повелевает «духом» по имени Барбара: эта женщина при жизни прислуживала у них в семье и стала ему почти матерью. Сохранив и «там» привязанность к питомцу, «Бар-

---

* Аллан Кардек в «Спиритизме в самом простом его выражении», помимо прочего, указывает: «Для проведения спиритических опытов особенно употребляли столы не потому, что бы эта вещь способствовала более другой таковым опытам, но единственно по той причине, что она подвижная, более удобная и что легче и натуральнее сесть кругом стола, нежели кругом какой-нибудь другой мебели». (И.Р.)

бара» способна была проделывать всякие фокусы, разумеется, при посредстве более или менее толкового медиума. Проведя с мистером Койном (так звали моего гостя) совместный поиск, мы по газетному объявлению нашли миссис С.Л.Диксон из Северного Лондона, очаровательную женщину, ничего не знавшую ни о прошлом Койна, ни о методах, с помощью которых он пробуждал в себе «таинственные силы».

Бывший шпион явился к миссис Диксон на квартиру с пивными бутылками под мышкой, всем своим видом показывая, что ношу свою уже успел по пути порядком облегчить. Допив остатки пива, он заявил, что погрузился в достаточно глубокий транс и готов начинать демонстрацию.

В комнате на низкой подставке стоял большой платяной шкаф. Миссис Диксон дотронулась до его боковой панели, а мистер Койн взялся за уступ и призвал «Барбару» к действию. При ярком свете 100-ваттной лампы я стал свидетелем невероятного зрелища. Шкаф начал вдруг подавать явные признаки жизни. Он застонал, заскрипел, а затем неожиданным рывком выдвинулся одним боком на два дюйма вперёд. Продвигаясь таким манером, шкаф сместился ещё дюймов на пять. Каркающим криком мистер Койн приказал ему отправляться обратно. Тот закачался, наклонился и под моим изумлённым взглядом действительно начал пятиться, накренившись при этом так, что миссис Диксон с мужем занервничали. Этот платяной шкаф с двумя зеркалами на дверцах им не принадлежал, и в случае его падения они могли бы иметь неприятности.

Но мистер Койн был уверен в своей «Барбаре». Он сел спиной к шкафу, склонил голову и, расставив руки, потребовал у шкафа, чтобы тот упал на него. Я почувствовал себя очень неловко и на всякий случай приблизился к шкафу, чтобы в случае чего прийти на помощь. Шкаф начал медленно наклоняться. Я попробовал придержать его и почувствовал, что давление на мои ладони непрерывно растёт.

Точка равновесия оказалась пройденной, но угол наклона продолжал возрастать. При этом вес шкафа, если верить моим ощущениям, оставался мизерным! Мистер Койн отдал какую-то отрывистую команду. «Оживлённый» им шкаф мягко подался назад и без малейшего шума вернулся на место. Чтобы проверить себя, я сменил миссис Диксон: под давлением моих пальцев шкаф не сдвинулся с места. Лишь огромным усилием ладони мне удалось чуть отклонить его к стене. К этому времени я успел проникнуться симпатией к послушной «Барбаре» и растерял остатки уважения к мистеру Койну. Этот тип стал настолько развязан, что я вынужден был пригрозить некогда пустой бутылкой; тот рассердился и заявил, что уходит, забирая «Барбару». После этого миссис Диксон удалось воспроизвести тот же трюк лишь однажды. На этот раз я сделал любопытное открытие: как только шкаф отодвигали от стены, ничего необычного с ним не происходило. Судя по всему, необходимым условием для действия таинственных сил была относительная затемнённость узкой щели между задней панелью шкафа и стеной комнаты.

Мой опыт общения с виртуозами столоверчения завершился после знакомства с Анной Расмуссен, датской «звездой» медиумизма, которую я пригласил в Лондон в 1938 году. Послужной список этой специалистки был внушителен.

Она не только управляла столами, но и приводила в движение грузик, подвешенный в замкнутой колбе на значительном от неё расстоянии, а также непонятным образом производила утробные «стуки». Глухие удары, доносившиеся из тела миссис Расмуссен, посредством которых её «дух», «доктор Лазарус» отвечал на вопросы, были слышны на расстоянии двух ярдов. Исследователь медиумизма профессор Чарльз Винтер признался, что не в состоянии выявить источник с помощью стетоскопа, более того, пришёл к выводу, что без своего прибора слышит их гораздо отчётливее.

Анна Расмуссен произвела впечатление и на Гарри Прайса, в чём он признался в одной из своих книг. Впрочем, не сомневаюсь в том, что, будь у Прайса чуть больше времени, он без труда бы самостоятельно разрешил «загадку» этой датчанки.

Первым делом я выяснил, что свои «стуки» миссис Расмуссен производит вполне сознательно. Их не слышалось в тех случаях, когда она не понимала вопроса или сама не знала ответа. Стуки прекращались, когда она говорила, а также при приближении стетоскопа. Последнее обстоятельство и подсказало помогавшим мне докторам ключик к разгадке. Они единодушно пришли к выводу, что медиум вызывает стуки, резко сжимая воздух где-то в гортани. Сама по себе такая способность аномальна, но может быть развита тренировками. Покойный Шоу-Десмонд не только овладел этим трюком, но и стал в исполнении его большим виртуозом.

Если и есть во всей этой истории что-то сверхъестественное, так это тот факт, что миссис Расмуссен удавалось дурачить публику в течение двадцати лет. Что же до «стуков», которыми, якобы, усилиями «доктора Лазаруса» наполнялся стол, то исследователи просто уделили им слишком мало внимания. Как только миссис Расмуссен усаживали чуть поодаль, стуки прекращались. Разумеется, пришлось проверить и опыт с маятником, который был заключён в замкнутую стеклянную колбу, расположенную на очень тяжёлом столе из красного дерева. Выяснилось, что маятник приходил в движение лишь когда медиуму позволялось положить ладони на стол — ими-то она и принималась ритмично его раскачивать.

Что ж, ещё один всем нам урок: не верьте авторитетам! Подумать только, ведь «датскую кудесницу» называли «последним медиумом XX века!» Склонность к спиритическому мошенничеству, как очень странное интеллектуальное извращение, сама по себе достойна особого изучения. Она вынуждает детей лгать родителям, жён — обманывать мужей. Ни дружеское расположение к медиуму, ни общественный авторитет последнего не должны мешать исследователю в его работе.*

---

* Сэр А.Конан-Дойль в «Новом Откровении» указывает: «Медиумичество в низших своих формах является даром чисто физическим и никак не связано с нравственностью наделённого им лица; помимо того, эта способность обладает свойством то появляться, то исчезать и не зависит от воли её носителя». (И.Р.)

РАНЫ ХРИСТОВЫ

«Ego enim Stigmata Domini Jesus in corpore meo porto!» («Я сам несю на теле своём раны Господа нашего Иисуса»), — утверждает в одном из своих посланий Св.Павел, и этого вполне достаточно, чтобы признать его первым стигматиком в истории католической церкви. Поскольку о явлениях такого рода на протяжении первых 12 веков нашей эры никто слыхом не слыхивал, слова Павла были восприняты последователями буквально.

С Дьяволом давно уж всё ясно: он испокон веков метит следами зубов и когтей тела ненавистных ему благочестивых аскетов. Но чтобы Иисус...

Начало новейшей истории стигматизма (так называется феномен появления на человеческом теле «ран Христовых») положил Св.Франциск Ассизский в 1224 году, за два года до своей смерти. Сорок дней и ночей постился он в честь Св.Михаила на горе Алверния, а потом... произошло невероятное: на ладонях и ступнях праведника возникли раны и... гвозди! Да-да, самые настоящие гвозди — шляпками наружу, острыми концами вовнутрь. Франциск полностью утратил способность двигаться: ужасная боль, не говоря уже о потере крови, ускорила его безвременную кончину. «Гвозди» святого оказались своеобразными роговидными отростками. Некий скептически настроенный кавалер по имени Иероним в присутствии толпы монахов и мирян «путём ощупывания» (как говорится в летописях) тщательнейшим образом их исследовал, после чего в реальности «чуда» сомнений у присутствующих уже не осталось. Так родился удивительный феномен, который психиатры назвали «комплексом распятия».

Природа этой своеобразной формы религиозного экстаза, вызывающая полное единение человеческой сущности со Святым Духом, толкуется двояко: психиатрия рассматривает её как ярчайшее доказательство неограниченных возможностей человеческого разума, клерикалы видят тут очередное проявление божественного промысла. Впрочем, в последнее время церковь встречает сообщения о таких «чудесах» без прежнего энтузиазма; более того, она пытается различать «истинные» стигматы от поверхностных симптомов явно истерического происхождения.

Самому что ни на есть «истинному» стигматику становится всё труднее обратить на себя внимание Рима. Типичным примером тому могут служить истории Терезы Нойманн из Коннерсрэфта и отца Пио из монастыря Сан-Джованни Ротондо, что находится неподалёку от итальянского города Фоджа.*

---

* Или в более близкие нам дни — Джорджи Бонджованни, выступивший в паре с Эудженио Сирагуза. Последний объявил себя очередным воплощением Распутина, графа Калиостро и прочих знаменитых персонажей. Этот Сирагуза притязал также на создание очередного космического учения и на тесную связь с инопланетянами. Сей муж, якобы, был назначен свыше для проведения в ближайшем будущем Страшного Суда над земным человечеством, который должен был вылиться в уничтожение последнего в пламени Христовой любви, направляемой на людишек из летающих тарелок. Некоторые «просвещённые» оным учением художники (зарубежные и советские) с большой любовью во множестве изобразили сию картину самыми яркими и радостными красками. Ну, а напарник космического посланца, синьор Бонджованни,

Насторожённость, с какой Ватикан встретил сообщения о «чуде» Терезы, вполне объяснима: жизнь последней пестрит, мягко говоря, неординарными происшествиями. Но чем «провинился» отец Пио, человек не просто нормальный, но и во всех отношениях образцовый?

Стигматы на теле Терезы Нойманн появились в 1926 году, после того, как во время Великого поста на протяжении двух дней (а точнее, в четверг и пятницу, 4 и 5 марта) она пережила страдания Христовы. Правда, за восемь лет до этого чудесного происшествия женщина серьёзно пострадала во время пожара, после чего почти утратила зрение и стала харкать кровью. В 1923 году Тереза прекратила принимать твёрдую пищу, последние 33 года, как утверждают, вообще прожила без еды... в общем, скептицизм церкви в данном случае обоснован.

Стигматы на теле отца Пио появились 20 сентября 1918 года. Во время церковной молитвы священник вдруг рухнул наземь. В ту же секунду на теле его открылись раны — по две на ладонях и ступнях, одна в боку. С тех пор оне не исчезают и каждый раз во время святой мессы обильно кровоточат.

В отличие от Терезы Нойманн отец Пио никогда не страдал истерией и вёл более чем конструктивный образ жизни, доказательством чему может служить хотя бы больница, построенная по соседству с монастырём на собранные им средства. Обмороками, кошмарами и нервными припадками священник из Фоджи не страдал, хотя замечались за ним странности иного рода: дар ясновидения, способность к биллокации (одновременному появлению в разных местах — подчас очень далеко от монастыря, где находилось в тот момент физическое его тело) и целительству. Как бы то ни было, папский вердикт от 5 июля 1923 года гласил: «С отцом Пио не происходит ничего сверхъестественного, и потому паства должна относиться к своему проповеднику соответственно».

По мере того, как рос авторитет науки, интерес церкви к стигматическому феномену стремительно падал. Так, практически незамеченным с её стороны оказался феномен Анастасии Воложин, 24-летней польской крестьянки, на теле которой стигматы появились в 1936 году вследствие бурного религиозного экстаза. И это при том, что созданная архиепископом Ланбергским комиссия признала: «естественными причинами происходящее с девушкой объяснить невозможно». Раны на теле Анастасии не поддавались медикаментозному воздействию, хотя время от времени исчезали — чтобы вскоре появиться вновь.

Достаточно любопытный случай стигматизма был зафиксирован (впервые — в 1956 году) у итальянца Франсиса Сантони с острова Сардиния. Впадая в транс, этот молодой человек начинает выделять со лба, ступней и ладоней кровавый пот. Самое удивительное состоит в том, что, когда он приходит в себя, кровотечение прекращается и вся выделившаяся кровь... исчезает бесследно!

Подобное замечалось и прежде; нередко наряду с кожей стигматика чудесным образом очищались и его окровавленные простыни. Стигматические

тыча перстами в свои стигматы и напоминая о праведной чистоте введомой им жизни, основательно докучал Святому Престолу, требуя признания и канонизации, но Ватикан в конце концов мудро сменил насторожённость на полное игнорирование. (И.Р.)

раны иногда источают свечение, приятно пахнут и никогда не гноятся. Более того, истории известны стигматики, физическая оболочка которых... вообще отказывалась разлагаться! Когда спустя 4 года после погребения тело Лючии де Нарни (1476-1544) из Биенхереза эксгумировали, выяснилось, что оно не подверглось тлению. Кроме того, раны её были открыты и кровоточили. В 1710 году Лючию потревожили вновь — для того лишь, чтобы убедиться: с телом у неё попрежнему всё в порядке. Ни медицина, ни парапсихология объяснить тайну эту не в состоянии.

Поговорим, однако, о психологической мотивации стигматизма. Любой практикующий гипнолог знает: если субъекту внушить, что к коже его сейчас притронется горящим концом сигареты, то ожог после этого можно вызвать самым обычным карандашом. Это — явление так называемой гипнотической стигматизации, и первым открыл его Шарлот. Любопытный пример такого рода приводит Хиворд Каррингтон в журнале «Psychic Research» (сентябрь 1931 года).

В дом к женщине вломился грабитель. Судя по всему, оба они друг друга напугали до смерти. Увидев хозяйку, мужчина пулей вылетел на улицу через парадную дверь. Но... «В то мгновение, когда он застыл в дверном проёме, — рассказывает пострадавшая, — я вдруг с необычайной ясностью представила себе, как он пробегает через холл и цепко хватает меня за руку. Удивляюсь, как я не умерла от ужаса. Назавтра в месте воображаемого прикосновения возник синяк. Два дня спустя я показала его доктору Каррингтону».

Аналогичный эффект может возыметь и достаточно яркий ночной кошмар. Замечено, что боль от полученного во сне ранения чувствуется на протяжении ещё нескольких минут после пробуждения.

Немало интересного в этом смысле можно почерпнуть и из истории спиритизма. Правда, «истинные», ярко проявленные стигматы у медиумов наблюдаются редко — может быть, потому, что состояние религиозного экстаза для тружеников этой специфической профессии не очень-то характерно. Я лишь однажды столкнулся со случаем такого рода: в тот момент, когда «Нона», дух-посредник Луизы Инжег-Игнат, стала произносить прочувствованную религиозную проповедь, на лбу медиума проявился крест.

Впрочем, возникновение стигматов далеко не всегда связано с религиозным рвением, что прекрасно подтверждает случай Элеоноры Зюгун, которую бил, кусал и вообще всячески истязал «Драку» (так зовут в Румынии дьявола). Следы от его многочисленных укусов появились на глазах у очевидцев и в лондонской Лаборатории психических исследований. Занимавшийся этим делом Гарри Прайс пришёл к выводу, что Элеонора «не несёт за происходящее с ней никакой — по крайней мере, сознательной, — ответственности». Накануне 15-летия девочка, очевидно, лишилась своих психических эманаций, и загадочный дьявол по имени «Драку» утратил к ней всякий интерес.

А вот эпизод из книги Малкольма Берда «Приключения психики»:

«Фрау Фольхардт пронзительно вскрикнула от боли и протянула руку, призывая нас в очевидцы. На внутренней стороне её появилось множество глубоких округлых кровоточащих ранок. Чем они были нанесены — одновре-

менным ударом нескольких вилок? Трудно вообразить, каким инструментом можно было бы так изуродовать кожу — разве что, гигантскими щипцами для мускатных орехов».

Дело ещё более усложнилось после того, как участники сеанса заметили друг на руке у Марии что-то чёрное — то ли клювик, то ли птичью лапку. Когда, поставив на стол тарелку с мукой, они попросили «невидимку» оставить «отпечаток пальца», то увидели... след лапки цыплёнка! Доктор Ф. Шваб (на протяжении двух лет изучавший феномен Фольхардт и описавший затем результаты опытов в книге «Teleplasma And Telekinese») решил однажды сфотографировать подопечную стереоскопической камерой. На снимке явственно проявилось нечто вроде ветвистого коготка, вцепившегося женщине в руку. Доктор Шваб считал, что имеет дело с «наглядным символом притеснения и пыток»; другими словами, с материализованным образом, вытесненным подсознанием пациентки в пространство. К аналогичным выводам, кстати, пришли и исследователи феномена Элеоноры Зюгун.

Итак, пропасть между «комплексом святого распятия» и проделками кусачего «дьявола», оказывается, не столь уж и глубока. Кто населяет её? Ну, конечно же, призраки — да не простые, а разгорячённые: настолько, что прикосновение их способно вызвать серьёзный ожог. Обладательницей едва ли не самого необычного «знака» такого рода стала леди Беренсфорд, храбро заключившая «посмертный пакт» с лордом Тайроном (рассказ об этом можно найти в книге Т. М. Джарвиса «Истории о призраках, заслуживающие доверия»). Когда леди Беренсфорд попросила явившегося к ней призрака оставить какие-либо доказательства своего присутствия, тот ухватил её за руку и этим прикосновением ожёг запястье. Всю оставшуюся жизнь женщина носила на руке тёмную ленточку, прикрывавшую метку. Сообщения о подобных случаях появлялись и в более поздние времена. Стентон Мозес, пастор англиканской церкви и один из выдающихся медиумов своего времени, однажды перенёс тяжёлую утрату: его друг покончил с собой. Как-то ночью Мозес проснулся от шума: это призрак друга, пытаясь прорваться к постели, вступил в схватку с двумя другими духами, зачем-то вознамерившимися ему помешать. Наконец привидение приблизилось к кровати, выбросило вперёд руку, и... Наутро Мозес обнаружил у себя на лбу алое пятнышко. Оно располагалось в том самом месте, куда друг его приставил ствол револьвера. Постепенно оно стало бледнеть и через три дня исчезло.

К тому же классу явлений относится и дерматография: так называют способность индивидуума проявлять на коже разного рода письмена, обычно представляющие собой «послания» из иного мира. Через несколько минут после появления такие надписи, как правило, исчезают, что, конечно же, даёт мошенникам необозримый простор для экспериментов: ведь сверхчувствительная кожа нередко вздувается красными рубцами после того, как провести по ней обычным карандашом. Между тем именно эту, более чем рискованную, форму

общения с умершими выбрал себе в качестве основного занятия легендарный Чарльз А. Фостер (он же — Ясновидящий из Салема). Джордж Барлетт, биограф Фостера, вспоминает, как однажды у того побывал некто Адамс. В два часа ночи Фостер разбудил Барлетта и пожаловался, что комната полна духов, которые не дают ему спать, потому что... оставляют на коже у него свои имена! К своему величайшему изумлению, Барлетт насчитал на теле Фостера 11 отчётливо выведенных имён: все они, как позже выяснилось, принадлежали родственникам Адамса. Скажете, дешёвый медиумистский трюк? Возможно. Куда более убедительно продемонстрировала в 1933 году свои дерматографические способности Ольга Кахль. В ходе экспериментов, проводившихся парижским Метафизическим институтом, выяснилось: медиум проявляет у себя на коже слова, фразы и даже зрительные образы... передаваемые ей телепатически!

О физиологическом механизме дерматографии нам известно очень мало — куда меньше, чем, скажем, о природе «призрачных» ожогов, являющихся, как правило, результатом самовнушения или материализацией подсознательных образов. Между тем возникает естественный вопрос: что, если механизм этот запустить в обратном направлении? Разве не получим мы «чудо» босых прогулок по раскалённым угольям, о которых одно время было так много разговоров?..

Впрочем, и здесь вопросов перед нами куда больше, чем готовых ответов. Человеческий разум — кладовая тайн, и разгадать их нам суждено не скоро.

ОТЧЕГО ГРУСТЯТ МАДОННЫ

Католическая церковь с давних пор прилагала максимум усилий, чтобы провести непреодолимую грань между явлениями, которые мы называем сегодня паранормальными, и мистическими откровениями религиозного толка. Медиумизм, таким образом, всегда толковался священнослужителями как происки дьявола, а «чудеса», творившиеся святыми, считались проявлением высшей божественной воли. Разумеется, оба эти ряда явлений совершенно идентичны: всё зависит от точки зрения, с какой их рассматривают, но... Чудо — оно и есть чудо: в объяснении не нуждается. Воплощение божественной воли — не предмет для обсуждения.

Пропасть между богословием и парапсихологией всегда казалась непреодолимой, и любая попытка сделать шаг к примирению изначально была обречена на провал. Но так продолжалось лишь до ноября 1960 года, когда ежемесячник «Информация» (выходящий с подзаголовком: «Католическая церковь в американской жизни») опубликовал пространную и прекрасно иллюстрированную статью Т.Ф.Джеймса «Отчего плачут Мадонны», в которой — о, чудо! — обильно цитировались наши с доктором Пьерро Кассолли (известным парапсихологом из Болоньи) публичные выступления.

Поводом для последних явилось обильное истечение самых настоящих слёз из глаз Девы Марии — точнее, образа её, запечатлённого на металлической гравюре, которая находилась на чердаке дома 22-летней Пагоны Кацолиус в доме номер 41 на Норфолк-стрит, в нью-йоркском Айленд-парке.

Впервые Мадонна разрыдалась вечером 16 марта 1960 года. Хозяйка дома и её муж Пагорнитис Кацолиус тут же вызвали своего пастора Георга Парадеаса из православной греческой церкви Св.Павла, и тот признал, что стал свидетелем самого настоящего чуда Господня.

«К моменту моего прибытия слеза под левым глазом уже начала подсыхать, — рассказывал отец Парадеас, — но перед самым окончанием молитвы я поднял взгляд и увидел, как там же наливается новая капля. На моих глазах в углублении между веками образовался шарик жидкости и скатился вниз по щеке».

Весть о плачущей Мадонне распространилась по Нью-Йорку мгновенно. В течение только первой недели более 4 тысяч человек посетили квартиру Кацолиусов с тем, чтобы помолиться перед литографией и увидеть скатывающуюся одна за другой слезинки.

Репортёры приходили и уходили, а образ на картине продолжал плакать. Истечение слёз прекратилось лишь после того, как отец Парадеас освятил дом благословением. 23 марта литографию перевезли в церковь Св.Павла и установили на алтаре, украсив лилиями и папоротником. Около 3,5 тысяч человек ежедневно приходили в церковь, чтобы помолиться перед литографией. Не успел отец Парадеас оправиться от первого потрясения, как ему пришлось перенести второе. На этот раз звонили из дома номер 41 в Ошеаник-парке. Похоже, тайну свою плачущие Мадонны решили навсегда сохранить в единственной семье: оказалось, что позвонившая 40-летняя женщина Антония Коулас — родная тётя Пагоны Кацолиус. В сравнении с первым «чудом» тут наблюдался явный прогресс: слёзы из глаз Мадонны текли не переставая.

Архиепископ Иаковос, глава греческой православной церкви в Северной и Южной Америке, тут же объявил феномен чудом Господним. В присутствии репортёров отец Парадеас снял с картины рамку, и те получили возможность осмотреть насквозь промокшую заднюю стенку. Химический анализ, однако, показал, что выделившаяся жидкость к человеческим слезам не имеет ни малейшего отношения. Между тем каких-либо следов мошенничества обнаружено не было. Более того, когда 7 мая того же года архиепископ заменил картину в доме Коуласов, новая Мадонна немедленно разрыдалась и продолжала лить слёзы ещё три недели — теперь уже в церкви, куда была перенесена.

Доктор Кассоли, проводивший специальное исследование этого феномена в Италии (здесь Мадонны плачут в среднем раз в два года), обратил особое внимание на случай, происшедший в Сиракузах с Антонеттой Джакуццо. 29 августа 1953 года в её доме на протяжении 4 дней плакала статуэтка Непорочной Девы Марии. Однако в данном случае проведённый химический анализ подтвердил: гипс действительно выделяет самые настоящие человеческие слёзы.

Следует заметить, что у 20-летней беременной Антонетты наблюдались симптомы общей интоксикации, судороги, приступы слепоты и немоты, а также полное нервное истощение.

Статуэтка продолжала плакать и будучи запертой в ящик, и в руках наблюдателей (среди которых был и местный комиссар полиции), и на стене дома на Виа дельи Орти (в «Дьявольском квартале», прозванном так из-за вони и крайне низкого морального уровня населения), куда она была вывешена для всеобщего обозрения. В праздник, который называют здесь День Лакримаццоне, девушка вдруг чудесным образом выздоровела.

«Чудо» в Сиракузах вызвало своего рода слёзную эпидемию. Как сообщает доктор Кассоли, 15 декабря того же года кровавые слёзы стали вдруг истекать из глаз Мадонны, изображённой на картинке размером с почтовую открытку, принадлежавшей Кончите Мессиано из Калабре. 3 апреля 1954 года Инесса Ботацци из Меццоломбардо заметила, что по щекам «газетной» Мадонны, вырезка с изображением которой была помещена за стекло буфета, текут струйки жидкости. В мае 1954 года картинка сиракузской Мадонны в одном из домов Анджи плакала, лёжа на кухонном шкафу, 8 дней и 8 ночей. Тщетно сердобольные хозяева пытались помочь ей, выставляя на солнце!

15 марта 1955 года Марта Комерале из Казалупы заметила слезинки на глазах своей фарфоровой статуэтки. 27 апреля 1957 года в Порсеа Карнета на протяжении нескольких дней лила слёзы фигурка из папье-маше. Правда, доктор Кассоли, заметив под глазами Девы Марии желтоватые разводы, заподозрил, что сюда заранее было нанесено вещество, конденсирующее влагу. В остальных случаях никаких намёков на возможное мошенничество обнаружено не было.

В статье Т. Ф. Джеймса мы с доктором Кассоли толкуем феномен с точки зрения медиумизма — в категориях подсознательного «проецирования» и материализации. «Молящийся человек столь близко ассоциирует себя с изображением на картине или статуэткой, и чувства его при этом настолько сильны, что объект поклонения материализует на себе его слёзы», — так выглядит здесь моё объяснение происходящего. Между тем, цитата эта не совсем точна. Объяснить суть феномена всего лишь материализацией подсознательного образа было бы слишком рискованно: в других случаях жизни ничего подобного мы вроде бы не наблюдаем. Я предпочёл выделить все эти случаи в особый класс паранормальных явлений и назвал этот феномен «единением» или мистическим союзом. Молящаяся домохозяйка, впадая в религиозный экстаз, не «материализует» слёзы: она почти в буквальном смысле слова превращается в Мадонну, и две сущности на какое-то время становятся едины. Материя и пространство, разъединявшие их, в этот момент исчезают, и Мадонна исходит слезами, принадлежащими на самом деле миссис Кацолиус или миссис Джануццо, — слезами жалости к себе. Подобно йогу, фиксирующему взгляд на одной точке до тех пор, пока он не сливается с ней воедино, Антонетта и Дева Мария становятся одним целым. Что же касается случая с миссис Коулас, то он более сложен:

тут, я полагаю, мы имеем дело с феноменом телепатии «à trois», когда к эмоциональной «цепи» посредством сложного механизма идентификации подключается третье лицо. «Плач» прекратился, как только исчез повод для самооплакивания: после получения пасторского благословения и выздоровления. Необходимость в мистическом «единении» отпала, и женщины обрели свою прежнюю индивидуальность.

Тот факт, что движущей силой феномена служит религиозное чувство высочайшего накала, подтверждается и исследованиями известного медиума миссис Инжег-Игнат. Однажды «Нона», женщина-дух, утверждавшая, что ни разу не была инкарнирована на земле, предложила семерым участникам сеанса подойти к репродукции Сикстинской Мадонны и начать страстно молиться. Несколько минут спустя — о Боже! — в уголках глаз последней появились слёзы и стали струйками стекать по лицу.

Миссис Инжег-Игнат прославилась именно виртуозными материализациями, так что медиумический аспект феномена сомнений вызвать не может. Аналогичный механизм действует и в некоторых случаях полтергейста — впрочем, последний материализует обычно не слёзы, а воду или другие виды жидкости.

В книге «Правдивый отчёт о чудесном происшествии с Мэри Джобсон» (1841) доктор Рид Клэнни рассказывает о том, что в комнате, где находилась Мэри, страдавшая от каких-то странных конвульсий, на протяжении 11 лет постоянно появлялась вода. Миссис Джобсон то и дело теряла зрение, слух и дар речи. Приходя в чувство, она утверждала, что слышала голоса Девы Марии, апостолов и разного рода мучеников. Необъяснимая болезнь продолжалась 8 месяцев, после чего наступило неожиданное выздоровление.

30 августа 1919 года появились сообщения о том, что из стен Свентон-Норверс-Ректори — дома священника неподалёку от Мелтон-Констебл в Норфолке, Англия, — сочится масло. Сначала там пошёл «дождь» из смеси бензина и керосина, затем на жильцов обрушился поток воды, метилового спирта и сандалового масла, коего собрано было в различные ёмкости более 50 галлонов. Дело дошло до того, что преподобный Хью Гай, местный викарий, вынужден был покинуть своё жилище. Во всём обвинили 15-летнюю девочку-служанку, и, кажется, не без оснований: впервые поток жидкости излился из «ниоткуда» именно в её комнате. Прибывший сюда для «разоблачений» маг и фокусник Масклайн не сумел объяснить происходящего. 10 сентября «Дэйли мэйл» привела его слова о том, что в доме, пока он проводил свои наблюдения, появились откуда-то десятки литров жидкости.

Ещё один случай полтергейста с религиозным оттенком описан Чарльзом Фортом.

«21 августа 1920 года, в субботу, все религиозные статуи и картины в доме Томаса Дуана из Темплмора, Типперари, начали кровоточить. Ответственность за происходящее была возложена на очень набожного молодого человека — 16-летнего Джеймса Уолша. В земляном полу комнаты образовалось

углубление величиной в чашечку; тысячи посетителей собрали отсюда огромное количество воды — а она всё продолжала прибывать».

Тот факт, что в присутствии юноши невидимая сила помимо всего прочего ещё и передвигала предметы, явно указывает на проделки полтергейста. В общем, изливает ли «шумный дух», порождённый психикой подростка, потоки воды на жильцов, или Мадонна источает слёзы и кровь в доме счастливых, способных впасть в религиозный экстаз, суть остаётся прежней.

Есть, конечно, отличие: полтергейст не приносит добра — он вообще ничего не даёт своей жертве, кроме шанса быть обвинённым в мошенничестве. Религиозно-мистический феномен же не только безвреден, но и исцеляет — подчас не только молящегося индивидуума, но и целые толпы.

ЛИЦО НА СТЕНЕ

В прежние времена верующие молили Господа о чудесах. Сегодня чудеса эти почему-то не вызывают у них особой радости. Стоит только в церкви случиться чему-то чуточку экстраординарному, как служители её тут же преисполняются душевным смятением и пытаются изо всех сил спрятать концы в воду. Очень уж это неприятно — видеть чудо, ну прямо перед собой. Самое правильное при этом, конечно же, затаиться и умолкнуть. А тут — парапсихолог со своим блокнотиком... В общем, ясно, почему церковь не очень нас жалует.

За годы пребывания в Англии мне случилось расследовать два таких «нежелательных» чуда: одно — в оксфордском соборе Крайстчёрч, другое — в Лландаффе, Кардифф. Случаи эти были абсолютно идентичны: оба раза на побелённой стене таинственным образом проявлялось лицо покойного отца-настоятеля. Оксфордское чудо получило широкую огласку, в Лландаффе, однако, мне пришлось докапываться до истины самостоятельно.

Настоятель Джон Лидделл, человек в Оксфорде достаточно знаменитый, умер в 1898 году. 26 лет спустя в лондонской прессе появились первые сообщения о том, что в соборе Крайстчёрч рядом с лидделловской мемориальной доской стало формироваться пятно, всё более напоминавшее лицо покойного настоятеля. Впечатление было такое, будто в минеральных составляющих штукатурки (вспомним соли серебра, которыми покрыта фотографическая пластина) стали происходить странные химические изменения.

В отсутствие прочих атрибутов фотографического процесса — линз, объективов, фотоаппарата и, главное, непосредственного «героя» снимка — белая стена церкви воспроизвела каким-то образом удивительно точный портрет покойного.

В том, чьё именно лицо глядело на присутствующих со стены, сомнений не возникало. Как бы для того, чтобы рассеять их окончательно, на протяжении нескольких лет рядом возникла аналогичная «фотография» покойной миссис Лидделл.

Церковному руководству и одного чуда хватило бы с лихвой — а тут сразу два! Посетители и пресса, заметив персонажей странной настенной галереи, стали задавать священникам не слишком удобные для них вопросы.

«Поразительное сходство изображения с лицом покойного отца Лидделла, — писала 11 сентября 1926 года газета «Cassell's Weekly», — не вызывает ни малейших сомнений: чтобы признать это, вовсе не требуется богатого воображения. Если бы это был портрет, мы могли бы назвать художника гением. Но это не художественное произведение: со стены на нас глядит совершенно живое лицо, увидеть которое может каждый желающий».

В 1931 году призрачный «портрет» всё ещё был виден на стене достаточно отчётливо. Приехав сюда в 1932 году, я обнаружил как раз перед этой стеной новый алтарь. Никакого более или менее правдоподобного объяснения происшедшему никем предложено не было, но мне удалось узнать одну любопытную деталь, укрывшуюся от всеобщего внимания. Я выяснил, в частности, что «портрет» покойного Джона Лидделла возник на стене сразу же после одного весьма знаменательного события: примирения и воссоединения двух ранее враждовавших ветвей рода — Лидделлов и Рэйвенвортов — с последовавшей затем счастливой церемонией бракосочетания. Кому-то моя гипотеза может показаться излишне поэтичной, и всё же... Что если в этой новой атмосфере любви и терпимости дух покойного изыскал энергию, которая помогла ему запечатлеть собственный улыбающийся образ — как бы в знак высшего одобрения заключённому браку?

Похожий фокус проделал после своей смерти и настоятель Лландаффского собора в Уэльсе. Чарльз Джон Воэн скончался в 1897 году. Через две недели после этого на западной стене церкви стал проявляться его портрет. У собора, дабы поглазеть на чудо, стали собираться толпы людей. «Доставляемые зеваками хлопоты были таковы, — читаем мы в церковном отчёте, — что местная хартия священнослужителей вынуждена была исследовать природу явления и выяснить со всей определённой, что причиной оптической иллюзии явилось сырое пятно, проступившее на каменной поверхности».

Это удивительное «открытие» местных светил церковной науки вряд ли сможет объяснить факт появления инициалов «J.V.», весьма изощрённо вписанных невидимой рукой в контекст композиции.

Мне удалось приобрести оригинал единственного фотоснимка призрачного портрета, принадлежавшего мистеру У. Шарпу из Кардиффа. Инициалы «J.V.» были не просто видны здесь совершенно отчётливо, но и исполнены как часть общей картины. Подлинность снимка была подтверждена экспертизой. Буквы появились на стене одновременно с лицом, как бы заранее отмечая всякие сомнения относительно того, кому может принадлежать загадочным образом исполненный образ. Мистер Шарп сохранил у себя негатив снимка исключительно смеха ради. В письме он признался мне, что не испытывает интереса к парапсихологии. Кроме того, он сообщил следующее:

«Декан Воэн был связан с Лландаффским собором узами всей своей жизни. Вскоре после его кончины в октябре 1897 года на стене слева от главного входа в собор возникло влажное пятно. Оно темнело, расширялось и наконец приняло поразительное подобие лика покойного Воэна. Одновременно чуть сбоку на стене возникли его инициалы: «J.V.» Всё это вызвало в округе нежелательные разговоры, в результате чего некоторое время спустя на месте «портрета» появилась мемориальная доска, так что происходит ли под ней что-либо необычное, или нет, сейчас неизвестно».

«Я сделал этот снимок вечером при ярком освещении самым обычным фотоаппаратом с диафрагмой F.16, — продолжал мистер Шарп в следующем письме, отвечая на мой соответствующий запрос. — Проявитель использовался самый обычный. Снимок оказался единственным и, думаю, уникальным. Заявляю со всей ответственностью, что ни со стеной собора, ни с фотопластиной не производил никаких искусственных манипуляций».

Последнее подтвердил и Леон М. Айзакс, профессиональный фотограф с 20-летним стажем из Международного Института психических исследований.

В данном случае «семейный» мотив, обнаружившийся в случае с «портретом» декана Лидделла, как будто бы, отсутствовал. Проводить же подробное расследование было уже слишком поздно. Впрочем, подобные происшествия, оказывается, не редкость и в Новом Свете.

16 января 1929 года нью-йоркская газета «Sun» сообщила о том, что на дубовой двери римской католической церкви Св.Анны в Кинсбурге, штат Нью-Джерси, возникло сияющее изображение женщины в белой мантии, свидетелями чего стали сотни очевидцев.

«Я не верю в сверхъестественную природу происшедшего, — сказал в интервью пастор Томас А. Кирни, — но могу подтвердить: на двери действительно появился испускающий свет контур женщины в длинном белом платье. Изображение, правда, напоминает не столько живое существо, сколько передержанный фотографический негатив с тонкими и необычайно контрастными деталями. В том, что изображение это действительно существует, нет никакого сомнения».

Куда более впечатляющими выглядят сообщения сразу нескольких нью-йоркских газет о появлении 23 февраля 1932 года чётко очерченной фигуры Христа на светло-коричневой мраморной стене святилища церкви Св. Варфоломея, что находится между Парк-авеню и 50-й улицей в Нью-Йорке.

«Заканчивая проповедь, — сказал в интервью «New York Times» местный проповедник доктор Роберт Норвуд, — я случайно бросил взгляд на стену святилища и с изумлением увидел проявившуюся на мраморе чудесную фигуру Христа. Ничего подобного там никогда не было. Истолковав это как своего рода иллюстрацию к моей проповеди («И тело его воссияло во славе!...»), я счёл явление весьма знаменательным. У меня возникла странная мысль: что если доминанта разума в тот момент сумела каким-то образом перейти на камень? Может быть, и мрамор способен иногда воспринимать человеческие мысли и образы?»

Опубликовав статью с фотографией призрачного «портрета» на стене собора Лландафф, я получил письмо от мистера Уильяма Прагнелла из Фулхэма, Лондон. Он рассказал, что на стене ванной комнаты в его доме возникло и расплылось подобное же «фигурное» пятно, в котором члены семьи очень скоро узнали черты его покойной жены. Я попросил Прагнелла сфотографировать пятно и переслать снимок мне. Качество фотографии оставляло желать лучшего, но силуэт женского лица просматривался на ней совершенно отчётливо. Установить сходство «настенного портрета» с обликом покойной женщины (чью фотографию респондент также вложил в конверт) мне было достаточно трудно — оставалось только положиться на слово мистера Прагнелла, который в этом смысле имел перед кем бы то ни было неоспоримое преимущество.

Несколько лет спустя судьба познакомила меня с ещё одним случаем того же типа. Местом загадочных событий оказался на этот раз дом в Челмсфорде, хозяева которого, мистер и миссис Киэр, вынуждены были даже покинуть своё жилище. А всё из-за того, что зеркала, находившиеся в разных комнатах дома, то и дело отражали в себе одно и то же, незнакомое хозяевам лицо. Миссис Киэр затратила немало усилий, пытаясь смыть таинственный образ, но он каждый раз возникал на прежнем месте вновь, а в конце концов влажным пятном «отпечатался» и на кухонной стене. Хозяева соскоблили мел до самого камня, но стереть лицо не смогли.

Я нанёс визит в Челмсфорд, но настенный портрет меня разочаровал: лицо к тому времени превратилось в какие-то бесцветные разводы, которые и фотографировать-то было совершенно бессмысленно. Что же касается образов, возникавших на зеркалах, то мистер и миссис Киэр выдержали тщательный перекрёстный допрос, который мы устроили им с Эриком Кадденом, адвокатом и членом Совета Международного института психических исследований. В том, что феномен этот к галлюцинациям не имел отношения, вскоре стало для нас совершенно ясно. По словам миссис Киэр, «отражение» цеплялось за поверхность зеркал физически: это был влажный налет, оставлявший после себя жирное пятно.

Лицо незнакомца, видимое совершенно отчётливо, но лишь под определённым углом, было повернуто чуть влево и выражение его было всегда одинаковым. Время от времени, однако, фигура мужчины появлялась в полный рост. Однажды хозяева увидели его лежащим на кровати, в другом случае — у двери, в костюме, выдававшем в нём бизнесмена.

Видение явно имело скрытый смысл, и миссис Киэр, кажется, сумела его разгадать. Человек, построивший этот дом, умер в нём, после чего вдова тут же съехала. Судя по всему, призрак требовал её срочного возвращения, желая, чтобы дом вновь перешёл к ней во владение. Видение в зеркалах являлось несколькими людям одновременно. Однажды оно высветилось на дверце гардероба сразу в двух проекциях.

Пятна эти никогда не удавалось стереть полностью, хотя миссис Киэр старалась изо всех сил. Кстати, она заявила, что поклонницей спиритизма не является и что о паранормальных явлениях такого рода ей ничего неизвестно. Выяснилось, что вдова также видела образ своего покойного мужа — отчего расстроилась так, что тут же покинула дом.

Просматривая архивы в поисках сообщений о подобного рода явлениях, я наткнулся на выступление Анны Блэквелл перед Диалектическим обществом (созданным, напомним, с целью обсуждения спиритического феномена), в котором она утверждала, что однажды на окне дома напротив появился облик горячо любимого ею родственника. Изображение появлялось и растворялось несколько раз. Сначала на стекле возникало радужное свечение, потом из него выплывало знакомое лицо. Каждая такая «вспышка» длилась около восьми секунд и была чуть слабее предыдущей.

Анна Блэквелл, кроме того, рассказала о происшествии с некой М.Дж., у которой на рукоятке нового летнего зонтика возник вдруг фотографический образ умершего незадолго до этого Чарльза Диккенса. Изображение было мелким, но необычайно отчётливым; в то время, как М.Дж. глядела на него в изумлении, глаза покойного писателя задвигались и рот растянулся в улыбку.

Подобные образы появляются обычно на отполированных поверхностях и некоторое время спустя исчезают. Во втором томе сборника «Phantasms Of The Living», опубликованного лондонским Обществом психических исследований, рассказывается о подобном же появлении призрака некоего капитана Томаса. Через шесть недель после смерти этого человека на отполированной поверхности платяного шкафа появилось его лицо, свидетелями чему стали восемь человек.

Несомненно, сияющая поверхность особенно благоприятствует восприятию видений такого рода, поскольку добавляет сюда ещё и некоторый гипнотический эффект. Однако само по себе это не объясняет сути феномена. Призраки-изображения ведут себя подчас настолько странно, что, кажется, так и просятся в сюжет какого-то фантастического триллера!

ЖАННА Д'АРК И ЕЁ ПРИЗРАЧНЫЕ СВЯЩЕННИКИ

Если верить легенде, подвиги Жанны д'Арк за много веков были предсказаны Мерлином, великим магом короля Артура. Впрочем, Британская энциклопедия (т.15) утверждает, что «она (Жанна) ничего об этом не знала, а значит, действовала исключительно по собственному вдохновению».

Один из лучших памятников национальной героине Франции — базилика в Домреми; часовню её украшают флаги многих стран, каждая из которых

таким образом отдала должное величию Орлеанской девы. На протяжении десятилетий, однако, бросалось в глаза отсутствие тут английского флага. В 1925 году эта историческая несправедливость усилиями леди Палмер, супруги лорда Палмера (1858-1948, — это был первый британец, удостоенный рыцарского титула за вклад в развитие музыкального искусства), была устранена. Тут-то и случилось странное происшествие, о котором пойдёт у нас речь. Широкая общественность впервые узнала о нём благодаря фотографии, которую британская Армия Спасения принялась предлагать всем желающим за скромную цену в 2 шиллинга в качестве неоспоримого доказательства божественного участия в наших с вами земных делах.

На снимке мы видим леди Палмер и двух священников с изображениями лилий на рясах (напомним, именно этот цветок Жанна д'Арк выбрала в качестве эмблемы). Что же тут, спросите вы, удивительного? Да всего лишь, что в момент съёмки никаких священников поблизости не было и в помине! Впрочем, предоставим слово анонимному репортёру Армии Спасения, чьи пояснения приведены на обороте открытки:

«Посетив базилику в Домреми, возведённую в честь Жанны д'Арк, леди Палмер обратила внимание на то, что среди множества национальных флагов, там вывешенных, отсутствует английский. Решив, что Британии надлежит и здесь занять достойное место в ряду славных народов мира, она по крупицам собрала необходимую сумму денег и позаботилась, чтобы в базилику доставили флаг нашей страны с подписями фельдмаршала Хейга и маршала Фоша. Флаг этот установил в часовне 9 июня 1925 года пребендарий Карлайл.*

В октябре того же года, дабы взглянуть на дело рук своих, леди Палмер вернулась в Домреми. Сопровождавшая её леди Таунсхед сделала снимок: в тот момент кроме двух женщин в часовне не было ни души. Однако на фотографии рядом с леди Палмер мы видим двух священников: на каждом из них — стихарь с геральдической лилией, эмблемой Орлеанской девы. Исследовавший снимок королевский фотограф установил его подлинность».

На заседании Международного института психических исследований в Лондоне я продемонстрировал специально заказанный для этой цели слайд и зачитал письмо леди Палмер. Вот что она мне написала: «На этом снимке вы видите меня стоящей под британским флагом в военной часовне базилики Домреми. Сфотографироваться здесь я решила для подруги, которая не смогла сопровождать меня из-за болезни. Мисс Таунсхед щёлкнула меня своим маленьким фотоаппаратом; кстати, сама она никогда не верила в существование духов. Вернувшись в Лондон, я написала ей письмо, в котором поинтересовалась, почему мне до сих пор не переслали фотографию. Получив снимок,

---

* Пребендарий — церковный служащий, несущий ответственность за пребенду (*лат.*), т.е. имущество и доходы, предоставляемые наиболее привилегированной части католического и англиканского духовенства при условии исполнения обязанностей, связанных с занимаемой должностью. (*Прим.перев.*)

я вынуждена была отправить ей новый запрос: «Кто эти священники? Рядом со мной никого не было». «Именно поэтому я и не решилась отправить вам её сразу», — последовал ответ.

Я показала снимок сэру Артуру Конан-Дойлю. Он заявил, что видит перед собой лучшую спиритическую фотографию всех времён, и попросил изготовить слайд. Демонстрация на большом экране в Куинз-холле, где я присутствовала, удостоилась в тот вечер бурной овации. Одна представительница римской католической церкви также попросила у меня копию слайда. «Ваше руководство, кажется, относится к подобным вещам неодобрительно», — заметила я. «Ну, что вы, это же чудо, — возразила она. — Рядом с вами — священники тех времён. На них — старинные рясы с эмблемой Жанны».

Увеличенный экземпляр снимка получил от меня и Кардинал Бурн. Пребедарий Карлайл также с тех пор не расстаётся с фотографией».

Мне, по правде говоря, изображения лилий на стихарях не показались настолько отчётливыми, чтобы их можно было считать достойным доказательством принадлежности фигур эпохе Жанны д'Арк. Но призраки с мнением своих будущих критиков не считаются, так что остаётся довольствоваться уже хотя бы их появлением.

Задача парапсихолога, однако, состоит в том, чтобы всё подвергать сомнению, поэтому должен уточнить: между моментом проявления фотографии и её «официальным» появлением на свет прошло подозрительно много времени. Действительно ли с негативами не производилось никаких манипуляций? Леди Палмер в этом убеждена: её уверенность разделяет и королевский фотограф. Вообще-то искусственно «наложить» призраков на фотографический снимок не так уж трудно. Другое дело — геральдические знаки: за такое мог бы взяться разве что мошенник экстра-класса. Но каковыми могли быть мотивы такого рода подделки? Ни на финансовые, ни на какие-либо другие выгоды автору рассчитывать не приходилось. Мисс Таунсхед — всего лишь фотограф-любитель — была подругой леди Палмер и пользовалась её полнейшим доверием.

Может быть, при фотографировании случайно произошла двойная экспозиция? Эксперт тотчас бы это установил. Что ж, поскольку, никаких разоблачений не последовало, придётся и этот случай отнести к числу неразрешённых загадок нашего времени.

ПУТЬ ЧЕРЕЗ БЕЗДНУ

Каждый из нас рано или поздно встречает на своём жизненном пути два типа препятствий, требующих преодоления: горный барьер и бездну. О символическом смысле Горы всем хорошо известно. Не куда-нибудь, а в горы унёс Моисей свои каменные скрижали; на возвышенностях возводились церкви, ибо «...горы и земли, к ним прилегающие, особенно святы», — так утверждал Иезекииль.

Понятие Бездны ассоциируется у нас с Преисподней и изгнанием из Рая. Однако классики магии не разделяют ортодоксальных взглядов на бездну как символ Зла.

Я хотел бы предложить вниманию читателя рассказ о серии удивительных сновидений, в основе которых — символическая попытка родиться заново и таким образом достигнуть Всевышнего. Автор его пусть останется безымянным: скажу только, что он — ученик легендарного черно книжника Алистера Кроули, человека очень странных способностей, который в 20–30-х годах нашего века приобрёл себе поистине дьявольскую репутацию. Итак, внимание:

«Я находился среди египтян, отправившихся в переход на верблюдах. Каждый из них был одет в зелёный жакет. Верблюды под нами были низкорослые и совсем ещё молодые; мне же казалось, будто я передвигаюсь на ходулях.

Наша группа отправилась в путь с каким-то заданием. Я ехал последним. Проезжая мимо сидящего друга, я бросил ему две газеты: «Сан» и «Пост» — с тем, чтобы он присмотрел за ними. Мы доехали до развилки. Все повернули направо, я — налево. Вскоре передо мной появилось большое строение. Здесь меня встретили какие-то женщины и мужчины. Я спросил, можно ли отсюда выехать на другую дорогу, а затем, не сходя с верблюда, минул длинный коридор и оказался на огороженном проволокой пустыре, прилегавшем к задней стене строения, в котором, судя по всему, располагалась гостиница. Передо мной появился мальчик. Я о чём-то спросил его, и он охотно распахнул передо мной дверь в проволочном ограждении. Верблюда со мной больше не было. Похоже, я оказался пленником, и двое мальчиков теперь стали моими тюремщиками».

Действительно ли мой собеседник ехал во сне на верблюде? Упоминание о ходулях отнюдь не случайно: это ведь символ детства (потому-то и верблюды оказались «молодыми»). Что же касается Египта... Вот что сам он вспомнил некоторое время спустя:

«В поздних работах Кроули есть немало загадочных пассажей. Помню, особенно странное впечатление произвела на меня фраза: «Я, как и ты, — душа пустыни, и тебе суждено вновь повстречать меня в этом бескрайнем море песка».

Тот, кого Кроули в своих книгах именовал «Я, как и ты», был его высшим гением: под морем песка разумелась египетская пустыня. Вспоминается мне кое-что из «Book Of Lies» — книги Кроули, в которой парадоксальные афоризмы пронумерованы от 1 до 91.

Кроули воссоздал магическую систему Золотого Рассвета. В ней действовала система градаций, высшая ступень которой описывалось уравнением « $7 = 4$ » с Семёркой – кабаллической *Shepirah of Hessed*. По Кроули, этот уровень принадлежит миру человеческого разума. Следующий же, описываемый уравнением « $8 = 3$ », относится к иному, духовному миру, отделённому от нас великой пропастью, именуемой Бездной.

Для того, чтобы пересечь Бездну, личность распадается на элементы, а затем возрождается вновь в теле Великой Матери – Бины (*Binah*). Так возникает новая сущность: Кроули называет её Дитя Бездны.

«Книга обманов» адресована Детям Бездны. Каждая её страница обрамлена чёрной рамкой, символизирующей всеобъемлющую идею смерти. Именно тут говорится о том, что для достижения градации высшего уровня необходимо пересечь гигантскую бездну смерти (или песчаную пустыню). У Кроули есть и такая фраза: «Взгляните на пять верблюжьих следов: VVVV...» Дело в том, что пять букв «V» он считал магическим символом, равнозначным градации высшего уровня. Не исключено, что моё путешествие во сне имеет какое-то отношение к этим пяти следам: может быть, оно олицетворяет мой собственный переход через Бездну. Очевидно, я оставил свой след, чтобы кто-то затем мог проследить мой путь».

Итак, ясно: наш герой идёт во сне по следам Кроули, чтобы превозмочь смерть и сделаться Младенцем Бездны. О «зелёном жакете» сам он говорит следующее:

«Зелёное означает молодость, надежду, устремление к высшему. Кроме того, это цвет Венеры – богини любви: она прямо связана с Великой Матерью, через познание тела которой пролегает наш путь в Град Пирамид, принадлежащий уровню « $8 = 3$ », где и живут Младенцы Бездны. Кстати, смысл этого уравнения легко понять так: отсчитывая уровни от основания Древа жизни, мы находим «восьмёрку». Тот же отсчёт сверху даёт «тройку».

Поскольку автор сна ассоциирует Великую Мать с Венерой, очевидно, один из мотивов сюжета – младенческая тяга к инцесту. Мой собеседник забывает также упомянуть о том, что зелёный цвет – цвет Пророка. Ещё я отметил для себя, что смысл «задания», на которое идут путники, есть не что иное, как стремление к власти, что в свою очередь символизируется жаждой возвращения в материнское лоно. Судя по всему, пациент догадался об этом и сам, поскольку тут же заговорил о семье:

«Нас было семеро детей: я – младший. По пробуждении у меня возникло ощущение, что остальные участники группы как раз и были членами моей семьи; должен заметить, что я вообще связан с ними прочными узами. «Последний станет первым, первый – последним». Я всегда стремился в семье к лидерству.

Солнце («Sun») знаменует Золотой Рассвет: так называется магическая система, воссозданная Кроули. Я вышел из неё, но всегда знал, что мне ещё

предстоит к ней вернуться. В понятии «Post» заложена идея связи с будущим и преодоления Бездны. Египет — страна солнца. Гелиополис — город солнца. Египетских жрецов называли «детьми Солнца». Я, как младший адепт, принадлежу уровню «5 = 6»: Солнце также входит в пределы этого уровня.

В ходе магического ритуала инициации новообращённого привязывают к деревянному кресту, на котором он клянётся сохранить верность тайному учению и посвятить жизнь обретению «высшего Я». Таким образом, крест и распятие — это также символы солнца.

Бездна находится слева от древа жизни. Я вспоминаю, что слева на заднем дворе у нас стояла проволочная клетка, где мама держала кур».

Становится ясно, что Бездна в этом сне — символ материнской матки. Я спросил его о верблюдах и получил новые подтверждения своим догадкам.

«Я слышал, шотландцы произносят фамилию Кэмпбелл чуть сокращенно: «Кэмл» (camel — верблюд). Именно так представлялась моя школьная учительница. Есть старая шотландская песня: «Мой парень — жокей, и какой! Днём шпорит коня, а ночью — меня». Учительница, мисс Кэмпбелл, возможно, символизирует мою мать, а коридор в здании, через который я вышел на новый путь, есть не что иное, как влагалище».

Однако тяга к кровосмесительному акту — не главный мотив сна моего пациента. Дело в том, что во всех языческих верованиях считается, что бессмертие — следствие второго рождения материального тела. Гостиница, в которой удовлетворяются все нужды временного постояльца — такой же символ матки, как и проволочная клетка, принимающая нашего героя в критический момент его перехода. Матку символизирует и Бездна сама по себе.

«В мистическом ритуале Золотого Рассвета, — продолжал мой собеседник, — присутствует комната с семью стенами: ещё один символ женского лона. Две колонны по бокам — её бедра. Смысл ритуала — проникновение в дверь Венеры. Не исключено, что два мальчика, пленником которых я оказался, — адепты, проводившие ритуальную церемонию».

Затем мой пациент вспомнил о путешествии, которое учитель совершил в пустыне вместе с одним из своих последователей.

«Сначала магическими песнопениями Кроули вызвал у себя серию мистических видений. Внезапно, прервав инкантацию, он заявил помощнику, что они пересекут Бездну иным путём и собственными методами вызвал Демона Бездны («демон» этот в действительности есть человеческий разум, отделившийся от мозга, заблудившийся и растерянный). Теперь Кроули предстояло рассеять личность на составные части. Он уселся внутри треугольника, на чертанного на песке, в вершинах которого лежали тушки заранее пойманных и умерщвлённых голубей. Он разбрызгал кровь по песку, чтобы насытить пространство достаточным количеством эктоплазмы и таким образом помочь Демону Бездны материализоваться. Имя этого демона было Хоронзон, и Число его было — 333, половина от Числа Зверя».

К сожалению, я в своих записках не нашёл ответа на вопрос о том, сумел ли Кроули вызвать Демона Бездны. Зато наверняка мне известно другое: символическое путешествие к бессмертию нашего героя на этом не завершилось. Восемь месяцев спустя он вновь попытался пересечь Бездну и рассказал мне о новых приключениях в собственных сновидениях:

«Я находился в парке среди толпы. Мы подошли к маленькому строению: здесь жили и трудились монахи. В доме царили тишина и неподвижность. Люди разговаривали очень тихо. Один из них заметил, что я неправильно крещусь, описывая лишь горизонтальную планку креста, и произношу при этом благословение на иврите. Потом мы вышли из дома и группами по три человека, оmyв предварительно обувь, продолжили свой путь. Я оказался в последней группе. Когда я вышел из домика, оказалось, что остальные успели уйти далеко вперёд. Повидимому, все уже пересекли реку в парке и спустились в ущелье, находившееся где-то справа. Я же отправился по тропинке, минуя ущелье. Лишь пройдя значительное расстояние я понял, что заблудился. Время от времени с противоположного берега доносились голоса. Я повернул назад и направился к ущелью».

Как и в предыдущем сне, здесь мы находим сочетание весьма примечательных ассоциаций. Монах — воплощение святости. Беседы приглушёнными голосами — прямое указание на книгу Блаватской «Голос безмолвия»:

«Истинный монах должен обладать таким уровнем сознания, такой душевной ясностью, чтобы вести беседы с птицами, — заметил мой пациент. — Легенды о святых, к которым стаями слетались птицы и сбегались лесные звери, я всегда воспринимал совершенно буквально. Таким ведь был и Франциск Ассизский. Думаю, птица, садясь на плечо человека, как бы узнаёт в нём высшее существо. Таким должен быть истинный монах».

Итак, в личности нашего героя соединились монах и чернокнижник. И в пути своём он шёл по двум тропинкам, религиозной и метафизической. Благословение на иврите и недоочерченное распятие — сигнал к тому, что наш адепт наконец-то может сойти с креста, на котором оказался во время инициации. Горизонтальная и вертикальная планки креста символизируют два начала: соответственно, интеллектуальное и генитальное. Предпочтение первому порождает вопрос: можно ли использовать низшую, сексуальную энергию в высших целях? Эта задача для него попрежнему остаётся нерешённой. Он всё ещё один и чувствует себя потерянным. Ущелье здесь — символ раздваивающейся личности. Но одиночеству должен скоро прийти конец. Болезненная рана в душе от разрыва между христианством и иудаизмом начнёт заживать.

«Иисус оmyвал ноги своим ученикам. Для меня ноги — символ понимания. Мой разум должен быть очищен заранее — до того момента, когда мне дано будет узреть моего бога. Возможно, оmyвавшие ноги не случайно собирались по трое. Это могло иметь какое-то отношение к Троице. Треугольник — метафизический знак: он означает, что путь мой близится к завершению».

Я всегда чувствовал, что мне не хватает духовной силы. Мне часто не удавалось то, что легко удавалось людям куда менее просвещённым и подготовленным».

Наш скромный чернокнижник явно приближался в своём развитии к какой-то важной вершине...

ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА: ИСТИННЫЙ ПОРТРЕТ ХРИСТА?

В массивном сейфе за толстой стеной рядом с алтарём туринского собора Св.Иоанна Крестителя вот уже на протяжении 250 лет хранится величайшая реликвия христианства – плащаница Христова: отрез льняной материи длиной 14 и шириною 3 фута, на котором отчётливо виден двойной отпечаток тела распятого человека.

Предполагается, что именно так оставил истинный свой портрет потомкам Иисус после того, как его истерзанное тело в поту и крови «было завёрнуто в льняные покрывала, пропитанные благовониями, как это принято у иудеев» и временно оставлено Иосифом Ариматейским и Никодимом в склепе Гефсиманского сада.

Верующие утверждают, что туринская плащаница и есть то самое покрывало, которое было обнаружено двумя Мариями на полу опустевшего склепа. «Пётр сохранил плащаницу, но ныне местонахождение её нам неизвестно», – писал в IV веке Св.Нин.

Триста лет спустя плащаница объявилась в Иерусалиме (об этом пишет, в частности, епископ Аркуф), и находилась здесь около четырёхсот лет. В конце XI века реликвию обнаруживают вдруг в Константинополе. После разграбления города крестоносцами она исчезает, затем каким-то образом оказывается во Франции, после чего остаётся уже более или менее на виду у современных историков.

Первыми владельцами плащаницы были герцоги Савойские, предки итальянского короля Виктора Эммануила. Известно, что в XIV веке относительно аутентичности реликвии среди клерикалов разразился яростный спор: истинность плащаницы церковью официально признана не была.

В 1532 году часовня, в которой хранилась достопримечательность, сгорела, но саван почти не пострадал, слегка обуглились лишь его концы.

Величайшая историческая ценность туринской плащаницы ни у кого не вызвала сомнений, однако, научный мир, возможно, никогда бы и не обратил на неё внимания, если бы не удивительное открытие, сделанное в 1898 году состоятельным фотографом-любителем Шевалье Пио, который получил от короля Виктора Эммануила разрешение сфотографировать реликвию.

Проявив пластины, Пио обнаружил удивительную вещь: изображение на саване оказалось «изнаночным»; обе части его, другими словами, несли на себе негативное изображение. В результате вместо ожидавшегося негатива на пластинках Пио проявилась идеальная фотография необычайно благородного мужского лица, каждая черта которого излучала величайшую скорбь. Изображение поражало реалистичностью и естественностью.

Итак, в результате каких-то загадочных процессов ткань плащаницы, сыграв роль фотографической пластины, донесла до нас истинный портрет Иисуса Христа. По двум «фотографиям» плащаницы мы можем установить не только рост Иисуса (5 футов и 8 дюймов), но и некоторые детали, потрясающим образом дополняющие известные нам факты о драме на Голгофе и событиях, за ней последовавших.

Вряд ли стоит говорить о том, что сообщения эти прозвучали как гром среди ясного неба и произвели настоящую сенсацию во всём мире. По поводу истинности реликвии и выводов, сделанных теми, кто изучал снимок, разгорелся ожесточённый спор.

Доктор Поль Виньон, профессор биологии в Парижском католическом институте, вместе с помощником, профессором физики полковником Колсоном, провёл серию экспериментов и отчёт о них представил учёному совету французской Академии наук. В начале 30-х годов, после того, как туринскую плащаницу выставили на публичное обозрение, для дальнейшего исследования были образованы две комиссии — одна в Турине, другая в Париже. Вскоре обе они заявили, что обладают убедительными доказательствами того факта, что туринская плащаница — действительно последнее одеяние Иисуса Христа.

Доктор Виньон, занявший пост секретаря объединённой комиссии, выразил уверенность в том, что изображение не могло быть нанесено на ткань искусственно. Само понятие о негативе появилось лишь после изобретения фотографии. Для того, чтобы живописными средствами с величайшей точностью воссоздать негативный снимок человека, древнему мастеру необходимо было знать такие научные и художественные принципы, о которых до недавнего времени человечество не имело ни малейшего представления.

«Принципы эти, — говорит Виньон, — очень трудно воплотить даже в обычном, позитивном рисунке. Плащаница же предлагает нам негатив идеально выполненной фотографии. Даже сегодня ни один гений живописи не в состоянии художественными средствами воссоздать столь точный фотографический негатив. Собственно говоря, никому и не удалось представить сколько-нибудь убедительную копию фотографии на плащанице, хотя попытки такого рода предпринимались достаточно авторитетными мастерами своего дела».

Стоит заметить также, что прежде чем нанести на ткань масляный или акварельный рисунок, художник должен холст подготовить (отшлихтовать), сделать его жёстким и негнушимся. Однако лён плащаницы мягок, нежен и тонок.

Но как на саване мог проявиться негативный снимок распятого человека? Подытоживая свои наблюдения, доктор Виньон делает более чем интригующий вывод. Дело в том, что пот человека, который подвергается физическим истязаниям или страдает сильной лихорадкой, содержит значительный процент мочевины. В результате брожения последняя испускает пары аммиака. Саван, которым было облачено тело Христа, пропитали, как указано в «Евангелие», соком алоэ и миррой. Аммиачные пары вступили с соком алоэ в химическую реакцию, которая сенситизировала в льняную ткань, превратив её в своего рода аналог фотографической пластины.

Обстоятельства трагедии, судя по всему, способствовали возникновению благоприятных для того условий. Мы знаем, что тело Христа не омыли: оно было сплошь измазано потом и запёкшейся кровью из ран — от тернового венца, гвоздей, плетей и удара копья. В преддверии субботы тело оставили в закрытой пещере, где ничто не могло помешать испарению аммиака из мочевины, выделенной вместе с потом. С учётом всех этих факторов то обстоятельство, что тело, завёрнутое в лён, оставило на нём фотографический отпечаток, контрастность которого возрастает в местах соприкосновения с тканью, кажется не только неудивительным, но даже естественным.

Что и доказал весьма убедительно доктор Виньон: обернув покрытый аммиаком пластмассовый манекен льняной тканью, пропитанной соком алоэ, он получил на последней отпечаток, во многом напоминающий изображение, которое несёт на себе плащаница.

Итак, тайна реликвии раскрыта? Нет, есть тут много такого, что всё ещё требует объяснения.

Образ, отпечатавшийся на льняных простынях, идеально контрастен. Гармония света и тени тут такова, что лицо смотрит на нас совершенно как живое. Невероятно, чтобы столь потрясающий фотографический эффект мог быть достигнут в результате самой обычной химической реакции между парами, испускаемыми телом, и соком алоэ.

Другая загадка: запёкшаяся кровь полностью сошла с тела на саван. Сам по себе факт этот не слишком и удивителен, ведь аммиак растворяет волокна свернувшейся крови. Но дело в том, что «мазки» крови были переведены на ткань до того точно, что получился портрет, отчасти написанный кровью!

Доктор Виньон не сумел воспроизвести процесс, в результате которого лён так идеально впитал бы в себя засохшую кровь. Тем более непонятно, как на протяжении столетий частички крови не осыпались с ткани, и почему оне остались тёмно-карминными, а не превратились в бурые пятна, как это бывает обычно.

Но есть тут ещё более удивительное обстоятельство. На плащанице были обнаружены капельки серы. Истечение серы из раны знаменует начало первого этапа трупного разложения. Однако разлагающееся тело испускает аммиак необычайно интенсивно, а в жару процессы тления ускоряются. В таких условиях

фотографии на саване не должно было получиться: отпечатки, оставленные на ткани сравнительно слабым истечением аммиака, оказались бы размыты, а затем и стёрты уже в первые часы пребывания тела в склепе, вход куда был привален камнем.

Что же произошло? Ответ на этот вопрос существует, хоть разум и отказывается в него верить. Тело Иисуса, напомним, принесли в пещеру вечером в пятницу. Воскресным утром оказалось, что тело исчезло. Куда, почему? На эти вопросы «Библия» не даёт ответа.

Если выводы доктора Виньона верны, то... тело должно было исчезнуть сразу же после того, как вход в склеп привалили камнем! В любом другом случае процессы разложения почти сразу же уничтожили бы «фотографию» на простынях. Так туринская плащаница самым неожиданным образом подтверждает то, что говорится в «Библии» о распятии Христа и его последующем исчезновении.

На фотоснимке плащаницы явственно видна рана на руке. Но она находится не в центре ладони, как полагали живописцы нашей эры. Гвоздями пронзены запястья: именно так раньше и распинали — тонкие кости ладони просто не могли бы удержать на кресте человеческое тело. Одной уже этой ужасающей детали достаточно, чтобы отвести любые предположения о том, что образ туринской плащаницы был создан средствами живописи. Ни один мастер средних веков или более позднего времени не осмелился бы нарушить церковные каноны, которыми руководствовались. И уж тем более не посмел бы он изобразить Иисуса без набедренной повязки: такого еретика немедленно приговорили бы к смерти.

На снимке видны следы от ран, нанесённых терновым венцом и плетью. Видны настолько отчётливо, что легко распознаётся тип *flagellum* с двумя или тремя ремнями, на конце каждого из которых был закреплён металлический шарик. В правом боку тела видна рана, явно нанесённая ударом копья. Согласно «Библии», Иисус испустил дух до того, как солдат проткнул ему бок. Медицинский анализ плащаницы подтверждает этот факт. Из раны в бок выделилась сера (след от неё есть на ткани) — а это и доказывает со всей определённоностью, что в момент нанесения удара тело уже было мертво. Между тем пронзать тело распятого копьём было тогда не принято — обычно, дабы убедиться в том, что приговорённый испустил дух, палач перебивал ему голень. Неожиданный отход от привычной процедуры подтвердил пророчество «Ветхого Завета»: «Ни одна кость в теле его перебита не будет».

Доктор Виньон провёл колоссальный объём работы в надежде пролить свет на тайну туринской плащаницы. Вывод его таков: «Руководствуясь данными проведённых исследований и текстами «Евангелия» в качестве путеводителя, следует признать: Христос действительно запечатлел для потомков финал своей жизненной драмы. Он оставил на ткани свой точный образ, оставшийся скрытым от глаз человечества вплоть до появления фотографии».

ЧУДЕСА В НЕБЕСАХ

«Иисус воззвал к Господу в день, когда предал Господь Аморрея в руки Израилю, когда побил их в Гаваоне, и они побиты были перед лицом сынов израилевых, и сказал перед израильтянами: стой, Солнце, над Гаваоном, и Луна над долиной Айалонскою! И остановилось солнце, и Луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: «стояло солнце среди неба, и не спешило к западу почти целый день»? И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слышал бы глас человеческий. Ибо Господь сражался за Израиль».

(«Иисус Навин», гл.Х, ст.12-14)

Астрономических чудес такого масштаба в церковных анналах новейшей истории не значилось вплоть до 13 октября 1917, когда трём девочкам из португальского городка Фатима, расположенного в 62 милях от Лиссабона, вдруг стала являться дева Мария. Дело кончилось тем, что в надежде узреть чудо собралась толпа в 70 тысяч человек. Дева Мария спуститься к такой аудитории отказалась, зато... Вот как описывает случившееся Изольт Аради в «Книге чудес» (1961, Monarch Book):

«В тот самый момент, когда люди закончили молиться, тучи вдруг расступились, и солнце появилось на лазурно-голубом небе; оно задрожало, завертелось и огненным колесом начало описывать в небе круги, отбрасывая во все стороны гигантские снопы необычайно яркого света. Представление это продолжалось десять минут и очевидцы наблюдали его с расстояния 25 миль. А затем солнце сорвалось со своего места и понеслось над головами людей, которые тут же упали на колени и возопили о прощении всех грехов».

В книге упоминается также обстоятельная статья главного редактора ежедневной лиссабонской газеты «O Seculo», вышедшая под заголовком: «Солнце над Фатимой средь бела дня пустилось в пляс!»

Итак, что должен сказать психиатр по поводу событий столь вселенских масштабов? Проиигнорировать свидетельства очевидцев было бы неразумно, поверить им безоговорочно — означало бы признать несостоятельность всей современной науки. Существует ли золотая середина между двумя этими крайностями? Оказывается, существует. Феномен гипнотического искажения хода времени — вот что, скорее всего, кроется за чудесным подвигом Иисуса Навина.

Хорошо известно, что силой гипнотического внушения время можно растянуть так, что час покажется сутками. Гипнотизёр без труда заставляет своего несчастного подопечного «часами» играть на фортепиано, укладывая все эти мытарства в один час реального времени. Испытать на себе феномен искажения хода времени можно и с помощью галлюциногенных препаратов. Как-то раз мне пришлось принять мескалин: время вдруг резко «затормозилось», и коридор,

по которому я шёл, растянулся едва ли не до бесконечности. Галлюцинации того же типа вызывает ЛСД и некоторые виды «чудодейственных» грибов. *Amanita muscaria*, например, считался в Древнем Египте священным, поскольку помогал предсказывать будущее.

Тайные знания такого рода являются неотъемлемой частью иудейской культуры. Впрочем, даже если Иисус Навин и не был знаком с искусством гипнотического искажения хода времени, кто может поручиться, что на поле сражения в тот день не оказалось каких-нибудь «хитрых» грибов? Под воздействием наркотической пыли, по крайней мере, часть войска вполне могла оказаться во временной «петле».

Современникам Навина было нетрудно поверить в возможность искусственной «остановки» Солнца, ведь в те времена считалось, что именно оно вращается вокруг Земли, а не наоборот. Для нас, однако, очевидно, что ни Земля, ни Солнце остановиться в движении не могут: это означало бы по меньшей мере крах Солнечной системы. Вряд ли Господь Бог решился бы прибегнуть к столь неэкономичному методу, дабы всего лишь посрамить врагов израильтян. Итак, вне зависимости от наличия доказательств, мы вновь вынуждены вернуться к идее об искажении времени: более правдоподобного объяснения «чуду» Иисуса Навина не существует.

Помогает ли нам всё это понять смысл происшедшего в Фатиме? Несомненно. Феномен искажения времени, как мы уже отмечали, влечёт за собой и эффект пространственных искажений. Солнце над Фатимой не могло ни «сойти с места», ни тем более «обрушиться» на Землю: очевидно, что поведение светила — не более, чем следствие пространственной галлюцинации. Аради в своей книге утверждает, что 70 тысяч человек не могли одновременно стать жертвами обмана чувств и, конечно же, ошибается. Если массовые явления такого рода до сих пор не изучались наукой, так только потому, что психиатру по традиции предлагается заниматься индивидуальными пациентами: массовые психозы такого рода вне их компетенции. Между тем исследователям психологии толпы они знакомы прекрасно. Более того, известно, что опасность так называемого «идейного заражения» прямо пропорциональна числу участников коллективного действия. Один-единственный человек, окружённый толпой, способен создать галлюцинаторный обвал гигантских масштабов. Давно замечено, что человека гораздо легче загипнотизировать в коллективе: индивидуум поддается гипнозу намного труднее. Почему? Видимо, защитные механизмы психики индивидуума в толпе по каким-то причинам утрачивают свою силу. Кроме того, любое массовое объединение по отношению к отдельной личности всегда находится на более низком функциональном уровне.

Вспомним также, что собравшиеся у Фатимы 70 тысяч случайными зевачами отнюдь не являлись: они ждали чуда, заранее подготовив себя к какому-то сверхъестественному зрелищу, и успели сообща войти в состояние,

близкое к религиозному экстазу. Ожидаемое произошло: толпа породила и испытала галлюцинацию, связанную с гипнотическим искажением времени и пространства.

Между тем, «Книга Исход» (а также «Евангелия от Марка, Матфея и Луки») сообщает нам о другом небесном чуде — к счастью, с португальскими плясками Солнца по масштабам своим несопоставимым. Речь идёт о «девятой чуме египетской» — крошечной тьме, покрывшей страну на целых девять дней: «Они друг друга не видели и с места не могли сдвинуться, но свет сиял в жилищах детей израилевых».

В «Новых комментариях к Священному писанию» епископ Гор предполагает, что тьма вполне могла быть вызвана гигантской песчаной бурей. Но загадочный свет в домах детей израилевых, спрашивается, откуда взялся? Был ли он солнечным или искусственным?..

Солнце в Израиле отказалось служить по меньшей мере ещё один раз: начиная с полудня и до трёх часов того дня, когда был распят Иисус Христос. Лука и Марк говорят о «тьме, окутавшей землю», Матфей — о «мраке над всей землёй» (имея в виду, возможно, лишь Иудею). Лука — единственный из троих — упоминает завесу в храме, разорвавшуюся посередине.

Все толкователи сходятся на том, что в день пасхального полнолуния солнечного затмения быть не могло. И все при этом не замечают странного совпадения: три дня тьмы египетской и три часа мрака на Голгофе. Что если второе событие явилось символическим отголоском первого? Или драму на Голгофе сопровождало сильное землетрясение, поднявшее тучи пыли? Впрочем, Иоанн о «мраке» не упоминает вообще. Странно: в его свидетельстве, хронологически последнем, мы вправе были рассчитывать как раз на самое детальное и красочное описание чуда...

Время от времени в разных местах повторяется ещё один феномен того же типа: появление в небесах сияющего святого распятия. Самый знаменитый случай такого рода — видение императора Константина, узревшего в небесах светящийся крест и рядом с ним буквы: «In Hoc Signo Vincas» («С этим знаком — победишь»).

Произошло это в 312 году н.э. накануне битвы Константина с Миксентином. Друг императора Эйсебий отмечает в жизнеописании Константина, что видение не только обратило последнего в христианство, но и подтолкнуло его к ещё более радикальному решению — объявить христианство официальной религией Империи. Константин воспринял видение как знак высочайшего повеления, повиновался, и жизнь его с этих пор превратилась в нескончаемую череду триумфов. В том, что именно христианский Бог помогает ему в борьбе, он не сомневался.

Доктор Сильвано Ариети в статье «Утрата реальности» («Psychoanalysis and Psychoanalytic Review», осень 1961) объясняет происшедшее тем, что Римская Империя уже находилась в стадии распада и Константин был внутренне под-

готовлен к принятию христианства — прежде всего, христианкой-матерью, под сильным влиянием которой он находился.

Кроме того, армия Миксентия насчитывала значительное число христиан, и были основания надеяться, что многие из них переметнутся к Константину, если узнают о принятии им их религии. Христиане были прекрасно организованы и дисциплинированы, язычники в большинстве своём — разобщены и неуправляемы. Однако исторические традиции Римской Империи не позволяли Константину открыто объявить о своём выборе: тут требовалось мистическое откровение — какое-нибудь «чудо». И оно произошло. Теперь ответственность за все возможные провалы можно было возложить на нового Бога.

Мотивы «чуда», осенившего во время последней войны английский город Ипсвич, хоть и были несколько иного рода, всё же имели под собой не менее основательный психологический фундамент.

6 мая 1944 года нью-йоркская газета «Сан» опубликовала сообщение, согласно которому сотни жителей этого городка на юге Англии стали свидетелями появления в небесах распятого Иисуса. Видение длилось 15 минут и совпало по времени с объявлением воздушной тревоги.

Сначала в небе возник огромный сияющий крест, затем на нём проявилась фигура Иисуса Христа.

«Его голова была склонена к плечу, ноги скрещены. Все видевшие эту фигуру, описывают её одинаково, — рассказывает преподобный Гарольд Годфри Грин, викарий церкви Св.Николая и капеллан британских вооружённых сил, опросивший множество свидетелей феномена. — Видение исчезло почти сразу же, не оставив в воздухе ни следа. Беседы с очевидцами полностью убедили меня в истинности происшедшего. Думаю, что появление креста в небе было добрым предзнаменованием. Сам я его не видел, о чём теперь весьма сожалею».

Викарий упускает из виду важную деталь: видение явилось 27 апреля, в момент воздушной тревоги. Вместо фантазий о «добром предзнаменовании» уместнее было бы поговорить о механизме «воплощения», приведённом в действие массовым психологическим порывом.

Представление об избавлении от Зла в сознании христианина ассоциируется с образом распятия. Отчаянный немой вопль тысяч людей о спасении в момент авианалёта, когда угроза как раз и исходит сверху, вполне мог сфокусировать идею спасения в небесах, после чего конфигурация облаков, возможно, отдалённо напоминавшая крест, в результате «идейного заражения» превратилась в галлюцинацию, как бы заменившую угрозу гибели на символ надежды.

Стоит заметить, что есть люди, которым видения являются именно в облаках, так же, как кому-то — в хрустальных шарах. Чудесные впечатления эти вполне могут передаваться и окружающим, особенно если события происходят в ненормальной психологической атмосфере. Представьте себе состояние жителей города, ожидающих бомбардировки: массовая галлюцинация в таких условиях — явление, скорее, естественное, нежели паранормальное. Стоит лишь

кому-то выпустить порождённый подсознанием образ в пространство, как видение тут же начинает нарастать подобно снежной лавине.

В качестве послесловия позволю себе чисто гипотетическую метафору. Попробуем сравнить вышеописанное с тем, что происходит на спиритическом сеансе, когда медиум загадочным образом фокусирует эктоплазму, создавая в пространстве образ «пришельца» с того света. Стоит только допустить реальность феномена медиумической материализации, как появление распятого Христа в небесах тут же из разряда церковных «чудес» переходит в категорию явлений парапсихологического толка. Разумеется, в рамках этого короткого эссе мы успели лишь высказать некоторые предположения, не слишком прояснившие природу «небесных чудес», но, может быть, они помогут учёным более беспристрастно взглянуть на то, от чего до сих пор они предпочитали отмахиваться.

Итак, в небесах, несомненно, происходит немало чудесного. Но к господину Богу все эти картины имеют лишь косвенное отношение, поскольку порождены человеческим разумом, самым удивительным из изобретений Всевышнего.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Аллан Кардек

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО СПИРИТИЗМА

Около 1850 года, в Соединённых Штатах Америки внимание многих было обращено на различные странные явления, состоящие в шуме, стуке и движении разных предметов без известной причины. Эти явления повторялись часто, самопроизвольно, с необыкновенною силою и постоянством; но заметили также, что они производились в особенности под влиянием особенных личностей, которых называли «медиумами» и которые могли некоторым образом вызывать эти явления по своему желанию, что дало повод повторять опыты. Особенно употребляли для этого столы, не потому чтобы эта вещь способствовала более другой таковым опытам, но единственно по той причине, что она подвижная, более удобная и что легче и натуральнее сесть кругом стола, нежели кругом какой-нибудь другой мебели. Таким образом достигли кругообращения стола, потом движения его во все стороны, боковых скачков, опрокидывания, поднятия, сильных ударов и т.д. Вначале это явление было названо «кружащими-ся» или «пляшущими столами».

До того времени это явление могло объясниться действием электрического или магнетического или особенного неизвестного тока; таково и было первое мнение. Но вскоре заметили в этом явлении действие разумной силы. Движения повиновались воле человека, стол направлялся направо или налево к указываемому месту или лицу, поднимался на одной или на двух ножках, ударял определённое число ударов, бил такт и т.д. С тех пор стало очевидно, что причина не была чисто физическая, и, ссылаясь на аксиому, что: «если всякое действие имеет причину, то всякое разумное действие должно иметь разумную же причину», заключили, что причина этого явления должна быть *разумная*.

Какого рода была эта разумная причина? Вот в чём состоял вопрос. Первая мысль была та, что это могло быть отражение разумной силы медиума или присутствующих, но опыт вскоре доказал невозможность такого предположения, потому что получили результаты совершенно чуждые мыслям и сведениям присутствующих лиц и даже противоречащие их понятиям, их воле и желаниям; следовательно, они могли принадлежать только незримому существу. Средство удостовериться в этом было очень просто: надлежало вступить в разговор с этим существом, что и сделали посредством некоторого числа условных ударов, значащих «да» и «нет» или означающих буквы азбуки, и таким образом получили ответы на различные заданные вопросы. Эти явления были названы «говорящими столами». Все существа, сообщившиеся таким образом и спрошенные об их естестве, объявили, что они *духи* и принадлежат к незримому миру. Так как подобные действия совершались во многих местностях через посредство различных лиц и обратили на себя внимание людей весьма серьёзных и просвещённых, то и невозможно допустить, чтоб это было всего лишь игрой воображения.

Из Америки это явление перешло во Францию и в другие страны Европы, где в продолжение нескольких лет кружащиеся и говорящие столы были в моде

и сделались забавою гостиных; затем они надоели и их оставили, чтобы заняться другими развлечениями.

В непродолжительном времени явление представилось в другом виде, что и вывело его из области простого любопытства. Пределы этого краткого описания не позволяют нам следить за ним во всех его фазах; мы прямо переходим к тому, что оно представляет более отличительного и что в особенности обратило внимание серьёзных людей.

Предварительно скажем мимоходом, что действительность явления встретила многих противников; одни, не обращая внимания на бескорыстие и достоинство испытателей, видели в нём только фиглярство. Люди, не признающие ничего вне материи, верующие только в видимый мир, думающие, что всё умирает вместе с телом, одним словом, матерьялисты, выдающие себя за «вольнодумцев», поставили существование невидимых духов в ряд нелепых басней; они назвали сумасшедшими принимающих это дело серьёзно и осыпали их язвительными насмешками. Другие, не будучи в состоянии опровергнуть факты и находясь под влиянием особенного рода понятий, приписывали эти явления исключительному влиянию *дьявола*, чем и старались испугать боязливых. Но в настоящее время дьявола никто не боится; о нём говорят так много и в таких различных видах его представляли, что освоились с этою мыслию и многие захотели воспользоваться случаем видеть, каков он есть на самом деле. Следствием было, что, исключая немногих боязливых женщин, объявление о появлении настоящего дьявола имело что-то увлекательное для всех тех, которые его видели прежде только на картинках или на театральной сцене; для многих оно было сильным возбуждением: так что желающие этим средством заградить путь новым идеям поступили против своей цели и сделались помимо своей воли пропагандистами тем действительнейшими, чем сильнее против них восставали. Другие критики не более имели успеха, потому что против доказанных фактов и точных рассуждений они не могли противопоставить ничего более, как только одно отрицание. Читайте их издания об этом предмете — везде вы найдёте доказательство их незнания и несерьёзного исследования дела и нигде не встретите решительного доказательства его невозможности. Вот их доводы: «Я не верю, и, следовательно, это не существует; все верующие сумасшедшие; мы одни имеем привилегию разума и здравого смысла». Невозможно исчислить адептов, приобретённых серьёзною или шутовскою критикою, потому что везде находят одно только личное мнение, без доказательств противоположного. Будем продолжать наше изложение.

Сообщения посредством ударений были медленные и неполные; узнали, что подвижные вещи, как, например, корзинка, дощечка, к которым приделывали карандаш и на которые клали пальцы, двигались и чертили буквы. Впоследствии увидели, что эти вещи были только такие принадлежности, без которых можно было обойтись; опыт доказал, что дух, действуя на бездушный предмет и управляя им по своей воле, мог равно действовать на руку и водить карандаш. Тогда оказались *пишущие медиумы*, то есть лица, которые писали невольно, под влиянием духов, и делались таким образом их орудиями и переводчиками. С тех пор сообщениям не было более пределов и обмен

мыслей мог совершаться с такою же быстротою и развитием, как между живыми людьми. Явилось обширное поле для исследования, открытие нового мира: мира невидимых, незримых существ, подобно тому как посредством микроскопа открыли мир существ бесконечно малых.

Что такое эти духи? Какую роль играют они во Вселенной? С какою целью сообщаются смертным? Таковы были первые вопросы, которые надлежало разрешить. Вскоре узнали от этих же духов, что они не отдельные существа Творения, но собственные души живших на Земле или в других мирах; что эти души, оставив свою телесную оболочку, витают в пространстве. Невозможно было более сомневаться, когда между ними узнали своих родственников и друзей, с которыми могли разговаривать; когда они сами привели доказательства своего существования, указали, что умерло в них только тело, что жива их душа, или дух, что они здесь, возле нас, видят нас и наблюдают за нами во время своей жизни, окружая попечениями тех, которых любили и воспоминание которых доставляет им сладчайшее утешение.

Вообще имеют совершенно ложное понятие о духах; они существа не отвлечённые, не неопределённые, как многие себе воображают, представляя их чем-то вроде слабого света или искры; напротив, они действительные существа, имеющие свою личность или определённый образ. Об этом можно сделать себе приблизительное понятие чрез следующее изъяснение.

Есть в человеке три существенные вещи: во-первых, *душа*, или *дух*, т.е. разумное начало, в котором находится мысль, воля и нравственное чувство; во-вторых, *тело*, или вещественная оболочка, тяжёлая и грубая, посредством которой дух входит в соотношение с внешним миром; в-третьих, *периспри́т*, флюидическая, эфирная, легчайшая оболочка, служащая связующим звеном и посредником между духом и телом. Когда внешняя оболочка ветшает и не может более действовать, она распадается и дух сбрасывает её, как плод сбрасывает шелуху, дерево свою кору, одним словом, как оставляют старое *платье*, негодное для употребления; это называют «смертью». Итак, смерть есть уничтожение грубой оболочки духа: одно только тело умирает, дух же никогда. Во время земной жизни дух, так сказать, сжат узам соединённого с ним вещества, делающего часто недействительными его способности; смерть тела избавляет его от этих уз; он освобождается и приобретает свою свободу, как бабочка, выходя из своей куколки; но он оставляет только вещественное тело и сохраняет периспри́т, составляющий для него род эфирного тела, воздушного, невесомого для нас, имеющего форму человеческого и, как кажется, первообразного тела. В нормальном состоянии периспри́т невидим, но дух может подчинить его некоторого рода изменениям, делающим его временно доступным зрению и даже осязанию, как это бывает со сгущённым паром; таким образом духи могут иногда нам показаться в своих появлениях. Посредством периспри́та дух действует на бездушное вещество и производит различные явления, как то: шум, движение, письмо и т.д.

Стучание и движение служат для духов средствами к засвидетельствованию их присутствия и к обращению на них внимания точно так же, как стучатся

в дверь, чтобы уведомить, что к вам идут. Некоторые духи не довольствуются умеренным стуком, а поднимают шум вроде того, как будто бы разбивается посуда, отпираются и запираются двери или опрокидывается мебель.

Посредством условных ударов и движений они могут выражать свои мысли, но письмо представляется им к тому самым лучшим, самым скорым и самым удобным средством: потому они его и предпочитают. По той же самой причине, по которой они могут заставить писать слова, они могут также править рукой, чтобы рисовать, писать музыкальные ноты, играть на инструменте; короче говоря, за неимением собственного тела они употребляют тело медиума, чтобы явиться людям чувственным образом. Духи могут являться ещё многими другими способами. Некоторые личности, названные *слышащими медиумами*, имеют способность их слышать и таким образом могут разговаривать с ними; другие их видят: это *видящие медиумы*. Духи, являющиеся зрению, представляются вообще в образе подобном тому, который они имели во время своей жизни, но туманном; иногда этот образ имеет наружный вид живого существа, так что нередко их принимали за живых и могли с ними говорить и жать им руки, не подозревая, что видели перед собою духов, и узнавали их только по их внезапному исчезновению.

Способность видеть духов вообще и постоянно есть способность очень редкая, но отдельные явления случаются довольно часто, особенно во время смерти; освобождённый дух, кажется, как будто спешит увидеть своих родных и друзей, уведомить их, что он оставил землю, и сказать им, что он жив. Пусть всякий призовёт свои воспоминания — и увидит, сколько подобного рода подлинных случаев бывало с ним, не только ночью во время сна, но и среди бела дня, при полном бодрствовании, и в которых он не мог отдать себе ясного отчёта. Прежде смотрели на эти случаи как на нечто сверхъестественное и чудесное и приписывали их чародейству и колдовству; ныне неверующие относят их к воображению; но с тех пор, как спиритическая наука даёт ключ к таким явлениям, знают, каким образом они производятся и что они не выходят из разряда естественных явлений.

Думают ещё, что духи потому только, что они духи, должны иметь высочайшее знание, высочайшую мудрость: опыт не замедлил доказать, что это заблуждение. Между получаемыми от духов сообщениями некоторые бывают преисполнены глубокомыслия, высокого красноречия, мудрости, нравственности и дышат добротой и благосклонностью; напротив того, другие весьма обыкновенны, легкомысленны, даже грубы и выказывают самое жалкое состояние ума. Так, очевидно, что они не могут проистекать из одного и того же источника и что, если есть добрые духи, то есть также и злые. Естественно, что духи, будучи душами людей, не могут сделаться совершенными тотчас после оставления тела, и что до тех пор, покуда они не сделают успехов, они сохраняют несовершенства телесной жизни, почему мы и видим духов различных степеней доброты и злобы, знания и невежества.

Вообще духи сообщаются с удовольствием и им приятно видеть, что их не забыли; они описывают охотно свои впечатления при оставлении земли, своё новое положение, свои радости или страдания в мире, где они находятся: одни очень счастливы, другие несчастны, некоторые претерпевают даже ужасные

мученья, смотря по тому, какую они вели жизнь и какое сделали из неё употребление, хорошее или дурное, полезное или бесполезное. Наблюдая за ними во всех фазах их нового существования, смотря по бывшему их положению на Земле, роду их смерти, их прежнему нраву и их человеческим привычкам, приходим к познанию невидимого мира, ежели не совершенному, то по крайней мере довольно точному, чтобы знать наше будущее состояние и предузнавать счастливую или несчастливую судьбу, нас ожидающую.

Наставления, данные духами высшего ранга касательно предметов, относящихся к человечеству, их ответы на заданные им вопросы, собранные и старательно приведённые в порядок, составляют целое нравственное и философическое учение под названием *Спиритизма*. Следовательно, *Спиритизм есть учение, основывающееся на существовании, проявлении и наставлениях духов*. Философическая часть этого учения вполне изложена в «КНИГЕ ДУХОВ», часть практическая и опытная — в «КНИГЕ МЕДИУМОВ». По разбору этих сочинений, приведённого ниже, можно судить о разнообразии, обширности и важности предметов, в них заключающихся.

Как мы уже видели, Спиритизм возымел своё начало от простого явления: кружащихся столов; но как такие явления занимали более глаза, нежели разум, и возбуждали более любопытства, нежели чувства, то, удовлетворив любопытству, они перестали обращать на себя внимание, тем более что их не понимали. Но иное было следствие, когда теория объяснила причину; особенно когда увидели, что из этих вертящихся столов, которыми несколько времени забавлялись, выходило целое нравственное учение, говорящее душе, рассеивающее томительные сомнения, удовлетворяющее всем стремлениям, оставленным в неопределённости от неполного учения о будущности человечества. Люди серьёзные приняли новое учение как благодетание, и с тех пор оно не только не ослабевало, но распространяется с невероятною быстротою; в продолжение трёх или четырёх лет оно привлекло на свою сторону во всех частях мира бесчисленное множество приверженцев, в особенности людей просвещённых, число которых умножается в чрезвычайной прогрессии, так что ныне можно сказать, что Спиритизм приобрёл право гражданства; он опирается на такие твёрдые основания, что может отразить все нападки своих противников, силающихся из собственных видов его опровергнуть; это доказывается тем, что их нападения и критика не приостанавливают ни на минуту его распространения: это есть событие, подтверждённое опытом, которого противники Спиритизма никогда не могли объяснить; спириты отвечают просто, что, если он распространяется несмотря на критику, это значит, что его находят хорошим и что его доводы предпочитают доводам его противников.

Однако же, Спиритизм — не новое открытие; факты и начало, на которых он основывается, теряются в глубокой древности, ибо мы находим его следы в верованиях всех народов, во всех религиях, у многих духовных и светских писателей; но события за недостатком исследования часто были объяснены по суеверным понятиям невежества, и из них не вывели всех должных заключений. В самом деле, Спиритизм основан на существовании духов; но так как духи суть не что иное, как души людей, следовательно, с тех пор, как есть люди,

есть и духи, Спиритизм не открыл и не выдумал их. Если души или духи могут являться людям, значит, что это в порядке вещей, и, следовательно, они должны были являться всегда: потому-то всегда и везде мы находим доказательства таковых проявлений, в особенности в библейских повествованиях. Новейшему времени принадлежит только логическое изъяснение событий, полнейшее знание естества духов, их назначения, образа их действий, открытие нашего будущего состояния, наконец, обращение Спиритизма и его различных применений в науку и учение. Древние знали начало, в настоящее время знают подробности. В древности изучение этих явлений было привилегией известных каст, которые их открывали только посвящённым в их таинства; в средние века на занимающихся ими открыто смотрели как на колдунов и жгли их; но ныне нет тайны ни для кого и более никого не жгут; всё делается среди бела дня, и всякий может, по желанию, просветиться этим учением и упражняться в нём, ибо медиумы находятся везде.

Самое учение, преподаваемое ныне духами, не имеет ничего нового; мы его находим отрывками у многих философов индийских, египетских и греческих, и во всей полноте — в учении Христа. Какая же польза от Спиритизма? Он подтверждает новым свидетельством и доказывает фактами истины, не признанные ими дурно понятые, восстанавливая ложно растолкованный их истинный смысл.

Спиритизм ничему новому не учит, это правда; но разве мало доказать явным и неопровержимым образом существование души, переживающей тело, её индивидуальность после смерти, её бессмертие, наказания и награды в будущем? Сколько людей веруют в это, но веруют неопределённо затаённою мыслью сомнения и думают в глубине души: «Однако же, если это неправда?» Сколько людей было доведено до неверия потому только, что будущая жизнь была представлена им в таком образе, которого их разум не мог принять за истинный. Разве этого мало, что колеблющийся верующий может сказать: «Теперь я уверен!», или когда слепой опять увидит свет? Фактами и своею логикой Спиритизм рассеивает душевное беспокойство сомнения и приводит к вере оставивших её; он открывает нам существование незримого мира, нас окружающего и посреди которого мы живём, того не подозревая. Он нас учит, примером тех, которые жили, узнавать условия нашего будущего счастья или несчастья; изъясняет причину наших земных страданий и даёт нам средство к их облегчению. Его распространение будет иметь неизбежным следствием уничтожение материалистического учения, не могущего устоять против очевидности. Человек, уверенный в величии и важности своего будущего существования в вечности, сравнивает его с непостоянством земной жизни, столь короткой, и мысленно возвышается над ничтожными суетностями человеческими; зная причину и цель этих ничтожностей, он их переносит с терпением и безропотно, ибо понимает, что оне служат ему средством к достижению лучшего состояния. Пример приходящих из-за гроба для того, чтобы сообщить нам свои радости и страдания, доказывает действительность будущей жизни и вместе с тем и правосудие Божие, не оставляющее ни одного порока без наказания и ни одной добродетели без награды. Прибавим, наконец, что

сообщения с утраченными нами любимыми существами доставляют сладчайшее утешение и доказывают, что они не только существуют, но менее с нами разлучены, как если бы они находились в живых, но в чужом краю.

Наконец, Спиритизм улаживает горечь житейских скорбей, укрощает отчаяние и волнение души, уничтожает сомнение и страх перед будущим, останавливает мысль о сокращении жизни самоубийством и, следовательно, делает счастливыми тех, которые убеждены в его истинах. Вот в чём заключается великая тайна его распространения.

С религиозной точки зрения, Спиритизм основывается на фундаментальных истинах всех религий: на существовании Бога, существовании души, на бессмертии, награде и наказании в будущем; но он не имеет никакого особенного богослужения. Его цель — доказать неверующим или сомневающимся, что душа существует, что она переживает тело, что после смерти она подвергается последствиям добра и зла, совершённых ею во время телесной жизни; эти истины находятся и во всех религиях. Как верование в духов, Спиритизм принадлежит равно всем религиям и всем народам, потому что везде, где есть люди, есть и души (или духи), потому что проявления их были всегда и потому что рассказы о них находятся во всех религиях без исключения. Итак, можно быть греческим ортодоксом или римским католиком, протестантом, иудеем или мусульманином и верить в проявление духов, следовательно, быть и спиритом; что доказывается тем, что Спиритизм имеет единомышленников во всех сектах. Как учение нравственное, Спиритизм — учение существенно христианское, ибо он есть развитие и применение учения Христа, учения чистейшего и превосходство которого никем не оспаривается; очевидное доказательство, что учение это есть закон Божий; нравственность же его доступна всем.

Спиритизм, будучи независим от всякого образа богослужения, ни одного не предписывая и не занимаясь особенными догмами, не есть особенная религия, ибо он не имеет ни своих священников, ни своих храмов. Вопросающим его: хорошо ли они делают, что придерживаются таких-то обрядов? — он отвечает: «Если вы думаете, что ваша совесть того требует, исполняйте их: Бог всегда воздаёт за намерение». Одним словом, он никому не налагает себя насильно; он не обращается к верующим, довольствующимся своею верою, но к большому числу сомневающимся и неверующим; он их не отнимает у Церкви, ибо они нравственно отделились от неё во всём или отчасти; он заставляет их пройти три четверти пути, чтобы опять вступить в неё; ей остаётся исполнить только остальное.

Правда, Спиритизм опровергает некоторые верования, как, например, вечность наказаний, вещественный огонь адский, личность дьявола и т.п.; но не известно ли, что эти верования, будучи доведены до крайности, рождали и всегда рожают неверующих? Если Спиритизм, рационально объясняя эти и некоторые другие догмы, возвращает к вере оставивших её, не делает ли он услугу религии? По этому случаю один достопочтенный священник сказал: «Спиритизм заставляет верить чему-нибудь; лучше верить чему-нибудь, нежели ничему не верить».

Так как духи суть души, следовательно, нельзя отрицать духов, не отрицая души. Признав такой вывод, встречаем самый простой вопрос: «Души умерших могут ли сообщаться живым?» Спиритизм подтверждает это вещественными фактами; какое же можно привести доказательство, что это невозможно? Если это существует, все возможные отрицания не помешают, чтобы оно было, потому что это не есть ни система, ни теория, но закон Природы; а против законов Природы воля человека бессильна; волей или неволей надобно признать их и сообразовать с ними свои верования и привычки.

* * *

1864 г.

Аллан Кардек

ДУХИ, ИЛИ СУЩЕСТВА МИРА ДУХОВНОГО

Существа, сообщающиеся нам, называют сами себя «духами», или (в некоторых языках) «гениями», и утверждают, что прежде они принадлежали (по крайней мере, некоторые из них) к земному человечеству, т.е. были людьми, раньше жившими на Земле. Они образуют теперь духовный мир, как мы сейчас (во время этой нашей жизни) образуем мир телесный, или физический.

Сомненье, касающееся существования духов, имеет первой своей причиной незнание их истинной природы. Обыкновенно их представляют себе как существ в мироздании обособленных, сверхъестественных и необходимость существования коих никак не доказана. Многие знают их лишь по фантастическим сказкам, которыми их убаюкивали в детстве, наподобие того как превратно знают историю по романам; не выясняя того, не основаны ли эти сказки, если освободить их от смехотворных и нелепых подробностей, на фундаменте истины, люди поражаются лишь абсурдной стороной их; не давая себе труда расколоть горькую скорлупу, для того чтоб достать сам миндаль, они отбрасывают весь орех; точно так же в вопросах религии поступают те, кто, будучи неприятно поражены некоторыми злоупотреблениями священнослужителей, всё перемешивают в сплошном отрицании.

Каким бы ни было понятие, которое составляют себе о духах, вера эта необходима основана на существовании некоего разумного начала за пределами материи; она несовместима с полным отрицанием этого начала. Мы, стало быть, берём свою исходную точку в существовании, выживании и индивидуальности души, чему *спиритуализм* является теоретическим и догматическим обоснованием, а *спиритизм* — обоснованием фактическим и очевидным.

Оставив на мгновение в стороне сами проявления духов и рассуждая индуктивным путём, давайте с вами посмотрим, к каким следствиям и выводам мы прийдём.

С той минуты, как мы допускаем существование души и индивидуальность её после смерти, нужно допустить также, во-первых, что природа её отлична от природы тела, поскольку будучи отделена от него, она больше не обладает его свойствами; во-вторых, что она обладает сознанием самой себя, поскольку она способна испытывать радость и страдание, без чего она не была бы живым существом, что для нас равносильно тому, как если б её и вовсе не было. Допустив это, мы видим необходимость того, что душа после смерти куда-то девается; чем же она становится и куда девается она? Согласно распространённой вере, она возносится на небо или ввергается в ад; но где тогда помещаются эти небо и ад? Раньше говорили, будто небо находилось вверху, а ад — внизу; но что такое «верх» и «низ» во Вселенной, с той поры как мы знаем о том, что Земля — шар, о том, что небесные тела движутся, вследствие чего то, что было в определённый миг верхом через двенадцать часов становится низом, о том, что в бесконечности космического пространства глаз погружается в расстояния неизмеримые? Правда,

под «низом» понимают также земные недра; но чем стали эти недра после того, как они были вдоль и поперёк изрыты геологией? Чем стали также эти знаменитые концентрические круги, названные «огненным небом», «звёздным небом», с той поры, как мы знаем, что Земля не является центром мира, что даже само Солнце наше — всего лишь одна из миллионов звёзд, горящих в пространстве, и каждая из коих является средоточием планетного круговорота? Что в таком случае становится с важностью и исключительностью Земли, затерянной в этой беспредельности? По какой такой неоправданной привилегии незаметная эта песчинка, не отличающаяся ни размерами своими, ни положением, ни особым значением, одна была бы населена разумными существами? Разум отказывается допустить эту бесполезность бесконечности, и всё говорит нам, что миры эти обитаемы. Если они обитаемы, то, стало быть, они вносят свою долю в мир душ; но зададимся ещё раз вопросом: что становится с этими душами, коль астрономия и геология разрушили предписанные им обиталища, и в особенности с той поры, как столь разумная теория о множественности миров умножила число их до бесконечности? Поскольку старое учение о местопребывании душ не может согласоваться с данными науки, то другое учение, более логичное, предписывает область им не какое-то определённое и ограниченное место, но всё космическое пространство: это целая незримая Вселенная, посреди коей мы живём, которая окружает нас и непрестанно с нами соприкасается. Есть ли в этом нечто невозможное, что-либо противоречащее рассудку? Ни в коей мере; напротив того, всё говорит нам, что иначе не может и быть.

Но что в таком случае делается с грядущими карами и наградами, если вы лишите их определённого им местоположения? Заметьте, что неверие в возможность этих кар и наград обыкновенно вызвано тем, что их изображают в условиях неприемлемых и невероятных; но скажите вместо этого, что души черпают своё счастье или своё несчастье в себе самих; что судьба их подчинена их нравственному состоянию; что собиранье душ сочувственных и добрых есть источник блаженства; что согласно степени их очищения оне проникают внутрь себя и прозревают такие вещи, коие стираются пред грубыми душами — и весь свет без труда поймёт это; скажите ещё, что души достигают высшего положения лишь чрез усилия, которые оне приложили ради своего улучшения, и после ряда испытаний, кои служат их очищению; что ангелы суть души, достигшие последней степени очищения, которая доступна всем душам доброй воли; что ангелы суть посланцы Бога, коим поручено бдеть над исполнением замыслов Его во всём Космосе; что славное назначение это делает их счастливыми — и вы дадите их блаженству цель более полезную и привлекательную, нежели вечное созерцанье, которое в конечном счёте было бы не чем иным, как вечною бесполезностью; скажите, наконец, что демоны суть не что иное, как души людей дурных и злых, души ещё не очистившиеся, но коие, как и все другие, могут достичь небесных высот, и это покажется более соответственным божественной справедливости и доброте, нежели ученье о том, будто человек создан для зла и навечно предан греху. Вот что, таким образом, могут допустить самый строгий разум, самая точная логика и здравый смысл.

Притом души эти, населяющие пространство, являются в точности тем, что принято называть «духами». Духи, таким образом, суть не что иное, как души лю-

дей, снявшие с себя одежду плоти. Если б духи были существами в мироздании обособленными, то возможность существования их была бы более спорна; но если допускают существование душ, то равно надо допустить и существование духов, кои суть не что иное, как души; если допускают, что души находятся повсюду, то надо также допустить, что и духи пребывают всюду. Невозможно, стало быть, отрицать существование духов, не отрицая в то же время и существование душ.

Это, правда, всего лишь теория, более рациональная чем другая; но это уже также более, нежели просто теория, раз она не противоречит ни разуму, ни науке; если же она ещё и подтверждается фактами, то она уже имеет на своей стороне рассуждение и опыт. Факты эти мы находим в феномене спиритических проявлений, кои являются также очевидным доказательством существования души и сохранения её после смерти. Но у многих людей вера на этой точке и останавливается; они охотно допускают существование душ и, следовательно, существование духов, но отрицают возможность общения с ними по той причине, говорят они, что существа нематерьяльные не могут воздействовать на материю. Это сомнение основано на незнании истинной природы духов, о которых себе обыкновенно составляют крайне ложное понятие, ибо их ошибочно представляют себе как существ отвлечённых, смутных и неопределённых, что на самом деле не так.

Представим себе сначала дух в его соединенье с телом; дух есть главное существо, поскольку это существо *мыслящее и выживающее*; тело, стало быть, всего лишь *придаток* духа, некая оболочка, некая одежда, которую он покидает, когда она изнашивается. Помимо этой матерьяльной оболочки, у духа есть также вторая, полуматерьяльная, которая соединяет его с первой; при смерти, дух сбрасывает с себя первую, но не вторую, которую мы называем «периспригом». Эта полуматерьяльная оболочка, наделённая формой человеческого тела, является для духа флюидическим, эфирным телом, которое хотя и невидимо нам в нормальном своём состоянии, обладает тем не менее некоторыми свойствами материи. Дух, таким образом, не проблематичное существо, не отвлечённое понятие, но существо вполне определённое и ограниченное формой, коему недостаёт только видимости и осязаемости для того, чтоб походить на людей. Почему же ему в таком случае не воздействовать на материю? Потому только, что тело его флюидично? Но ведь разве не среди самых разрежённых флюидов, тех даже, которые считаются не имеющими веса как, например, электричество, находит человек свои самые мощные источники энергии? Разве невесомый свет не оказывает химического действия на весомую материю? Нам неизвестна сокровенная природа периспригта; но представим его себе образованным электрической материей, или какой иной, столь же утончённой, и почему бы ему тогда не обладать теми же свойствами, если он ещё к тому же и управляется волей?

Павел Гелева

«ПОЛТЕРГЕЙСТ»? НУЖНА ЯСНОСТЬ!

Горячо верую, что жизнь наша не кончается здесь и что в той жизни будет разрешение всех мучительных загадок и тайн человеческого существования. Верую, что смысл жизненных страданий и смерти откроется там.

А. И. Эргель

«Всё действительно новое — это основательно забытое старое». Сегодня эта истина звучит совершенно избито, так часто её теперь повторяют. И всё же приходится произнести её вновь, поскольку ни к чему она сегодня с такой справедливостью не приложима, как к явлению, привлечшему к себе внимание под названием «полтергейст». Весьма забавно наблюдать нынешних учёных мужей, коих демонстрировали в одной из телепередач «Очевидное — невероятное», посвящённой так называемому «Барабашке», слышать, что сам по себе феномен ими признаётся, и видеть их полнейшее недоумение и растерянность по поводу природы этого явления. Мол, да, всё это есть, а что это такое, мы пока что не знаем; или, что намного смешнее: да, мы всё это знаем, и у нас уже есть модели, в которые все эти вещи вписываются! Но полно, не иллюзия ли, чтобы что-то живое вписалось в механическую модель? Ведь оно впишется — и всё же останется за пределами, ибо феномен жизни не объясним механическими и атомическими причинами. Давать жизни такие объяснения — это иллюзия решения проблемы, господра учёные, мираж успеха. Ещё один такой мираж — прятать вещи за непонятными словами, вроде этого «полтергейста».

Итак, полтергейст. Что он такое? Что скрывается за этим странным и неудобозвучающим для русского уха словом? Слово это отнюдь не новейшее изобретение, как то утверждалось авторами одной из недавних публикаций на эту тему, и в нём содержится ответ на вопрос о природе самого явления. Кстати сказать, признать за каким-либо явлением какое-то непонятное название, кем-то прежде данное, и после этого говорить, что природа этого явления неизвестна, и неумно, и нечестно. Так вот, слово это немецкое, и в хорошем немецко-русском словаре можно прочитать, что «Poltergeist» значит по-русски «дух-проказник», «беспокойный дух», «домовой». Попросту говоря, речь идёт о *привидении*.

Полтергейст — это один из терминов теории и экспериментальной практики, именуемой «спиритизмом» (от латинского «spiritus» — дух). Таким образом, внимание общественности очередной раз, хотя и в замаскированной форме, было привлечено к вопросу о привидениях. В данном случае (мы говорим о «Барабашке») феномен этот происходил в присутствии многочисленных свидетелей и был даже записан на видеоаппаратуру. Остаётся лишь сожалеть, что при том не было никого из компетентных в данном вопросе лиц, которые сумели бы внести в дело ясность, ведь только задавая умный вопрос, можно получить умный ответ.

Какова же всё-таки природа этого явления, в чём суть его и к чему ведёт оно нас? Согласно учению Спиритизма, полтергейст — это физическое проявление души умершего человека в нашем материальном мире. Формы его выражения весьма разнообразны: стуки и специфические шелчки в мебели, стенах и полу, осязательные ощущения человека, подвергающегося воздействию (касания, удары и толчки), передвижение в воздухе (левитация) неодушевлённых предметов и живых существ, звуки человеческого голоса и речи и, наконец, различного рода видения — от появления рук или головы до материализации полной человеческой фигуры (плотность этих материализаций может быть различна: от газообразной до осязаемо твёрдой).

Философия Спиритизма учит, что жизнь человека не заканчивается со смертью. Это возможно благодаря строению человека, которое трёхчастно: физическое тело + энергетическое тело (периспирит) + душа (или дух). Все недоразумения происходят из-за того, что человек при нынешнем уровне его развития не сознаёт своей действительной природы: он считает и верит, будто он есть физическое тело, тогда как на самом деле он — бессмертный дух, который поочерёдно пользуется разными телами, переходя из одной стадии своего существования в другую.

Некоторые из духов, временно лишённых тела, могут желать вступить в общение с нами, обитателями земного материального мира. Общение это может происходить по нашему желанию и просьбе через посредника-медума во время так называемого «спиритического сеанса». Когда же это общение происходит без нашего согласия и ведома, то имеет место то, что называется «полтергейстом».

Если дух проявляется самопроизвольно, то это может иметь только две причины: либо он желает напугать людей, являющихся невольными свидетелями странных и, как им кажется, противоестественных явлений, либо он желает вступить с ними в общение. В любом случае полтергейста не следует пугаться, поскольку он никакой опасности для жизни и здоровья людей не представляет.

Однако, совершенно неразумно и его игнорировать, поскольку это раздражает духа и заставляет его изобретать всё более эффективные способы воздействия. Лучше попытаться сразу вступить с ним в общение, ведь это, как правило, духи людей, умерших недавно и желающих передать что-то своим близким. Для этого надо умело задавать ему вопросы, предварительно договорившись с ним о его способах дать нам ответ. Так, например, если это дух «стучащий», то можно указать ему, что два удара значат «да», три — «нет», а один — «затрудняюсь ответить». Если же это дух-левитатор, то можно условиться так: вертикальное движение висящего в воздухе тела («тело» здесь разумеется как термин физической науки, и под ним понимается любой материальный предмет от птичьего пера или листа бумаги до пудовой гири) означает «да», по аналогии с кивком; горизонтальное же его движение, т.е. влево и вправо, а не вверх и вниз, как в первом случае, означает «нет», аналогично качанию головой; ну и вращение по кругу — соответственно — «затрудняюсь дать ответ».

После этого надо задавать вопросы, предполагающие ответом либо только «да», либо только «нет». Если вы будете достаточно умелы, то узнаете, чего хочет от вас дух. Исполнив, по мере возможности, его просьбу, вы наверняка избавитесь от полтергейста. Как можно видеть, никакой дурной «мистики» тут нет.

Здесь, иллюстрации ради, приведу один подробный рассказ о полтергейсте, который заимствуем из статьи Гди_Бони «Загадка полтергейста» в итальянском журнале «Аркана».

«Д-р Киннемен в письме профессору Хислопу, датированном 4 апреля 1918 г., пишет следующее: «Мой дядя Джон У.Киннемен, мой отец Джекоб У.Киннемен и один юноша по имени Адамс (фамилии его я не припомню) были студентами-медиками и близкими друзьями. Однажды они торжественно поклялись друг другу, что если один из них умрёт в молодые годы, то другим из них будет предоставлено право обладать скелетом его в научных целях, с тем условием, что скелет этот должен всегда оставаться под присмотром друзей и что если наступит день, когда условие это не будет возможным соблюсти, то скелет должно будет вернуть в могилу. Адамс заявил, что он со своей стороны требует точнейшего соблюдения этого уговора; в противном случае, предупреждал он, он будет протестовать, поднимая шум и устрашающим образом шевеля костями своего скелета.

Вскоре за этим последовала смерть Адамса, и мой дядя Джон, став деканом, вступил во владение скелетом и хранил его при себе до самой своей смерти; после него он хранился у моего отца, доктора Джекоба; затем он побывал у его брата д-ра Лоуренса; потом у д-ра Джексона; после чего он попал к моему брату Роберту и наконец к другому моему брату — Чесу. Во время этого довольно долгого промежутка времени, если условия договора соблюдались, скелет Адамса держал себя вполне пристойно, но если же они нарушались, то тогда происходили разные неурядицы. Помню, как в 1849 году, когда я был ещё ребёнком, отец мой должен был на какое-то время уехать в Калифорнию, и скелет был унесён на чердак. Такое нововведение, повидимому, не устроило Адамса, и этой же ночью раздавались тяжёлые и громкие шаги, которые то спускались, то поднимались по лестнице, ведущей на чердак, или же двигались взад и вперёд внутри его. Такие проявления серьёзно взволновали мою мать, так как не давали спать всей семье, и она обратилась к моему дяде, доктору Дж.П.К., умоляя его освободить нас от скелета Адамса.

Он согласился, и как только он забрал его, в доме наступил покой. Мой дядя долгое время держал его в своём кабинете; но однажды он решил перенести его в другое место — в комнату в доме, соседнем с тем, где был его кабинет. В том доме жили две семьи, которые вскоре оказались вынуждены уехать оттуда по причине необъяснимых и странных звуков, раздававшихся по ночам; и после этого уже никто не мог жить в том доме. Когда же мой отец вернулся из Калифорнии, он забрал скелет Адамса и снова поставил его в своём кабинете — тогда в том доме всё успокоилось.

Отец мой умер в 1874 г., и скелет перешёл моему брату Роберту, который держал его в подполе комнаты, смежной с кабинетом. Но однажды ему пришла в голову идея перенести его в соседнее здание, служившее складом строительных материалов, куда скелет был помещён без ведома грузчиков магазина. Прошло немного времени, и грузчики стали отказываться ходить туда вечером, причиной чему были таинственные звуки, раздававшиеся на складе. Тогда брат решил забрать оттуда скелет, и тут же на складе всё успокоилось.

Останки Адамса и по сию пору находятся во владении моей семьи, и когда они не пребывают в небрежении, никаких проявлений в доме не происходит.

Я знал, что отец мой хотел вернуть скелет в могилу, но не сделал этого, опасаясь раздражения родни Адамса, ничего не знавшей о существовании договора...» (Подпись: д-р Г.Э.Киннемен).

Другой свидетель, д-р Ч.Л.Киннемен, более подробно описывает шумы, производившиеся на чердаке, когда там находился скелет Адамса. Он пишет: «...На чердаке были сотни бутылок, остатки бакалейных запасов. И вот теперь по ночам, как только все лягут спать, на чердаке стали раздаваться странные звуки. Казалось, будто все бутылки с силой колотятся друг о друга, разбиваясь и падая на пол. После чего раздавался иной звук: казалось, будто большое пушечное ядро скатывалось вниз по лестнице до двери столовой, ударялось о дверь и катилось в обратную сторону, живо перескакивая на лестнице со ступеньки на ступеньку. Кто-то из семьи, преодолев страх, поднялся на чердак с зажжённой свечой, но шумы тут же прекратились, а на чердаке всё оказалось лежащим в полном порядке на своих местах. Как только мы снова легли и выключили свет, проявления возобновились. Кто-то заметил, что тело, перекатывавшееся по лестнице вверх и вниз, должно обладать огромным весом, если судить по грохоту, который оно производит; и тут же грохот уменьшился и стал не громче тихих шлепков, попрежнему спускающихся и поднимающихся со ступеньки на ступеньку. Программа всё время менялась в зависимости от наших замечаний; проявления продолжались и после того, как все снова улеглись, сломленные усталостью и сном. В день, когда скелет унесли с чердака, в доме снова всё успокоилось».

Д-р Р.Ч.Киннемен в свою очередь пишет: «Я проснулся первым, или был разбужен первым, услышав вдруг звук приглушённого падения, как если бы кто босыми ногами соскочил с постели на пол, затем послышалось шуршание одежды, потом какой-то шум и наконец раздался грохот тяжёлого предмета, перекатывающегося по полу, спускающегося по лестнице, перескакивая со ступеньки на ступеньку, и после поднимающегося по ней вверх, громкость и сила звука при этом время от времени менялись. Моя мать вошла в комнату вместе с Оливером, и хотя она и была женщиной энергичной, всё же она казалась сильно напуганной. С зажжённой свечой они поднялись вдвоём на чердак, но их появление мгновенно заставило шумы прекратиться. Осмотрев всё и ничего не найдя, простояв некоторое время в ожидании, они вышли, закрыв за собой дверь; и тут же шум возобновился. Они вошли вновь — и всё смолкло; они вышли — шум возобновился уже при закрытии двери. Тогда мать попробовала оставить там горящую свечу, но это ничего не дало, шум продолжался. Она оставила тогда несколько зажжённых свечей, но всё без толку. Наконец она зажгла камфорную лампу, горящую очень ярким светом, и всё с тем же успехом. Казалось, что бутылки колотятся друг о друга и падают на пол, разбиваясь вдребезги, тогда как на самом деле ничего подобного не происходило. В конце концов шум удалился с чердака, спустившись по лестнице, и сосредоточился где-то в глубине дома; тогда только мне и удалось заснуть...»*

Вернёмся, однако, к телепередаче и вообще к учёной реакции по этому поводу. Те, кого у нас называют «учёными», как всегда оказались наименее

* Gastone di Boni, «L'Enigma del «Poltergeist», nell'«Arcana», N 4, settembre, 1972. (И.Р.)

подготовлены к признанию и осмыслению такого факта действительности. Объяснения, даваемые ими, не попадают даже под рубрику «изобретательства велосипеда», они находятся пока что на стадии «открытия колеса», с той только принципиальной разницей, что те, кто дают подобные объяснения и довольствуются ими, колеса так никогда не открывают.

Человеческое невежество в данном круге вопросов поразительно, именно оно заставляет нынешних учёных изобретать какие-то теории и объяснения после того, как всё было понято и давно объяснено их коллегами в предыдущих поколениях. Достаточно лишь полистать некоторые из соответствующих работ великого английского физика и химика В. Крукса, французского астронома К. Фламариона и многая-многих других учёных, не забыв и русского химика А.М. Бултерова, остановить особое внимание на книге Ф. Мейерса «Человеческая личность и её сохранение после смерти тела» (F.W.H. Myers “Human Personality and Its Survival of Bodily Death”), почитать об опытах полковника А. Дероша по регрессии памяти, о более ранних опытах испанских исследователей Ф. Колавиды и Э. Мараты, начав общее знакомство с этими вещами с небольшой работы А. Конан-Дойля «Новое Откровение», — и тогда можно будет понять всё, что имеет отношение к данному предмету. А предметом этим, угодно Вам того или нет, является Спиритизм — сложный комплекс философии, науки и религии, комплекс, в котором извечная вражда этих инструментов человеческого познания прекращается и начинается их плодотворное сотрудничество. Повторяем, что «польтергайт» — лишь один из терминов этой области знаний. Однако никогда не судите о достоинствах бюста по отбитому носу, господи! И если Вам претит эта область, то хотя бы не надо поднимать на обсуждение один из частных её вопросов, ибо это так же нелепо, как изучать электричество, отрицая всю остальную физику, или рассуждать о низком интеллектуальном уровне телепередач, валя вину за это на теорию распространения радиоволн.

Слово «спиритизм» сильно скомпрометировано всевозможными искажителями, невеждами и шарлатанами, но для человека, знакомого с латынью, оно всегда сохраняет свой изначальный и ясный смысл, указывая на то, что это «учение о духе», «учение духов» или, одним словом, «духоведение», «духовничество».

В представлении большинства людей Спиритизм — нечто до крайности несерьёзное, скандальное, неприличное, связанное с верчением блюдецек и кручением столов. Ничего не может быть ошибочнее подобного представления. Начало новейшему Спиритизму, хотя он существовал всегда в силу самой природы вещей (ибо человек всегда был *духом* и никогда не был *телом*), действительно положило вращение столов и всевозможные стуки, наподобие тех, что звучали в передаче. Но о том, что последовало за этим, немногие, пожалуй, догадываются. И что, собственно, может быть унизительного для Спиритизма в стуках и вертящихся столах? Вращение забавной детской игрушки — волчка — или падение яблока, которое, якобы, помогло Ньютону открыть закон всемирного тяготения, нисколько, надо полагать, не умаляют физики? Не умаляют и Спиритизма вертящиеся столы, тем более что за ними последовали открытия гораздо более важные, чем все законы физики, более важные, чем даже сама физика, — и это не преувеличение.

Речь ведь идёт не о пустяках, а ни много ни мало о бессмертии человеческого. Необходимо при этом подчеркнуть, что Спиритизм не есть *ВЕРА*, он есть *ЗНАНИЕ*, ибо строится на фактах и экспериментах, на анализе их и строгой *ЛОГИКЕ*. Благодаря ему человек получает истинное знание о своей природе и природе всей Вселенной, он начинает понимать, что он не продукт материи, или попросту говоря, «кусок мяса», но *бессмертное духовное существо*, для которого тело – лишь временная одежда, каковую он сбрасывает с себя после смерти. И может ли оно быть иначе, если сознание, как то недвусмысленно указывают опыты, сохраняется после смерти тела; сам по себе факт этот означает сокрушение всех враждебных Спиритизму теорий. Смерть, таким образом, не итог, не черта, а лишь трансформация, переход в иное состояние бытия. Став на эту точку зрения, человек своим взором начинает проникать и прошлое, и грядущее, расстояния для него исчезают, масштабы мира раздвигаются – и он из обитателя клочка земли становится Гражданином Вселенной; беспредельность пространства и времени делается доступна ему; космические путешествия становятся одним из обычных его занятий. Но и это ещё не всё. Из миров высших он получает информацию, призванную способствовать возрождению и совершенствованию земного человечества: Высшие Духи, многие из которых некогда жили на Земле, были людьми и стали столпами и светочами нашей культуры, самолично общаются с ним и в письменных посланиях своих обсуждают важнейшие вопросы философии, религии, науки, искусства, нравственности, права и т.п.; и теперь они рассуждают с большею свободой, ибо их познавательная способность не ограничена более пятью земными чувствами, а ум их совершенно свободен от земных предрассудков, условностей и ограничений. Так что им виднее, чем нам, и сказанное *ими* должно приниматься нами за совершенную истину. Они же объясняют нам тёмные места, которых так много в Священных Писаниях всех религий, затемнённых не только временем, особенностями древних языков, несовершенствами перевода, но и тем ещё, что характер их сугубо эллиптичен. И духи в своих комментариях снимают все недосказанности и устраняют любые двусмысленности. Через этих духов земной человек устанавливает свою связь и единство с Высшим Разумом, правящим Вселенной, видимой и невидимой, и делается активным исполнителем Его приказов.

Как бы странно, как бы необычно ни звучало всё это для профана, тем не менее это не бред сумасшедшего, но суть особого мировоззрения, созданного поколениями терпеливых исследователей. Так что сегодня, когда столько сделано и узнано, отрицать, игнорировать факты мистики, оккультизма, уфологии значит демонстрировать тем отнюдь не свой здравый смысл и проницательность, как то многие почему-то полагают, но лишь показывать свою глупость, невежество и недомыслие.

Политические и идеологические условия в нашей стране долгое время находились на таком уровне, что сколько-нибудь серьёзно о таких вещах говорить не приходилось. Хочется думать, что теперь это время безвозвратно прошло и можно всё называть своими именами. «Оккультное», т.е. «скрытое», «потайное», «неявное всем» сегодня должно наконец стать ясным, явным,

понятным каждому, ибо таков путь здоровой цивилизации, её восхождения на следующую ступень эволюции, а также залог нашего выхода из глубокого и затяжного духовного кризиса. Сегодня уж слишком много говорится о духовности, утрате духовности и тому подобном. Но, спрашивается, о какой «духовности», «духовной культуре», «духовных ценностях» может идти речь у тех, кто не признают существование самого *духа*? Надо полагать, что это всего лишь метафора, к тому же довольно корявая.

Не стоит сводить данный вопрос к «идеологии», как по слабоумию это делалось до сей поры, ибо он бесконечно шире и глубже: всё это вопрос не столько идеологии, сколько гносеологии и онтологии. Наибольшее заблуждение, наизлостный предрассудок — это злобное предубеждение. Оно надевает шоры на глаза рассудка, и он одержимо смотрит тогда в одном направлении, отказываясь даже от попытки понять, что могут быть и другие направления, и другие точки зрения, которые также имеют право на существование. Не может быть признано здоровым общество, с оголтелой нетерпимостью относящееся к иным взглядам на вещи и, к тому же, задавленное самооцензурой. Такая позиция всего менее научна и означает лишь несдержанность ложной мысли.

В скором времени мы заканчиваем работу над переводом и подборкой наиболее интересных страниц спиритической литературы. Книга эта крайне нужна сейчас всему обществу, всей стране, чтобы обрести надежду и преодолеть глубочайший духовный кризис, из коего не выйти ныне ни с помощью науки, ни религии, ни философии (ибо слишком поздно). Хотелось бы только знать, где в *этой* стране, в каком издательстве сможем мы её опубликовать? Остаётся уповать не на благоразумие людей, а единственно на помощь Мудрой и Могущественной Силы всенаправляющей.

Помимо того, полагаем, что пора наконец подумать и об издании рехимовской «Агни-Йоги», а также всего наследия Йога Рамачараки, вместо того чтобы изводить бумагу на печатанье вздорных партийных рассуждений и сомнительной художественности. Меньше надо увлекаться и развенчанием 70-летнего мрака. Сейчас довольно этого. Кто мог понять, уже давно всё понял, прочие же ни на шаг от того не подвинутся. У нас нет времени дожидаться их. Теперь надобно смотреть вперёд. Вперёд и вверх!

Итак, не стоит «изобретать велосипед» и не следует коснеть в невежестве: нужно лишь ознакомиться с тем, что было уже сделано учёными предыдущих поколений. Наконец, следует сказать, что всякий разговор на эту тему без благодарного упоминания имён Аллана Кардека и Леона Дени представляет собой некомпетентную, дилетантскую болтовню. К работам этих французских философов и предлагаем Вам обратиться, дабы понять природу сих естественных и отнюдь не чудесных явлений, а это уже поможет Вам по-новому осмыслить то, что Вы считаете для себя известным.

Павел Гелев

**ФЕНОМЕН «ПРЯМЫХ ГОЛОСОВ»
(ГОЛОСА УМЕРШИХ ЗВУЧАТ,
И САМИ ОНИ ЖИВЫ)**

*„Es giebt mehr Ding’ im Himmel und auf Erden,
Als eure Schulweisheit sich trumen last.“*

W. Shakespeare

У спиритического Учения имеются две стороны, как бы две части. Одна из них — это лежащая в его основе философско-нравственная концепция, выраженная в «Книге Духов» Аллана Кардека, а впоследствии продолженная и развитая в иных его работах и работах других исследователей. И вторая — это теория спиритических манифестаций, имеющая сугубо прикладное значение; она была первоначально сформулирована в «Книге Медиумов» Алланом Кардеком и по ходу времени также дополнялась другими исследователями. Обе стороны Учения могут рассматриваться и как дополняющие одна другую, и в то же время — как самостоятельные. Так философско-нравственная концепция нисколько бы не пострадала, если бы теории манифестаций и вовсе не существовало; со временем однако, из одной только этой концепции, стала бы ясна возможность и необходимость существования этих манифестаций, и люди, пожелавшие бы применить теорию на практике, убедились бы в её справедливости. И, с другой стороны, люди, ничего не знающие о философской концепции, но успешно занимающиеся практикой, если бы они были достаточно внимательны и вдумчивы, в конце концов всё равно бы, в итоге весьма долгого ряда лет, пришли к созданию философско-нравственной концепции.

Разговор о последней составляет отдельную большую тему, и мы в данном случае затрагивать её не станем, а ознакомимся вкратце с некоторыми проблемами практической стороны Спиритизма: рассмотрим характер установленных опытным путём феноменов и приведём некоторые достойные внимания примеры.

Вся спиритическая практика основана на признании того факта, что человек есть не *тело*, но *душа*, и что после смерти тела душа продолжает свою жизнь в иных, отличных от земных условиях. Помимо того, в основе этой практики лежит знание о том, что душа умершего с душами, временно воплощёнными в человеческое тело, общаться может *только* при строго определённых условиях, изучение которых представляет собой особый раздел спиритической теории и практики. Этого раздела мы пока что также касаться не будем, ограничимся лишь простым указанием на то, что в любом общении существуют свои законы, и один из этих законов выдвигает необходимость в посреднике. Так, когда вы говорите с собеседником, то такими посредниками вам служат ваши органы речи, воздушная среда и ваши с собеседником органы слуха. Если

вы общаетесь с этим же собеседником на значительном расстоянии, то в роли таких посредников, помимо предыдущих, могут выступить два телефонных аппарата и сложная система кабелей, их соединяющая. Когда же вы желаете общаться непосредственно с обитателями мира иного, то вам также необходим посредник, и посредник этот называется «медиумом».

В «Книге Медиумов» Кардека, а также в работах Крукса и других исследователей перечисляются и объясняются самые разные по своему характеру спиритические манифестации. К ним относятся: вращение столов и иных предметов, левитация предметов и живых существ (в том числе и людей), принесение предметов (так называемые «апорты», при этом расстояние и даже размер предмета не играют большой роли), телекинез, самостоятельная (без контакта с человеческими пальцами и каким иным агентом) игра музыкальных инструментов, чтение мыслей, предсказания, психография (или «автоматическое письмо», когда рука пишущего медиума находится под водительством проявляющегося духа и записывает мысли последнего, как если бы она была его собственной рукою), отпечатки человеческих рук и лиц в расплавленном парафине без контакта с участниками эксперимента, появление полупрозрачных и светящихся рук, лиц и фигур (эти феномены получаются обычно в полумраке), эктоплазмические материализации (это продолжение предыдущего феномена, когда появившаяся человеческая фигура начинает уплотняться, всё сгущается, пока не приобретает наконец все признаки реального человеческого тела, а затем в конце манифестации начинает всё разрежаться, покуда не растворится, не растает в воздухе, как уносимый ветром туман), «прямые голоса» и многое-многое другое.

Жюль Ренар в своём дневнике говорит: «Смерть плохо устроена. Нужно, чтобы наши мертвецы от времени до времени посещали нас по нашему зову, беседовали с полчаса. Как много мы не успели им сказать, пока они были здесь». Что ж, выясним, так ли уж справедлив этот упрёк в адрес смерти, и не идёт ли она навстречу как раз этому пожеланию писателя. А для этого рассмотрим, как собственно происходит феномен «прямых голосов» по словам самих экспериментаторов.

Английский писатель Г. Деннис Брэдли в своей книге «Towards the Stars» («К звёздам») описывает собственные впечатления на сеансе с сильным медиумом для производства «прямых голосов» Джорджем Вэлиэнтайном. Брэдли, находясь в деловой поездке по Соединённым Штатам, был приглашён своим другом принять участие в медианимическом сеансе, и из любопытства согласился. Вот в каких выражениях описывает он свою первую встречу со спиритическими явлениями:

«Внезапно запала глубокая тишина, и тут же у меня возникло ощущение, будто в комнате присутствует кто-то пятый. Вслед за этим я услышал изящные интонации женского голоса, звавшего меня по имени. Голос дрожал от переполнявшего его чувства, звуки его раздавались поблизости от меня справа. Я держался холодно, спокойно, как и подобает бесстрастному наблюдателю. На призыв я ответил односложным: «Да!» Тогда моё имя было повторено ещё дважды, голос был всё более исполнен волнения, словно бы та, которая говорила, была

вса во власти радости, вновь увидав своего обожаемого друга после долгой разлуки. Я ответил: «Да, это я и есть. Что вам угодно?» И голос: «О! я люблю тебя! я тебя люблю!» Слова эти были сказаны с наэлектризовывающими нежностью и красотой. Я слышал, как эти же слова произносят некоторые из величайших мировых актрис, но никогда не слышал, чтоб они были отмечены такою полнотою чувства... Я попросил: «Скажите мне, кто вы. Назовите ваше имя». С этого мига началась долгая, проникновенная беседа между нами; и уже не вполголоса, а в полный голос, как между двумя людьми, живущими в этом мире. Наша взволнованная беседа, исполненная ликующей радости, разворачивалась в то время, как тут же сидело трое свидетелей, которые всё слышали. Никто из них не знал моих семейных дел, и ещё менее кто-либо из них мог знать, что у меня была сестра, умершая десять лет назад...

При жизни она обладала красивым голосом, который модулировал с чарующей гибкостью, а фразировка её отличалась необычайной грацией, и при этом она была «пуристой» в выборе слов. Я никогда не встречал другой женщины, которая разговаривала бы с таким изяществом. Так вот: когда десять лет спустя после своей смерти она проявилась мне медианимическим путём, то говорила она с той же отличительной фразировкой, какую имела и при жизни, и каждый слог, какой она произносила, характеризовался теми неподражаемыми особенностями каденций и интонаций, которые отличали её среди тысячи других женщин.

Мы беседовали четверть часа на разные интимные темы, которые могли быть известны только ей и мне... Затем я попросил её рассказать о своей спиритической жизни, и она ответила, что совершенно счастлива в той чудесной обстановке, в которой живёт; но в то же время она бесконечно рада, что наконец нашла способ говорить со мною. Мы так долго говорили о своих делах, что оба сразу почувствовали, как мы бестактны по отношению к другим, которые ждали своей очереди. Прежде чем расстаться, я спросил её, придёт ли она завтра вечером, и она обещала мне притти. Мы в последний раз поприветствовали друг друга, и перед тем как уйти, она послала мне звучный поцелуй, который был слышен всем... В этот вечер я пережил самое великое событие своей жизни. Именно с того мгновения, как я узнал голос своей сестры, всё показалось мне странным образом естественно; с того самого мига, как я *поверил*, сверхестественное стало для меня естественным и разумным. Всякое сомнение исчезло пред подобным доказательством, и в один миг ум мой понял, как всё то, что до сей поры представлялось мне невозможным, было, напротив того, возможно... Всякое подозренье в чревоуещании просто смешно. И никто на свете не смог бы имитировать ясный, чистый и нежный голос, который в тот вечер говорил со мною; ни один голос на свете не мог бы обладать теми индивидуальными свойствами, какие были присущи голосу Анни, с его особой интонацией, необычайными особенностями произнесения, отличавшими её при жизни; не говоря уж о том, что никто не мог бы обнаружить столь полное знание всех перипетий общего нам с нею прошлого...»

На втором сеансе, на котором присутствовал Брэдли, произошло ещё одно необычайное событие: состоялась оживлённая и сердечная беседа

между кухаркой и её покойным мужем на *языке басков*. После этого Брэдли начал упражняться в медиумизме с целью самому добиться осуществления феномена «прямого голоса», что ему и удалось. Однажды вечером, в октябре 1924 года, он пригласил к себе г-жу Фрэнсис Карсон, знаменитую английскую драматическую актрису, и как только погас свет, некая сущность, назвавшаяся её мужем, окликнула её по имени. За этим последовала одна из самых волнующих и драматических бесед, какие только могут быть. Когда госпожа Карсон уходила, она заявила, что это свидетельство продолжения жизни близких представляет собой самое чудесное событие её жизни.

Вечером 18 марта 1925 года Брэдли пригласил японского поэта Гонносэ Комаи, и к величайшему удивлению всех присутствующих проявилась сущность, принявшая говорить с Комаи по-японски. Этот последний сообщил, что он вёл разговор со своим старшим братом, тембр голоса которого он узнал и воспоминания которого вполне соответствовали тому, что было прежде.

Как можно видеть, опыты Брэдли, из которых мы приводим здесь только выдержки, имели результаты, без всякого сомнения, интересные и дающие богатую пищу для размышлений о Спиритизме, о смысле и назначении человеческой жизни. Они сосредоточены в двух книгах, имевших огромный успех в Англии, и когда подумаешь о том, что он месяцами подолгу беседовал с умершими родными и что то же случилось с теми, кого он приглашал на свои сеансы, и что сообщающиеся существа разговаривали также и на других языках, то не будешь удивляться тому, что Брэдли безоговорочно примкнул к спиритическому движению. «Я с полной ответственностью утверждаю, — пишет он, — что если Анни и Уоррен не являются живыми и реальными спиритуальными личностями, то тогда большое число личностей бесцветных и призрачных, с которыми мне пришлось встречаться в местах светского общения, в театрах и клубах, либо также суть в свою очередь призраки умерших, либо суть не что иное, как неудачные фантазии воображения. Доказательства своей тождественности, которые представили мне мои духовные друзья, гораздо более впечатляющи, нежели те, что представлены мне большинством заведомо светских гостиных. СМЕРТИ НЕТ: я написал два толстых тома, чтоб доказать это, и мне удалось непосредственно, на деле установить регулярные отношения с духовным миром. И я должен сказать, что открытие это на много голов выше всех прочих открытий, так как оно знаменует собой крупный шаг на пути, ведущем к истинной науке о будущем!»

Пойдём, однако, далее. Невилл Уаймент, профессор языкознания в Оксфорде, будучи в Нью-Йорке, был приглашён принять участие в сеансе с проявлением прямого голоса, так как общающаяся сущность изъяснялась на каком-то непонятном восточном языке. Стоит познакомиться с изложением фактов в том виде, как его даёт сам Уаймент:

«Тот, кто пригласил меня, сообщил мне, что «прямые голоса» говорили на языках, не известных никому из присутствовавших, и что поэтому моё появление было желательно единственно ради перевода с этих языков, а не потому что кого-либо интересовало моё мнение по поводу самих явлений.

Я узнал, что экспериментаторы были убеждёнными спиритами и что в ряде сеансов они получили удивительные доказательства, удостоверяющие лич-

ность сообщавшихся... Мне было довольно приятно это неожиданное приглашение. Хотя я никогда и не был противником спиритических исследований, но у меня как-то никогда не выпадало времени заняться этим, и поэтому сеанс, на который меня приглашали, показался мне интересным развлечением, которое могло бы доставить отдых моему уму. И, говоря откровенно, я рассчитывал, что уж я-то, после того как услышу некоторые из этих «прямых голосов», сумею открыть, каким образом производилась столь ловкая и изощрённая мистификация. В указанное время я приехал в назначенное место. Один за другим проявлялись разные голоса, говорившие по-английски с разными членами группы. Некоторые из этих бесед затрагивали обстоятельства столь интимные, что я чувствовал себя до крайности неловко, ибо мне начало казаться, что я посторонний, вторгшийся сюда подслушивать секреты ближних. По счастью, в комнате царил полумрак, и никто не мог увидеть, что я краснею от стыда.

Вдруг раздался громкий голос, представившийся как Кристо д'Анджело, сказано это было с сильным итальянским акцентом. Вслед за этим голос начал говорить на подлинном итальянском языке. По-итальянски я не говорю, но понимаю довольно хорошо. Говорящий обратился ко мне со следующими словами: «Скажите синьоре Х. (одна из присутствующих на сеансе), что она не сдержала данного мне слова достаточно выучить итальянский язык, что разговоривать со мною на моём языке. Она продолжает отвечать мне по-испански, а это меня сильно затрудняет». Дама, которой был адресован упрёк, искренне признала, что Кристо д'Анджело прав. Этот последний некоторое время ещё разговаривал со мной, выражаясь на каком-то тёмном итальянском диалекте. Позднее я узнал, что это было сицилианское наречие. Затем последовали другие голоса, говорившие по-английски; и вот неожиданно в полумраке раздалось странные, расстроенные, скрипучие, но хорошо знакомые мне звуки, сразу же мысленно перенесшие меня в Китай. Это звучала китайская флейта, но исполнение было довольно неважное. В Небесной Империи часто случается натолкнуться на флейтистов, чего несомненно не происходит ни в одной другой части света. И вот раздался глубокий бас, очень отчётливо произнёсший слово: «К'унг-фу-Т'цу».

В произнесении этого слова я обнаружил голосовые модуляции, заслуживающие самого большого внимания... «К'унг-фу-Т'цу» — китайское произнесение имени «Конфуций»; это более чем имя, это титул. Он означает: «Высочайший Учитель философии К'унг». Фамилия К'унг ещё существует в Китае, и потомки великого философа более 2000 лет получают особую пенсию от китайского правительства.* И сам по себе факт прямого голоса, утверждающего, что он Конфуций, не очень-то примечателен, если учесть, что имя это самое знаменитое в китайской истории, но дело в том, что очень немногие люди на свете, если только они не китайцы, будут в состоянии правильно произнести его, как это сделал голос. Например, слог «Т'цу» или «Т'це» произнести правильно крайне трудно, и звук, наиболее приближающийся к этому — «ц», но всё же это не совсем то. Я тут же, стало быть, убедился, что тот, кто говорил

---

* Это было написано, разумеется, до водворения в Китае коммунистов. (Й.Р.)

со мной, несомненно был сведущим востоковедом, ибо не только произношение, но и самые деликатные изгибы голоса были воспроизведены совершенно правильно. Я спросил: «Кто вы?» Тот же голос, с некоторым нетерпением, ответил: «К'унг-фу-Т'цу». Мысль о том, что это мог быть сам Конфуций, мне и в голову не пришла; я просто предположил, что нахожусь в присутствии кого-то, кто желал бы побеседовать со мною о жизни и философии великого китайского мыслителя. Я решил проникнуть в глубь тайны; для чего, соблюдая обычный китайский приветственный церемониал, спросил ещё: «Могли бы вы сказать мне, как вас звали при жизни?» — «К'ю». — был ответ. Правильно, но имя это хорошо известно востоковедам. И, стало быть, правильный ответ этот, как бы ни был он интересен, ещё не мог служить окончательным доводом, удостоверяющим личность говорящего. И потому я снова спросил: «Могли бы вы сказать, как вас звали в 14 лет?» Тут же получаю правильный и исчерпывающий ответ, сказанный к тому же со специфически китайской интонацией и голосовой модуляцией. Отмечу, что имя, которое на этот раз было мне названо, и среди самих востоковедов известно весьма немногим.

После этого я заметил своему собеседнику, что некоторые из классических стихотворений, им самим написанных или изданных, представляются непонятными современным читателям. Голос попросил, чтобы я указал какие-либо из этих стихов, дабы он мог внести ясность. Я выбрал третий стих в «Ши-Кинг», поскольку он наиболее тёмнен из всех. Я помнил только первую строку и прочёл её ему. И тут же голос, с совершенной китайской фонетикой, прочёл мне всё стихотворение, которое известно сегодня, и после паузы в пятнадцать секунд прочитал его мне снова, но на этот раз в правильном варианте, что придало всему стиху совершенно иное значение. Сделав это, голос спросил: «Теперь, когда я всё исправил, понятен ли вам смысл?»...

В других случаях духи китайских деятелей говорили на своём языке *в отсутствие* профессора Уаймента, что таким образом исключало возможность чтения мысли в уме консультанта. На сеансах присутствовал лорд Чарльз Хоуп, делавший запись звучащих голосов на диске (ибо в ту пору ещё не было магнитофонов). Когда затем Уаймент прослушивал записи, он признал, что голоса в совершенстве говорят на китайском языке.

Примеры такого рода можно было бы продолжить, но мы полагаем, что сказанного достаточно. Читателю следует самому оценить всю значимость таких фактов. Мы только позволим себе мимоходом отметить, что феномен «прямых голосов», самым фактом своего существования, полностью речёркивает теории парапсихологов и доморощенных спиритов, сисящихся объяснить разумные спиритические явления (и в первую очередь «автоматическое письмо») каким-то влиянием подсознательного «я» медиума, влиянием коллективного подсознания участников сеанса или неким вмешательством инопланетных сил. Все подобные гипотезы с упорством, заслуживающим лучшего применения, измышляются единственно для того, чтобы не признавать вещей, совершенно очевидных для непредубеждённого ума, а именно, что явления эти обусловлены непосредственным влиянием развоплощённых индивидуальностей умерших людей.

Непоколебленной этими фактами остаётся одна только навязчивая идея христианских теоретиков, каковые объясняют все эти вещи происками «нечистого», могущего (в согласии с тем, как они его понимают, и теми полномочиями, которые они ему вверили) до бесконечности менять свои личины, дабы легче ввести слабых человек в обман для «погубления» их. Но подобная, с позволения сказать, аргументация всего менее научна, и вести полемику с выдвигающими её сегодня так же непродуктивно, как и возражать людям, которые в наши дни вздумали бы утверждать, что Земля плоская и что покоится она на четырёх китах. Единственное, что можно посоветовать господам ортодокс-христианам, это — всё же внимательнее читать «Новый Завет» и дорожить *духом* Христова учения, а не *буквами* вольного перевода его, в коих они склонны усматривать для себя высший авторитет. Это с одной стороны. А с другой, желательно (и это же относится и к разного рода оккультистам, каковых теперь у нас имеется множество), чтобы они все основательно познакомились с предметом своей критики, поскольку без этого пока что получается, что они сражаются не с ним, а с собственными о нём представлениями. С последним обстоятельством, в частности, связано то, что столь многое, ставящееся ими Спиритизму в вину, им самим также никоим образом не приветствуется. И они, приписывая предмету критики то, что он сам решительно порицает, лишают тем свою критику всякого основания, а себя ставят в глупое и смешное положение.

1991 г.

* * *

Павел Гелева́

**ФЕНОМЕН «АВТОМАТИЧЕСКОГО ПИСЬМА»
(БЕСЕДЫ С ОСКАРОМ УАЙЛЬДОМ)**

*“There are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy.”*

W. Shakespeare

«Автоматическим писанием» или «ручной психографией» в Спиритизме называется писание, получаемое посредством руки медиума, когда тот держит в руке карандаш или ручку. Во время прямого писания медиум только *держит* пишущий прибор, но *не водит* им: тот движется без участия сознания медиума, как бы машинально, помимо его воли, побуждаемый к этому движению внешней по отношению к медиуму силой. Возможно ли такое? — тут же резонно усомнятся скептики. Давайте рассудим, исходя из принципа существования и бессмертия души, оспаривать который сегодня — уж совсем непроходимое невежество.

Если мы признаём принцип существования души и то, что она сохраняется после смерти тела, мы будем вынуждены также признать, что существо, думающее в нас во время нашей жизни в материальном мире, должно думать и после того, как мы этот мир оставим, т.е. после смерти нашего физического тела.

Если оно думает и после смерти, то оно естественно должно продолжать думать о тех, кого раньше любило и кого оставило на земле.

Если духовное существо думает о тех, кого раньше любило и кого оставило здесь, то оно должно желать с ними общаться.

Опыт показывает, что посредством своей эфирной оболочки оно может действовать на безжизненную материю: об этом говорят нам все факты телекинеза и левитации, связанные с полтергейстом или происходящие во время некоторых спиритических сеансов. Но если духовное существо может действовать на безжизненную материю и вызывать передвижение неодушевлённых и одушевлённых предметов, то что тогда, спрашивается, может помешать ему воздействовать на руку живого человека, управлять и водить ею?

Если, однако, оно может водить и управлять рукою живого человека, то какие причины, собственно, не дают ему писать ею?

А если оно может писать человеческой рукой, то что в таком случае мешает ему выражать свою мысль и отвечать на обращённые к нему вопросы?

При наличии исходной несомненной посылки о существовании и неразрушимости души ответить отрицательно хотя бы на один из этих вопросов, значит не иметь вовсе здравого смысла. Таким образом, в явлении прямого писания нет ничего логически невозможного. Когда вы поняли это, вы готовы к тому, чтобы наблюдать факты и делать соответствующие выводы. В этом случае наблюдение скоро убедит вас в безусловной реальности всех подобных вещей. Забегая немного вперёд, скажем, что в этих же целях в наш технический век

вместо ручки и карандаша могут быть употреблены пишущая машинка и персональный компьютер, что некоторыми с успехом и делается.

Говоря о писании, нельзя, разумеется, обойти такую проблему, как почерк. Почерк, получающийся в результате автоматического, прямого писания, оказывается всегда отличен от почерка медиума, когда тот пишет сам в нормальном своём состоянии. Как правило, характер психографического почерка весьма напоминает прижизненный почерк того лица, которое данный дух представляет. Карл Дюпрель в своей книге «Die Entdeckung der Seele durch die Geheimwissenschaften» («Открытие души потайными науками») в этой связи говорит: «Тождественность почерка, по видимости, свидетельствует в пользу непосредственного влияния руки. Если же почерки не совпадают, то назвавший автор послания всё равно может быть инспирирующим агентом, который ограничивается одним мысленным внушением, а почерк оставляет субъективности медиума».

Психографический почерк иногда бывает весьма разборчив, слова и буквы совершенно разделены. У других же медиумов, кроме них самих, почти никто не может разобрать написанного. Нередко сообщения оказываются составлены из больших букв, иные слова могут занимать целую страницу: духи мало склонны беречь бумагу. Когда слово или фраза оказываются неразборчивы, то просят духа написать снова, что он обыкновенно исполняет охотно. Когда дух кончит то, что хотел сказать, или не желает более отвечать, рука остаётся неподвижной и медиум, сколь бы ни была сильна его воля и способность, ничего более не добьётся. Когда же дух ещё не окончил, карандаш, напротив того, двигается так, что руке почти невозможно остановиться. Медиум, впрочем, всегда чувствует в себе что-то такое, что ему как бы говорит, остановился ли дух на время или совсем закончил писать.

Ещё более сложным случаем, чем предоставление характера почерка субъективности медиума, следует считать то явление, когда получаемые сообщения целиком лежат вне круга представлений медиума и далеко превосходят его способности. Сюда принадлежит тот частный медиум — одна малообразованная женщина, — с которою группа *критических* исследователей провела в 1875 году в Ньюкастле серию экспериментов из 35 сеансов, каждый из коих длился по 3 часа, когда эта женщина экспромтом давала письменные ответы на научные вопросы самого различного характера. Ни один человек в Англии, так полагал очевидец, не был способен ни на что подобное. Без малейшей задержки медиум написал тщательно разработанные очерки о свете, теплоте, электричестве, магнетизме, физиологии растений, анатомии и тому подобном. То же относится и к медиуму Джеймсу, человеку необразованному, который психографически завершил незаконченный роман Диккенса «Эдвин Друд». Вообще, надо сказать, на этом произведении спириты основательно поупражнялись: другие варианты окончания романа были написаны в первые десятилетия нашего века. Случаями этими занимался уже сам Конан-Дойль. Он же занимался изучением посмертных записок и других писателей: Дж.Лондона, О.Уайльда и Т.Гарди.

Другой спиритический авторитет — Эдмондс — упоминает автоматически написанные трактаты, авторами которых назвались Бэкон и Сведенборг.

Примечательным при этом было то, что стиль написанных трактатов имел разительное сходство со стилем обоих этих писателей, довольно несхожих. Эдмонд говорит: «Каждый, кто знаком с их сочинениями, должен поразиться этому. Но это ещё не всё. Есть нечто характеристическое в их почерках. Всё, что утверждается исходящим от Бэкона, постоянно пишется одним и тем же почерком, и то, что приписывается Сведенборгу, пишется почерком другим, но опять-таки постоянным. Один почерк совершенно не похож на другой, и хотя оба они выписаны рукою д-ра Декстера, тем не менее они совершенно не похожи на его собственный почерк. При этом, находясь под влиянием, он с лёгкостью пишет множеством разных типов почерка, и некоторыми из них даже быстрее, чем он в состоянии писать своим собственным. Но он не может делать этого, когда не находится под влиянием... Эта особенность свойственна большинству, если не всем пишущим медиумам, каких я видел, и временами случается совершенно точное подражание тому почерку, который отличал агента при жизни, хотя это происходит и не всегда».

По каким же признакам можно было бы признать подлинность феномена автоматического писания, т.е. то, что источник вдохновения здесь лежит вне медиума?

Сильный довод в пользу этого заключался бы в том, если бы контрольные опыты проводились с несведущим в письме медиумом. И действительно, Гартманн (ещё один исследователь Спиритизма), желая объяснить автоматическое письмо из медиума, говорит: «Писать невольно или автоматически сможет лишь тот медиум, который вообще умеет писать». Этому утверждению, однако, противоречит опыт. А.Н. Аксаков в «Анимизме и Спиритизме» сообщает, что ребёнок г-жи Купер писал в возрасте 2 месяцев, мальчик госпожи Йенкен в 5 с половиною лет, девочка барона Киркупа в возрасте 9 дней! Перти в «Спиритуализме» говорит, что трёхлетний ребёнок г-на Молля написал письмо двух умерших сестёр г-ну Кельсо. Однако также и у медиумов, которые умеют писать, обстоятельства могут говорить в пользу спиритического влияния, причём даже прямого влияния без примеси внушения. Внушение, повидимому, совершенно исключено в тех случаях, когда медиум активен, когда мозг его не есть *tabula rasa*, но деятелен. Медиум Мансфильд писал одновременно двумя руками сообщения разного рода на неизвестных ему языках и в то же время вёл разговор по деловым вопросам. (А.Н.Аксаков, «Анимизм и Спиритизм»). Нечто подобное сообщает и Крукс, когда говорит: «Я был у мисс Фокс, когда она автоматически писала послание одному из присутствующих лиц, тогда как одновременно второму лицу передавалось сообщение на другую тему посредством выстукивания букв алфавита, а сама она всё это время разговаривала с третьим лицом о вещах совершенно отличных от первых двух». («Протоколы О.П.И.»). Медиум аббат Р., положив левую руку на планшетку и взяв в правую карандаш, принялся писать обеими руками на двух языках на две разные темы, причём всё это время он оживлённо разговаривал. («Протоколы О.П.И.»). Гейер, американский священник, рассказывает, что сам видел, как один медиум, штурман, говоривший только по-английски и немного знавший французский и несколько испанских слов,

автоматически писал на семи языках, даже на восьми, поскольку многие иероглифические строки также, повидимому, имели некий смысл: по-английски, по-французски, по-испански, по-немецки, по-латински, по-гречески и по-древнееврейски. Почерки были вполне разборчивы и, как казалось, исходили от разных рук. Помимо того, медиум делал различные чертежи, как то бы стал делать привычный чертёжник, при этом они были выполнены с такой аккуратностью, словно чертились с помощью линейки и циркуля. За полчаса, почти в полной для присутствующих темноте, были исписаны десять больших ватманских листов, и медиум не переставал жаловаться на то, что в комнате «было слишком много света». Предварительно листы бумаги были, разумеется, исследованы и признаны чистыми.

В 20-е годы нашего века в Англии возникла любопытная психическая и литературная проблема, связанная с появлением рукописных текстов, претендующих быть посланием от Оскара Уайльда.

Летним вечером 1923 года, т.е. двадцать три года спустя после смерти писателя, в Англии собралась за столом небольшая группа исследователей, желавших заняться опытами в автоматическом писании. Одним из них была г-жа Трэверс-Смит, урождённая Дауден, женщина большой культуры и высокого положения, уже и прежде добивавшаяся значительных результатов в общении с духами. На этих новых сеансах она была вспомогательным медиумом. Главный же медиум в опубликованных отчётах именовался «г-ном В». Так предпочёл назвать себя для печати С.Дж.Соул, учёный-математик, ставший впоследствии знаменитым парапсихологом, автор «Современных опытов в телепатии», а также председатель Общества психических исследований в 1950-51 гг.

Первая попытка 8 июня чуть было не оказалась безрезультатной, если бы г-жа Смит слегка не коснулась руки Соула, державшего карандаш. Почти сразу же карандаш произвольным движением упёрся в лист бумаги и стал писать, в результате чего получилась короткая и неразборчиво очерченная фраза, подписанная девочкой по имени Лили. И вдруг характер почерка резко изменился, карандаш задвигался быстрее, увереннее, и рука Соула написала: «Нет, лилия не её, а моя».

Госпожа Т.Смит спросила: «Кто это говорит?» И карандаш тут же написал: «Оскар Уайльд». Всё послание, написанное этим вечером, выглядело так: «Нет, лилия была моей: кристалльная нить — серебряный стебель, порождающий музыку утра. Сжальтесь над Оскаром Уайльдом — он в этом мире живое существо. Привязанный мыслью к колесу Иксиона, я должен в конце концов довершить круг моего опыта. Прежде я писал, что сумрак в моей камере, и сумрак в моём сердце; но этот последний сумрак — сумрак души. Я движусь в вечных сумерках, но знаю, что в вашем мире день сменяет ночь, что за порой сева следует время урожая и что после бордово-красного заката наступает яблочно-зелёный рассвет. Каждый год весна расстилает свой зелёный покров по земле, а вскоре за этим золотая краса осени освещается медово-жёлтой луною».

Исследователи отметили в этих строках ряд интересных особенностей. Прежде всего, стих «сумрак в моей камере, и сумрак в моём сердце» есть не что иное, как цитата из «De Profundis» — тюремной исповеди Уайльда, изданной

посмертно. Между тем ни г-н Соул, ни г-жа Смит не были, как они утверждают, в достаточной мере знакомы с творчеством Уайльда, чтобы смочь правильно его процитировать. Соул вообще мало читал Уайльда, да и то, что он читал, было читано им давно, перед войной 1914 года. Г-жа Т. Смит сказала, что за исключением «Саломеи», за последние тридцать лет она «не прочла ни единой строчки Оскара Уайльда».

Интересно, помимо того, отметить значительное сходство почерка на страницах, автоматически написанных Соулом, и тех, что были оставлены самим Уайльдом. Здесь следует учесть, что в последние годы жизни почерк его стал совершенно неразборчивым и утратил былую стройность и красивую форму. Предположив, что это автоматически написанное послание действительно исходит от духа О. Уайльда, пережившего смерть, мы должны также предположить, что он каким-то образом смог восстановить характер своего почерка и был, помимо того, способен передать его руке человека, который и не ставил перед собой задачи придать получающемуся почерку какие-либо черты сходства. В придачу к тому и сам Соул, и г-жа Трэверс-Смит утверждают, что во время писания он держал глаза закрытыми.

Писавшиеся фразы поддерживали активный и остроумный разговор с присутствовавшими на сеансе лицами. Так, например, в один из вечеров на сеансе присутствовала некая миссис Л., также бывшая медиумом. В состоянии сильного возбуждения она сказала м-ру В.:

– Вы же знаете, что я не двигаю Вашей рукой! Честное слово!

Рука тут же написала:

– «Честность, сударыня, лучшая политика для аптекаря и наихудшая для женщины с прошлым!»

Г-жа Л.:

– Оскар Уайльд! Как Вы смеете! Что Вы можете знать о моей жизни?

– «Прошу Вас, не сердитесь!.. У очаровательных женщин всегда есть прошлое, а у искренних никогда не бывает будущего».

Г-жа Л.:

– Благодарю за комплимент, но уверяю Вас, что всегда была умеренна в своих безумствах, пожалуй, даже слишком умеренна.

– «Ах, умеренность! Мы всегда умеренны, когда делаем что-то, что нам не нравится, и не знаем меры, когда то, что делаем, не нравится другим. Только и всего».

Не правда ли, всё это весьма напоминает высказывания Уайльда, в изобилии встречающиеся на его страницах или донесённые до нас его друзьями? Разумеется, «призрак Оскар» написал весьма занимательную речь по случаю присутствия на одном из сеансов Э.Дж.Дингуолла, бывшего тогда одним из руководителей О.П.И.:

«Быть мёртвым — самое скучное занятие в жизни, если только не считать семейную жизнь или обед в компании школьного учителя. У Вас есть сомнения по поводу того, что это действительно я? Ничуть не удивительно, я и сам порой сомневаюсь в этом. Но в ответ на Ваши сомнения в мой адрес я мог бы сказать: а в себе, простите, Вы несколько не сомневаетесь? Я всегда восхищался Обще-

ством Психических Исследований. Это самые невероятные скептики на свете. Их кредо — всегда во всём сомневаться. Они ни за что не удовлетворятся, пока не исследуют вас на свой лад: тип-видимость-образ-форма. Настоящее привидение должно было бы сильно их испугаться. Я иногда подумываю о создании здесь, у нас, некоей Академии Райских Скептиков, которая могла бы стать для нас своего рода аналогией Общества Психических Исследований, бытующего среди живых. Туда бы не принимался никто моложе шестидесяти, и мы могли бы называться Обществом Теней Бездеятельных в связи с дряхлостью. Нашей первой задачей могло бы стать исследование, является ли, скажем, г-н Дингуолл тем, за кого он себя выдаёт? А также, фантазия он или реальность? Истина или выдумка? И если бы вдруг было решено, что он реальность, то мы, естественно, очень сильно бы в этом усомнились».

Дух Оскара Уайльда неспроста издевается над этим председателем О.П.И. и спрашивает, тот ли он в действительности, за кого себя выдаёт. Дело в том, что главной задачей О.П.И. было доскональное изучение всех спиритических явлений и содействие распространению идей Спиритизма. Однако при этом председателе Общества Психических Исследований стало на позиции, откровенно враждебные задачам Спиритизма. Председатель и его окружение открыто вредили делу Спиритизма и подвергали осмеянию все сколько-нибудь серьёзные исследования в этой области. Это обстоятельство и вынудило Артура Конан-Дойля (тогда старейшего члена Общества) незадолго перед смертью выйти из О.П.И. и призвать всех других серьёзных изыскателей последовать его примеру. Подробнее об этом смотрите в «Записках о Спиритизме» письмо Конан-Дойля, опубликованное в мартовском номере «Джорнэл оф Сесайити фор Сайкл ризёч» за 1930г. и озаглавленное «Отречение от Общества Психических Исследований».

Если в присутствии Дингуолла писавшиеся фразы относились к «психическим исследованиям», то в присутствии других лиц они затрагивали иные вопросы, представлявшие наибольший интерес именно для данных лиц. Так, с мисс Мак-Грегор, оккультисткой, дух Уайльда говорил о Теософии и её учении. Он должен был неплохо знать эту тему, поскольку его мать была страстной сторонницей Теософии, и молодой Оскар мог многое от неё узнать. С Соулом, главным медиумом, который был учёным, разговор касался ботанических названий и фактов. При жизни Уайльда часто заставляли за чтением и рассмотрением ботанических энциклопедий.

Уайльд был человеком с ярко обозначенной и своеобразной манерой мышления и образа выражения. По этому поводу А.Конан-Дойль говорит: «Можно подделывать почерк, но манеру мыслить и выражать свои мысли вряд ли удастся скопировать полностью, ибо это означало бы, что копиист столь же умён, как и оригинал. Однако и образ мышления, манера выражать свои мысли в этом послании выглядят вполне достоверно. Здесь есть места, которые и сам Уайльд уже не смог бы улучшить. При жизни он обладал удивительным чувством цвета, которое часто проникало в его сочинения, придавая им особенную яркость. Так, в частном письме ко мне он говорит об «осенней луне цвета мёда». Послание также достаточно хорошо демонстрирует это качество писателя: «Вспыхнувшие розами анемоны,

будто звёзды, освещали лесные тропы». Или: «Уже май, подобно белому туману, пробирается по узким улочкам и сквозь живые изгороди, и год за годом боярышник приносит кроваво-красные плоды после белой смерти своего мая».

«Другой отличительной чертой Уайльда, — продолжает А. Конан-Дойль, — был его причудливый, парадоксальный юмор. И юмор этот явно присутствует в данном послании. «Быть мёртвым — самое скучное занятие в жизни, если, конечно, исключить семейную жизнь и обед в обществе школьного наставника!» Последние четыре слова чисто уайльдовские. «Моя жизнь походила на оплывшую свечу», — пишет он теперь. Хотел бы я посмотреть на человека с действительно критическим литературным чутьём, который бы, прочитав это послание, усомнился в том, что оно действительно исходит от Уайльда. Можно имитировать черты лица, присвоить имя, но невозможно поддерживать обман в течение долгого общения, ведя его от имени великого писателя. Воистину уже не осталось такого доказательства под небесами, которое бы не было представлено нам, и находящиеся в мире ином должны временами испытывать отчаяние, пытаясь проникнуть в наш затемнённый ум!»

В присутствии дочери г-жи Смит, которая была художницей, дух предался чисто уайльдовской критике творчества Дж.М. Уистлера, бывшая дружба с которым в своё время переродилась в знаменитый антагонизм. В одной из своих бесед на эту тему живой Уайльд как-то сказал:

«Джимми всё объясняет, как газета. Искусству же всегда следует оставаться таинственным. Художники, как и боги, никогда не должны сходить со своих пьедесталов».

Рукою же Соула по этому поводу было написано:

«Его живопись была действительно восхитительна. Но всё его очарование заключалось в том, что он был совершенно непостижим и тем создавал превосходную почву для критики. К сожалению, в минуту легкомыслия, напрочь позабыв максиму, известную любому фокуснику, которая гласит, что там, где нет тайны, не может быть и волшебства, он начал объяснять самого себя».

У Уайльда, на что часто и указывалось, было два различных стиля, каждый из которых ярко выражен и индивидуален и совершенно отличен от другого. Один — поэтический, полный украшений и вычурности с красивыми словесными эффектами и обильным использованием цвета. Всё это, как мы видели, вполне представлено в послании. Второй его стиль эпиграмматичен, остроумен, с налётом цинизма и полон парадоксов. К приведённому выше можно добавить ещё и такие афоризмы: «Совет, который подают, всегда плох». — «Женщина, довольствующаяся тем, что имеет, всегда была бы очаровательна». — «Самому Богу неизвестно, что делать с человеческим усердием».

«Трудно, заметив эти аналогии, столь близкое сходство, усомниться в том, что за этими фразами скрывается ум Оскара Уайльда, — говорит А. Конан-Дойль. — Идея о том, будто еженедельные литературные конкурсы с раздачей призов в состоянии произвести обилие «Барри» и «Стивенсонов», наделённых к тому же всеми отличительными качествами оригинала, совершенно определённо не выдерживает критики и едва ли была рассчитана на то, чтобы к ней отнеслись серьёзно. В самом деле, нетрудно создать

короткую комическую пародию с помощью преувеличения особенностей стиля, но для того, чтобы писать или говорить точно в том же стиле и с соблюдением всех оригинальных черт автора, нужен уже ум, равный по силе своему прототипу, а такой ум, несомненно, предпочёл бы показать себя в чём-то более значимом, чем пародия».

Некоторые из английских критиков претендовали на то, будто им для всех приведённых примеров удалось определить «вероятные источники», послужившие медиумам основой для написания фраз уайльдовского послания. На это А. Конан-Дойль в своё время ответил так: «Когда дело касается человека, вся жизнь которого проходила на виду и который был одним из столпов литературы, то трудно представить, чтобы в его жизни могло оказаться что-то важное, нечто такое, что, возникшая сейчас в его памяти, не было бы уже прямо или косвенно упомянуто ранее в том месте или ином». Здесь же *сэр* А. Конан-Дойль добавляет аргумент, который может показаться наивным в наш бесчестный век, но кой в действительности много значит в духовном мире. Вот он, этот шевальрескный довод, выдвинутый автором рыцарских романов, который и сам был рыцарем, но защищал честь и достоинство в соответствии с законами своего времени не мечом, а пером:

«Такое объяснение, помимо того, означало бы, что медиумы-автоматисты перерыли всю уайльдовскую литературу. У нас есть их заверение в том, что это не так и что их знакомство с ней было весьма ограниченным. Что касается выдвигаемого ложной критикой предположения, будто медиумы предварительно выучили значительные порции послания наизусть, то оно, разумеется, стало бы прямым обвинением в преднамеренном обмане, что ни в коей мере не может быть оправдано, если учесть характер и общественное положение данных медиумов. Такие предположения делать слишком легко, и они должны быть исключены из рассмотрения».

Свой анализ данной проблемы создатель Шерлока Холмса заключает в следующих выводах: «Приняв во внимание различного рода подтверждения, поступающие по мере анализа этого послания от Оскара Уайльда, а именно:

- 1) наличие его тяжёлого стиля;
- 2) наличие его лёгкого стиля;
- 3) воспроизведение особенностей характера;
- 4) воспоминание отдельных эпизодов его жизни, некоторые из которых совсем мало известны;
- 5) воспроизведение его почерка;
- 6) (и, на мой взгляд, далеко не последнее) сходство условий потусторонней жизни, описываемых им, с тем, что наше психическое знание определило бы такому человеку, как он, — я склонен считать, что данный случай является свидетельством, обладающим исключительной силой. Я совершенно согласен, что «Жорж Пельгам» и «Дионисово Ухо»* действуют очень убедительно, но для меня эта уайльдовская история убедительна даже в ещё большей степени».

---

* Здесь имеются в виду две книги: «О некоторых феноменах транса» Ричарда Ходсона и «Дионисово ухо» Джеральда Бальфура. (*И.Р.*)

Количество записей, сделанных Соулом и г-жой Трэверс-Смит под руководством Уайльда, очень значительно. Здесь только следует подчеркнуть: дело не в том, что появление на сеансах разных лиц с их разными интересами соответственным образом влияло на содержание сообщений — ведь индивидуальные интересы собеседников оказывают бесспорное влияние и на ход самой заурядной беседы между людьми, — а в том, что всякий раз, когда дух Уайльда писал по какому-либо поводу, то писал он, выражая чувства и образ мысли живого Оскара Уайльда. Совершенно прав Конан-Дойль, говоря, что трудно себе представить, будто за всеми этими мыслями, тирадами и парадоксами может стоять какой-то другой ум, помимо того, который создал «Портрет Дориана Грея» и «Как важно быть серьезным». И человек, знакомый с основами Спиритизма, не станет в подтверждение достоверности домогаться здесь каких-то ещё хитроумных доказательств, потому что в его просвещённом мнении данный случай говорит сам за себя.

* * *

1992 г.

Аллан Кардек

ФЕНОМЕН «ПРИНОСА ПРЕДМЕТОВ» (АППОРТ)

Этот феномен отличается от всех предыдущих благосклонным намерением производящего его духа; самыми предметами, большей частью приятными для того, кому они приносятся; и, наконец, деликатным способом доставления их. Он состоит в самопроизвольном появлении предмета, которого не было в том месте, куда он приносится. Чаще всего это бывают цветы, иногда фрукты, конфеты, туалетные вещи и прочее.

Скажем сперва, что это один из феноменов, которому очень легко подражать, и что, следовательно, в этом случае нужно остерегаться обмана. Известно всем, до чего доходит искусство фокусников в опытах этого рода, но даже не имея дела с фокусником, легко быть обманутым человеком ловким. Лучшим ручательством в этом случае может быть: во-первых, *характер, честность и совершенное бескорыстие* особы, получающей эти явления; во-вторых, внимательное наблюдение всех обстоятельств, сопровождающих явление; наконец, глубокое знание Спиритизма, которое одно только может открыть наблюдателю всё, что заслуживает подозрения.

Теория феномена приноса предметов и вообще всех физических явлений изложена превосходно в следующем откровении одного духа, все сообщения которого носят на себе печать глубокомыслия и строгой логики. Он называет себя Эрастом, учеником Святого Павла и духом-покровителем медиума, передающего его сообщения.

«Чтобы получать явления этого рода, необходимо иметь медиумов, которых я назову *чувствительными* (*sensitifs*), т.е. одарённых в высочайшей степени медиумической способностью, потому что нервная система этих медиумов легко возбуждаемая и даёт им возможность посредством вибраций распространять вокруг себя оживотворённый ток в большем количестве.

Впечатлительные натуры, нервы которых начинают вибрировать при малейшем ощущении, которых всякое влияние, физическое или моральное, внутреннее или внешнее, сильно расстраивает, — это особы, весьма способные сделаться превосходными медиумами для физических явлений и приноса предметов. В самом деле, их нервная система, почти не имеющая оболочки, которая мешала бы выделению токов, как это бывает у большей части воплощённых существ, делает их способными к производству различных феноменов этого рода. Следовательно, с лицом подобного свойства, когда другие способности не мешают медиумизации, легче получить явления осязаемые — стук, раздающийся в стене или мебели, разумные движения и даже поднятие на воздух самых тяжёлых предметов. Очевидно, что этих результатов можно достигнуть ещё скорее, если иметь под рукой вместо одного такого медиума нескольких, одинаково одарённых этой способностью.

Но от этих феноменов до приноса предметов далеко ещё, потому что в последнем случае не только действия духа гораздо сложнее и затруднительнее,

но, сверх того, дух не может действовать иначе как с одним медиумом, т.е. несколько медиумов не могут содействовать в одно и то же время произведению феномена. Случается даже, напротив, что присутствие некоторых особ, антипатичных духу, совершенно препятствует его действиям. К этим причинам, как вы видите, немаловажным, прибавьте ещё, что приносы предметов требуют всегда гораздо большего сосредоточения и в то же время гораздо обильнейшего излияния известных токов и что они не могут получиться иначе как с помощью медиумов, наиболее одарённых этой способностью, таких, словом, *медиумический аппарат* которых находится при самых благоприятных условиях.

Вообще явления приноса предметов весьма редки. Я не считаю нужным доказывать вам, почему они повторяются и будут повторяться реже, чем другие физические явления. Из сказанного мною вы сами можете сделать вывод. Впрочем, феномены эти такого свойства, что не только не все медиумы способны к этому, но и не все духи могут производить их. В самом деле, нужно, чтоб между духом и медиумом существовало известное сродство, известная аналогия — одним словом, известное *сходство*, которое позволяет выделяющейся части *периспиритического** тока воплощённого существа соединяться, смешиваться с током духа, который хочет принести предмет. Это смешение должно быть таково, чтобы вследствие его образовалась, так сказать, *одна* сила, подобно тому как электрический ток, действуя на уголь, производит один общий свет. Но почему нужно это соединение, это смешение, скажете вы? Потому что для произведения этих феноменов нужно, чтобы необходимые свойства действующего духа были усилены некоторыми свойствами духа медиума; потому что *жизненный ток*, необходимый для произведения всех медиумических явлений, есть исключительная принадлежность воплощённого существа и что, следовательно, действующий дух должен, так сказать, насытиться им. В таком случае только он может с помощью некоторых неизвестных вам свойств окружающей вас среды отделять, делать невидимыми и двигать матерьяльные предметы и даже воплощённые существа.

Мне не позволено в настоящее время открыть вам особенные законы, управляющие газами и токами, которые окружают вас. Но прежде чем пройдёт несколько лет, прежде чем может окончиться существование одного человека, объяснение этих законов и этих феноменов будет дано вам, и вы увидите, как явится новый род медиумов, которые будут во время медиумизации приходить в особенное каталептическое состояние.**

Вы видите, какими затруднениями окружены феномены приноса предметов. Из этого вы можете заключить весьма последовательно, что явления этого

---

* Можно видеть, что когда надо выразить новую идею, для которой в языке нашем нет слов, то духи превосходно умеют создавать неологизмы. Слова «электромедиумический», «периспиритический» не идут от нас. Те, кто критиковал нас за создание слов «спирит», «спиритизм», «периспирит», не имевших своих соответствий, могут также почитать за это и духов. (А.К.)

** Эраст возвещает появление трансовых медиумов. Действительно, медиумическая практика показала, что для интенсивных явлений медиум должен впадать в транс, в сомнамбулический сон. Не следует забывать, что настоящее сообщение было сделано в конце пятидесятых годов XIX века. (И.Р.)

рода чрезвычайно редки, как я сказал уже, тем более что духи неохотно принимаются за них, потому как это требует с их стороны почти матерьяльного труда, что для них и скучно, и тягостно. С другой стороны, очень часто случается, что, несмотря на их энергию и их желание, состояние самого медиума представляет непреодолимую преграду.

Итак, очевидно, что явления ударов, движения и поднимания предметов на воздух — феномены простые, совершающиеся посредством сосредоточения и распространения известных токов, и что они могут быть вызваны и получены по воле медиумов, способных к этому, когда им помогают симпатизирующие им духи, между тем как явление приноса предметов — феномен сложный, который требует особенных обстоятельств, который не может совершаться иначе как с помощью одного духа и одного медиума и для которого нужно совершенно особенное соединение токов, чтобы отделить и сделать невидимым предмет или предметы, которые должны быть принесены.

Вы, спириты, понимаете мои объяснения, понимаете это сосредоточение токов, необходимое для того, чтобы приводить в движение безжизненную материю; вы верите этому, как верите феноменам электричества и магнетизма, с которыми медиумические явления имеют много сходства и составляют как бы подтверждение и развитие их. Что же касается до неверующих и так называемых учёных, которые упрямее неверующих, то я не стараюсь убеждать их, не занимаюсь ими вовсе: будет время, когда и они убедятся поневоле. Им придётся склониться пред единодушным засвидетельствованием истинности спиритических явлений точно так же, как они принуждены были согласиться с другими фактами, которые когда-то отвергали.

В заключение скажу снова: все физические явления повторяются довольно часто, но феномены приноса предметов весьма редки, потому что условия, при которых они могут совершаться, очень сложны; следовательно, ни один медиум не может сказать: в таком-то часу, во столько-то минут дух принесёт предмет, потому что сам дух иногда бывает стеснён в своём действии. Я должен прибавить ещё, что гораздо труднее производить эти феномены публично, потому что в таком случае почти всегда встречаются для духа личности, которые уничтожают все его усилия, а тем более действие медиума. Знайте, напротив, что явления эти производятся почти всегда в домашних кружках внезапно, большей частью без ведома медиумов и без приготовления, и, наконец, очень редки, если последние предупреждены об этом. Из этого вы должны заключить, что есть законная причина подозревать подлог, когда медиум надеется получить их по своей воле или, говоря иначе, надеется повелевать духами как подчинёнными, что не имеет никакого смысла.

Примите за общее правило, что спиритические феномены совершаются не для того, чтобы забавлять любопытных. Если некоторые духи и соглашаются на подобные вещи, то это не может быть иначе как для произведения феноменов простых, а не таких, как принос предметов, и других подобных им, требующих исключительных условий.

Помните, спириты, что если глупо отвергать систематически все феномены, то так же неблагоприятно принимать их все без разбора. Когда физическое яв-

ление, видение или принос предмета обнаруживаются самопроизвольно и внезапно, принимайте его. Но, повторяю снова, не принимайте ничего слепо, пусть каждый факт выдерживает разбор подробный, основательный, строгий. Поверьте, что Спиритизм, столь богатый дивными величественными явлениями, ничего не выиграет от этих мелких явлений, которым так легко могут подражать искусные фокусники.

Я знаю очень хорошо, что вы скажете на это. Вы скажете, что феномены эти полезны для убеждения неверующих. Но знайте, что если бы вы не имели других средств для убеждения, то в настоящее время не было бы и сотой части нынешних спиритов. Говорите сердцу, этим путём вы скорее достигнете серьёзного обращения. Если вы считаете полезным для некоторых особ действовать материальными фактами, то представляйте их по крайней мере в таком виде, чтобы они не могли быть ложно истолкованными, и в особенности не выходите из нормальных условий этих фактов, потому что факты, представленные при неблагоприятных условиях, вместо того чтобы убеждать неверующих, делаются для них подтверждением их мнения.

Эраст»

Этот феномен представляет странную особенность, состоящую в том, что некоторые медиумы получают его не иначе как в сомнамбулическом состоянии, и это легко объясняется. У сомнамбул бывает естественное освобождение, некоторого рода удаление духа и перисприта, что должно облегчить соединение необходимых токов. Таковы были феномены приноса предметов в нашем присутствии.

Следующие вопросы были предложены духу, производившему эти явления, но ответы его местами неудовлетворительны. Мы предложили их потом духу Эрасту, более просвещённому относительно теоретического взгляда на вещи, который и дополнил их весьма важными примечаниями. Один из этих духов ремесленник, другой — учёный. Самое сравнение этих двух разумных существ может быть полезно, потому что оно доказывает, что недостаточно быть духом, чтобы знать всё.

1. Благоволите сказать нам, почему вы производите феномен приноса предметов не иначе как во время магнетического сна медиума?

— «Это зависит от свойств медиума. Явления, которые я произвожу с ним, когда он спит, я мог бы производить с другим медиумом во время его бодрственного состояния».

2. Почему вы заставляете ожидать так долго приноса предметов и для чего возбуждаете желание медиума получить обещанный предмет?

— «Это время нужно мне для того, чтобы приготовить токи, необходимые для произведения явления. Что же касается до возбуждения желания медиума, то это часто с целью позабавить присутствующих и сомнамбулу».

Примечание Эраста. «Отвечавший дух недостаточно понимает эти явления. Он не даёт себе отчёта в причине, по которой он инстинктивно возбуждает желание медиума, он думает, что забавляет присутствующих, а между тем в действительности он производит, не подозревая этого, большее выделение токов.

Это следствие затруднения, представляемого феноменом, затруднения всегда значительного, когда явление самопроизвольно, в особенности с некоторыми медиумами».

3. Производство этого феномена зависит ли от особенной природы медиумов и может ли производиться другими медиумами легче и скорее?

— «Производство феномена зависит от природы медиума и не может производиться иначе как с соответствующими натурами. Относительно же скорости, привычка, которую мы приобретаем, часто сообщаясь с одним и тем же медиумом, много помогает нам».

4. Влияние присутствующих особ играет ли здесь какую-нибудь роль?

— «Когда есть неверие, сопротивление, то это может нас значительно стеснять. Мы больше любим давать доказательства верующим и особам, знакомым со Спиритизмом, но я не думаю сказать этим, что нежелание может совершенно лишать нас возможности действовать».

5. Где взяли вы цветы и конфеты, которые принесли?

— «Цветы я беру в садах, где они и растут».

6. А конфеты? Торговец должен был заметить, что их недостаёт.

— «Я беру их, где хочу. Торговец этого вовсе не заметил, потому что на их место я положил другие».

7. Но кольца-то — вещь ценная. Где вы достали их? Разве это не принесло вреда тому, у кого вы их взяли?

— «Я взял их в местах никому не известных и таким образом, чтобы от этого никто не понёс убытка».

Примечание Эреста. «Мне кажется, что факт объяснён не вполне удовлетворительно вследствие недостаточного развития отвечавшего духа. Да, здесь мог быть действительный вред кому-нибудь, но дух не хотел сказать, что он украл что бы то ни было. Предмет может быть заменён только таким же точно предметом, такой же формы, такого же достоинства. Следовательно, если б дух мог заменять один предмет другим, совершенно одинаковым, то не было бы цели и брать его. Он мог бы отдать тот, который употребил для замещения».

8. Можно ли принести цветы с другой планеты?

— «Нет, этого я не могу сделать».

(*К Эресту.*) Другие духи могут ли сделать это?

— «Нет, это невозможно вследствие различия окружающей среды».

9. Можете ли вы принести цветы из другого полушария; из тропиков, например?

— «Если это на Земле, то могу».

10. Можете ли вы сделать, чтобы предметы, принесённые вами, исчезли? Можете ли снова унести их?

— «Я могу унести их по своему желанию точно так же, как принёс».

11. Производство этого феномена причиняет ли вам какую-нибудь тягость, затруднение?

— «Оно не причиняет нам никакой тягости, когда нам позволено сделать это, но могло бы иметь для нас весьма тягостные последствия, если б мы вздумали производить его без позволения».

Примечание Эраста. «Он не хочет признаться в своём затруднении, хотя оно действительно существует, потому что он принуждён к действиям, так сказать, почти матерьяльным».

12. Какого рода затруднения встречаете вы?

— «Никакого, кроме дурного расположения токов, которые могут быть нам неблагоприятны».

13. Каким образом приносите вы предмет; держите ли вы его руками?

— «Нет, мы завёртываем его в себя».

Примечание Эраста. «Он неявно выражает своё действие; потому что он обёртывает предмет своею личностью; но так как его личный ток расширяем и проникаем, то он соединяет часть этого тока с частью оживотворённого тока медиума, и в этом-то соединении он скрывает предмет и переносит его. Стало быть, нельзя сказать, что бы он завёртывал его в себя».

14. С одинаковой ли лёгкостью принесли бы вы предмет значительной тяжести, пуда в три, например?

— «Вес для нас ничего не значит. Мы приносим цветы, потому что это, может быть, приятнее, чем какой-то тяжёлый предмет».

Примечание Эраста. «Это справедливо, он может принести предмет и в десять пудов, потому что тяжесть, существующая для вас, не существует для него, но и здесь он не даёт себе отчёта в том, что происходит. Сила соединённых токов должна быть пропорциональна массе приносимого предмета; короче говоря, сила должна соответствовать сопротивлению. Отсюда следует, что если дух приносит цветок или другой лёгкий предмет, то часто лишь потому, что он не находит в медиуме или в самом себе необходимых элементов для усилий более значительных».

15. Когда исчезают предметы, так что причина исчезновения их неизвестна, то не бывает ли это иногда действием духов?

— «Это случается очень часто, чаще, чем вы думаете, и можно помочь этому, прося духа возвратить унесённый предмет».

Примечание Эраста. «И это правда; но то, что исчезает, иногда бывает унесено безвозвратно, потому что предметы, которых не находят, часто бывают унесены очень далеко. Впрочем, так как унос предметов требует почти тех же условий, что и принос, то он может совершаться не иначе как с помощью медиума, одарённого специальной способностью. Вот почему, когда что-нибудь исчезает, то больше вероятия думать, что это дело вашей рассеянности, чем действие духов».

16. Есть ли явления, которые считаются естественными и которые были бы действиями духов?

— «Ваши дни наполнены такими фактами, но вы не понимаете их, потому что не думали об этом».

Примечание Эраста. «Не приписывайте духам того, что есть дело рук человеческих. Но верьте их тайному и постоянному влиянию, которое рождает вокруг вас тысячи обстоятельств, тысячи случаев, необходимых для исполнения ваших поступков и поддержания вашего существования».

17. Между приносимыми предметами не могут ли некоторые быть сделаны самими духами, т.е. образовавшимися внезапно посредством изменений, которые дух может произвести в токе или всемирном элементе?

— «Во всяком случае, не мною, потому что я не имею на то позволения. Только Высший Дух может произвести это».

18. Каким образом вы внесли тогда эти предметы? Ведь дверь комнаты была заперта?

— «Я внёс их вместе с собой, завёрнутыми, так сказать, в существо моё. Что же касается до больших подробностей, то это необъяснимо».

19. Как поступили вы, чтобы сделать видимыми предметы, которые минуту назад были невидимы?

— «Я снял материю, в которую они были завёрнуты».

Примечание Эрста. «Собственно говоря, завёрнуты они не в материю, а в ток, почёрпнутый частью из перисприга медиума, частью из перисприга духа, производящего явление».

20. (*К Эрсту*) Может ли предмет быть внесён в место совершенно запертое? Другими словами, может ли дух сделать предмет полуматерьяльным, так, чтобы он мог проникать сквозь материю?

— «Это вопрос сложный. Чтобы принести предмет, дух может сделать его невидимым, но не проницаемым. Он не может нарушить сцепление материи, что было бы разрушением предмета. Сделав предмет невидимым, он может принести его, когда хочет, и освободить его от покрова в ту минуту только, когда он должен явиться. Совершенно иначе бывает с теми предметами, которые мы составляем сами. Так как мы вносим только элементы материи, и элементы эти проницаемы по существу своему, так как мы сами проходим сквозь тела самые плотные с такой же лёгкостью, как луч света сквозь стекло, то мы можем сказать, что мы внесли предмет в место совершенно запертое; но только в этом случае».

* * *

1861 г.

Павел Гелева́

И СНОВА «ПОЛТЕРГЕЙСТ». ВНЕСЕНИЕ ЯСНОСТИ

“Do the dead ever revisit this earth? On this subject even the ponderous and unsentimental Dr. Johnson was of opinion that to maintain they did not, was to oppose the concurrent and unvarying testimony of all ages and nations, as there was no people so barbarous, and none so civilized, but among whom apparitions of the dead were related and believed in. “That which is doubted by single cavillers,” he adds, “can very little weaken the general evidence, and some who deny it with their tongues confess it by their fears.”

A. Conan Doyle*

В последнее время много пишется и говорится о так называемом «полтергейсте», и может сложиться впечатление, будто это какое-то новейшее явление, которого никогда прежде не было. Но это не так. Полтергейст существует сейчас, существовал сто, двести, тысячу лет назад, существовал с самых незапамятных времён, существовал всегда. Также, говоря о полтергейсте, его по невежеству помещают в разряд аномальных явлений, между тем как он принадлежит к числу явлений вполне нормальных, ибо не может быть признано аномальным то, что происходит и происходило всегда, то, что происходит к тому же в согласии с законами, уже известными. Складывается впечатление, что большинство самодельных публикаций на эту тему имеет задачей по сильнее напугать читателя. В действительности же все столь устрашающие гипотезы не имеют под собой ни малейшего основания и измышлены людьми, лишь «шапочно» знакомыми с этим предметом. Читать статьи, написанные бездарными фантастами, — не самое, как нам кажется, лучшее употребление, какое можно дать своему свободному времени.

«Полтергейст» — слово немецкое, и по-русски оно значит «беспокойный дух», «дух-проказник», «домовой». Речь, попросту говоря, идёт о *привидении*.

«Полтергейст» — это один из терминов области знаний и экспериментальной практики, именуемой «спиритизмом». Полтергейст был изучен и во множестве примеров описан в специальной литературе уже более ста лет назад.

Один из самых необычайных фактов этого рода, рекордный по разнообразию и странности проявлений, без сомнения, тот, который имел место в 1852 году в Бергцаберне под Виссембургом (Рейнская Бавария). Он тем бо-

* «Не бывает ли иногда так, чтобы умершие возвращались в наш материальный мир с краткосрочным визитом? Даже скептический и рациональный д-р Джонсон держится по данному поводу мнения, что утверждать обратное — значит оспаривать неизменное и постоянное согласие свидетельств всех времён и народов, потому что как самые варварские, так и самые цивилизованные из них сообщали о появлениях умерших и верили в них. Он же добавляет, что сомнение отдельных придира едва ли в состоянии опровергнуть бесспорное для многих, тем более что некоторые из тех, кто отрицают появление призраков языком, подтверждают его своими страхами». *А. Конан-Дойль. (англ.)*

лее примечателен, что объединяет в одном лице почти все виды самопроизвольных манифестаций: стук, будоражащий весь дом; опрокидывание мебели; бросание предметов незримой рукой, левитацию, видения и появления фигур, сомнамбулизм, экстаз, катаlepsию, крики и различные звуки, включая игру музыкальных инструментов, происходящую самою собой, без контакта с человеческими пальцами; письменные и вполне разумные сообщения, а также многое тому подобное. Не последней важности при этом было то обстоятельство, что эти факты, имевшие место в течение почти что двух лет, равно как и другие им подобные, засвидетельствованы и подтверждены многочисленными и авторитетными очевидцами, заслуживавшими доверия в силу их образованности и занимаемого ими общественного положения.

По поводу подобных явлений немецкий писатель И.Г. Юнг-Штилинг писал ещё в самом начале XIX века: «Просто непостижимо, что столь серьёзные и ужасные, столь живо воздействующие на наши чувства свидетельства продолжения жизни нашей после смерти, производят на нас столь мало впечатления. Их боятся, как дети боятся пугала, и на этом всё остаётся. Вместо того чтобы поразмыслить над этим, вывести из этого плодотворные выводы и принять решения к улучшению жизни, люди рассказывают друг другу истории о появлениях духов для развлечения, словно сказки, и направляют воображение своё на муки отшедших собратьев. А великий просвещённый мир смотрит невидящими глазами и не желает видеть, и видящих причисляет к мракобесам, принижает их и высмеивает. Не приведи Боже!»*

Да, речь здесь идёт именно о «свидетельствах продолжения жизни нашей после смерти», ибо полтергейст, согласно учению спиритизма, — проявление души умершего человека в нашем материальном мире. Формы его выражения весьма разнообразны: стуки и специфические щелчки в мебели, стенах и полу, осязательные ощущения человека, подвергающегося воздействию (касания, удары и толчки), зависание без точки опоры и передвижение в воздухе неодоушевлённых предметов и живых существ (людей, равно как и животных), принесение предметов (аппорт), звуки человеческого голоса и речи, имитация разнообразных шумов и наконец (но не в последнюю очередь) — различного рода видения: от появления рук или головы до материализации полной человеческой фигуры (плотность этих материализаций может быть различна: от газообразной до осязаемо-твёрдой, и поэтому уместно говорить не только о *видениях*, но и о *явлениях*).

Философия спиритизма учит, что жизнь человека не заканчивается для него со смертью, но продолжается в иных, совершенно отличных от земных условиях. Это возможно благодаря строению человека, которое, согласно спиритизму, трёхчленно: физическое тело + периспирит (флюидическое, или энергетическое, тело) + душа (или дух). Все неясности и недоразумения происходят из-за того, что человек, при нынешнем уровне его развития, не знает и не сознаёт своей действительной природы: он считает и верит, что он есть физическое тело, тогда как на самом деле он — бессмертный дух, который поочерёдно пользуется разными телами, переходя из одной стадии своего существования в дру-

* Dr.J.H.Jung-Stilling, „Theorie der Geisterkunde“, Nürnberg, 1808.

гую. При смерти тела пользовавшийся им как орудием дух попадает в мир иных законов и отношений и какое-то время отдыхает после материальной жизни, а затем, в очередной раз, выбирает себе другое тело и в него воплощается.

Некоторые из духов, временно лишённых тела, могут желать вступить в общение с нами, обитателями земного материального мира. Однако всякое общение, как известно, имеет свои законы. Имеет их и общение с миром духов. Главный из этих законов гласит, что для общения воплощённых и развоплощённых необходим переводчик, посредник, называемый «медиумом». Медиум — это человек, обладающий экстрасенсорными возможностями и предоставляющий часть своей психо-физической энергии в распоряжение проявляющегося духа или духов. Этот процесс взаимного превращения энергий очень сложен и лишь приблизительно понятен некоторым из тех, кто им пользуются, что, впрочем, нисколько не умаляет значения их действия. Ведь и пианист-виртуоз может иметь лишь самое общее понятие об устройстве рояля, о природе звука и законах акустики, а то даже и вовсе не иметь его, и всё же это не мешает ему быть отменным пианистом.

Когда этот процесс претворения энергий происходит спонтанно, без нашего согласия и ведома, то имеет место то, что называется *полтергейстом*. Когда же это общение происходит по нашему желанию и просьбе, то процесс общения, возникающий в результате этого, именуется *спиритическими сеансом*.

Если дух проявляется самопроизвольно, то это может иметь только две причины: либо он желает напугать людей, являющихся невольными свидетелями этих странных и, как им кажется, противоестественных явлений;* либо он желает вступить с ними в общение. Как бы то ни было, полтергейста не следует пугаться, поскольку он никакой опасности для жизни и здоровья людей не представляет, в противном случае контролирующие этот процесс высшие силы не позволили бы ему проявиться. Возникающее у невольного свидетеля чувство страха, со всеми вытекающими из него последствиями, — это единственная опасность, но происхождение её в этом случае, как и во множестве других, субъективно и не может быть отнесено на счёт объективно данного явления. Однако совершенно неразумно и полностью игнорировать полтергейст, поскольку это раздражает духа и заставляет его изобретать всё более впечатляющие способы воздействия на воплощённых. Гораздо естественнее и гуманнее, думается нам, попытаться вступить с ним в общение, ведь это, как правило, духи людей, умерших недавно и желающих передать что-то своим близким.

Для этого надо умело задавать ему вопросы, заранее условившись с ним о том способе, каким он будет давать свои ответы. Так, если это дух стучащий, то можно договориться с ним, что два удара значат «да», три — «нет», а один — «затрудняюсь дать ответ». А если это дух левитирующий, то можно, например, условиться с ним так: вертикальное движение висящего в воздухе предмета (по

---

* Отсюда все стародавние страхи и суеверия, приписывавшие производство этих явлений «тёмной силе». Вера в существование «всякой нечисти» связана, таким образом, с незнанием действительной природы человека. Но Спиритизм даёт нам это знание — и «тёмные силы» перестают для нас существовать. Так свет солнца рассеивает туман, скрывающий действительные очертания предметов — и всякая таинственность исчезает. (Й.Р.)

аналогии с кивком) означает «да», горизонтальное же движение, т.е. из стороны в сторону, а не вверх-вниз, как предыдущее, означает «нет» (по аналогии с качанием головой), и наконец — вращение по кругу будет соответственно означать «затрудняюсь ответить».

После этого надо задавать ему недвусмысленные вопросы, т.е. вопросы, предполагающие ответом либо только «да», либо только «нет». Если вы будете достаточно умелы, то узнаете, чего хочет от вас дух. Исполнив, по мере возможности, его просьбу, вы наверняка избавитесь от полтергейста.

Явления такого рода сами по себе чрезвычайно любопытны, но важно то, что они — для тех, кто умеют правильно подойти к ним, — в высшей степени поучительны, так как благодаря им люди стихийно приучаются к занятиям *практическим спиритизмом*. Главный урок, который это явление помогает человеку извлечь, — это убежденность в том, что жизнь человека продолжается и после смерти. Проблема индивидуального бессмертия, неужели же она представляется современным людям настолько уж незначительной вещью, что от неё позволяют себе отмахиваться словно от назойливой мухи? Тем более, что решается она здесь самым положительным образом. Помочь людям осознать реальность индивидуального бессмертия нашего — в этом единственное назначение явления, названного полтергейстом.

Сознание этого факта приводит человека к более глубокому пониманию своей природы, и он вдруг уразумевает, что коль скоро он остаётся жив после смерти своего тела, то, значит, он есть не это тело, но что-то иное. Идя по этому пути, человек в познании себя, жизни и вселенной уходит очень далеко, и при таком подходе явление полтергейста оказывается преддверием в область духовных истин, духовного знания и всех магических и оккультных наук.

Основополагающими трудами в этой области являются сочинения французских философов-спиритов Аллана Кардека (1804-1869) и Леона Дени (1847-1927). Всякий разговор о Спиритизме без благодарного упоминания имён этих двух мыслителей представляет собой некомпетентное, дилетантское умствование, поскольку именно им обоим обязаны мы тем, что бесчисленные, разрозненные факты и идеи составились в стройное, гармоничное, всеобъемлющее мировоззрение. В ближайшее время московским издательством «Ренессанс» должны быть выпущены две главнейших работы Аллана Кардека — «Книга Духов» и «Книга Медиумов», к которым и отсылаем читателя.

10.07.91

P.S. Пока что же, в ожидании этого довольно важного события в русской культурной жизни, приведём фрагмент «Книги Медиумов», имеющий самое непосредственное отношение к затронутой здесь теме. Данный фрагмент приводим в новом переводе, отличном от текста выходящей сейчас в свет книги.

ПОЛТЕРГЕЙСТ

Физические проявления имеют целью привлечь наше внимание к чему-либо и убедить нас в присутствии силы, превосходящей человека. Высокие духи не занимаются таким родом проявлений; они пользуются для произведения их низшими духами, как мы пользуемся слугами для грубой работы, и всё это ради цели, которую мы только что указали. После того, как цель эта раз достигнута, материальное проявление прекращается, потому что в нём больше нет необходимости. Один пример даст лучше понять это.

С некоторых пор в комнате одного из наших друзей стали раздаваться различные шумы, ставшие очень утомительными. Когда представился случай спросить дух его отца через пишущего медиума, он узнал, что от него хотели, сделал то, что ему советовали, и с той поры он больше ничего не слышал. Следует отметить, что лица, имеющие более регулярное и лёгкое средство общения с духами, имеют значительно реже манифестации этого рода, что и понятно. Раз регулярные отношения с ними установлены, то стуки оказываются бесполезны и потому не имеют места. В барабан перестают бить после того, как разбуженные солдаты поднялись.

Самопроизвольные проявления не всегда сводятся к шумам и стукам; иногда они превращаются в настоящий грохот и пертурбации; мебель и различные предметы оказываются опрокинутыми, самые разные вещи выброшенными наружу, двери и окна распахнуты и затворяемы незримыми руками, оконные стёкла разбиты, что не может быть списано на счёт иллюзии.

Опрокидывание мебели и предметов зачастую очень действенно, но иногда оно имеет лишь видимость действительности. Слышится шум в соседней комнате, звон посуды, которая падает и с шумом разбивается, поленья перекатываются по полу; но стоит лишь войти в комнату — и всё оказывается лежащим на своём месте и в полном порядке; затем однако, когда выйдут, шум и грохот возобновляются.

Проявления этого рода ни редки, ни новы; мало таких местных хроник, кои не содержали бы какую-нибудь историю этого рода. Страх, без сомнения, зачастую преувеличивал факты, каковые принимали тогда катастрофически смехотворные очертания, переходя из уст в уста; предрассудок приходил на помощь, и дома, в коих явления эти происходили, оказывались признаны посещаемыми дьяволом, и отсюда же всевозможные чудесные и странные сказки о привидениях. С другой стороны, коварство не упустило столь прекрасного случая поэксплуатировать людскую доверчивость, делая это, главным образом, в интересах личной выгоды. Можно, впрочем, понять, какое впечатление факты этого рода, даже сведённые к реальности, могут произвести на слабые характеры, предрасположенные образованием к предрассудочным идеям. Самое верное средство предупредить неудобства, кои явления эти могут иметь, поскольку нельзя помешать им произвестись, это дать узнать правду о них. Самые простые вещи делаются устрашающими, когда неизвестна их причина. Когда люди близко познакомятся с духами и те, кому они являються, перестанут верить, будто их преследует полчище демонов, они перестанут бояться их.

Явления этого рода часто имеют характер самого настоящего преследования. Мы знаем шестерых сестёр, живших вместе и которые в течение многих лет по утрам находили платья свои разбросанными, спрятанными вплоть до чердака и крыши, разорванными и разрезанными на куски, какие бы предосторожности оне ни предпринимали, чтобы закрыть одежду свою на ключ. Часто случалось, что люди, уже лёгшие спать, но ещё не заснувшие, видели, как колышутся занавески, как затем с них, лежащих на постели, яростно срывают одеяла и выдёргивают из-под них подушки, а сами они оказываются приподняты в воздух на матрацах, а иногда даже и выброшены из постели. Факты эти более часты, чем полагают; но те, кто являются их жертвами, чаще всего не осмеливаются об этом говорить из страха быть поднятыми на смех. Нам известно о том, что полагали излечить некоторых людей от того, что рассматривалось как галлюцинации, подвергнув их лечению, рассчитанному на сумасшедших, что сделало их действительно помешанными. Медицина не может понять этих вещей, потому что она допускает в причинах лишь матерьяльный элемент, из чего следуют зачастую пагубные недоразумения. История со временем будет рассказывать о некоторых способах лечения, принятых в этом веке, как сегодня рассказывают о некоторых врачевательных способах и приёмах средневековья.

Мы вполне допускаем, что некоторые факты являются делом козней и злонамеренности; но если, при всех констатациях, остаётся признанным, что они не суть дело рук людей, то надо тогда согласиться, что они суть дело рук дьявола, скажут одни, мы же говорим, что — духов; но каких духов? вот в чём вопрос.

Высшие Духи, как среди нас люди значительные и серьёзные, не развлекаются тем, чтоб поднимать шум. Мы часто вызывали низших духов, чтобы спросить их о побуждениях, каковые заставляют их таким образом нарушать людской покой. Большинство из них не имеет другой цели, кроме как позабавиться; то духи скорее легкомысленные, чем злые, которых забавляет страх, коий они вызывают, и напрасные поиски, каковые предпринимают, чтоб открыть причину суматохи. Часто они упорствуют в преследовании одного какого-либо лица, которого им нравится раздражать и коего они преследуют из жилища в жилище; в других случаях они привязываются к какому-либо помещению без иного мотива, кроме собственного каприза. Иногда также это и месть, коию они осуществляют, как мы будем иметь возможность показать. В некоторых случаях их намеренье более похвально; они хотят обратить внимание и вступить в отношения, либо для того, чтоб дать полезное предупреждение лицу, к которому они обращаются, либо же для того, чтоб испросить что-то для себя самих. Мы часто видели, как одни из них просят молить, другие настойчиво просят выполнить от их имени какое-либо обещание, которое они выполнить не смогли или не успели; иные, наконец, желают в интересах их собственного успокоения исправить какое-либо дурное действие, совершённое ими при жизни. В общем, люди не правы, пугаясь их; их присутствие может быть докучным, но не опасным. Впрочем, можно понять желание, испытываемое людьми, освободиться от них, но только для этого обыкновенно делают как раз противоположное тому, что следовало бы делать. Если это суть духи

забавляющиеся, то чем серьёзнее вы принимаете дело, тем больше они упорствуют, как озорные дети, которые докучают тем сильнее, чем больше из-за них теряют терпение, и которые нагоняют страх на трусов. Если б вы приняли мудрое решение самим смеяться над их дурными проделками, то в конце концов им бы их занятие надоело и они б успокоились. Мы знаем кое-кого, кто вместо того, чтоб раздражаться, побуждал их, делал им вызов сделать ту или иную глупость, доведя их до того, что по прошествии нескольких дней они оставили его в покое и больше не возвращались. Но, как мы уже сказали, есть среди них и такие, побужденье которых не так легкомысленно. Вот почему всегда полезно знать, чего они, собственно, хотят. Если они о чём-нибудь просят, можно быть уверенным, что они прекратят свои посещения, как только желанье их будет удовлетворено. Самое лучшее средство просветиться на сей счёт — это вызвать духа через посредство хорошего пишущего медиума; по его ответам можно будет сразу увидеть, с кем приходится иметь дело, и действовать соответственно; если это несчастный дух, милосердие требует общаться с ним с тем вниманием, коего он заслуживает; если это дурной шутник, то с ним можно не церемониться; если он злонамерен, то нужно молиться Богу, чтоб он сделался лучшим. Независимо от причины, молитва всегда может иметь лишь положительный результат. Но строгая серьёзность заклинательных формул и экзорцизмов лишь смешит их, и они совершенно не принимают их в расчёт. Если вы можете вступить в общение с ними, то не доверяйте шутовским и устрашающим квалификациям, кои они иногда дают себе, чтоб позабавиться над людской доверчивостью.

Эти явления, хотя и исполняемые низшими духами, часто провоцируются духами более высокого порядка с тем, чтобы убедить нас в существовании существ бестелесных и возможностями превосходящих человека. Отголоски этого, даже ужас, который это вызывает, привлекают внимание и в конце концов откроют глаза самым отъявленным скептикам. Эти последние находят более простым списать явления эти на счёт воображения, что есть объяснение очень удобное, избавляющее ещё к тому же от необходимости объяснять что-либо ещё; однако, когда предметы оказываются опрокинутыми или брошенными скептику в лицо, потребовалось бы весьма упрямое воображение, чтобы утверждать, будто подобные вещи не происходят, когда оне произошли. Когда обнаружено какое-либо действие, это действие необходимо имеет некую причину; если *холодное* и *спокойное* наблюдение доказывает нам, что действие это независимо от всякой человеческой воли и от всякой матерьяльной причины, если к тому же оно обнаруживает очевидные признаки разумности и свободной воли, что *является самым характеристическим* признаком, то мы оказываемся необходимо вынужденными приписать его некоему оккультному разуму. Каковы же эти таинственные существа? Это и есть то, что спиритические исследования позволяют нам узнать наименее опровержимым образом чрез средства, кои они дают нам, чтобы сообщаться с ними. Эти исследования, помимо того, дают нам узнать то, что есть действительного, ложного или преувеличенного в тех явлениях, в коих мы не отдаём себе отчёта. Если происходит некое странное явление: шум, перемещение предметов, даже появление человеческих форм, то первая мысль, которая

должна прийти нам в голову, это та, что явление это обязано своим возникновением какой-то совершенно естественной причине, потому что причина эта есть наиболее вероятная; тогда надо изыскивать данную причину с величайшей тщательностью и допустить вмешательство духов лишь при достаточном на то основании; это есть средство не делать себе иллюзий. Тот, например, кто, не имея никого вокруг себя поблизости, получил бы пощёчину или удар палкой по спине, видимо, не смог бы усомниться в присутствии некоего разумного существа.

Следует остерегаться не только рассказов, кои могут быть, по меньшей мере, приукрашенными преувеличениями, но и собственных впечатлений, и не приписывать оккультного происхождения всему тому, что вам непонятно. Бесконечность очень простых и очень естественных причин может произвести следствия на первый взгляд странные, и было бы истинным предрассудком во всём видеть духов, занятых опрокидываньем мебели, битьём посуды, подстрекательством тысяча и одной домашней ссоры, кои более разумно отнести на счёт нашей собственной неловкости.

Объяснение, даваемое движению инертных тел, естественно относится ко всем самопроизвольным явлениям, кои мы только что рассмотрели. Шумы, хотя они и более сильны, нежели стуки, раздающиеся внутри стола, имеют одну и ту же причину: предметы оказываются брошенными или перемещёнными той же силой, какая приподнимает всякий иной предмет. Одно обстоятельство даже приходит здесь в поддержку этой теории. Можно было бы спросить себя, где находится медиум в подобных случаях. Духи сказали нам, что в подобных обстоятельствах всегда есть кто-то, чья энергия претворяется без его ведома. Самопроизвольные проявления редко происходят в местах действительно уединённых; они почти всегда случаются в обитаемых домах и лишь в силу присутствия некоторых лиц, оказывающих невольное определённое влияние; эти лица являются настоящими медиумами, сами того не сознающими, и коих мы, по этой причине, называем «медиумами природными»; они соотносятся с остальными медиумами так же, как природные сомнамбулы с сомнамбулами гипнотическими, и в той же мере достойны внимательного изучения.

Вольное или невольное вмешательство лица, одарённого особой способностью к производству этих явлений, кажется необходимым в большинстве случаев, хотя есть среди них и такие, где дух как бы действует сам; но тогда может оказаться, что он черпает животный флюид где-то в другом месте, а не у присутствующего лица. Это объясняет, почему духи, непрестанно нас окружающие, не производят ежемгновенных пертурбаций. Прежде нужно, чтобы сам дух хотел этого, чтоб у него была цель, побуждение, без этого он не сделает ничего. Затем нужно, чтоб он нашёл точно в том месте, где б он желал проявиться, лицо, способное ему содействовать, а это уже совпадение, встречающееся довольно редко. Как только такое лицо появится, он появлением его тут же воспользуется. Но, несмотря на соединенье благоприятных обстоятельств, ему ещё может помешать в этом превосходящая его воля, коия не позволила б ему действовать по своему усмотрению. Ему может быть позволено сделать это лишь в определённых пределах и в случае, если б эти проявления были признаны полезными, пусть как средство убеждения либо как испытанье лицу, являющемуся их объектом.

РАЗГОВОР С ПОЛТЕРГЕЙСТОМ*

Мы приведём по этому поводу лишь беседу, вызванную фактами, происшедшими в июне 1860 года на улице Нуайе в Париже.

ВОПРОС (к Св.Людовику): Будьте добры сказать нам, являются ли факты, кои, как говорят, произошли на улице Нуайе, реальными? Что касается их возможности, то мы в ней не сомневаемся.

ОТВЕТ: «Да, эти факты истинны; только людское воображение огрубило их, либо из страха, либо из насмешки; но, повторяю я, они истинны. Эти проявления вызваны неким духом, немного забавляющимся за счёт обитателей этого дома».

ВОПРОС: Есть ли в доме лицо, являющееся причиной этих проявлений?

ОТВЕТ: «Они всегда обусловлены присутствием лица, на которое нападают; это значит, что дух-возмутитель спокойствия злится на человека, живущего в этом месте, и хочет сыграть с ним дурные шутки, и даже старается заставить его перебраться в другое место».

ВОПРОС: Мы спрашиваем, есть ли среди обитателей этого дома кто-нибудь, кто б был причиной этих явлений чрез самопроизвольное и невольное медианмическое влияние?

ОТВЕТ: «Да, оно необходимо и должно быть, *без этого факт не мог бы состояться*. Какой-то дух живёт в облюбованном им месте; он остаётся в бездействии до той поры, пока в этом месте не появится натура, благоприятная для его проявлений; когда такое лицо появляется, то он забавляется тогда, как только может».

ВОПРОС: Присутствие этого лица, является ли оно необходимым в самом месте проявлений?

ОТВЕТ: «Чаще всего так оно и бывает, и так было оно и в том случае, какой вы приводите; вот почему я говорю, что без этого факт бы не мог состояться; но у меня не было намеренья делать обобщения; бывают случаи, в которых непосредственное присутствие не является необходимым».

ВОПРОС: Поскольку духи эти всегда низшего порядка, то способность быть им помощником, не является ли она признаком, говорящим не в пользу данного лица? Не возвещает ли это определённой симпатии с существами подобной природы?

ОТВЕТ: «Нет, не совсем так, ибо эта способность связана с физическим устройством организма; однако это очень часто возвещает матерьяльную склонность, которую было бы предпочтительно не иметь; ибо чем выше человек нравственно, тем более привлекает он к себе хороших духов, кои необходимо удаляют от него дурных».

ВОПРОС: Где дух берёт предметы, коими он швыряется?

ОТВЕТ: «Эти столь различные предметы чаще всего берутся им на месте или где-то по соседству; сила, идущая от духа, бросает их в пространство, и они падают в месте, назначенном этим духом».

* Под «полтергейстом» мы разумеем здесь отнюдь не явление, обозначаемое теперь этим немецким словом, но буквальное значение его в немецком языке: это разговор с духом-проказником, бывшим причиной одного из случаев полтергейста. (И.Р.)

ВОПРОС: Поскольку самопроизвольные проявления часто позволены и даже вызваны с целью убедить, то нам кажется, если б некоторые скептики были бы лично их объектом, то они оказались бы вынуждены сдаться под напором очевидности. Иногда они сожалеют, что не могли быть очевидцами убедительных фактов; не зависело ли б от духов дать им некоторое осязаемое доказательство?

ОТВЕТ: «Разве атеисты и матерьялисты не являются всякое мгновение очевидцами проявлений могущества Божьего, а также могущества души и мысли? Но это не мешает им отрицать и Бога, и душу. Разве чудеса Иисуса обратили всех его современников в истинную веру? Разве фарисеи, говорившие ему: «Учитель, яви нам какое-либо чудо!», не походят на тех, кто в ваше время требует, чтоб вы показали им проявления? Если их не убеждает чудо из чудес — чудо Творения, то пусть бы даже духи являлись им самым недвусмысленным образом, их бы это убедило ничуть не более прежнего, потому что гордыня их делает их словно норовистыми лошадьми. У них никогда бы не было недостатка в возможностях увидеть, если б они искали возможности эти с доброй волей, поэтому Бог не считает нужным сделать для них более того, что Он делает для тех, кто искренно стремится образоваться, ибо Он вознаграждает лишь людей доброй воли. Их неверие не сможет помешать исполнению божественной воли; вы прекрасно видите, что оно не помешало распространению учения. Перестаньте же беспокоиться их противодействием, которое для ученья то же, что тень для света, придающая ему лишь большую рельефность и яркость. Какова была б их заслуга, если б они были убеждены силой? Бог оставляет им всю ответственность за упрямство их, и ответственность эта будет более ужасна, нежели вы полагаете. Блаженны не видевшие, но уверовавшие, сказал Иисус, ибо они не сомневаются в могуществе Божиим».

ВОПРОС: Считаете ли вы, что было б полезным вызвать этого духа, чтоб попросить от него объяснений?

ОТВЕТ: «Вызовите его, если хотите; но это низший дух, коий даст вам лишь весьма незначительные ответы».

Беседа с духом-нарушителем спокойствия на улице Нуайе.

1. Вызывание.

— «Зачем вы меня зовёте? Хотите, чтоб в вас пустили камнем? То-то бы поднялась сумятица, несмотря на ваш бравый вид».

2. Если б ты и бросал сюда камни, это бы нас не испугало. Мы даже положительно, спрашиваем тебя, можешь ли ты здесь кидаться камнями?

— «Здесь, может, и нет; у вас страж, который основательно вас оберегает».

3. На улице Нуайе был ли кто-нибудь, кто служил тебе помощником, чтоб облегчить тебе дурные шутки, которые ты играл с обитателями дома?

— «А как же, я нашёл себе там хорошее орудие, и ни одного учёного и мнимо добродетельного духа, который мог бы мне в этом помешать; потому что я весел и люблю иногда повеселиться».

4. Кто же послужил тебе таким орудием?

— «Одна служанка».

5. Она не знала, что служит тебе помощницей?

— «О, да! Бедная девчонка! она была больше всех напугана».

6. Действовал ли ты с дурной целью?

— «У меня-то не было никакой дурной цели; но люди, которые всюду суют свой нос, повернут это к своей пользе».

7. Что ты хочешь этим сказать? Мы тебя не понимаем.

— «Я стремился просто повеселиться; но вы все, вы изучите это дело, и у вас будет одним фактом больше, чтоб доказать, что мы существуем».

8. Ты говоришь, что у тебя не было дурной цели, и тем не менее ты побил все стёкла в квартире; ты тем самым нанёс реальный ущерб.

— «Это всё мелочи».

9. Где ты достал предметы, которыми кидался?

— «Их можно взять повсюду; я нашёл их во дворе и в соседних садах».

10. Ты их *все* нашёл, или же некоторые из них ты сделал сам?

— «Я сам ничего не сделал и не собрал».

11. Если б ты их не нашёл, мог бы ты их сделать?

— «Это было б потруднее; ну, на худой конец, если надо, можно смешать разные матерьялы, и тогда б чего-нибудь получилось».

12. Теперь скажи нам, как ты их бросал?

— «А! это не так легко сказать; но я помогал себе электрической натурой этой девчонки, соединённой с моей, менее матерьяльной; вдвоём мы и могли вполне перетаскивать все эти штуки».

13. Тебе бы хотелось, я думаю, дать нам некоторые сведения о себе самом. Скажи нам сначала, давно ли ты умер?

— «Довольно давно; целых пятьдесят лет назад».

14. Кем был ты при жизни?

— «Особенно никем, я был старьевщиком в этом самом квартале, и мне порой говорили всякие глупости, потому что я уж очень любил красную жидкость старика Ноя. Потому-то мне б хотелось, чтоб все они убирались вон».

15. Сам ли ты и по доброй ли воле отвечал на наши вопросы?

— «У меня был учитель».

16. Кто этот учитель?

— «Ваш добрый король Людовик». КОММ. Этот вопрос вызван характером некоторых ответов, которые видимо превосходили понимание этого духа глубиной идей и самой формой языка. В том нет, стало быть, ничего удивительного, потому что ему помогал более просвещённый дух, который хотел воспользоваться этим случаем, чтоб дать нам наставление. Это факт весьма обычный, но примечательной особенностью в этом случае является то, что влияние другого духа чувствуется даже в самом почерке; почерк в ответах, где он вмешался, более аккуратный и свободный; почерк же тряпичника угловат, крупен, неаккуратен, часто неразборчив и имеет совсем иной характер.

17. Чем ты занимаешься теперь; заботишься ли ты о своём будущем?

— «Ещё нет; я скитаюсь. Обо мне так мало думают на земле, и никто не молится обо мне, никто мне не помогает, вот я и не работаю».

КОММ. В других местах мы не раз говорили, сколько можно способствовать продвижению и утешению низших духов через молитву и советы.

18. Как тебя звали при жизни?

— «Жаннэ».

19. Ну, хорошо, Жаннэ! Мы будем молиться за тебя. Скажи нам, наше вызывание доставило тебе удовольствие или же было тебе неприятно?

— «Скорее удовольствие, потому что вы славные ребята, люди весёлые, хотя и немного строгие. Ну это всё равно, вы меня выслушали, я доволен».

Жаннэ (Ваня)*

* * *

---

* Дальнейшие комментарии, надо полагать, излишни. (И.Р.)

Артур Конан-Дойль**ПО ПОВОДУ СПИРИТИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ**

«Ивнинг стандарт»

9 августа 1922 г.

I

Сэр! Совсем недавно Вы бросили мне вызов в связи с тем, что было сказано мною об этом предмете. Я ответил, что напишу Вам, когда буду располагать более полной информацией. Полноты пока ещё нет. Когда же она будет достигнута, то брошюра, которая появится, охватит собой все известные факты. Она должна быть готова в течение осени.*

Пока что же, раз Вы поставили этот вопрос на обсуждение, я воспользуюсь данным обстоятельством, с тем чтобы попросить публику не делать преждевременных заключений насчёт человека, который, как я думаю, находится в очень трудном положении и при этом не располагает теми легальными средствами возмещения морального ущерба, к которым может прибегнуть любой британец. Таким атакам следовало бы быть тем более осторожными, если не было понято, что медиум при современной неосведомлённости публики в этих вопросах является на суд в крайне неблагоприятных условиях.

В то время как готовится более полный обзор данной темы, было бы только справедливо, если бы г-н Хоуп сразу сказал, что всё расследование, предпринятое его друзьями, направлено к тому, чтобы показать, что брошюра, выпущенная с такой недостойной поспешностью и прежде, чем у него появилась какая-то возможность устроить защиту, является документом, который никоим образом не может выдержать беспристрастного критического разбора.

Обвинение, следует напомнить, заключалось в том, что психическая фотография должна была появиться на меченой фотопластине, поскольку все пластины в пачке без вскрытия её подвергли действию рентгеновских лучей, что, как предполагалось, должно было оставить на них определённую метку. Психическая фотография в конце концов появилась на немеченой пластине, что сочли абсолютным доказательством того, что пластины были заменены Хоупом. Существовало и несколько более мелких пунктов, но этот был главным, и, будь он устранён, прочее обратилось бы в тривиальность.

Но мы можем теперь требовать исключения этого капитального пункта обвинения. Дело в том, что исследователи, г-да Прайс и Сеймор, действовавшие в качестве доверенных лиц г-на Дингуолла из Общества психических исследований, не сочли нужным выяснить тот факт, были ли рентгеновские метки сделаны так, чтобы оставаться постоянными, или же оне могли исчезнуть.

* Речь идёт о книге Конан-Дойля «Факты в пользу спиритической фотографии»: «The Case for Spirit Photography» by Sir Arthur Conan Doyle., George H. Doran Company, New York, 1922. (И.П.)

Что было бы извинительно для других, не представляется таковым для г-на Дингуолла: в самом деле, кажется невероятным, чтобы полномочный ответственный за проведение исследований дал своё подтверждение работе, проделанной столь неряшливым и ненаучным образом.

Были приложены все усилия к тому, чтобы опорочить доброе имя человека и перечеркнуть плоды его пятнадцатилетней деятельности в области психизма на основании одного только голословного утверждения, которое можно было бы легко проверить и которое, будучи проверенным, показало бы свою полную несостоятельность.

Опыты, проделанные в других местах с аналогичными пластинами, мечеными тем же способом, доказали, что при пятнадцатисекундной экспозиции фотографический свет оставляет метки нетронутыми, но за этим пределом метки бледнеют и исчезают, так что пластина становится совершенно свободной от них, хотя с увеличением выдержки, скажем до 25 секунд, метки возвращаются уже в необратимой форме.

Так вот, г-н Прайс по ходу опыта сделал запись, что хотя длительность экспозиции и не была замерена (только представьте себе такой научный эксперимент!), но он медленно считал до 19 таким образом, что, согласно его же показаниям, экспозиция была достаточно длительной, чтобы достичь как раз той временной точки, когда метки должны были исчезнуть, а вместе с ними исчезла и главная улика, удостоверяющая подлинность пластины, что и привело к возникновению данного скандала.

Я не стану сейчас занимать места разбором более мелких пунктов обвинения, поскольку они незначительны сами по себе и будут полностью разъяснены в брошюре. Однако друзья г-на Хоупа почувствовали необходимость в подобном рода промежуточном заявлении, чтобы предостеречь суд от принятия ошибочного решения. Речь не идёт о том, чтобы предать эту историю забвению, напротив того, она должна быть тщательно расследована и представлена на суд общественности. Тем временем следует напомнить, что голословным утверждениям своих недругов г-н Хоуп противопоставил письменное показание под присягой о своей полнейшей невинности в возводимых на него обвинениях.

«Йоркшир уикли пост»
8 октября 1921г.

II

Дело усложняется полнейшим незнанием обычными фотографами психической науки или результатов, накопленных опытным путём после исторического события в 1861 году, когда Мумлер в Бостоне получил на фотопластине первые экстраснимки. Что можно сделать в этом случае с людьми, никогда слыхом не слыхавшими о психографиях и знать не знающими, что вы имеете в виду, говоря о вещах, являющихся самыми основами в данной области? Психографией* называется изображение, получившееся на фотопластине совершенно

* Не следует путать «психографию» (психическую разновидность фотографии) с «психографией» — одним из способов медиумического писания. (И.Р.)

без всякого воздействия на неё света, когда образ передаётся каким-то иным путём, неведомым нашей современной науке, хотя здесь и возможна некоторая аналогия с тем, как нынче воспроизводят изображения на больших расстояниях при помощи беспроводной трансляции. Мне самому удалось, будучи в Кру, получить изображение на фотопластине, принесённой мною и затем мною же и обработанной. Эта пластина не вскрывалась и не была вставлена в камеру, мы просто держали её между нашими руками, и в результате на ней получилось лицо моей сестры, умершей 30 лет назад. Такая психография — и я полагаю, что нормальная психическая фотография именно такова — не зависит от законов распространения света, поэтому можно предположить, до чего в состоянии договорится фотограф-критик, который станет судить о её достоверности по контрастности и иным подобным тестам.

Г-н Трейлл Тэйлор провёл исчерпывающее исследование этих психических фотографий, используя собственный аппарат и свои реактивы. Он являлся главным редактором «Джорнэл оф бритиш фотографии», не будучи спиритом. Тэйлор получил множество снимков в контрольных условиях. При этом он заметил, что при использовании стереоскопической камеры, все окружающие предметы выглядели соответственным образом объёмно, и одно только психическое лицо получалось плоским. Это доказывает, что психические изображения поступают на фотопластинку напрямую, а не через посредство объектива. Я надеюсь показать некоторые из снимков Трейлла Тэйлора на выставке в Лидсе.

Фотографические феномены представляют весьма малый раздел одной большой темы, но они очень важны, поскольку являются единственным доказательством, которое может быть показано широкой публике. Трудно и непристойно производить серьёзные медиумические опыты на эстраде перед публикой. Принимая во внимание то, что психическая фотография — это частный путь, ведущий к единому общему знанию, я заклинаю Ваших читателей навсегда отказаться от объяснения этих явлений с помощью слова «подделка», которым и без того долго морочили публику. Такие объяснения выглядят недопустимой глупостью в глазах всякого, кто самолично занимался этим делом и кто знаком с другими совершенно здоровыми и порядочными людьми, также свидетельствующими в пользу существования данных фактов. С другой стороны, есть ещё такая область, как материализация мыслеформы, которая даёт разумный повод для обсуждения, в особенности если взять её в связи с эктоплазмическими формами. Сделав все возможные допущения насчёт материализации мыслеформ — а к этому прибегает каждый осторожный исследователь, — Вы придёте наконец к вопросу о том, о чьей мысли идёт здесь речь, и ответ на него станет сутью всей проблемы. Большинство из нас, как и д-р Кроуфорд, оказывается принуждено безусловно признать, что речь идёт о независимом от нашей воли, разумном и незримом помощнике, или со-труднике, даже когда он производит, как это у него иногда получается, изображения, напоминающие или воспроизводящие модели, уже существующие. Проблем в этой области много, но само по себе глупое отрицание не поможет нам продвинуться вперёд.

Артур Конан-Дойль

СТРАНА ТУМАНОВ

(фрагмент из романа)*

Наши герои ещё не закончили чаепитие, когда доложили о прибытии преподающего Чарльза Мейсона. Ничто так не сближает людей, как духовные искания, поэтому неудивительно, что Рокстон и Мелоун, лишь однажды видевшие этого человека, мгновенно почувствовали к нему симпатию, какой не испытывали к людям, знакомым им на протяжении многих лет. Подобное родство душ — неотъемлемая часть таких сообществ. Когда в дверях показалась долговязая и неуклюжая фигура священника — лицо озарено доброй улыбкой, ясным светом лучатся глаза, — им показалось, что вошёл близкий друг. Мейсон сердечно приветствовал собравшихся.

— Всё в трудах да в заботах! — воскликнул он, пожимая каждому руку. — Надеюсь, новые впечатления не будут столь ужасны, как то, что нам пришлось испытать в прошлый раз.

— Клянусь Богом, — ответил Рокстон, — с тех пор я не устаю восхищаться вами, отец мой!

— Да что же такое он совершил? — с любопытством спросила миссис Мейли.

— Что вы, что вы! — воскликнул Мейсон. — Просто я в меру своих скромных сил попытался направить на путь истинный заблудшую душу. И хватит об этом! Хотя именно ради подобных дел мы еженедельно собираемся в доме наших милых хозяев. Ведь сам мистер Мейли научил меня этому мастерству.

— Что ж, у нас большой опыт по сей части, — отозвался Мейли. — И вы, Мейсон, играете здесь не последнюю роль.

— Но я никак не пойму главного! — прервал их Мелоун. — Прошу вас, просветите меня на этот счёт! Допустим, я соглашусь с вашей гипотезой о том, что мы окружены вполне материальными духами, привязанными к земле, которые не могут понять, куда они попали и что с ними происходит. Я правильно излагаю вашу теорию?

Супруги Мейли кивнули в знак согласия.

— Но у них есть умершие родственники или друзья, которые, возможно, иначе ощущают себя на том свете и осведомлены о печальной участи своих братьев. Им открыта истина. Не кажется ли вам, что они могут помочь этим несчастным намного лучше, чем мы?

— Вполне уместный вопрос, — сказал Мейли. — Конечно же, мы задавали его духам и теперь знаем ответ. Дело в том, что они *буквально* привязаны к земле, ибо слишком плотны и тяжелы для того, чтобы подняться вверх. Остальные же, веро-

---

* Настоящий фрагмент, будучи произведением чисто художественным, разумеется, не может служить документом, но в то же время не является и безусловно вымыслом, так как всё происходящее в нём списано автором буквально с природы. Этот отрывок мы приводим для сведения читателя: пусть точно знает, что же всё-таки происходит на спиритических сеансах. Фрагмент публикуется с любезного разрешения авторов перевода — В. Бернацкой и Е. Туевой. (И.Р.)

ятнее всего, находятся в духовной сфере, очень далеко от них. Наши подопечные объясняют, что они намного ближе к нам. К тому же нас они хорошо знают, а тех, что наверху, — нет. Поэтому именно нам сподручнее установить с ними контакт.

— Как-то нам явилась такая милая и несчастная тёмная душа...

— Моя жена любит всех и вся, — пояснил Мейли. — Она готова беседовать даже с несчастным заблудшим дьяволом.

— Конечно же, они заслуживают жалости и любви! — воскликнула прелестная дама. — Неделя за неделей мы заботились о бедняжке, — а его действительно вызвали из самого глухого уголка, — и однажды он в восторге вскричал: «Матушка явилась! Моя матушка здесь!» Мы, естественно, спросили его, почему она не приходила раньше. — «Как же она могла прийти, — ответил он, — если я находился в такой тьме, что она не в состоянии была меня разглядеть!»

— Всё это хорошо, — сказал Мелоун, — но, насколько я понимаю вашу идею, за всем следит некий высший дух, направник или надзиратель, который и приводит страдальца к вам. Если он осведомлён о существовании такового, то есть все основания полагать, что и в более высоких духовных сферах могут знать о нём.

— Нет, — ответил Мейли, — это миссия, выполнение которой доверено лишь ему. Приведу случай, иллюстрирующий, насколько одна сфера отделена от другой. Однажды нас посетила некая заблудшая душа. Наши привычные визитёры даже не подозревали, что она находится среди них, пока мы не привлекли их внимание к ней. А когда мы спросили у заблудшей души, не видит ли она, что окружена подобными ей, то услышали в ответ: «Я вижу свет и больше ничего».

Беседу прервал приход мистера Джона Тербейна, носильщика с вокзала Виктория, полноватого человека с бледным и печальным лицом. Он был чисто выбрит и одет в цивильное платье, так что кроме мечтательных и задумчивых глаз ничто не выдавало в нём необычайного предназначения.

— Ну что, готова запись? — первым делом осведомился он.

Миссис Мейли с улыбкой протянула ему конверт.

— Мы давно её подготовили, можете на досуге прочесть. Видите ли, — объяснила она, — бедный мистер Тербейн впадает в транс и поэтому не имеет ни малейшего представления о том, какие с его помощью вершатся дела, поэтому после каждого сеанса мы с мужем составляем отчёт — специально для него.

— И каждый раз я не устаю удивляться, — сказал Тербейн.

— Я полагаю, и гордиться, — добавил Мейсон.

— Ну, на этот счёт ничего не могу сказать, — застенчиво проговорил Тербейн. — Не думаю, что инструменту следует гордиться тем, что он попал в руки опытного мастера. Это скорее большая честь для меня.

— Милый, добрый Тербейн, — сказал Мейли, с нежностью кладя ему руку на плечо. — Чем лучше медиум, тем он щедрее душой, — так говорит мне опыт общения с людьми. Главное в медиуме — отдавать себя без остатка другим, а это несовместимо с эгоизмом. Но давайте начинать, иначе мистер Чанг на нас рассердится.

— Кто это? — спросил Мелоун.

— О, вы скоро с ним познакомитесь. Нам не обязательно оставаться за столом, вполне можно расположиться у камина. Давайте приглушим свет, вот так. Устраивайтесь поудобнее. Тербейн, вы можете откинуться на подушки.

Медиум, сидевший в углу дивана, тут же впал в дрему. Мейли и Мелоун держали наготове ручку и блокнот, ожидая дальнейших событий.

И они не заставили себя ждать. Неожиданно Тербейн сел, но это был уже не прежний Тербейн, а новая, властная личность, обладающая живым умом. Его лицо также преобразилось: на губах заиграла загадочная улыбка, глаза стали раскосыми и удлинёнными, все черты — более выразительными. Руки он втянул в рукава своего синего пиджака.

— Добрый вечер, — теперь он говорил решительно, короткими отрывистыми фразами. — Новые лица! Кто же они?

— Добрый вечер, Чанг, — ответил хозяин дома. — С мистером Мейсоном вы уже знакомы, это — мистер Мелоун, изучающий спиритизм. А вот — лорд Рокстон, который оказал мне сегодня неоценимую услугу.

Каждое новое имя Тербейн приветствовал плавным жестом, как это принято на Востоке, прикладывая руку ко лбу, а затем с поклоном опуская её вниз. Его манера держаться была исполнена достоинства и разительно отличалась от поведения незаметного маленького человечка, который сидел в комнате минуту назад.

— Лорд Рокстон, — повторил он. — Английский милорд! Я знал один лорд ... Лорд Макарт... Нет, не могу выговаривать... Увы! Тогда я называл его «чужеземный дьявол». Чанг много видеть на своём веку.

— Он имеет в виду лорда Макартни. Всё, о чём он говорит, происходило лет сто назад. Чанг жил как раз в те времена; тогда он был великим философом, — пояснил Мейли.

— Нет терять время! — воскликнул дух-поводырь. — Сегодня слишком много дел! Толпа ждёт. Кто-то новый, кто-то старый. Станный народ попадаетеся в мою сеть. А теперь я ухожу, — и медиум вновь откинулся на подушки.

Не прошло и минуты, как он снова вскочил.

— Я хочу поблагодарить вас, — сказал он на безупречном английском. — Я уже был здесь две недели назад. Теперь я обдумал ваши слова, и путь мой стал яснее.

— Так вы тот дух, который не верил в Бога!

— Да, да! Но я говорил это в запальчивости. Я был тогда так несчастен, так несчастен! О, время, бесконечное время, серый туман, тяжкий груз раскаяния! Безнадёжность! Безнадёжность! А вы мне вернули покой — вы и этот дух великого китайца. От вас я услышал первые после смерти слова утешения.

— Когда же вы умерли?

— О! Кажется, с тех пор прошла вечность: у нас время изменяется не так, как в мире живых. Это долгий и жуткий сон, без перерывов и перемен.

— А кто царствовал тогда в Англии?

— Королева Виктория. Я настроил свой дух на материализм, вот он и прирос к материи. Я не верил в загробную жизнь. Теперь-то я знаю, как глубоко заблуждался на этот счёт, но поначалу моему духу было трудно приспособиться к новым условиям.

— Вам плохо там, где вы сейчас пребываете?

— Там всё так... так однообразно, и это самое тяжкое. Всё, что меня окружает, поистине ужасно.

— Но там много душ, вы там не один.

— Это так, но остальные знают не больше, чем я. Оне так же злобствуют и сомневаются, и чувствуют себя при этом глубоко несчастными.

— Вы скоро покинете это место.

— Бога ради, скорее помогите мне!

— Несчастливая душа, — проговорила миссис Мейли своим нежным, ласковым голосом, способным кого угодно к ней расположить. — Вы так страдали. Но постарайтесь не думать о себе, подумайте о других. Помогите кому-нибудь из них подняться, и тем самым вы поможете себе.

— Спасибо вам, милая леди, я так и поступлю. Кстати, я привёл с собой одного из них. Он слышал ваши слова. Теперь мы вместе, и, возможно, когда-нибудь нам откроется свет.

— Хотите ли вы, чтобы мы молились за вас?

— О да, конечно!

— Я помолюсь за вас, — сказал Мейсон. — Вы «Отче наш» помните?

Мейсон начал произносить слова старинной универсальной молитвы, но не успел он закончить, как Тербейн вновь рухнул на подушки. Поднялся он уже Чангом.

— С ним всё в порядке, — произнёс он. — Он уступает место другим страждущим. Это хорошо. Сейчас — сложный случай! О! — Он потешно вскрикнул в знак осуждения и повалился на диван.

В следующее мгновение он поднялся — с торжественным выражением лица, сложив руки, словно для молитвы.

— Что происходит? — надменно отчеканил он. — Я желаю знать, по какому праву этот китаец вызвал меня сюда. Возможно, вас не затруднит просветить меня на сей счёт.

— Да, скорее всего, мы сможем вам помочь.

— Когда мне нужна помощь, сэр, я имею обыкновение просить об этом сам. В настоящее время я в ней не нуждаюсь. Всё ваше поведение указывает на то, что вы слишком много себе позволяете. Насколько я понял со слов китайца, я являюсь невольным свидетелем какого-то религиозного обряда.

— Мы представляем собой спиритуалистический кружок.

— В высшей степени вредная секта. Крайне порочная практика. Как скромный приходской священник я протестую против подобного богохульства!

— Ваши узколобые взгляды связывают вас по рукам и ногам, и от этого страдаете только вы сами. Мы хотим вас освободить.

— Я страдаю? Что вы имеете в виду, сэр?

— Сознаёте ли вы, что отправились на тот свет?

— Что за чушь!

— Разве вы не знаете, что вы мертвы?!

— Если бы я был мёртв, то как бы я смог с вами говорить?

— Ваш дух использует тело этого господина.

— Ну, конечно, теперь всё ясно — я попал в сумасшедший дом.

— Да, это действительно сумасшедший дом — для таких случаев, как ваш. Вы счастливы там?

— Счастлив? Ну, нет. Мне даже непонятно, где я нахожусь.

— Помните ли вы, что были больны?

– Да, я был серьёзно болен.

– Настолько серьёзно, что в конце концов умерли.

– Определённо, вы сошли с ума!

– Почему же вы так уверены, что живы?

– Сэр, я должен дать вам несколько религиозных наставлений. Если умирает человек, проживший праведную жизнь, то его душа обретает достойную оболочку и соединяется с ангелами. Я же пока нахожусь в своей земной оболочке, в месте, крайне однообразном и скучном. Хотя существа, в компанию которых я попал, не имеют ничего общего с теми людьми, с которыми я привык иметь дело в жизни, но и ангелами их тоже не назовёшь. Так что ваше абсурдное предположение не имеет под собой никаких оснований.

– Перестаньте обманывать себя. Мы хотим вам помочь, но вам придётся маяться в том мире до тех пор, пока вы не осознаете своего положения.

– Вы испытываете моё терпение. Разве я не сказал вам, что...

С этими словами медиум повалился на диван, а через несколько мгновений возник в образе китайца-поводыря – с загадочной улыбкой на устах и втянутыми в рукава руками.

– Хороший человек... Неумный человек... Скоро всё поймёт. Вызвать его ещё раз. А сейчас – не терять время. О, Боже мой! Помогите! На помощь! Спасите!

Он повалился навзничь на диван, его тело вытянулось, а крики были настолько ужасны, что все собравшиеся вскочили со своих мест.

– Пилу! Скорее несите пилу! – завопил медиум, но его крик перешёл в стон. Даже Мейли был взволнован; остальные стояли, объятые ужасом.

– В него кто-то вселился, но я не могу понять кто. Наверно, какой-то дух, несущий мощный заряд зла.

– Может быть, мне с ним заговорить? – спросил Мейсон.

– Давайте немного подождём и посмотрим, что будет дальше. Скоро всё прояснится.

Медиум корчился в муках.

– Господи! Почему вы не несёте пилу? – кричал он. – Меня придавило! Вы слышите, как хрустнула кость? Хокин! Хокин! Вытащите меня! Уберите бревно! Нет, так ещё хуже! Во мне всё словно горит! О, горе, горе мне!

От его криков кровь стыла в жилах. Все онемели от ужаса. А через секунду на них уже смотрели раскосые глаза Чанга.

– Что вы об этом думаете, мистер Мейли?

– Ужасное зрелище, Чанг. Что это было?

– Это для него, – Чанг кивнул в сторону Мелоуна. – Он хочет историю для газеты. Он поймёт. Время нет объяснять. Слишком много ждут. Следующий моряк. Вот он!

Китаец исчез, а по лицу медиума скользнула живая, озадаченная улыбка. Он почесал голову.

– Ну и дела, чёрт меня дерит, – сказал он. – Никогда не думал, что мною будет командовать какой-то китаёза, но он меня позвал, и вот приходится, чтоб ему пусто было, итти без разговоров. Так вот он я. Чего вы хотели?

– Да, собственно, ничего.

— Странно. А китаёза, наверно, подумал, что вам чего-то от меня нужно, вот и вытолкал меня сюда.

— Скорее вы нуждаетесь в нас. Вам необходимо знание.

— Это точно, я и впрямь чуток сбился с курса. Я знаю, что мёртв, потому что нашего артиллериста разорвало на части прямо у меня на глазах. А раз он мёртв, то и я мёртв, — мы все, как один, до последнего человека. А мы-то смеёмся над нашим священником, потому что он, как и все мы, не может ничего понять. Бедняга поп, чёрт бы его подрал, — я так думаю о нём про себя. И вот мы все теперь бороздим дно.

— А как назывался ваш корабль?

— «Монмаут».

— Это тот, что затонул, сражаясь с немецким кораблём?

— Так точно. В Южной Америке. Это был настоящий ад. Да, именно настоящий ад, — чувства переполняли его. — Но, — уже бодрым тоном добавил он, — я слышал, они тоже полегли. Это так, сэр?

— Да, они все пошли ко дну.

— Мы не встречали их здесь. Может, так оно и лучше. А то ведь мы зла не забываем.

— И напрасно, — сказал Мейли. — В этом ваша беда. Именно поэтому наш китаец-поводырь вас сюда и привёл. Мы должны вас наставить на путь истинный. И передайте наши слова своим друзьям.

— Благослави вас Господь, сэр, все они здесь, у меня за спиной.

— Ну, тогда слушайте и внимайте: прошло время мыслей о мести и земных страстей. Ваши помыслы должны быть устремлены вперёд. Оставьте землю, к которой вас всё ещё притягивают воспоминания, и думайте лишь о том, как бы сделать свои устремления бескорыстными и достойными более возвышенной, покойной и прекрасной жизни. Вы в состоянии это понять?

— Я постараюсь, сэр. И они тоже. Мы нуждаемся в рулевом, сэр, потому что не знаем, как себя вести, и мы никак не ожидали, что попадём в такую переделку. Мы слышали, что есть рай и ад, но место, где мы оказались, не похоже ни на то, ни на другое. Вот этот китайский джентльмен говорит, что наше время истекло, но мы сможем с вами повидаться на следующей неделе. Благодарю вас, сэр, от себя лично и от своих товарищей. Мы ещё придём.

Наступила тишина.

— Это просто невероятно, — задыхаясь, вымолвил Мелоун. — Интересно, что сказали бы читатели, если бы я описал этот моряцкий жаргон и его манеру говорить и в конце сообщил, что он явлен нам миром духов?

Мейли пожал плечами.

— Какая разница, что скажут читатели? Когда я только начинал заниматься спиритизмом, я был крайне впечатлителен и чувствителен ко всему, но сейчас нападки газетчиков беспокоят меня меньше, чем выстрел из винтовки по танковой броне. Честно говоря, они мне глубоко безразличны. Наша задача — как можно ближе подойти к истине, а всё остальное предоставим другим.

— Признаться, я не больно-то разбираюсь в этих делах, — сказал Рокстон, — но больше всего меня поражает, что, оказывается, все они — простые скромные люди. Так почему же они вынуждены блуждать во тьме и являться сюда по желанию этого китайца, если при жизни не причинили никому вреда?

— Всё дело в мощных узах, связывающих их с землёй, и отсутствии каких-либо духовных связей у каждого из них, — объяснил Мейли. — Например, священник, — он зашорен догматами и канонами. Или материалист, — он всю жизнь верил исключительно в торжество материи. Моряк вынашивает планы мести. Да здесь их мириады.

— Где это здесь? — не понял Мелоун.

— Здесь, — повторил Мейли, — на поверхности земли. Вы и сами могли в этом убедиться, когда ездили в Дорсетшир. Всё, что происходило там, происходило на земле. Это был вопиющий случай, что сделало его ещё более зримым и наглядным, но в целом он не является исключением из общего правила. Мне кажется, что земля буквально наводнена привязанными к ней душами и что, когда начнётся, как говорится в пророчествах, великое очищение, это будет не только во благо им, но и во благо живущим на земле.

Мелоун вспомнил странного провидца Миромара и его речь на собрании членов Спиритуалистической церкви в тот вечер, когда они с Энид впервые посетили её.

— Вы что же, полагаете, что грядёт какое-то бедствие?

Мейли улыбнулся.

— Это слишком долгий разговор, сейчас не до него, — сказал он. — Я полагаю... Но — вот опять появился Чанг!

Дух-проводник вступил в разговор.

— Я вас слышал. Я сижу и слушаю вас, — сказал он. — Вы говорите о том, что произойдёт. Пусть предначертанное свершится! Время ещё не пришло. Когда же настанет час узнать правду, вам сообщат. Запомните это. Всё к лучшему. Всё, что ни происходит, — всё к лучшему. Бог не совершает ошибок. Вокруг меня те, кто нуждается в вас, я ухажу.

Быстро сменяя друг друга, перед собравшимися прошли несколько духов. Один из них оказался архитектором, который сообщил, что жил в Бристолле. Он не творил зла, он просто отметал от себя любые мысли о будущем, и вот теперь скитается во тьме, и ему нужно указать путь. Другой дух жил в Бирмингеме. Он был образованный человек, но материалист. Мейли никак не удавалось убедить его в том, что он действительно умер. Затем появился очень шумный и рьяный субъект, отличавшийся крайне примитивными религиозными взглядами, ограниченный и нетерпимый. Он постоянно повторял слово «кровь».

— Что это за непристойный балаган? — несколько раз спросил он.

— Это не балаган. Мы здесь для того, чтобы вам помочь, — ответил Мейли.

— Я не нуждаюсь в помощи дьявола!

— Неужели вы полагаете, что дьявол станет заниматься тем, чтобы спасти заблудшие души?

— Это одна из его уловок! Говорю вам, это от лукавого! Имейте в виду, я не желаю принимать в этом участие!

Тут же незамедлительно возник спокойный, загадочный китаец.

— Хороший человек. Глупый человек, — ещё раз повторил он. — Много время. Поймёт лучше когда-нибудь. Теперь — тяжёлый случай... Очень плохой случай. Ох!

Он откинулся на подушки и не поднялся даже тогда, когда женский голос позвал:

— Джанет! Джанет!

После некоторой паузы голос раздался вновь:

— Джанет, ты слышишь?! Где утренний чай? Джанет! Нет, это невыносимо! Сколько можно тебя звать! Джанет! — Фигура на диване приподнялась, моргая и протирая глаза. — Что происходит? Кто вы? И по какому праву находитесь здесь? Известно ли вам, что это мой дом?!

— Простите, но это мой дом.

— Ваш?! Да как же это может быть, если я нахожусь у себя в спальне? Сейчас же убирайтесь отсюда вон!

— Сожалею, но вы не понимаете, где находитесь.

— Я сейчас же прикажу, чтобы вас выгнали вшаей! Какая наглость! Джанет! Джанет! Похоже, сегодня утром никто не хочет позаботиться обо мне.

— Оглянитесь вокруг, мадам! Разве это ваша спальня?

Тербейн ошалело поглядел вокруг.

— Да я в жизни не видала этой комнаты! Где я? Что же всё это значит? Вы производите впечатление приятной дамы. Ради Бога, объясните мне, что происходит! Мне так страшно, так страшно! Где же Джон и Джанет?

— Вы ничего не припоминаете?

— Я помню, что строго отчитала Джанет. Это, видите ли, моя горничная, а в последнее время стала такой небрежной. Да, я сердилась на неё. Я настолько рассердилась, что даже слегла. Врачи рекомендовали мне не волноваться, но как можно заставить себя не волноваться? Ещё я помню, что начала задыхаться и тогда попыталась позвать Джанет... Но почему я оказалась в другой комнате?..

— Ночью вы переселились в мир иной.

— В мир иной? Вы хотите сказать, что я умерла?!

— Да, мадам, именно так.

Некоторое время длилось молчание, а затем раздался истошный вопль:

— Нет, этого не может быть! Это сон! Ночной кошмар! Разбудите меня! Слышите, разбудите! Я не могла умереть! Я ещё не готова умереть! Мне такое и в голову не могло прийти! Но если я умерла, то почему я не в аду, не на небесах? Что это за комната? Ведь это обычная комната.

— Да, мадам, вас привели сюда и позволили воспользоваться телом этого господина.

— Господина?! — Она судорожно ошупала пиджак и провела рукой по лицу. — Да, это мужчина... Значит, я мертва! Я умерла! Что же мне теперь делать?

— Вы здесь для того и находитесь, чтобы мы могли вам все объяснить. Вы, насколько я понимаю, были светской дамой, обеими ногами стоящей на земле. И вас в этой жизни интересовали только материальные блага.

— Я ходила в церковь. Каждое воскресенье, в церковь Спасителя.

— Это ещё ничего не значит. В расчёт принимается только ежедневная духовная жизнь, а вы жили лишь материальным. Потому-то вы и привязаны сейчас к земле. Когда вы покинете тело этого господина, вы вновь окажетесь в собственном теле, в знакомой обстановке, но никто вас не увидит. Вы останетесь невидим-

кой, сколь бы ни пытались привлечь к себе внимание. Вашу телесную оболочку похоронят, но вы попрежнему будете существовать, такая же, как всегда.

— Но что же мне делать? Что я могу сделать, а?

— Вам следует принять всё происходящее с лёгким сердцем, понимая, что это необходимо для вашего очищения. Мы можем освободиться от материальной оболочки, только пройдя через страдание. Всё будет хорошо. Мы станем молиться за вас.

— О, пожалуйста! Мне это сейчас необходимо! О, Господи!... — голос затих вдали.

— Нехороший случай, — сказал, поднимаясь с подушек, китаец. — Эгоистичная женщина, плохая женщина. Живёт для удовольствия. Плохо обращается с теми, кто вокруг. Ей придётся много страдать. Но вы направите её по верный путь. Мой медиум устал. Многие ждут, но сегодня мы больше не примем никого.

— Доброе ли дело мы делаем, Чанг?

— Много добра, много добра.

— А где все эти люди, Чанг?

— Я уже вам говорил.

— Это так, но я хочу, чтобы ваш рассказ услышали и эти джентльмены.

— Семь сфер окружают землю, самые тяжёлые внизу, самые лёгкие —верху. Первая сфера — на земле. Эти люди находятся в ней. Каждая сфера отделена от другой, поэтому вам легче общаться с этими людьми, чем теми, кто находится в других сферах.

— А им, соответственно, легче общаться с нами?

— Да. Но надо быть осторожным, когда не знаешь, с кем говоришь. Надо прежде расспросить духа.

— А к какой сфере принадлежите вы, Чанг?

— Я из четвёртой сферы.

— А в какой по счёту сфере духи начинают чувствовать себя поистине счастливыми?

— В третьей. Страна вечного лета. В «Библии» она названа «третьим небом». Много мудрости в «Библии», только людям не дано её постичь.

— А седьмое небо?

— О! Там пребывает мессия. В конце концов все попадут туда — вы, я, все.

— А что за ним?

— Слишком много вопросов, мистер Мейли. Бедный старый Чанг не знает так много. А теперь, прощайте! Да благословит вас Господь! Я ухожу.

Сеанс закончился, а через несколько мгновений Тербеин, бодрый и улыбающийся, уже сидел на диване, явно не помня ни о чём, что произошло. Он не располагал лишним временем, к тому же жил достаточно далеко, поэтому сразу же собрался уходить, унося с собой единственную награду за труды — благословение тех, кому он помог. Маленький, скромный, бескорыстный человек, где окажется он, когда все мы займём истинные места, предназначенные для нас Творцом, по ту сторону добра и зла?

Но на этом собрание не закончилось: гостям хотелось поговорить, а чете Мейли — послушать.

— Я хочу сказать, — начал Рокстон, — что тут, конечно, крайне интересно, но в то же время налицо элемент спектакля, вам не кажется? Трудно поверить, что всё происходит на самом деле, — надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать.

— Мне тоже так показалось, — отозвался Мелоун. — Разумеется, на первый взгляд, это просто невероятно. Это настолько необыкновенно, что на таком фоне все события реальной жизни, бесспорно, отходят на второй план. Но человеческий рассудок полон загадок. Я читал об экспериментах Мортон Принса, мисс Бошам и других, а также о результатах опытов Шарко и о школе гипноза под руководством Нанси. Так вот они при помощи гипноза могут создать из человека абсолютно новую личность. Дело в том, что наш мозг напоминает верёвку, которую можно расщепить на множество нитей, и каждая нить — это как бы отдельный человек, особая сторона личности, которая, будучи вычленена во время гипнотического сеанса, может действовать и говорить от своего имени. Конечно, мистер Тербейн производит впечатление честного человека, который вряд ли станет заниматься мистификацией, но можем ли мы быть уверены в том, что он не находится под воздействием самогипноза, в результате чего одна сторона его сознания приобретает черты мистера Чанга, другая превращается в моряка, а третья — в светскую даму, и так далее?

Мейли рассмеялся.

— В каждом человеке живёт свой мистер Хайд, — сказал он, — но это справедливое возражение, поэтому его следует рассмотреть.

— Мы тщательно исследовали несколько случаев, — вступила в разговор миссис Мейли, — всё сходится — имена, адреса, словом, всё.

— А может быть, мистер Тербейн просто применяет на практике свои знания. Может быть, он заранее всё разузнал. Как носильщик, работающий на вокзале, он имеет доступ к самой разнообразной информации.

— Вы присутствовали только на одном сеансе, — заметил Мейли. — Но стоит вам повидать столько же, сколько видели мы, и вы сможете оценить совокупное значение этих свидетельств, что значительно умалит ваш скепсис.

— Вполне возможно, — сказал Мелоун. — Понимаю, мои сомнения вам крайне неприятны, но берусь утверждать, что в таких делах необходима предельная честность. Как бы там ни было, мне редко доводилось испытать что-либо подобное. Боже милостивый! Если то, что я видел, правда, и если бы у вас были тысячи таких кружков, то какое возрождение духа могло бы нас ожидать!

— Такое время обязательно наступит, — ответил Мейли своим спокойным и решительным голосом. — Надеюсь, мы до него доживём. Жаль, что наш сеанс не убедил вас окончательно, но, смею надеяться, вы ещё не раз будете нашим гостем.

Артур Конан - Дойль

МЕДИУМИЧЕСТВО, СИЛЫ ЗЛА И КРУЖКИ «ДУХОВНОГО СПАСЕНИЯ»

Психическая сила во всём многообразии своих проявлений встречается именно в бедных кварталах, но это определённо было её главной особенностью ещё с самого начала: рыбаками, плотниками, погонщиками верблюдов — вот кем были пророки во времена античности. В настоящее же время самые высшие психические дары в Англии встречаются среди рудокопов, разнорабочих, грузчиков, барочников и уборщиц. Колесо истории, таким образом, вертится, и всё повторяется в нашей жизни.

Медиумическая способность вырабатывается и развивается упражнением. Можно почти сказать, что она «заразна». Это именно и имелось в виду в раннехристианской Церкви под «рукоположением». Оно означало передачу способности к «сотворению чудес». Мы теперь не можем делать это так быстро. Но если человек, будь он мужчина или женщина, принимает участие в спиритическом сеансе с желанием развивать в себе эту способность и, в особенности, если сеанс этот происходит в присутствии настоящего медиума, то не исключена возможность того, что силы проявят себя.

Но при некоторых обстоятельствах это их проявление может оказаться даже хуже фальшивого медиумичества, потому что оно может быть употреблено во зло. Уверяю Вас, что разговоры о чёрной магии и злых существах не порождение предрассудка. Такие вещи действительно случаются и сосредоточиваются вокруг нечистого медиума. И Вы можете тогда попасть в такую область, каковая сродни общепринятым понятиям о колдовстве. В психическом мире подобное стремится к подобному себе, и Вы в таких случаях получаете то, чего Вы достойны. Среди спиритов считается чуть ли не аксиомой, что характер духов, проявляющихся во время спиритического сеанса, является в значительной мере выражением общей интеллектуальной и моральной природы участников сеанса. Если Вы сидите за спиритическим столом со злыми людьми, то к Вам придут и злые посетители. Так что есть в этом деле и опасная сторона.

Но что, скажите, в нашем мире не имеет своей опасной стороны, будучи неумело применено или доведено до крайности? Между тем эта опасная сторона существует совершенно отдельно от правого Спиритизма, и наше знание — самый эффективный способ противодействия ей. Я считаю, что ведьмы и колдуны Средневековья — вполне реальные факты и что самый лучший способ дать отпор таким приёмам — это культивировать высокие стороны души. Пустить же это дело на самотёк — значит оставить данную область силам зла.

Кто-то, возможно, примется доказывать, будто предмет, таящий в себе подобные возможности, лучше вообще не трогать. Ответом на это, вероятно, мо-

жет служить то, что злоторные проявления, по счастью, оказываются весьма редки, в то время как утешение, ежедневно доставляемое общением с духами, осветило новым светом не одну тысячу жизней. Мы ведь не прекращаем исследование неведомой земли из-за того, что там порой попадаются зловредные существа. Точно так же и здесь, повторяю, отказаться от изучения этой области значило бы оставить её во владении этих самых сил зла и вместе с тем — лишиться самих себя того знания, которое помогло бы нам понять образ действия этих сил и свести на нет их усилия.

Говорю об этих злых силах, потому что мы постоянно приходим в соприкосновение с ними. И когда происходит вторжение таких сил, мы совсем не стремимся обязательно отделаться от них. Встреча с ними — часть нашего дела, предмет особых наших забот. Если мы можем помочь какому-либо низшему духу, то помогаем ему; а сделать это нам возможно, лишь побуждая его рассказать нам о своих тревогах. Многие из этих духов отнюдь не злы. Это лишь бедные, невежественные создания, развитие которых застопорилось и которые страдают от последствий узких и ложных взглядов, привитых им ранее в нашем земном мире. Мы стараемся помочь им — и нам это удаётся. В чрезвычайно интересном случае, который был тщательно изучен исландским Обществом психических исследований в Рейкьявике, некая грозная и привязанная к земле сущность сама же объяснила, что в бытность свою человеком она была рыбаком весьма грубого и вспыльчивого нрава, покончившим жизнь самоубийством. Она подчинила себе медиума, буквально поработила его и последовала за ним на сеансы, проводимые Обществом, где неописуемо перепугала всех собравшихся, пока не была экзорцирована средствами, подобными описанным в моём романе.* Обстоятельный отчёт об этом случае приведён в «Протоколах» Американского Общества психических исследований, а также в «Сайки ризёч» за январь 1925 года, являющемся органом Психического колледжа. Исландия, следует заметить, — страна, весьма продвинутая в психической науке, и соотношение между численностью её населения и предоставившимися возможностями убедиться в продолжении нашего посмертного существования, вероятно, таково, что ставит её впереди любой иной страны. Епископ Рейкьявический является председателем Психического общества, что, несомненно, должно послужить уроком нашим английским прелатам, отмежевание коих от всякого изучения данного предмета находится на грани непристойности. Ведь предмет этот имеет самое непосредственное отношение к природе души человеческой и её участи в Мире Ином, и тем не менее среди духовных наших пастырей приверженцы этих исследований встречаются гораздо реже, нежели среди представителей любых иных профессий.

Итак, мы стараемся помочь этим заблудшим душам — и нам это удаётся. Мы знаем, что нам это удаётся, потому что со временем оне сами сообщают

* Речь идёт о романе «Страна туманов», произведении пропагандистском; входит в серию «приключений профессора Челленджера». (И.Р.)

нам об этом, и развитие их продолжается. Такие методы часто используются нашими сторонниками. Кружки спиритов, занимающиеся подобной душевспасительной деятельностью, именуются «кружками духовного спасения». Среди скрупулёзных и достойных доверия исследователей в данной области можно назвать Таузера из Мельбурна и Мак-Фарлейна из Саутси. Оба они методично занимались в «кружках духовного спасения» с целью оказать помощь духам, привязанным к земле. Подробные записи экспериментов, проведённых лично мною в такого рода кружках, можно найти в четвёртой и шестой главах моих «Странствий спиритуалиста».* Могу добавить, что и в моём собственном домашнем кружке, при медиумичестве моей супруги, нам выпала честь принести надежду и знание некоторым из этих несчастных существ.

Полные отчёты целой серии подобных драматических бесед можно найти на завершающих ста страницах последней работы адмирала Азборн-Мура «Проблески последующей жизни».** Следует отметить, что адмирал не присутствовал лично на этих сеансах, но что они проводились людьми, к которым он питал полнейшее доверие, и что результаты были подтверждены письменными показаниями под присягой со стороны участников сеансов. «Высокий характер г-на Линдера Фишера, — говорит адмирал, — является достаточной гарантией их достоверности». То же самое может быть сказано и о Э.Дж.Рэндалле, опубликовавшем множество аналогичных случаев. Он является одним из ведущих юристов Буффало, в то время как г-н Фишер — преподаватель музыки в том же самом городе.

Естественное возражение в этом случае сводится к тому, что, даже если не ставить под сомнение честность исследователей, то общее восприятие опыта всё же может оказаться некоторым образом субъективным и не соответствующим действительным фактам. Имея в виду это, адмирал говорит: «Я навёл справки касательно того, действительно ли каждый из духов, давших понять, что они вступили в новое состояние сознания, был удовлетворительным образом удостоверен. В результате выяснилось, что данные многих из них подтвердились, и это послужило достаточной причиной для того, чтобы счесть совершенно бесполезным разыскание их родственников и места их проживания в земной жизни на предмет подтверждения. Такого рода розыски требуют много времени и труда и всегда заканчиваются тем же результатом, именно — подтверждением сказанного». В одном из случаев, который приводится на стр. 524, говорится о некоей светской даме, умершей во сне. Во всех подобных случаях возвращающийся дух не осознаёт, что его земная жизнь завершилась.

Драматичная история, в которой речь шла о духе человека, проявившегося в самый момент несчастного случая, повлёкшего за собой его смерть (на самом деле этот случай касался сразу нескольких человек и имена, при этом упомянутые, были впоследствии проверены по газетным сообщениям об этой

* “Wanderings of a Spiritualist” by Sir Arthur Conan Doyle.

** “Glimpses of the Next State” by Admiral Usborne Moore.

катастрофе), приводится г-ном Э.Дж.Рэндаллом. Другой пример, сообщаемый этим же джентльменом, может быть предложен вниманию тех, кто ещё не осознали, сколь неоспорима и убедительна очевидность и сколь необходимо нам пересмотреть свои взгляды на природу смерти. Всё это приводится им в книге «Мёртвые не умирают».*

«Приведу инцидент, уклоняющийся в чисто материальную сторону. Я был одним из душеприказчиков отца, и после смерти и раздела его имущества, говоря со мной уже из мира потустороннего, он как-то раз сказал мне, что я проглядел один пункт в завещании, о котором он был теперь намерен мне напомнить.

Я ответил: «Твой ум и так всегда был сосредоточен на накоплении денег. К чему ещё и теперь тратить время, которое так ограничено, на разговоры об имуществе? Оно уже разделено».

«Да, — ответил он, — я знаю, но мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы заработать свои деньги, и поэтому я не хочу, чтобы они пропали впустую. Ещё осталась сумма, о которой ты ничего не знаешь».

«Хорошо, — сказал я, — коли так, расскажи, в чём дело».

И он сообщил следующее:

«За несколько лет до отъезда я дал займы под расписку небольшую (хотя как сказать!) сумму Сузанне Стоун, проживавшей в Пенсильвании, и получил от неё вексель. По законам этого штата я был вправе востребовать деньги через суд без возбуждения дела. Не знаю отчего, у меня возникло нехорошее предчувствие, и до истечения срока платежа я решил на всякий случай заверить вексель у нотариуса в Эйри, штат Пенсильвания, и тот сделал приписку, которая давала мне право удержать имущество заёмщика до уплаты долга. В моих бухгалтерских книгах нет никаких ссылок ни на вексель, ни на эту приписку. Будь любезен поезжай в Эйри, зайти в нотариальную контору, найди приписку и заведи её. Есть много и других вещей, о которых ты ничего не знаешь. Эта — одна из них».

Я был весьма удивлён, получив подобные сведения столь необычным образом, и, разумеется, справился об этой приписке у названного нотариуса. В результате я узнал, что она сделана 2 октября 1896 года, и ввиду несомненного факта задолженности получил по этой приписке с должника 70 долларов вместе с процентами. И вот я спрашиваю, было ли известно кому-нибудь ещё о существовании этого векселя и приписки, кроме самого должника и нотариуса в Эйри? Лично мне, определённо, об этом ничего известно не было. У меня не имелось даже причины подозревать о существовании векселя и приписки. Медиум, в присутствии которого происходила эта беседа, также ничего не мог знать по данному поводу, и тем не менее я получил денежную сумму, объявленную мне столь неординарным способом. Голос, звучавший при этом, несомненно принадлежал моему отцу, как, впрочем, и на сотне иных подобных сеансов, когда мне приходилось с ним разговаривать, и я привожу именно этот пример к пользе тех, кто имеют обыкновение измерять ценность всякой вещи лишь с денежной точки зрения».

* «The Dead Have Never Died» by Mr.E.G.Randall.

Однако, самые поразительные из всех этих посмертных сообщений находятся в книге «Тридцать лет среди умерших» доктора Викленда из Лос-Анжелеса.* Книгу эту, равно как и множество иных бесценных книг такого рода, можно приобрести только в Психическом книжном магазине на Виктория-стрит в Лондоне.**

Д-р Викленд и его жена, воистину героическая женщина, проделали работу, которая заслуживает самого пристального внимания психиатров всего мира. Если только автору удастся отстоять свою правоту, а позиция его в данном случае весьма сильная, то он тем самым не только революционизирует все наши представления о безумии и сумасшествии, но и существенно изменит наши взгляды в криминологии, поскольку нам станет ясно, что мы наказываем как преступников тех людей, которые гораздо более заслуживают сострадания, нежели осуждения.

Создав теорию о том, что многие маньяки являются попросту жертвами одержания, подчинёнными неразвитым сущностям, и экспериментально выяснив (впрочем, метода его в данном случае мне не вполне понятна), что эти сущности до чрезвычайности чувствительны к статическому электричеству, пропущенному через захваченное ими тело, он на основе этой гипотезы создал курс лечения, дающий замечательные результаты. Третьим фактором в его системе было обнаружение того, что подобные сущности значительно легче изгоняются из захваченного ими обиталища, когда для их временного приёма в наличии было предусмотрено некоторое свободное от души тело. В этом и заключается героизм г-жи Викленд, весьма очаровательной и культурной дамы, находящейся в гипнотическом трансе рядом с субъектом в готовности принять в себя захватчика, как только тот будет изгнан из одержимого им тела. Личность и характер этого неразвитого духа определяются, когда он говорит устами этой дамы.

Субъекта привязывают к электрическому стулу — это привязывание крайне необходимо, поскольку многие из них являются неистовыми маньяками — после чего включается ток. Эта электризация не воздействует на пациента, поскольку характер её статичен, но причиняет сильнейшие неудобства паразитирующему духу, каковой тут же старается найти приют в бессознательном теле г-жи Викленд. Затем следуют изумительные разговоры, подробнейшим образом приведённые в данном томе. Дух-одержатель подвергается перекрёстному допросу со стороны доктора, который увещевает его, объясняет ему все невыгоды его положения и в конце концов отпускает, либо передав его заботам какого-нибудь непременно присутствующего при этой процедуре высшего духа, либо, если одержатель не проявляет готовности к раскаянию, отдаёт его во власть некоего более сурового духовного распорядителя.

Для учёного, не знакомого с психическими исследованиями, такого рода утверждение, будучи подано в неприкрытом виде, звучит просто дикостью, но мне-то нет надобности требовать от д-ра Викленда доказательств его правоты, я просто говорю, что наш опыт в кружках духовного спасения содержит в себе об-

* “Thirty Years Among The Dead” by Dr. Wickland.

** Библиотека-магазин, основанная и руководимая самим А.Конан-Дойлем. (И.Р.)

щую идею, и что, как было признано, д-ру Викленду удалось добиться полного исцеления в случаях, которые были неизлечимы всеми другими методами. Как бы то ни было, всё это является очень убедительным подтверждением нашей теории.

По всей видимости не каждый открыт для подобного вторжения, но лишь те, кто наделены необходимой для того психической чувствительностью. Это открытие, когда оно будет в полной мере разработано, станет одним из основополагающих фактов психологии и юриспруденции будущего.

Итак, повторю: медиумические способности даются лишь избранным и даются они ради утешения человечества и доказательства бессмертия нашего. Они никогда не предназначались для использования в бытовых, житейских целях. Когда же кто-то пытается употребить их для этого, то ничего, кроме неприятностей, как для медиума, так и для клиента не происходит.

1925 г.

* * *

Артур Конан - Дойль

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ
ОБЩЕСТВА ПСИХИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Джорнэл оф Сэсайти
фор Сайкл ризёч»
Март 1930 г.

Леди и джентльмены!

Недавно (22 января сего года) я отослал следующее письмо г-ну Председателю Совета О.П.И.:

«Милостивый государь!

В январском номере журнала я только что прочёл статью г-на Бестермена о медиумических сеансах в Миллезимо. Я расцениваю её как набор искажений и оскорбительных инсинуаций, способствующих порочению доброго имени Общества. Тон оскорбительного высокомерия, с которым отодвигается в сторону авторитетное мнение такого человека, как профессор Бошцано, присутствовавшего на этом сеансе, мнение, которое с презрением трактуется человеком, там не присутствовавшим и имеющим ничтожный опыт в психических исследованиях, заставляет стыдиться, что подобная чушь могла быть опубликована должностным лицом Общества, заслужившего репутацию научного.

Чтобы оценить всю нелепость, равно как и ничем не вызванную оскорбительность альтернативной теории мошенничества, выдвинутой мистером Бестерменом, нам необходимо ясно видеть, что именно подразумевает эта теория. Она подразумевает, что итальянский дворянин из старинного рода, член законодательного органа страны, пригласил в свой дом друзей, чтобы на них поупражняться в хитроумном надувательстве. Его личная причастность доказывается тем фактом, что левитация его собственного тела и другие явления, произведённые им, принадлежат к числу наиболее ясно зарегистрированных. Собрав гостей, он заставил звучать в комнате голоса своих покойных родственников и других людей. Одна дама, состоявшая, по видимости, с ним в стоворе, спрятала под короткой современной юбкой длинную средневековую рапиру, шпагу матадора, большую куклу и другие предметы, оказавшиеся таким образом совершенно недоступными критическому взору общества. Она, или какой иной соучастник этого розыгрыша, якобы произвела большой шарообразный предмет, повисший над собравшимися, и неизвестно каким образом поднимала порывы ледяного ветра. Эти и многие другие чудеса были проделаны столь успешно, что результаты данного сеанса обманули всех присутствовавших, включая сюда почему-то и самого профессора Бошцано, так что он даже ручается своей научной репутацией, отстаивая истинность увиденных явлений. Такую именно картину нам предлагает принять бестерменовская теория обма-

на. При этом не даётся никаких объяснений касательно того, с помощью какого предмета или какой методики оказалось возможным устроить весь этот розыгрыш. Можем ли мы подобную чепуху удостоить имени «психического исследования», и не есть ли она предел пустого упрямства?

Ещё один пример предубеждения можно найти на стр. 15 того же номера при упоминании имён уже настоящих психических исследователей, господ Дэнниса Брэдли и Джорджа Вэлиэнтайна в Берлине. Бросается в глаза, что суждения противников Спиритизма сразу же принимаются на веру без малейшей попытки их тщательно проверить.

Я долго ждал, надеясь, что традиции тупого отрицания в духе г-д Подмора, Дингуолла и Бестермена отомрут сами собой. Но поскольку нет никаких признаков этого, а одержимость, как кажется, всё более заявляет о себе, то единственный для меня выход в создавшемся положении — это прекратить моё членство в Обществе после 36 лет терпеливого пребывания в его рядах и тем выразить своё публичное несогласие с крайне ненаучной и предвзятой деятельностью этого Общества, которое на протяжении целого поколения не проделало никакой конструктивной работы, но зато направило свои силы на создание помех тем, кто действительно все эти годы работал над самой важной проблемой, когда-либо встававшей перед человечеством, и на то, чтобы исказить результаты этой их работы.

С совершенным почтением

Артур Конан-Дойль».

Те из нас, кто сознают чрезвычайную важность движения, называемого «спиритизмом» или «спиритуализмом», или даже те, кто просто желают видеть честную игру при разборе этого предмета, должны наконец понять, что Общество, изначально предназначенное относиться сочувственно и честно к изучению проблемы, по сути дела, превратилось в откровенно антиспиритуалистическую организацию. Всё, что способствует доказательству истинности этого вероисповедания, как бы ни был здрав и достоин уважения источник данных доказательств, подвергается резким нападкам, подавляется, систематически искажается и вызывает противодействие самого безрассудного и порочного толка.

Для поколения, жившего со времени смерти Мейерса и окончания сеансов миссис Пайпер, Общество не проделало никакой сколько-нибудь важной работы и сосредоточило свои силы единственно на создании препятствий тем, кто действительно занят настоящими психическими исследованиями, а также на умалении их заслуг. Последняя статья г-на Бестермена, может быть, и незначительна сама по себе, но она звено в длинной цепи предубеждений, исходящих и по сей день от г-д Подмора, Дингуолла и мадам Сиджвик (!). Мне представляется необходимым положить этому конец и выяснить, до коих ещё пор Общество должно пребывать в руках этой главенствующей кучки реакционеров, или же они действительно выражают мнение его членов? Нежелательно, чтобы Общество потеряло свою независимость или стало органом Спиритического движения, но всё же вполне естественно ожидать,

чтобы к предметам, заслуживающим огромного внимания в силу их чрезвычайной важности, оно не относилось безответственно и легкомысленно, как было это до сих пор, когда у комментаторов вошло в привычку снова и снова глумиться над явлениями, свидетелями каковым им не довелось быть, всё вновь игнорируя полнейшую очевидность того факта, что явления эти действительно имели место.

Я бы попросил тех, кто желал бы по достоинству оценить мною сказанное, прочесть статью г-на Бестермена в январском номере журнала, а затем уже прочесть взвешенное и исполненное достоинства предисловие профессора Боццано к книге миссис Хэк «Современные Психические Тайны»,* где говорится об этих сеансах.

Данный вопрос более важен, чем может показаться на первый взгляд, так как, я подчёркиваю это, сеансы в Миллезимо проведены на высочайшем уровне возможном для психических исследований, как с точки зрения доскональности описания и разнообразия явлений, так и с точки зрения чистоты и безукоризненности работы медиума. Поэтому если они могут быть высмеяны как устаревшие, то и ко всему, что мы ещё сможем произвести, будет точно такое же презрительное отношение. Я с трудом могу поверить, читая критику г-на Бестермена, что он действительно ознакомился с самой книгой. Его статья изобилует фактическими ошибками. Он жалуется, что не общается, откуда была принесена шпага. Но на странице 93 можно прочитать: «Оружие лежало на большом столе на третьем этаже дворца. В тридцати ярдах... по прямой». Об аппортах он говорит, будто максимальная длина принесённых предметов составляла лишь два фута (чтобы намекнуть тем, будто они могли быть спрятаны дамой под юбку). Но на странице 176 есть рисунок копыа длиною в шесть футов, а на странице 208 — растения высотой в четыре с половиной фута — оба предмета были аппортированы. Он жалуется на незнание того, что такое флексатон, а между тем тот изображён на странице 97. Однако этот небрежный критик использует преимущества своего официального положения, чтобы отвратить читающую публику О.П.И. от этой как нельзя более важной книги.

Я долго ждал в надежде на какую-либо реформу, но сейчас пришёл к выводу, что ожидать её не стоит и что влияние Общества идёт только во зло. Поэтому я отказался от своего членства, и протест был бы тем более действенным, если бы те, кто согласны со мной, последовали моему примеру. Это никак не помешает их психическим исследованиям. В Британском Колледже Психической Науки, Куинз-гейт, 15, находится учреждение, где они смогут участвовать в настоящих, положительных психических исследованиях, с контрольными медиумами, всегда имеющимися под рукой, с хорошей библиотекой, превосходным ежеквартальным журналом и атмосферой прогресса, а не застоя.

Я пишу эти строки из чувства глубокого долга, поскольку на данный момент я являюсь одним из старейших членов О.П.И. Я тем не менее убеждён, что это Общество уже давно превратилось из помощника в помеху мировой психической науке и что назрела необходимость в сильном протесте.

---

* «Modern Psychic Mysteries» by Mrs. Hack, (Rider). (И.Р.)

Должен добавить, что, провозгласив этот протест, я не в состоянии ни вступать в длинные споры или пространную переписку, ни присутствовать на собраниях, поскольку состояние моего здоровья едва ли позволяет мне покидать дом.

Искренне Ваш,

*Артур Конан-Дойль,
доктор медицины,
доктор права.
Январь, 1930 г.*

P.S. Я бы хотел напомнить членам Общества слова великого пионера английского спиритизма, сэра Вильяма Баррэта: «Скептицизм, в высокомерии своём отказывающийся признать существование множества фактов, происходящих у него перед глазами, никак не может претендовать на звание здорового. Такой скептицизм нуждается во вмешательстве врача».*

---

* Профессор Вильям Ф. Баррэт (1844-1925) – английский учёный, один из пионеров английского спиритизма. Среди его трудов, посвящённых исследованию явлений спиритизма можно назвать такие работы, как «Загадочные явления человеческой психики» и «На пороге нового мира мысли». (И.Р.)

Карл Дюпрель

Из книги «ОТКРЫТИЕ ДУШИ ПОТАЙНЫМИ НАУКАМИ»

„Mich läßt der Gedanke an den Tod in völliger Ruhe; denn ich habe die feste Überzeugung, daß unser Geist ein Wesen ist, ganz unzerstörbarer Natur, es ist ein Fortwirkendes, von Ewigkeit zu Ewigkeit, es ist der Sonne ähnlich, die bloß unsern irdischen Augen unterzugehen scheint, die aber eigentlich nie untergeht, sondern unaufhörlich leuchtet.“

J.W.Goethe*

I

Доказательства, взятые из трансцендентальной психологии, имеют тот недостаток, что они не могут быть общепризнанны, поскольку феномены этого рода не принадлежат к числу повседневных фактов; люди же в большинстве своём желают верить лишь тому, обо что они повседневно стучаются носом. Большинство людей могут попасть в область истины лишь путём зрения, а не путём мышления, и эта необходимость является главнейшей причиной сомненья.

II

Орган и функция органа не могут быть отделены, ни помыслены друг от друга раздельно. Воля, направляющая мою руку для того, чтобы она взяла какой-то предмет, есть та же воля, которая организовала и саму эту руку для того, чтобы она брала. Сила, благодаря которой мозг художника создаёт представления, есть та же самая сила, которая организовала и сам этот мозг, которая, стало быть, самоё должна быть наделённой способностью представления, ибо слепое начало не могло бы само собою сделаться зрячим. Это было бы весьма похоже на барона Мюнхаузена, который самого себя за вихор вытаскивает из болота — символ, могущий служить гербом и эмблемой всем материалистам.**

III

Нам представляется, будто все виды психической деятельности связаны с физическим организмом, и скептик-матерьялист целую вечность будет говорить, что причиною их является организм, его функции, и что тем самым

---

* «Мысль о смерти оставляет меня совершенно равнодушным, ибо я твёрдо убеждён в том, что дух наш есть существо совершенно неразрушимой природы, продолжающее деятельность свою из вечности в вечность, оно подобно солнцу, которое нашим земным глазам кажется зашедшим, но которое в действительности никогда не заходит, но светит всегда». *И.В.Гёте. (нем.)*

** Из всех суеверий самое нелепое — материалистическое; оно совершенно бездуховно, или должно быть им в слабость самой своей главенствующей идеи первенства материи над духом, и пытается найти причину движения в порождаемых им свойствах. *(И.Р.)*

со смертью тела психическая жизнь также должна прекратиться. Поэтому-то весомые, неопровержимые, ясные доказательства существования души могут быть выведены лишь из тех явлений, кои телу не принадлежат, от него не зависят, для которых, более того, тло является препятствием, т.е. из мистических феноменов. Из этих последних без труда выводится существенность души; и поэтому-то матерьялисты, с логическим чутьём, отрицают *всякую* мистику. Они чувствуют, что если б даже был установлен хотя бы *один* факт видения на расстоянии, то вся система их оказалась бы опрокинутой. Поэтому им ничего иного не остаётся, как отвергать всю мистику скопом.

IV

Всё же нельзя отрицать того, что акции учения о душе в настоящее время стоят очень низко. Сегодняшнее человечество мыслит в большинстве своём материалистически, не спиритуалистически, что, если процесс этот не приостановится, необходимо должно будет пагубным образом переиначить весь уклад нашей жизни, ибо история всей культуры получает определяющую её окраску всегда чрез находящиеся в обращении идеи. Когда недавно я разговаривал с одним из наших социал-демократов, то он признался мне, что ни одна другая книга так не распространена среди рабочих и не пользуется у них таким уважением как Бюхнерова «Энергия и материя». Рабочие, стало быть, определённо избрали своим евангелием глупейшую книгу нашего столетия. Впрочем, рабочие ведут себя вполне последовательно. Ведь если душа действительно существует, то благо души должно быть основоопределяющим для нашего образа жизни; если же никакой души нет, то рабочий класс, как и всякий иной, должен всецело сосредоточиться на матерьяльной жизни и имеет право стремиться к тому, чтобы сделать её себе настолько приятной, насколько оно возможно. «Живём лишь раз» — говорят рабочие, и «Nos habebit humus» («Всех покроет нас земля») — поют студенты.

V

Вот и приспело время позаботиться о том, чтобы древо скептицизма не выросло до небес. Оптический обман, во власти какого мы ныне находимся, делает понятным тот факт, что в наших учебниках по психологии чудесное принципиально обойдено. Душу вычеркнули из них — и вся психология превратилась в физиологию. Круг исследований при этом произвольно сузился до малости, и поскольку работа всё же должна была продолжаться, то мы пришли теперь к тому, что в науке всё более распространяется тенденция к какому-то микроскопированию, когда все исследования теряются в ничтожных мелочах, тогда как самые важные проблемы, от разрешения коих зависят само благо и спасенье человечества, остаются неразрешёнными. Так скоро дело может дойти до того,* что мы будем размышлять более над академическими вопросами на соискание учёных степеней — как-то: «катары желудка у инфузо-

* Уже давным-давно дошло, и кислыми плодами этого мы давно кормимся. (Й.Р.)

рий и тупелек» или «переломы ног у глетчеровых блох» — нежели над глубокими загадками нашей собственной души.

Но если справедливо сказано, что при оценке людей голоса следует не подсчитывать, а взвешивать, то это также должно быть признано справедливым и в отношении психологических фактов. Не те суть самые важные, что навязываются своей частотой, но те, из каковых можно заключить о бессмертной сути человека, как бы ни были они редки. Один-единственный научно установленный факт видения на расстоянии несравненно важнее, чем всё известное физиологической психологии вместе взятое.

Между тем в отношении видения на расстоянии есть такое явление, для которого столь обычная в прочих случаях редкость не характерна, это — «второе зрение» (das zweite Gesicht). Оно не ограничено не только пространственно (хотя чаще всего эта способность наблюдается среди жителей Шотландии и Вест-Фалии), но не ограничено и временно, поскольку встречается оно довольно часто. Второе зрение, по-английски — second sight, по-галльски — Darasiule или Taischitaraugh, по-ирландски — taisch, наблюдалось столь часто, что произвольное игнорирование его со стороны психологов воспринимается просто как нарушение долга. То, что они не знают, что им делать с ним в *своей* системе, не уполномочивает их к исключению самого факта его существования, но скорее доказывает только, что система их ни на что не годится, и обязывает их перестраивать её до тех пор, пока для таких фактов место в ней не отыщется. Так что априоризм, которым во времена Гегеля естествоиспытатели попрекали философов, заполонил теперь всё у них самих. Различие состоит лишь в том, что у Гегеля, с его «самодвижением понятия», всё сведшим к полёту Икара, априоризм лежал в утверждениях, тогда как у наших естествоиспытателей он лежит в отрицаниях. И прежде всего касается это наших психологов. Index librorum prohibitorum, составляемый ими и в который они включают все книги по оккультизму, значительно длиннее того списка запретных книг, какой был издан католической церковью за всю историю её существования.

Разумеется, и второе зрение не так повседневно как зрение обычное, но всё же оно наблюдается достаточно часто, чтобы выглядели смешно попытки всех, кто полагает, будто в природе перестало существовать то, что они не включили в свои учебники. С таким же правом из истории литературы можно было бы исключить гениев под предлогом того, что они редки, из геологии — вулканы, потому что большинсво гор не извергает пламени, или же ограничить минералогию гранитными булыжниками потому только, что драгоценные камни падаются редко. К этому прибавляется ещё и то, что наши психологи со своим физиологическим ключом показывают себя всё менее способными объяснить людям, что же происходит на самом деле, и сами частично сознаются в этом. Ведь когда какой-то определённый ключ не подходит к данному замку, всегда вполне разумно попытаться подобрать другой. Однако наши горе-учёные, вместо того чтобы воспользоваться тем, что предлагает им трансцендентальная психология, всё продолжают навязывать физиологическое объяснение феномену человека, что равнозначно упрямому желанию продолжать работу, уже давно ставшую никому не нужной.

VI

Во времена скепсиса слывёшь просвещённым, если отрицаешь чудесное, и суеверным, если его признаёшь. В такие времена людское тщеславие добивается того, чтобы чудесное находило себе лишь тех свидетелей, которые держат его под сгудом, из-за того что у них не хвататет мужества сделаться предметом насмешек в глазах той общественной глупости, каковая эвфемистически называет себя «общественным мнением». Но вот скептикам уже и самая редкость чудесных явлений начинает казаться подозрительною, даже ими самими искусственно созданная, лишь оптически наличествующая редкость. Сначала они понуждают чудесное спрятаться, а после заявляют, что ничего не видно и смотреть, собственно, не на что.

VII

Близятся сроки, когда школьная премудрость вынуждена будет сложить оружие. Уже повсюду в Европе возникают общества, ставящие своей задачей изучение оккультизма, хотя и не все они доросли ещё до уровня своей задачи: некоторые опасным образом склоняются к суеверной форме спиритизма,* другие же, напротив, как например «Общество психических исследований», замыкаются на одном гипнотизме, что означает перепутать дверь в комнату с самим зданием,** и впридачу к тому обосновывают свои исследования медицински, т.е. протаскивают в эту область замаскированный матерьялизм. И всё же, чрез входную дверь гипнотизма, школьная премудрость вступила в тёмное для неё царство, и не в её теперь власти заставить молчать природу; в итоге она вынуждена будет признать, что гипнотизм не есть дорога в никуда, но что он ведёт чрез сомнамбулизм к спиритизму. В этом направлении уже есть весьма многозначительные высказывания профессоров Льебо, Ломброзо, Рише и других, коих пока что можно приветствовать как первопроходцев. При этом более тяжёлые на подъём исследователи, преисполненные сомнений, подчёркивают слово «наука» — в том ладу как они её понимают — и полагают, будто их медлительное топтанье на месте следует ещё и похвалить, так как человеку науки, говорят они, подобает сомневаться, поскольку сомненье есть начало мудрости. То, что оно так, неоспоримо; но, конечно же, только в том случае, когда от со-

* Под «суеверной формой спиритизма» автор понимает всевозможные формы «спиритического» гадания и предсказания будущего на картах, блюдах и иных предметах, всякого рода праздные разговоры с «духами», происходящие в великосветских салонах и гостиных без всякой нравственной пользы и поучения для кого-либо, а также стремление некоторых неразвитых умов вступить в общение с так наз. «тёмной силой» и заняться «чёрной магией» — вещи, вызывающие у спирита, философа и учёного лишь правомерную брезгливость. Негоже серьёзному мужу потакать вкусам, нуждам и страстям невежественной и нечистой толпы. (И.Р.)

** Полковник Альбер Дероша, крупнейший исследователь тайн человеческой психики, в своё время писал: «Гипнотизм, единственное до сих пор официально изученное явление, всего лишь прихожая просторного и чудесного здания, в значительной мере уже обследованного древними гипнотизёрами». (И.Р.)

мнения идут дальше — к исследованию и мышлению. Целую же вечность коснеть в сомнении — это и дурак может, и когда вместо того, чтоб преодолевать сомнение, его возводят в степень самоцели науки, то это уже никак не начало мудрости, но вершина дурачества.

VIII

Когда поверхностное определение человека в так называемой «точной психологии» наших дней будет выброшено на свалку, когда из трансцендентальной психологии будет выведено новое определение, тогда оно вновь будет звучать так, как звучит оно, насколько я знаю, у Прокла: «Человек есть душа, пользующаяся телом как орудием». («Homo est anima utens corpore tanquam instrumento»).

1894 г.

* * *

Павел Гелева

ФЕНОМЕН «СПОНТАННОЙ КОМБУСТИИ» ТАЙНА ОГНЕННОЙ СМЕРТИ

Чудеса не противоречат законам природы. Они противоречат лишь нашим знаниям о законах природы.

Бл. Августин

Домовладелица принесла телеграмму своему жильцу, миссис Ризер, Санкт-Петербург, штат Флорида, С.Ш.А. Подойдя к двери квартиры, она постучала, но не услышала ответа. Попыталась открыть дверь, но та была заперта изнутри. Ручка двери была при этом тёплой, что заставило женщину вспомнить о слабом запахе дыма, который она почувствовала некоторое время назад. Но запах быстро исчез, и поэтому она не вызвала пожарных. Постучав ещё несколько раз и немного подождав, она вернулась к себе и вызвала полицию. Полицейские взломали дверь и увидели нечто невероятное.

Посреди комнаты стояло большое мягкое кресло, обгоревшее до железных пружин. Ковёр вокруг кресла также был сожжён, а на потолке оказалось немного копоти. Помимо этого, огонь ничего не тронул. Но где же сама миссис Ризер? Подойдя к креслу ближе, полицейские увидели то, что от неё осталось. Голова совершенно обуглилась и уменьшилась до размеров теннисного мяча. Полиция нашла также фрагмент позвоночника и небольшую часть ноги. Вот и всё, не считая кучек пепла вокруг кресла.

Коронер (напомним, что так в С.Ш.А. и Великобритании называется гражданское должностное лицо, в обязанности которого входит расследование случаев насильственной или внезапной смерти) был крайне изумлён. Совершенно непонятно, каким образом огонь, казавшийся столь незначительным, раз он смог сжечь лишь обивку кресла и был только едва заметен в доме, сжёг дотла человеческое тело. В это время во Флориде отдыхал д-р Уилтон Крогмен, из Государственной медицинской школы в Пенсильвании, весьма известный авторитет в области смерти от огня. Полиция обратилась за помощью к нему. «Это самое удивительное, что я когда-либо видел, — сказал он. — Я не могу представить себе столь полной кремации с настолько ничтожными повреждениями в самой квартире. Равным образом я никогда не видел, чтобы человеческий череп до такой степени уменьшился под воздействием высокой температуры. Всегда наблюдалось как раз обратное: черепа либо ненормально увеличивались, либо разлетались на мелкие куски».

Полиция рассмотрела все три версии: самоубийство, несчастный случай и убийство, но ни одна из них не оказалась удовлетворительной. В особенности озадачивало то, что не было известно средства, которое бы позволило совершить убийство подобным образом. По мнению экспертов, для

того чтобы огонь смог до такой степени полно поглотить человеческое тело, необходима температура порядка 2500 градусов по Фаренгейту и около трёх часов времени.

Уникальный, странный в своей необъяснимости случай? Нет, просто ещё один факт в длинном ряду подобных смертей, обозначаемых старомодным и несколько бурлескным термином «спонтанная комбустия», что в приблизительном переводе означает «самопроизвольное воспламенение», «стихийное сгорание». Спонтанная комбустия или самовозгорание людей и предметов затрагивает странную и необъяснимую для непосвящённых проблему, проблему «тайного огня». Согласно учениям мистиков и алхимиков, существует иная разновидность огня, помимо известного нам, и при своём проявлении в нашем материальном мире этот огонь может быть очень опасен.

На протяжении веков врачи отмечали случаи, когда человеческое тело внезапно охватывалось пламенем и сгорало словно стог сена дотла или когда бывали найдены человеческие останки, обуглившиеся самым фантастическим и невероятным образом, без всякой возможности дать этим фактам сколько-нибудь приемлемое объяснение. Окружающие предметы при этом зачастую оказываются совершенно нетронутыми огнём, а это показывает, что непомерно высокая температура практически ограничивалась объёмом и поверхностью самого сгоревшего тела. Это ограничение огня на самом теле и переход его на непосредственно окружающие предметы является одной из самых таинственных сторон данного феномена. Много здесь должно быть неясного, и наша статья имеет задачей не столько выдвинуть какие-либо более или менее допустимые объяснения технической стороны этого явления, сколько указать на самый факт его существования.

12 мая 1890 года д-р Хартуэлл, проезжая в коляске по лесу, услышал душераздирающие крики. Устремившись в сторону источника их, он увидел жуткое зрелище: женщина, стоящая под деревом, горела, превратившись буквально в живой факел! Помимо Хартуэлла, ещё несколько человек оказались беспомощными свидетелями загадочной трагедии. При этом, хотя женщина и стояла под деревом, кора и ветви его огнём не были повреждены.

Можно верить этому или нет, но фактом остаётся то, что на протяжении столетий множество людей умерло потому, что так вот внезапно вспыхивало и сгорало по неизвестной причине. Хотя в официальной науке по этому предмету и царит полное молчание, не будем тем не менее забывать, какое признание сделали специалисты, собравшиеся в 1959 году в С.Ш.А. на Конгрессе судебной медицины: «Должным образом были констатированы многочисленные случаи смерти по причине спонтанной комбустии...»

Почему, спрашивается, учёные так старательно избегают оказаться причастными к расследованию этих случаев? В известной мере это объясняется тем, что люди не вполне отдают себе отчёт в частотности этих явлений, ибо многие случаи не могли и не могут быть сообщены в газетах, а научные журналы говорят о них лишь скупой и очень редко. Для исследователя от науки

или медицины всё это обладает неким привкусом средневековья с его суевериями и предрассудками, из-за чего учёные и отказываются изучать подобные вещи. В научных кругах по поводу спонтанной комбустии наличествует всё тот же заговор молчания и некомпетентности, что и в связи с полтергейстом и прочими так называемыми «аномальными явлениями». Рассмотрим ещё несколько случаев этого огненного рода явлений, чтобы читатель составил себе о них некоторое суждение.

Вот случай семьи Руней. Она жила на ферме в штате Иллинойс. В новогоднюю ночь 1885 года Патрик Руней, его жена и слуга их Джон Ларсон, отмечая праздник, выпили немало виски. Затем Ларсон отправился к себе наверх спать. При пробуждении его ждал кошмар. Внизу, на кухне, всё было покрыто слоем какой-то маслянистой плёнки, а на полу лежал мёртвый Патрик Руней. Нигде не найдя жены хозяина, Ларсон вскочил на коня и помчался предупредить сына Патрика, Джона, жившего неподалёку. Вернувшись на ферму, они обнаружили на полу, возле кухонного стола, обуглившуюся дыру. Заглянув туда, они увидели на земле под полом кухни кальцинированный череп, несколько обгоревших костей и кучку пепла. Коронер пришёл к выводу, что Патрик умер от удушья, вызванного дымом от горящего тела жены. Суд присяжных не вынес никакого вердикта. Миссис Руней исчезла в огне, температура которого была невероятно высока, но который тем не менее не перекинулся на окружающие предметы, поскольку пожара всё-таки не произошло. В XIX веке данный факт выходил за пределы понимания суда присяжных, в котором заседали фермеры с Дикого Запада.

Д-р Диксон Манн, в одном из произведений по судебной медицине, приводит некоторое число случаев спонтанной комбустии. В одном из них говорится о женщине, от которой остались только обгоревшие кости на полу её комнаты. Манн, как и многие другие авторы, обсуждавшие случаи самопроизвольного воспламенения, полагал, что все жертвы злоупотребляли спиртным. Их организм, якобы, был до такой степени пропитан алкоголем, что так или иначе мог стихийно воспламениться. И некоторые из жертв действительно были алкоголиками, но зато другие не брали в рот ни капли спиртного. Таким образом, «алкогольная» теория, по всей видимости, неудовлетворительна (об этом мы ещё скажем ниже).

Нередко упоминается странный инцидент с неким профессором Нэшвилльского Университета, в Теннесси. Случай этот относится к 1835 году. Вернувшись с прогулки, профессор прошёл прямо к себе в кабинет и принялся за работу. Отмечая показания метеорологических приборов, он вдруг почувствовал резкую боль в ноге, как от сильного ожога. Инстинктивно потерев ногу, он не только не почувствовал облегчения, но боль даже усилилась. И тут же на материи своих брюк он увидел язык пламени шириной в два сантиметра. Он накрыл пламя руками, чтобы прервать поступление кислорода, и тогда пламя постепенно угасло. Сняв брюки, на коже ноги он увидел ожог длиной в 7 с половиной сантиметров. На кальсонах, на том же месте,

была обгоревшая дыра той же длины, но брюки почти не пострадали. Ожог на ноге заживал очень медленно. Этот случай в ту пору был квалифицирован как «частичная спонтанная комбустия».

В ночь смерти графини Корнелии ди Банди, итальянской аристократки, жившей в XVIII веке, из дверей её спальни исходил дым красного цвета. Прибежавшая горничная нашла лишь кучку пепла рядом с кроватью. Нетронутыми остались только ноги мадам.

В XIX веке, в Лондоне, мать некоего Джона Райта внезапно воспламенилась, когда сидела с служанкой перед камином, в котором горел слабый огонь. Служанке удалось затушить пламя на одежде хозяйки, но немного погодя та снова загорелась. Пламя тем не менее опять удалось погасить. Райт обвинил во всём служанку, но мать решительно опровергла эти обвинения. Она заявила, что на неё нападало «нечто сверхъестественное». На следующий день всё повторилось. Женщина превратилась в живой факел и сгорела у себя на кухне дотла.

Две пожилые женщины, Маргарет и Вильгельмина Доуэр, жили мирной жизнью учительниц-пенсионерок в Уитли-Бэй, в Нортумберленде, Англия, когда случилась такая же трагедия. В то утро крики Маргарет переположили весь квартал: Вильгельмина, её сестра, скончалась при самых невероятных обстоятельствах, сгорев заживо, а сама она оказалась арестованной по подозрению в убийстве. Жертва этого инцидента обуглилась в собственной постели, причина чему была неизвестной. Но самым странным коронеру показалось то, что постельное бельё вокруг тела огнём осталось совершенно не тронутым. Это и дало основание подозревать Маргарет в том, что она зверски убила сестру, а потом устроила весь этот спектакль с целью скрыть следы и сбить с толку следствие. Но Маргарет Доуэр энергично отрицала свою вину и утверждала, что она сразу же бросилась в комнату на крики сестры и увидела, как та превратилась в живой факел. В конце концов за отсутствием улик и лучшего объяснения её освободили, а дело закрыли, так никогда и не узнав более точных обстоятельств гибели Вильгельмины Доуэр.*

Эрик Фрэнк Рассэл, английский писатель-фантаст, в одной из своих работ, которая однако не имеет никакого отношения к фантастике, рассматривает 19 случаев стихийного сгорания людей, которые он почерпнул в газетах за 1958 год, и это, несомненно, лишь малая часть случаев, произошедших в действительности.** Самый чрезвычайный факт этого рода имел место в Челмзфорде, Англия. На балу, в самом разгаре вечера, одна из женщин вдруг вспыхнула ярким голубым пламенем, и через несколько минут от неё осталась лишь кучка обуглившегося пепла. Коронер заявил: «За всю мою практику мне ни разу не встретилось столь таинственного случая, как этот».

Любопытно то, что Рассэл, анализируя факты, открыл в некоторых из этих событий так называемое зловещее «правило трёх»: 27 декабря 1958 года (в один

* Ch.Berlitz, «Evénements inexplicés et personnages étranges du monde», Editions du Rocher, Paris, 1990.

** «Great World Mysteries» by E.F.Russel, Mayflower-Dell, New York, 1967.

день!) в Даунхэме, графство Кент, сгорела женщина, другая женщина сгорела в Брикстоне и один мужчина в Балине, Ирландия. Никто из них в это время не находился вблизи огня и не курил.

Ещё более тревожными были три смерти 7 апреля того же 1958 года. На борту сухогруза «Ульрих», в море у берегов Ирландии, помощник капитана заметил, что корабль поворачивается то влево, то вправо и что рулевой Грили исчез. Перед штурвалом осталась только кучка пепла. Не оказалось каких-либо следов огня; штурвал, компас, пол и даже ботинки погибшего были неповреждёнными. Другие моряки находились за работой неподалёку от капитанского мостика, но ни один из них не слышал ни крика, ни какого-либо шума. Подумали было об ударе молнии, но небо было ясное и грома также никто не слышал.

Того же 7 апреля, возле Аптон-бай-Честер, Англия, в придорожный кювет заехал грузовик. Полиция констатировала, что его водитель, Джордж Тернер, полностью обуглился. И однако покрытие сиденья под ним осталось неповреждённым. Бак с горючим также был в полном порядке. В кабине грузовика не имелось никаких следов огня, если не считать тела самого водителя.

Третий случай того же 7 апреля 1958 года произошёл возле Нимэга, Голландия. Уильям Тен Бруик был найден мёртвым, «сгоревшим за пределами всякой возможности идентификации» в своём «фольксвагене». Повреждения в автомобиле однако были незначительными. Огонь не затронул и бака с горючим. Опять же, не нашлось никакого объяснения кремации Тена Бруика.

Почему, быть может, спросите Вы, эти три смерти представляются столь «тревожными»? Да потому, что они произошли на сравнительно большой пространственной протяжённости, порядка сотен километров одна от другой, но... в точности в один и тот же миг! Что и наводит на мысль о наличии некоторой связи между этими тремя смертями, хотя они и разделены одна с другой весьма значительными расстояниями.

Случай с писателем Питером Визи даёт определённую поддержку предположению о связи феномена с оккультными явлениями. Визи писал романы «астрологической фантастики» и в той или иной мере занимался оккультизмом. Он имел обыкновение работать в одиночестве у себя в кабинете, в уединённом загородном особняке. Однажды он попросил приехавших к нему жену и сына пойти погулять, чтобы дать ему возможность побыть дома одному, поскольку он работал над очень «специальной проблемой». Вернувшись с прогулки, они нашли на полу гостиной его скорченные и обуглившиеся останки. Больше ничто не сгорело. В другом конце комнаты в камине горел небольшой огонь, но это не могло быть связано со смертью Визи.

Список случаев год от года удлиняется. Вот ещё один, во Франции, двадцатилетней давности. Леон Эвей, 40 лет, был обнаружен в обугленном состоянии в своей «симке», в одном из хвойных лесов возле Арси-сюр-Об. Самым странным в этом случае является то, что совершенно расплавились стёкла машины. При горении автомобиля температура не подымается выше 700 градусов

по Цельсию, тогда как автомобильные стёкла плавятся лишь при температуре порядка 1000 градусов Цельсия. Никто не смог найти объяснения природе этого огня, оплавившего автомобильное стекло. По поводу этого случая Жак Бержье ссылается на слова очевидца, который, находясь в указанную пору в 20 км от обнаруженной впоследствии машины, видел в воздухе светящийся НЛЮ, испускавший огромный жар. Хотя, по свидетельству этого очевидца, шёл сильный дождь, место, на которое сел тот объект, после его отлёта оставалось более получаса сухим вследствие разогрева почвы.*

В 1982 году феномен самопроизвольного воспламенения, по словам специалистов, наблюдался впрямую, что всё-таки происходит весьма нечасто. Мужчина, проезжая в своей машине по городу, заметил красивую женщину, переходящую улицу. Проехав мимо, он оборачивается и видит... огненный столб!

Итак, повторяем, хотя об этой теме едва говорят, случаи спонтанной комбустии довольно многочисленны. Чарльз Форт приводит много подобных фактов в своей работе «Дикие таланты».** Также и Винсент Гэддис пишет об этом в своей книге «Таинственные огонь и пламя»***

Список этих историй можно было бы продолжать так до бесконечности, но в конце концов, есть ли объяснение у этих страшных фактов? Власти зачастую пытаются привязать их к огню в камине или неосторожности курильщика, поджёгшего свою одежду или постель. Но почти во всех случаях эти «объяснения» притянуты за волосы и выдвигаются только за тем, чтобы что-то сказать и этим вывести власти из затруднения, в котором они оказываются, не имея никакого понятия о причине данного явления. Зачастую жертвы бывают некурящими, непьющими и находятся далеко от каминов, да и помимо того, в наши дни сами камины стали редкостью.

Авторы XIX века, как уже было сказано, обыкновенно утверждали, будто многие жертвы оказывались пьяницами, полагая тем самым, что человеческое тело, пропитанное алкоголем, должно сгорать с большей лёгкостью. Однако все контрольные опыты, поставленные на животных с целью пропитать их ткани большим количеством спирта, показали учёным экспериментаторам, что заставить таким образом ткани тела воспламениться практически невозможно. Тем более они не смогли бы гореть так, чтобы достичь фантастической, невероятной температуры в 2500 градусов по Фаренгейту, необходимой для обугливания тканей и костей тела. Однако могут существовать некоторые исключительные биохимические ситуации, которые, возникая в теле, вызывают это воспламенение. Случай профессора из Нэшвилля наводит на подобную возможность, но у современной науки нет пока никаких идей о том, каковы должны быть эти условия в техническом плане.

Но для нас сейчас, собственно, и не важно, какие физические и химические условия на молекулярном или атомическом уровне делают такое самовозго-

* Jacques Bergier, «Le Livre de l'Inexplicable».

** «Wild Talents» by Charles Fort, Holt, New York, 1941.

*** «Mysterious Fires and Lights» by Vincent Gaddis, McKay, New York, 1967.

рание белковой материи возможным. Мы можем здесь (разумеется, только в дозволенных нам пределах) лишь указать на сопутствующие обстоятельства, являющиеся движущей силой данного явления; объяснить, какие нравственные уроки люди должны из этих жутких, на первый взгляд, фактов для себя извлечь, а техническую сторону явления мы оставим в стороне: ею потом займётся земная наука, когда осознает реальность этой проблемы.

Поясним эту свою мысль с помощью аналогии. Когда, например, на гитаре играет музыкант-виртуоз, то слушателя не интересуют законы того раздела физической науки, который называется акустикой и изучает природу звука, характер его возникновения и затухания и т.д. Всё это — низшая, техническая сторона предмета. Слушателя интересует не она, но искусство, музыка, виртуозное владение инструментом, которое демонстрирует маэстро, и, наконец, он сам — движущая и разумная сила, являющаяся соиздательницей эстетических впечатлений и переживаний. Звук же, в данном случае, и законы акустики — не более как строительный материал, который делает строительство дома возможным, но который сам собою домом не становится и не имеет ничего общего с назначением дома, ради которого этот дом и создаётся. Точно такой же подход мы применим и к спонтанной комбустии.

Чарльз Форт приводит ряд случаев спонтанной комбустии, связанных с полтергейстом. Здесь, думается, и следует искать разрешения этой загадки.

Полтергейст, как уже известно нашим читателям, один из феноменов, вписывающихся в рамки мировоззренческой системы, называемой «спиритизмом».

Согласно учению Спиритизма, ни один волос с головы человека не может упасть, если на то не будет воля Божья. Для того, кто верует в Бога, даже в спонтанной комбустии нет ничего страшного: она для него всего лишь один из способов перехода в иное состояние бытия. И поскольку он живёт с мыслью о Боге, то он знает, что с ним, по слову Сократа, не может случиться ничего действительно дурного ни в жизни этой, ни в последующей. И когда час человека пробил, то нет в мире человеческого силы, способной поддержать жизнь обречённого. Не стоит в этой связи слишком уповать на достижения современной медицины. С точки зрения спиритического мирозерцания, из состояния клинической смерти к физической жизни возвращаются лишь те, чьё время ухода на самом деле ещё не пришло, иначе бы они не смогли воротиться.

Итак, когда время покинуть этот мир человеку пришло (а надо сказать, у каждого оно своё и определяется замыслами и видами Провидения на данного человека), то он и оставляет его, а форма перехода при этом не имеет значения. И если в назначенный миг для этой цели не может послужить немощь его физической оболочки, ненависть и злоба людей, голод зверей или ярость стихий, если физическая форма человека в последний миг его оказывается неуязвима и недосягаема для всего этого и иных сравнительно обыкновенных способов освобождения от плоти земной, то в это мгновение за человеком является (назовём его так) Ангел Огненной

Смерти, который, будучи обнаружен присутствующими при этой гибели людьми, воспринимается ими как полтергейст (хотя в строгом смысле он им не является). И ангел этот сжигает земную плоть человека и вводит его тем в Жизнь Вечную. Бесполезно, господа, всегда иметь при себе огнетушитель: огонь идёт изнутри. Это всё равно, как будто человек проглотил зажигательную бомбу. Сделать уже ничего нельзя.

Случаи же частичной спонтанной комбусции и не имели целью сиюминутное освобождение данного человека. Они просто указывали ему и окружающим его на истину, которую древние ёмко выражали двумя словами: «Memento mori!»* Люди её постоянно игнорируют, но осознание этой истины всегда спасительно влияет на всю последующую судьбу человека.

1992 г.

* * *

---

* «Помни о смерти!» (*лат.*) Лишь Спиритизм даёт человеку ключ к этой, на первый взгляд, мрачной сентенции. «Помнить о смерти» значит помнить о миге освобождения и о необходимости вести такую жизнь, чтобы после перехода оказаться достойным жизни вечной и не иметь надобности против своего желания вновь воплощаться в здешнем, весьма несовершенном мире. (*Й.Р.*)

Павел Гелева́

ЭККАНКАР – ПУТЕШЕСТВИЕ В ДУХЕ

«Soli i coraggiosi e gli avventurosi in spirito hanno l'opportunità di vedere, studiare e capire le pagine del libro che contiene gli insegnamenti Eckankar.»

Rabazar Tars*

«Экканкар» — слово неизвестной этимологии. Оно обозначает совокупность методов, позволяющих человеку «выходить» из своего физического тела и «путешествовать в духе», т.е. переносить своё тонкое тело, именуемое также «астралом» или, как называли его египтяне, «ка» (двойником). Тонкое тело способно переноситься на любые расстояния в нашем материальном мире. Но поскольку это тело у человека не одно, а их несколько со всё возрастающей степенью утончения, то они в состоянии соответственным образом перемещаться также на различные духовные «плоскости», или «планы» бытия, отличные от того, на котором мы живём здесь. Но, даже живя на земле, человек связан и с другими «плоскостями». Апостол Павел говорит о «человеке внутреннем» и о «человеке внешнем». И у Плотина сказано: «По-моему, в чувственном теле пребывает постоянно не вся наша душа, а только некоторая её часть, которая, будучи погружена в этот мир и засоряясь и омрачаясь, препятствует нам воспринимать то, что воспринимает высшая часть нашей души».

Техника Экканкара основывается на признании того факта, что человек обладает не одним только физическим телом, но также и другими телами: эфирным, астральным, каузальным, ментальным и спиритуальным, из которых эфирное и астральное являются лишь более тонкими двойниками физического, причём эфирное тело служит связующим звеном между физическим и астральным телами и как и первое относится к физической плоскости. Оно слишком тонко в сравнении с физическим и слишком грубо в сравнении с астралом. При определённых условиях эфир и астрал обладают способностью временно «выходить» из физического тела при его жизни. При смерти же его, «двойник» покидает его окончательно, становясь тогда единственным носителем души на нижнем этаже её структуры, поскольку эфирное тело в таких случаях отторгается вслед за физическим и, становясь эфирным трупом, также постепенно начинает разрушаться. Жизнь души, стало быть, никак не приостанавливается смертью физического тела, а просто продолжается в иных условиях существования. Именно самостоятельным передвижением этого «двойника» в пространстве объясняются неожиданные кратковременные появления живых или умирающих людей на расстоянии (так называемые «призраки живых») и появления призраков умерших, происходящие соответственно после смерти. При смерти душа покидает тело, когда оно ещё живёт. Об этом пишут

---

* «Лишь отважные и смелые духом имеют возможность видеть, изучать и понимать страницы книги, содержащей наставления Экканкара». Р.Тарс (*итал.*)

многие, в том числе и православный богослов А.Н. в «Сергиевских листках» 1930-31 гг.: «Тело ещё борется со смертью, а душа уже свободна, она уже вне тела и парит вблизи. Это объясняет те нередкие случаи, когда душа в форме земного тела появляется вдали от тела своим любимым людям».

Теория эзотерического двойника равным образом находит себе подтверждение в так называемых «опытах раздвоения»: в ходе этих переживаний человек не только оказывается способен наблюдать своё спящее физическое тело из внешней к нему точки пространства, перемещаться на далёкие от него расстояния и видеть, что там происходит, но и сам оказывается виден третьим лицам, там присутствующим. Последнее, по всей видимости, происходит в случае соединения астрала с эфирным телом, каковое, при определённых условиях, без труда воспринимается нашими органами ощущений. Знаменитая история со святым Альфонсом Лигурийским, который, находясь в Арещо (тело его при этом спало в келье), проснулся однажды утром и заявил, что он присутствовал при кончине папы Клементя XIV. Впоследствии подтвердилось, что присутствовавшие там видели его у одра папы. Произошло это в 1744 году и было признано за чудо, и поэтому Альфонс Лигурийский оказался досрочно причислен к лику святых. История знает множество аналогичных случаев «билокации». Упомянем лишь ещё один:

Святой Антоний Падуанский был в Испании, и в то время, когда он проповедовал, отца его, находившегося в Падуе, вели на казнь по обвинению в убийстве. В ту самую минуту Св. Антоний является, доказывает невиновность отца и обличает настоящего преступника, который позднее и получает должное наказание. Было установлено и удостоверено, что в то время Св. Антоний не покидал Испании и, стало быть, никак не мог оказаться в Италии.

Дух Св. Альфонса Лигурийского, будучи спрошен об этом предмете по ходу спиритического сеанса серьёзными исследователями, дал следующие пояснения:

«Человек, когда он совершенно освободился от влияния материи с помощью добродетели, когда он возвысил душу свою к Богу, может явиться в одно и то же время в двух различных местах, и вот каким образом. Воплощённый дух, чувствуя приближение телесного сна, может просить Бога позволить ему перенестись на какое-нибудь место. Его дух или душа, сопровождаемая частью своего перисприта, покидает тогда своё тело, оставляя грубую материю в состоянии близком к смерти. Я сказал: *близком к смерти*, потому что в теле остаётся связь, которая соединяет перисприт и душу с материей и которая не может быть определена».

— Но это не даёт нам объяснения видимости и осязаемости перисприта.

— «Дух, отделившись от своей материи, смотря по степени собственного совершенства, может сделаться осязаемым для материи».

— Сон тела, стало быть, необходим для того, чтобы дух мог явиться в других местах?

— «Душа может разделиться, если чувствует себя увлекаемой в другое место. Может случиться, что в это время тело не спит, хотя такое бывает очень редко. Но тогда тело находится не в совершенно нормальном состоянии, оно бывает в состоянии более или менее восторженном».

Аллан Кардек в этой связи говорит: «Душа, действительно, не может «разделиться» в буквальном смысле этого слова. Она как бы сияет в различных стороны и таким образом может являться во многих местах, не разделяясь через это. Подобным образом свет может отражаться в одно и то же время в нескольких зеркалах».*

Выйдя из физического тела, душа, согласно учению Экканкара, может перемещаться не только в физическом пространстве, переноситься в беспредельные дали, но и восходить вплоть до Бога, вступать в соприкосновение с Божеством, проходя через тонкие планы. В этом суть этой древнейшей техники.

На каждой «плоскости» человек имеет своё представительство через соответствующее тело: на земной — через «земное» и «воздушное» (эфирное) тела, на астральной (звёздной, космической) — через астральное (по-русски «звёздное») тело, на каузальной — «каузальное» (причинное) тело, на ментальной — «ментальное» (умственное) тело, на спиритуальной — «спиритуальное» (духовное) тело. «Звёздное» тело названо так потому, что благодаря ему дух, достигший определённой степени развития, может путешествовать в Космосе без посредства физического тела и материальных летательных аппаратов и посещать самые разные миры звёздного пространства. Это состояние соответствует состоянию многих «развоплощённых» духов, т.е. умерших людей, оставивших своё физическое тело, и называется в Спиритизме «скитальчеством», «блужданием» (*erraticité*).

«Астральный» план мало отличается от физического или земного, на котором живёт физический человек, особенно в эфирной форме земного плана. Но, как бы то ни было, астральная плоскость иерархически стоит выше земной. Это Тонкий Мир. Затем следует «каузальная», или «причинная», плоскость, на которой духовный странник может узнать о своих предыдущих жизнях. Это мир причинно-следственных связей. Отсюда осуществляет своё руководство над нашими плоскостями кармический закон, здесь вершится действительная, т.е. нравственная судьба человека. Это Мир Нравственный. «Ментальный» уровень является миром «эйдосов» — символов и идей, именно о нём говорит нам учение Платона. Это Мир Мысленный. И наконец высшая иерархическая плоскость — это плоскость «спиритуальная» или «духовная». Это Мир Огненный, «Царство Божие», о котором говорится в Евангелиях. Таково деление плоскостей и соответствующих им тел лишь в самых общих своих чертах. Говорить же здесь на эту тему более конкретно нам не представляется имеющим смысла, поскольку разные школы оккультизма по этому поводу весьма разнятся одна от другой в своих подробностях.

Надо сказать, что чем более развит дух, тем в меньшем количестве тел он имеет надобность. Наименее развитые духи после смерти физического тела не удерживаются долго на астральной плоскости, и им оказывается необходимо возобновить физическую жизнь, для чего они снова и воплощаются на Земле или какой иной планете того же ранга. Конечной целью духа является бытие в Мире Огненном, где он будет иметь только одно духовное тело.

* Allan Kardec, «Le Livre des Médioms», 24-ème édition, Paris, Librairie de la «Revue Spirite», pp. 147-48. (И.П.)

Согласно традиции, возникновение учения Экканкар связано с Рамой, легендарным Учителем, пришедшим в Индию с Севера. Он также первый, кто учил, что человек способен познать Бога и при жизни.

В настоящее время наиболее полное изложение древней традиции учения представлено в тексте «Шарьят-Ки-Сугмад», составленном в Индии, предположительно в XVI веке. Сугмад – это имя, которым в учении Экканкар называет себя Господь Бог. В священном тексте Сугмад говорит о Себе: «Я есмь Вечность, ибо Я есмь Свобода». «Шарьят-Ки-Сугмад» представляет собою длинный диалог в 15 главах между Сугмадом и Его духовными учениками.

Учение Экканкар говорит об «Агам Дес» («недоступной стране»). Агам-Дес тождествен Пардесу древних персов. К слову «пардес» этимологически восхо-

дят слова «paradise», «paradis», «paradise» в современных европейских языках, что значит «рай». Агам-Дес — это легендарный город, в котором приземляются обитатели других миров, когда, пользуясь методом Экканкар, они посещают Землю. Агам-Дес, согласно традиции, помещается между Кашмиром и Афганистаном, на высоте 8.000 метров над уровнем моря. Другими посадочными местами являются Шамбала и Дамлар.

Карло Патриан, директор Института Йоги в Милане, испробовавший технику Экканкара на себе, утверждал, что «она даёт результаты». Эти приёмы не очень сильно отличаются от аналогичных приёмов Йоги. «Самое главное, — говорит Патриан, — это упражнять память. Это необходимо, чтобы сохранить воспоминание о впечатлениях и ощущениях, пережитых во время «путешествия духа», протекающего в условиях сходных с условиями сна и транса».

Томмазо Паламидесси, директор Римской эзотерической Школы Высокого Посвящения («Аркесоффика») в своей книге «Техника раздвоения и путешествия в мирах сверхчувственных» («Come sdoppiarsi e viaggiare nei mondi soprasensibili») ссылается на собственный опыт такого рода путешествия, когда ему в результате упоминавшегося раздвоения удалось достичь миров, определяемых им как «сверхчувственные». Иными словами, ему удалось получить собственный и прямой опыт знакомства с «загробным миром», т.е. с тем, что ожидает людей после смерти их физического тела.

Одним из крупнейших поборников Экканкара в XX веке был американец Пол Туитчелл, умерший в Цинциннати (штат Огайо) в 1971 году. Он возродил эту старинную технику и приспособил её к особенностям ментальности нынешнего человека. К Экканкару его приобщил отец, который, видимо, научился этим приёмам у индийского учителя Судар Сингха, случайно встреченного им в Париже. Этот же индиец впоследствии являлся и юному Полу с тем, чтобы усовершенствовать его в приёмах «путешествия умом». Помимо него, Пола обучал и таинственный тибетский монах Рабазар Тарс, которому, как казалось, было несколько сот лет. Оба они являлись молодому адепту в «тонкой форме», временно оставляя своё физическое тело в далёкой Индии и Тибете. Однажды, как пишет Туитчелл, Рабазар Тарс сказал своему юному последователю: «Лишь отважные и смелые духом имеют возможность видеть, изучать и понимать страницы книги, содержащей наставления Экканкара».

Туйтчеллом много сделано для распространения Экканкара. Он выступал с лекциями, писал книги, собирал вокруг себя учеников со всего света. Современные его последователи утверждают, что часто видят его на своих собраниях. Ему приписываются почти чудесные исцеления, память его страстно почитается. Им же основана организация «Американское движение Экканкара» (The Movement «ECKANKAR» of the U.S.A.), выпускавшее ежемесячник «Eck World News». В основе идеологии движения своеобразная смесь индийских и персидских верований и терминов с идеями теософии.

Павел Гелевá

МУЗЫКА ЗЕМНАЯ И МУЗЫКА НЕБЕСНАЯ

Музыкальные вибрации – это необходимая пища для духа. Она освежают ум, облегчают мышление и умственный труд, успокаивают и исцеляют утомлённые нервы и, наконец, возвышают душу, увлекая её от земных забот. Слушая музыку, испытываешь благотворное действие этого небесного лекарства, освежающего утомлённый ум и исцеляющего тело.

В.И. Крыжановская-Рочестер

«Если бы не искусство, и прежде всего пение и музыка, жизнь наша была бы пасмурна, как дождливый день», – утверждает итальянский писатель Торторелли. У Гоголя читаем: «Невидимая, сладкогласная, музыка проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов. О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! не оставляй нас! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам!» И всё это воистину так, ибо Поэзия и Музыка – два крыла души человеческой, без которых она была бы бессильна воспарить к духовным высотам. Поэзия и Музыка нужны, необходимы людям: оне очищают, облагораживают, воспитывают и недостижимо возвышают человеческие чувства, страсти и вкусы. «Музыка, – как сказал поэт, – в ней всё такое есть, что не испорчено словами». И это сказано отнюдь не случайно, ибо иная музыка вещает Высшую Истину языком более внятном, чем самые мудрые изречения.

Истинная музыка – это не музыка сегодняшнего или вчерашнего дня, не музыка дня завтрашнего или позавчерашнего. Это музыка всегдашняя, вечная, музыка любого времени и всякого мгновения, в каковом Красота разрешает себя в образах звука и мысли. Поэтому нет ни классической, ни современной музыки, ни лёгкой, ни тяжёлой, нет ни развлекательной, ни утомительной, но есть только один-единственный род музыки, а именно – *настоящая МУЗЫКА*. И всякий, кто понимает её должным образом, чувствует себя не только человеком в истинном смысле слова, но и частью вечного всепроникающего Божества. Всё же, что не оказывает на этого человека такого впечатления, собственно и не есть Музыка.

Музыка требует долгих занятий и прилежания не только для того, чтобы отменно или прилично играть на каком-либо инструменте, но даже и для того, чтобы любить её и толком в ней разбираться. Поэтому всякий, не имеющий на то времени и возможностей, не может быть здесь знатоком, не может знать толка, так как дух его оказывается лишён необходимых упражнений. Но ещё более, чем только что сказанное, для любви к этому искусству важны художественный вкус и чутьё. Так профан, слушая музыку самую прекрасную, слышит отнюдь не эту музыку, но только шум своего невежества.

Всякая серьёзная и значительная музыка, когда нам приходится слушать её впервые, нередко представляется нам каким-то адским шумом, каким-то дья-

вольским беспорядком, бессмысленным нагромождением нестерпимых звуков. Но при новых попытках мы приучаемся мало-помалу открывать в ней некий чудесный порядок, которого поначалу не заметили, некое таинственное, ей внутренне присущее очарование, которого поначалу не почувствовали: и тогда мы вдруг понимаем, что весь этот хаотический и дикий беспорядок звуков, покоровивший нас и вызвавший отвращение, был лишь видимостью, был лишь дурной шуткой, каковую вновь сыграло с нами наше собственное невежество.

Надо уметь слушать музыку. Гурман получает наслаждение от пищи; распутник и человек плотский ценит оргазм; праведник услаждается своей чистотой; человек великодушный доставляет себе радость, творя благодеяния. И тот, кто знает толк во всех удовольствиях, скажет, что высшие из них суть удовольствия духа, и сильнейшее из этих последних — радость слияния с прекрасной Музыкой. Пусть все нищие духом постигнут великую истину: надо уметь слушать Музыку. Для многих из них — это единственный путь к спасению, которого их ещё не лишили.

Музыка, воспринимаемая материально, — не более, чем вибрация; воспринимаемая духовно, она — не менее, чем огонь. Для того, кто *умеет слушать* и кто *знает*, Музыка — проход в Огненный Мир, как и для налагающего руку на камин — камин путь к теплу. Как человек мёрзнувший, прикасаясь к печи или батарее, ощущает тепло и согревается, так и человек, мёрзнувший в этом мире, прикасаясь к настоящей музыке и погружаясь в неё, ощущает прикосновение к Миру Огненному, черпает в этом прикосновении силу и возвращается в здешний мир готовым к следующим испытаниям и свершениям.

Музыка в здешнем мире — лишь гостя, её существование здесь призрачно. Субстанция её не материальна, но духовна, и для проявления в нашем мире она вынуждена огрубляться. Но земная музыка (даже лучшие её образцы!) — лишь несовершенная транскрипция музыки истинной, музыки небесной, приноровленная к нашей огрублённой земной структуре. Существование земной музыки, таким образом, возможно лишь потому, что существует высшая музыка — Музыка Тонких Миров.

Вот мало известный факт: 22 марта 1832 года, в своём доме в Веймаре умирает Иоганн Вольфганг Гёте; ему 83 года; друзья и родные, собравшиеся у изголовья умирающего поэта, поражены: с лучами утренней зари в комнате происходит странный, приводящий всех в замешательство феномен, который продлится весь день.

Что же, в самом деле, происходит? Звучит *таинственная МУЗЫКА*, звучит из ниоткуда. Музыка эта столь прекрасна, что не остаётся сомнений в принадлежности её к иному и высшему миру. В полной тишине звуки её сопровождают последние часы жизни гения посреди почтительного безмолвия присутствующих. Сладкие, неземные гармонии, нежные и сдержанные аккорды мало-помалу ослабевают вплоть до полного угасания. К полуночи музыка замолкает, и в тот же миг сердце Гёте перестаёт биться. Тщательные розыски, предпринятые, чтобы установить источник и происхождение музыки, оказались тщетны. Не звучал в тот день в значительном радиусе от дома поэта ни один музыкальный инструмент, и факт так и остался окутан таинственностью.

Это один из примеров *нода*, или «трансцендентальной музыки». «Нод» (NAD) — это санскритское слово, служащее для общего названия психической астральной, паранормальной музыки небесного происхождения, источником звучания которой не являются земные причины. Данный раздел парапсихологии пока что не был предметом серьёзного исследования, если не считать подборки случаев этого рода в одной из работ итальянского парапсихолога Эрнесто Боццано, а также сравнительно недавней работы д-ра Скотта Рого, изданной в Соединённых Штатах.

В подавляющем большинстве известных случаев «нода» восприятие феномена было коллективно, не индивидуально. Когда же источником информации являются показания лишь одного свидетеля, то естественным образом становится трудно провести разграничительную линию между достоверностью самого факта и тем, какую роль могли сыграть здесь самовнушение и иллюзия. Это с одной стороны. Но с другой, никак нельзя при изучении данного явления опираться исключительно на коллективные случаи, полностью отказавшись принимать в расчёт случаи индивидуальные, так как тогда исследователь неизбежно поддастся соблазну свести всё объяснение к телепатико-суггестивной передаче, каковая легко объяснит ему коллективное восприятие музыки, в результате чего сам феномен исчезнет из поля мысленного зрения наблюдателя. Именно поэтому наличие случаев индивидуального восприятия даёт весомость случаям коллективным, именно оно указывает на проблему и позволяет говорить о реальности феномена трансцендентальной музыки.

Приведём здесь некоторые из наиболее достоверных и характерных случаев индивидуального восприятия «нода». Всего таких случаев насчитывается чуть более ста. Вот что рассказывает известный американский парапсихолог Рэймонд Бейлисс, автор книги «Загадка Полтергейста» (Нью-Йорк, 1967):

«Однажды вечером, после отхода ко сну, когда я уже лежал в постели, но ещё не заснул и был в полном сознании (мне было около 13 лет), я вдруг услышал звук, который, как казалось, доносился откуда-то издали, из-за чего я принял его поначалу за радио. Сперва музыка — а я с самого начала сознавал, что слышу именно музыку — была едва слышна, но громкость её всё увеличивалась, пока наконец музыка не стала слышна совершенно отчётливо, а затем через какое-то время мало-помалу начала затихать, пока вовсе не смолкла... Я был совершенно уверен, что музыка не была земною, красота и величие её были совершенно невероятны. Самая красивая наша музыка, хотя бы музыка Брамса или Баха, в сравнении с тою была бы лишь скоплением грубых, диссонансирующих и негармоничных звуков... Она была буквально небесною. Казалось, что её рождает великое множество инструменталистов и певцов... И всё же я не могу определённо сказать, была ли то музыка вокальная или инструментальная: уровень её был настолько высок, что превосходил это различие, и единственное, что можно утверждать, это то, что красота её была невероятна, явно превосходила человеческие силы и не могла быть обязана своим возникновением ни земным голосам, ни земным инструментам».

Другое заслуживающее внимания свидетельство индивидуального восприятия астральной музыки даёт известный парапсихолог Нандор Фодор, который описывает свою встречу с ней так:

«6 июня 1932 года на борту трансатлантического лайнера я пересекал Бискайский залив. Ко сну я отошёл поздно. Но, едва положив голову на подушку, я тут же услышал, как играет музыка. Моей первой мыслью было: «И кто только среди ночи может крутить граммофон?» Когда я поднял голову, чтобы лучше услышать, то всё тут же прекратилось. Была совершенно тихая ночь. Но положив голову на подушку, я опять услышал музыку. Тогда я подумал, что это, быть может, вызвано давлением подушки на ухо... Но когда я снова поднял голову, то музыка на этот раз не исчезла. Я различил также гул работающего двигателя, но помимо него в самом деле звучала необыкновенно-прекрасная музыка, которая, как казалось, доносилась какими-то волнами издалека. Я несомненно слышал её, хотя это и происходило не посредством физиологического слуха, каковым я воспринимал только абсолютное спокойствие ночи, а также гул машины. Я воспринимал эту музыку какой-то сокрытой областью моего ума, и у меня было впечатление, что она звучит из каких-то таинственных глубин мироздания. Внезапно восприятие моё улучшилось, и я почувствовал, что звучит хор из сотен или даже тысяч голосов, поющих гимны славы, разносившиеся в пространстве каюты с огромной силою звуковых волн. Помимо аккордов и ритмов этого сверхъестественного хора, до меня доносились латинские слова или, если угодно, их музыкальный смысл, поскольку в моём восприятии слова исчезали прежде, чем я успевал схватить их звучание. При этом я сохранял полную ясность ума... Поскольку и все прочие способности мои были в полном порядке, то я попробовал менять положения тела с тем, чтобы проверить, не влияет ли это как-нибудь на слышимость, но музыка всё время звучала с равной силой, приобретая хоровой объём, подобного которому мне никогда прежде ни после слышать не доводилось».

Один из наших читателей, Ю. Григорьев, житель Новочебоксарска, рассказал нам в письме следующий случай из своей жизни:

«В 1978 году меня призвали на срочную службу в Дальневосточный пограничный округ. Застава была расположена в селе Видное Вяземского района. Мы охраняли государственную границу с Китаем на реке Уссури. Летом на нашу заставу для охраны границы прибывали катера морских частей пограничных войск, и мы совместно несли службу на реке Уссури.

Как-то раз, дело было во второй половине сентября месяца, нам отдали приказ выйти на катере по реке Уссури на стык с соседней заставой. Было 6.20 утра. На катерах ходу до стыка примерно 45-50 минут. Утро было ясное, солнце поднялось и чуть грело, на реке было холодновато. Я прилёг в задней части катера на лук, под которым работал двигатель; лок был тёплый от двигателя. Остальной наряд сел в кубрик. Минут через 10-15 хода я, вероятно, вздремнул, но не спал, так как отчётливо слышал голоса из кубрика.

И тут я услышал музыку. Она исходила откуда-то сверху. Вначале она звучала тихо, но объём её постепенно увеличивался, и она заполнила пространство. Это была чудесная музыка, никаких резких переходов в тональности. Было невозможно установить, из каких инструментов состоял этот чудесный оркестр. Солировал, кажется, инструмент наподобие органа, на высоких тонах, и ещё какие-то инструменты неземного звучания. В этой музыке одновременно

были мощь величия, гармоничность и какая-то неземная радость. Музыка переполняла пространство, и казалось, что всё вокруг растворено в этой дивной гармонии и радости. Я был поражён талантливости «небесного композитора» и мастерству «исполнителя» музыки. Она убаюкивала, и душа моя пребывала в каком-то неземном состоянии.

Музыка была слышна мне примерно минут 15. Но после кто-то вышел из кабинета, завизжала служебная собака на палубе — и музыка пропала. Я встал, сел на скамейку и ещё долго под сильным впечатлением от услышанной мелодии находился в состоянии душевной эйфории.

После я рассказал об этом одному сослуживцу, но он не поверил, заметив, что я, возможно, спал, и мне всё приснилось. Убедить его я не смог. В земной музыке, которую мне приходилось слышать, есть некоторые мелодические фрагменты той музыки «небесной», но всё же земная музыка грубоватая, несовершенная. Ни до, ни после этого слышать подобной музыки мне больше не доводилось. Я считаю это подарком судьбы».

Фодор выдвигает две гипотезы для объяснения феномена, свидетелем которого ему посчастливилось быть: либо речь идёт о «телепатическом слушании», т.е. телепатическом восприятии музыки, звучащей где-нибудь на большом расстоянии, либо же, что более вероятно, восприятие может быть определено как «яснослышащее слушание» трансцендентальной музыки. Без сомнения, если принять во внимание характер музыки и качество её исполнения, как их представляет нам Фодор и все остальные, то всё это имеет мало что общего с какой-либо музыкой, исполняемой на земле.

Повторяем однако, что случаев таких очень и очень много, и каждый из них подтверждает трансцендентальный характер этой музыки, её надчеловечность, превосходство её над творческими возможностями и воображением лучших из мировых музыкантов. Так, например, американский поэт Бэйярд Тейлор рассказывает, как однажды ночью, в чистом поле, в полнейшей тишине он вдруг услышал хоровое пенье, грандиозный гимн, исполняемый тысячами голосов, среди которых особо выделялся один сверхчеловеческий голос, славивший Небо и Землю на латинском языке.

Имеется также множество случаев, когда небесную музыку слышали умирающие, иногда ею же сопровождалось появление призраков, и много раз во время спиритических сеансов души умерших подтверждали существование «нода» в миг смерти. Более того, души умерших нередко утверждают, что в мире ином «существует музыка», и речь, естественно, идёт о той самой музыке, которая не раз раздавалась в ходе спиритических манифестаций и медианимических сеансов. При этом духи утверждают превосходство музыки Тонкого Мира над музыкой земной. Так, в «Книге Духов» Аллана Кардека, которая представляет собой системную подборку вопросов, заданных духам высокого ранга, и данных ими на эти вопросы ответов (всё это происходило в ходе спиритических сеансов автоматического писания), на вопрос о том, понимают ли духи музыку, сказано: «Ты хочешь спросить, понимают ли они *вашу* музыку? Что она рядом с музыкой небесной? с той гармонией, ничто о которой не может вам на земле дать понятия? Одна и другая — всё равно, что песня дикаря и сладостная

мелодия. Однако низшие духи могут испытывать определённое удовольствие, слушая вашу музыку, потому что им ещё не дано понимать музыку более возвышенную. Для духов музыка обладает бесконечным очарованием в согласье с их сильно развитыми способностями восприятия; я говорю о музыке небесной, коия есть всё самое прекрасное и сладостное из того, что духовное воображение только может себе представить».

В заключение приведём отрывок из книги Леона Дени «После Смерти», так как, по нашему мнению, о трансцендентальной музыке нельзя сказать лучше, чем это сделано у него:

«Присоединим голоса наши к голосам Беспредельности. Всё воспевает, всё восхваляет радость жизни, от атома, мятущегося в луче света, до огромной звезды, плывущей в эфире. Обожанье существ составляет изумительный и чудесный концерт, кой наполняет пространство и восходит к Богу. Это приветствие детей своему Отцу, дань уважения, возданная живыми существами своему Творцу. Вопрошайте природу в великолепии солнечных дней, в спокойствии звёздных ночей. Внимайте великому голосу океанов, шёпотам, поднимающимся из чрева пустынь и глубины лесов, таинственным звукам, возникающим в листве, раздающимся в одиноких ущельях, заполняющим долины и равнины, достигающим небесных высот, наполняющим всю Вселенную. Повсюду, сосредоточившись, услышите вы восхитительный гимн, кой Земля обращает к Великой Душе. Ещё более величественна молитва миров, строгое и проникновенное пенье, наполняющее вибрацией Беспредельность, и возвышенный смысл коего понятен одним лишь духам».

Слушайте, слушайте Голос Тишины, Голос Безмолвия. Помните, что Вселенная внутри Вас! Счастливых Вам полётов, друзья!

* * *

1990 г.

Артур Конан - Дойль**СПИРИТИЗМ И ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Спиритизм, несомненно, наиболее важное дело на свете и заслуживает того, чтобы ему уделили время. При этом людей следует порицать только за то, что они пренебрегают им, но отнюдь не за то, что подходят к нему с осторожностью. Я повторил бы здесь от собственного имени слова Теккерея. Он сказал одному оппоненту: «То, что Вы говорите, совершенно естественно, но если бы Вы видели то же, что довелось видеть мне, Вам бы пришлось изменить своё мнение». Нам следует приноравливать свои теории к фактам. Мы же до сей поры приноравливали факты к своим теориям. Если Вы пока ещё не среди наших сторонников, то это и совершенно правильно с Вашей стороны. Чтобы понять это Учение, Вам нужно время. Мне самому на то понадобилось много лет. Сейчас же для меня нет ничего важнее этого, потому что я *знаю*, что здесь истина. Ведь знать — не то же, что верить. Спиритизм неисчерпаем. Это понимаешь, когда начинаешь его постигать. В нём десятки разных, достойных изучения областей. Когда вещи эти коснутся лично Вас, тогда только Вы и сможете понять и оценить всю их силу.

Я много выступаю с лекциями. Но у меня никогда нет желания обратиться к аудитории в свою веру. Я вообще не склонен питать доверие к подобным внезапным обращениям. Всё это мелко и поверхностно. Я стремлюсь единственно к тому, чтобы представить людям дело с наибольшей ясностью. Я просто говорю им всю правду, как она есть, и объясняю им, почему мы знаем, что это правда. На этом моя задача, собственно, и исполнена. Люди могут после этого принять предложенное мною или его отвергнуть. Если они мудры, то они непременно исследуют пути, мною указанные. Если же мудрость им не свойственна, то они просто упустят свой шанс. Я не хочу оказывать на них никакого давления или обязательно превращать их в своих сторонников. Это, в конце концов, их дело, а не моё. Как тонко подметил Лабрюйер: «Нужно стремиться лишь к тому, чтобы мыслить и говорить согласно истине, без всякого желания привить наши вкусы и убеждения другим: предпринятие сие и без того грандиозно».

Наука постепенно выметает из мира застарелую паутину предрассудков и суеверий. Мир походил до этого на старый, запылённый чердак, но вот хлынули солнечные лучи, и заполнили весь его светом: рассеянная в воздухе пыль начала при этом оседать на пол. И всё же, что касается до науки и учёных, я могу сказать только одно: именно научное мышление лежит в основании всего нашего материализма. Как велика могла бы быть наука, если бы осознала собственную ограниченность! Показателен сам по себе факт, что многие учёные мужи, когда оказываются затронуты их симпатии и предрассудки, демонстрируют самое смехотворное пренебрежение ко всем собственным принципам. Между тем, среди принципов науки нет другого более непререкаемого, как тот, что всякий вопрос должен быть всесторонне рас-

смотрен прежде, чем его можно будет признать несостоятельным. На примере беспроводной связи или летательных аппаратов тяжелее воздуха мы могли в последние годы наблюдать в суждениях учёных самые неприличные несообразности. Опаснее всего заявлять а priori,* что какая-то вещь совершенно невозможна. И тем не менее это ошибка, в которую впал чуть ли не каждый критик, выступающий от лица науки. Такие учёные пользовались авторитетом, который они заслуженно приобрели в освоённой ими специальности, для того, чтобы подорвать доверие к области, в каковой они ничего не смыслят. Сам по себе факт, что человек был крупным авторитетом в физиологии или физике, никоим образом не делает его авторитетом также и в области психической науки.

В мире науки полным-полно глупцов и разных болванов, лишь тормозящих мировой прогресс. Они признаются в том, что ничего по данному поводу не читали, и я уверен, также ничего не видали. И тем не менее они используют положение и имя, приобретённые ими в других материях, для того, чтобы дискредитировать множество людей, которые, как бы к ним ни относиться, несомненно, весьма серьёзны и вдумчивы.

Наука очень помогла нам в создании комфорта, но ещё вопрос, отвечает ли комфорт этот нашим действительным задачам в этой жизни. Несомненно то, что обыкновенно он был нашим бедствием, потому что этот комфорт назвался «прогрессом», и тем у нас создалось впечатление, будто мы действительно движемся вперёд, «прогрессируем», тогда как на самом деле мы не только топчемся на месте, но и неуклонно сползаем назад.

На это, разумеется, могут возразить: «А беспроволочный телеграф? А сигнал S.O.S. на море? Разве они не служат благу человечества?». Я целиком согласен, порой всё это оказывается и впрямь очень удачно. Я ценю, например, свою настоящую электрическую лампу, а она ведь продукт науки. Наука даёт нам, как я уже сказал, комфорт, а подчас и безопасность. И тем не менее я не склонен превозносить её и её дары, потому что она затемняет и искажает самое для нас жизненно важное, именно — цель нашей жизни и задачи в ней. Мы были помещены на этой планете не за тем, чтобы ездить на автомобиле со скоростью 50 миль в час, или чтобы перелетать Атлантику на самолёте, или посылать в другой конец Земли сообщения по проводам или без оных. Всё это украшения и удобства нашей жизни, но не более того. Однако наши учёные настолько приковали наше внимание к этим украшениям, что мы, хлопоча с ними, забыли за этим занятием главную цель, ради которой мы здесь.

Не то важно, с какой скоростью вы едете, но цель вашего путешествия. Не то важно, посредством каких технических ухищрений вы посылаете своё сообщение на расстояние, а то, сколь значимо само ваше сообщение. И тогда выясняется, что этот так называемый «прогресс» на каждом шагу оказывается нашим бедствием, и всё же до тех пор, пока мы пользуемся словом, мы будем путать этот мнимый прогресс с реальным прогрессом и воображать при этом, будто заняты тем, ради чего Бог послал нас в сей мир, а посланы мы сюда были за тем, чтобы готовиться к следующей фазе жизни. Есть подготовка ума, а есть

---

* а priori — заранее, не зная дела, предубеждённо (*лат.*).

подготовка духа, и мы пренебрегаем обеими. Стать на старости лет лучше и добрее, изжить в себе эгоизм, расширить свой умственный кругозор, сделаться сердечнее и терпимее — вот зачем мы здесь находимся, вот каковы наши задачи в жизни. Наш мир, вся наша планета — это фабрика душ, но она пока что выпускает скверную продукцию.

Несомненно, прежде мир человеческий был более жесток, чем сейчас, но ведь никогда у него не было и таких преимуществ, как у нас, и всё же никогда ранее столько образованности, знания и так называемой «цивилизации» не превращалось во зло. Мы научились строить воздушные корабли. И мы пользуемся ими, чтобы бомбить города. Мы научились плавать под водой. И это умение пригодно нам лишь на то, чтобы убивать моряков и топить корабли. С помощью химии мы приобрели власть над материей. И мы пользуемся ею, чтобы изготавливать взрывчатые вещества и отравляющие газы. Наше положение всё ухудшается. В настоящее время каждая нация на Земле строит тайные замыслы о том, как ей лучше всего отравить и извести другие народы. Разве Бог для этого сотворил нашу планету, и насколько вероятно, что Он позволит миру и далее итти в тартарары?

Наибольшая опасность для человека или нации наступает тогда, когда интеллектуальная сторона оказывается более развитой, нежели духовная. А разве не таково положение в сегодняшнем мире? Наши духовные проводники говорят о том, что все чаши высшего терпения переполнены. Есть война, голод, мор, землетрясения, наводнения и иные напасти, но всё завершится в мире, в неопишуемой радости и красоте.

Я получил указание распространять послание всюду, где, на мой взгляд, есть уши, чтобы услышать. Наши наставники желают, чтобы человеческая раса постепенно поняла реальное положение вещей, с тем чтобы избежать потрясения или паники. Я лишь один из многих, кто призваны нести людям благую весть.

Ситуация теперь достигла апогея. Самая идея прогресса была извращена, материализована. Она связана с тем, чтобы быстро ездить, быстро передавать информацию, строить новые машины и механизмы. Всё это лишь ублажение самого заурядного честолюбия. Подлинный же прогресс — это прогресс духовный. Человечество уделяет ему внимание только на словах, а на деле бежит ложною дорогой материального знания. Даже в области психических исследований, существует особая порода психических изыскателей, совершенно не способных воспринять самое очевидное. Они злоупотребляют своими умственными задатками, силясь найти окольный путь, в то время как перед ними лежит самая прямая и свободная дорога, по которой они никак не желают итти. Когда человеческая раса начнёт наконец своё продвижение в это новое для неё царство,* данные интеллектуалы составят её абсолютный тыл.

Высший Разум признаёт, что среди всей апатии, охватившей человечество, немало также честного сомнения, переросшего допотопные религии и имеющего право на более свежие свидетельства, а не на те только, что были даны человечеству в античности. И вот свежие свидетельства эти были явлены

---

* «Царство Божие», которое, как сказано, Великим Учителем, обретается лишь «внутри нас». (И.Р.)

нам, и они сделали жизнь после смерти столь же ясной и ослепительной, как ясно и ослепительно лишь солнце на небесах. И это-то свидетельство было высмеяно учёными, осуждено Церковью, сделано предметом насмешек для прессы и с презрением отброшено в сторону. Это было последним и крупнейшим промахом человечества. Положение сделалось безнадежным. Ситуация вышла из-под контроля. После того, как дар небес был отвергнут возникла нужда в самых крутых мерах. И гром грянул. Десять миллионов юношей легли на поле брани, а двадцать миллионов других оказались искалеченными. Это было первое грозное предупреждение Бога человечеству.* Но и оно было оставлено без внимания. Всё тот же тупой материализм как и ранее возобладал. Тем не менее снова человечеству были представлены годы на то, чтобы одуматься, но до сих пор никаких перемен ни в чём не оказалось видно. Напротив того, к старым порокам нации добавили вороха новых, а всякий порок ведь необходимо требует своего искупления. И вот Россия стала выгребной ямой.** Германия и не думала раскаиваться в своём поистине чудовищном материализме, ставшем первопричиной войны. Испания и Италия погрузились во мрак атеизма и предрассудка. Франция осталась без религиозного идеала. Англия оказалась во власти смятения и путаницы, переполненная твердолобыми сектами, напрочь лишёнными силы и мысли. Америка злоупотребила предоставленными ей прекрасными возможностями, и вместо того, чтобы стать младшей и любящей сестрой истерзанной Европе, затормозила в ней всякое экономическое восстановление, требуя денег; она обесценила подпись собственного президента и отказалась присоединиться к лиге Мира, в которой сосредоточилась тогда вся надежда на будущее и выживание человечества. Все, таким образом, прегресли, но некоторые больше других, и кара всем будет отмерена в точной пропорции.

И кара сия грядёт. Под руководством философии материализма человечество движется по ложному пути. Чем дальше, тем всё более и более ясно, что путь этот — путь страданий, и человечество должно приступить к постижению этих тайн или погибнуть.

Вот в точности слова, которые меня просили Вам передать:

«Мы не хотим, чтобы люди пугались, но чтобы они начали изменяться, развиваясь по более духовной линии. Мы не собираемся докучать людям, мы стремимся лишь подготовить их, пока ещё не поздно. Мир не может продолжать жить той жизнью, какой жил ранее. Иначе он разрушит самого себя. И прежде всего мы должны развеять тёмную тучу теологии, зависшую между человечеством и Богом.

---

* Напомним древнее изречение: кого Бог хочет наказать, того Он лишает разума. И разума оказались лишены Германия, Россия, а вслед за ними и вся Европа, ибо то, что творилось в Европе и России с 1914 года, весь этот кровавожадный апофеоз глупости, можно объяснить только массовым ослеплением и помешательством. (И.Р.)

** Мы надеемся, читатель понимает, что наш автор имеет в виду. Конан-Дойль в отличие от Бернарда Шоу, Герберта Уэллса, Романа Роллана и прочих западных писателей, никогда не строил себе иллюзий на счёт того, что творилось в России. И этого ему здесь простить никогда не могли. (И.Р.)

Скоро придёт день, когда вся истина станет ясна, и все эти извращённые Церкви будут сметены с лица земли вместе со своими жестокими доктринами и карикатурами на Бога, каковые оне распространяют. Любовь! — это и всё, что требуется. Какое значение, во что вы верите, если только вы сами добры, кротки и бескорыстны, как Христос был кроток, бескорыстен и добр в давние времена?

Откройте людям всю правду о смерти. Бог желает, чтобы они её знали. Именно за этим Он и позволяет нам общаться с вами. Смерти нет. Это то же самое, как если бы вы просто перешли в другую комнату. Попав сюда, вы оказываетесь не в состоянии поверить в то, что вы уже умерли. И мы тоже не могли поверить в это. Скажите людям всю правду! О, насколько же она важнее всего, о чём вы говорите между собою. Если бы ваши газеты — хотя одну неделю — уделили столько внимания психическим темам, сколько посвящают его футболу, то правда о жизни после смерти стала бы известна всем.

Когда мы говорим о материальном или механическом прогрессе, мы не можем не понимать, что прогресс этот ложный — это не настоящий прогресс. Если вы сконструировали автомобиль для того, чтобы проехать на нём тысячу миль в год, а затем придумали новый — для того, чтобы в следующем году можно было проехать уже две тысячи миль, то не думайте, что достигли тем вершины прогресса! Мы же хотим для вас прогресса истинного: чтобы вы поняли силу разума и духа, удостоверились в том, что мир духов реально существует.

Мы можем оказать неоценимую помощь в достижении настоящего прогресса, если только люди всей Земли помогут нам в этом, но мы не можем навязывать свою помощь силой тем, кто не готов принять её. Это ваша задача — подготовить людей к этому. Некоторые из них безнадежно невежественны, но мы должны заронить в них семена прогресса, даже если не сможем увидеть их всходы.

Духовенство ограничено в своих идеях и повязано системой, которая, на наш взгляд, давно устарела. Воздействовать на людей устаревшими взглядами — это всё равно, что пытаться накормить их вчерашним обедом. Мы хотим свежей духовной пищи, нас не устраивают объедки. Мы знаем, насколько совершенен и велик Иисус, прекрасно ощущаем его силу и любовь. Он может помочь всем нам, но Христос всегда разжигал в наших сердцах яркий костёр, а не ворошил старые угли.

Вот, чего мы хотим — огня энтузиазма, который будет разожжён на алтарях Знания и Воображения. Многие люди пытаются быть энтузиастами, используя своё воображение, но не знают того, что воображение — лишь врата познаний. Церкви дано право учить людей, но она не может осуществить его.

Кто-то должен показать, как действует спиритическое Учение на практике. Тот мир, в котором вы живёте, предоставляет вам единственную возможность воплотить своё знание и веру в действии. На нашем духовном уровне знание и вера — это дело, а не теория, и оно сразу даёт плоды. К сожалению, многие на Земле на словах согласны с этим, но дальше слов не идут. Церковные проповедники учат, но не могут подкрепить своё учение реальными делами. В этих целях иногда бывает полезна даже простая грифельная доска, в которой

мы зачастую так нуждаемся. Вы должны не только читать лекции, но и — для большей наглядности — отображать свои тезисы на грифельной доске. Таким образом физические явления могут совершить переворот в сознании.

Нам трудно бороться за нашу веру, потому что против нас выступает мощная коллективная сила. Но когда наступит переворот в сознании людей и они отринут своё невежество и тупой антагонизм, это немедленно расчистит дорогу значительно более полному проявлению наших сил, чем те, которые мы можем продемонстрировать на сегодняшний момент.

На преодоление этой стоящей перед нами стены мы тратим более девяноста процентов наших сил. На что она уходит? На поиски слабых мест в стене невежества, которая разделяет нас. Многие из вас подтачивают и крушат эту стену со своей стороны, чтобы помочь нам пробиться сквозь неё. Вы помогаете нам, потому что не вы выстроили эту стену. Пройдёт ещё немного времени, и мы разрушим её и объединимся. И это будет кульминацией всех усилий: мы увидим встречу духа и материи».

Вот что мне было велено передать Вам. Распространяйте эту весть всюду, где только могут быть души, способные воспринять её. Говорите им: «Покайтесь! Переделайтесь! Настало время».

* * *

1925 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие русского издателя.....	3
Вступление.....	5
Линкольн в мире духов.....	7
Неизвестный Диккенс.....	9
Тайны Вацлава Нижинского.....	12
Тайная жизнь доктора Карла Густава Юнга.....	17
Кто он, истинный Фрэнсис Гривсон?.....	21
Маккензи Кинг в поисках бессмертия.....	27
Спиритические упражнения доктора Шандора Ференши.....	32
Привидения, кто вы?.....	37
Тайна острова Кокос.....	41
Чудеса спиритической фотографии.....	45
Феномен déjà vu.....	51
«Внутренний голос» и магия имени.....	55
Через роговые ворота.....	62
Неведомая сторона телепатии.....	69
Планетарная память.....	73
Чудеса трансфигурации.....	77
Проклятие фараонов.....	81
Сны наяву.....	84
Говорящий мангуст.....	87
Осторожно, инкуб!.....	95
Секс из поднебесья.....	99
Хлебный домовый.....	105
«Живая машина» преподобного Джона Мюррея Спизера.....	107
Балтиморский полтергейст.....	110
«О феях – ни слова...».....	116
Дары небесные.....	119
Вампиры, не знающие границ.....	125
Прижизненный призрак.....	129
Ярость, испепеляющая дома.....	131
«Оживлённые» кольца и ожерелья.....	134
Запах смерти.....	137
Кошачье сердце.....	141
Человек, который укусил привидение.....	143
Кто стучится в дверь ко мне?.....	145
«Беспокойнейший» дом Британии.....	149

Мои приключения в Рэйнгем-Холле.....	154
Призрачные гребцы из Мэйденхеда.....	158
В погоне за «столовыми» призраками.....	160
Раны Христовы.....	165
Отчего грустят мадонны.....	169
Лицо на стене.....	173
Жанна д'Арк и её призрачные священники.....	177
Путь через бездну.....	180
Туринская плащаница: истинный портрет Христа?.....	184
Чудеса в небесах.....	188

ПРИЛОЖЕНИЯ

Аллан Кардек. История новейшего спиритизма.....	195
Аллан Кардек. Духи, или существа мира духовного.....	203
Павел Гелевá. «Полтергейст»? Нужна ясность!.....	206
Павел Гелевá. Феномен «прямых голосов» (голоса умерших звучат, и сами они живы).....	213
Павел Гелевá. Феномен «автоматического письма» (беседы с Оскаром Уайльдом).....	220
Аллан Кардек. Феномен «приноса предметов» (аппорт).....	229
Павел Гелевá. И снова «полтергейст». Внесение ясности.....	236
Полтергейст.....	240
Разговор с полтергейстом.....	244
Артур Конан-Дойль. По поводу спиритической фотографии.....	248
Артур Конан-Дойль. Страна туманов.....	251
Артур Конан-Дойль. Медиумичество, силы зла и кружки «духовного спасения».....	261
Артур Конан-Дойль. Отречение от Общества психических исследований.....	267
Карл Дюпрель. Из книги «Открытие души потайными науками».....	271
Павел Гелевá. Феномен «спонтанной комбусции».....	
Тайна огненной смерти.....	276
Павел Гелевá. Экканкар — путешествие в духе.....	284
Павел Гелевá. Музыка земная и музыка небесная.....	289
Артур Конан-Дойль. Спиритизм и прогресс человечества.....	295

PEKJAMA

Нандор Фодор
МЕЖ ДВУХ МИРОВ

Оригинал-макет *И.В. Лешкевич*
Дизайн обложки
Препресс обложки

Подписано в печать 28.06.2017. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. ... . Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Тираж ... . Заказ № ... .

ООО Книгоиздательство «АБВ»
Тел.: 8 (499) 271-65-22
E-mail: alena-delo@yandex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф 8 (496) 726-54-10